

ISSN (print) 2686-9764 Том 15, № 3 (55)
ISSN (online) 2782-1986 2021

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ НАУКА

научно-практический журнал

Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

science and practice journal

of Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penitentiary Service

**Volume 15, No. 3 (55)
2021**

PENITENTIARY SCIENCE

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ НАУКА

ISSN (print) 2686-9764

ISSN (online) 2782-1986

2021, том 15, № 3 (55)

научно - практический журнал

Вологодского института права и экономики

Федеральной службы исполнения наказаний

Научно-практический
журнал
«Пенитенциарная
наука»

издается с 2007 года,
до августа 2019 года
выпускался под назва-
нием «Вестник институ-
та: преступление, нака-
зание, исправление»

Учредитель:
ВИПЭ ФСИН России

Журнал
зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере
связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций.
Свидетельство
о регистрации средства
массовой информации
ПИ № ФС77-76598
от 15.08.2019

Журнал размещается
в следующих
реферативных и
полнотекстовых
базах данных:
DOAJ, EBSCOhost,
WorldCat, East View
Information Services,
Российский индекс
научного цитирования
(РИНЦ), научная
электронная библиотека
«КиберЛенинка»

Все права защищены.
Перепечатка материа-
лов только с разреше-
ния редакции журнала.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Харьковский Е. Л. – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Каравалева Ю. И. – ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат социологических наук.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Антонян Ю. М. – профессор кафедры уголовного права Московского государственного областного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Беляева Л. И. – профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Зауторова Э. В. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор;

Кругликов Л. Л. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии наук высшей школы и Российской академии естественных наук;

Мацкевич И. М. – заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Мешко Г. – профессор факультета уголовного правосудия и безопасности Университета Марибор (Словения), доктор, профессор криминологии;

Панченко В. Ю. – начальник Правового управления ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Поздняков В. М. – профессор кафедры научных основ экстремальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, доктор психологических наук, профессор;

Селиверстов В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Стоянов В. – проректор по учебной работе Варненского свободного университета им. Черноризца Храбра (Болгария), доктор психологических наук, профессор;

Чукмаитов Д. С. – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Жетысуского государственного университета им. И. Жансугурова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор;

Шабанов В. Б. – заведующий кафедрой криминалистики Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Букалерова Л. А. – заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов, профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Гаврилов Б. Я. – профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств;

Авторские материалы рецензируются и не возвращаются.

Редакция сохраняет за собой право производить сокращения и редакционные изменения рукописи

Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций

Адрес редакции:
160002, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Адрес издателя:
160002, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Адрес типографии:
160010, г. Вологда,
ул. Кубинская, д. 16,
кв. 74

Телефоны:
(8172) 51-82-50, 51-46-12
51-98-70

E-mail:
vestnik-vipefsin@mail.ru

Сайт:
<https://jurnauka-vipe.ru>

Подписной индекс 41253
по Объединенному
каталогу
«Пресса России»

Свободная цена

© ВИПЭ ФСИН России

Дата выхода в свет:
30.09.2021

Тираж 1000 экз.

Голодов П. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Дворянсков И. В. – главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Зубкова В. И. – главный научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований и сравнительного правоведения Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор;

Ищенко Е. П. – заведующий кафедрой криминалистики Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Ковтуненко Л. В. – начальник кафедры уголовно-исполнительного и уголовного права Воронежского института ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент;

Козаев Н. Ш. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент;

Козаченко И. Я. – заведующий кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Кузьминых А. Л. – профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

Малышев К. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук;

Нагорных Р. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Панова О. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент;

Пантелеева Н. В. – заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова (Республика Беларусь), кандидат юридических наук, доцент;

Поникаров В. А. – профессор кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Ромашов Р. А. – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Сочивко Д. В. – профессор кафедры общей психологии Академии ФСИН России, доктор психологических наук, профессор;

Старостин С. А. – профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Хатуаева В. В. – заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Центрального филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент;

Цветков В. Л. – начальник кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, доктор психологических наук, профессор;

Шаталов А. С. – профессор департамента дисциплин публичного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор;

Шмонин А. В. – профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Северо-Западного института (филиала) Университета им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор.

PENITENTIARY SCIENCE

ISSN (print) 2686-9764

ISSN (online) 2782-1986

2021, volume 15, no. 3 (55)

science and practice journal

of Vologda Institute of Law and Economics

of the Federal Penitentiary Service of Russia

The science and practice journal *Penitentiary Science* was founded in 2007.

Prior to August 2019 the journal was published under the title *Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*

Founder: VIPE FSIN Russia

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.

Certificate of registration No. FS77-76598 dated August 15, 2019

The journal is indexed in the following abstract and full-text databases: DOAJ, EBSCOhost, WorldCat, East View Information Services, Russian Science Citation Index (RSCI), scientific electronic library "CyberLeninka"

All rights reserved. Journal materials can be reprinted only with the permission of the publisher.

Manuscripts are reviewed and not returned to the authors. The editor reserves the right to abridge and edit the manuscripts submitted

EDITOR-IN-CHIEF:

Evgeny L. Kharkovsky – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of VIPE FSIN Russia.

EXECUTIVE SECRETARY:

Julia I. Karavaeva – Candidate of Sciences (Sociology), Academic Secretary of the Academic Council of VIPE FSIN Russia.

EDITORIAL BOARD:

Yurii M. Antonyan – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, professor of the Department of Criminal Law and Procedure at the Russian State University for the Humanities;

Larisa I. Belyaeva – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, professor of the Department of Criminal Policy at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Elvira V. Zautorova – Doctor of Sciences (Pedagogics), Professor, professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy at VIPE FSIN Russia;

Lev L. Kruglikov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Full Member of the International Higher Education Academy of Sciences (IHEAS) and the Russian Academy of Natural Sciences, professor of the Department of Criminal Law and Criminology at Demidov Yaroslavl State University;

Igor' M. Matskevich – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, head of the Department of Criminology and Penal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL);

Gorazd Meško – Doctor, Professor of Criminology, professor of the Department of Criminal Justice and Security at the University of Maribor (Slovenia);

Vladislav Yu. Panchenko – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Legal Department of FSIN Russia;

Vyacheslav M. Pozdnyakov – Doctor of Sciences (Psychology), Professor, professor of the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology at Moscow State Psychological and Pedagogical University;

Vyacheslav I. Seliverstov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, professor of the Department of Criminal Law and Criminology at Lomonosov Moscow State University;

Valeri Stoyanov – Doctor of Psychology, Professor, deputy rector for Academic Affairs of Varna Free University "Chernorizets Hrabar" (Bulgaria);

Dulat S. Chukmaitov – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor of the Department of Criminal Law Disciplines at Zhetysu State University after Ilyas Zhansugurov (Republic of Kazakhstan);

Vyacheslav B. Shabanov – Doctor of Sciences (Law), Professor, head of the Department of Criminology at the Belarusian State University.

EDITORIAL COUNCIL:

Lyudmila A. Bukalerova – Doctor of Sciences (Law), Professor, head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology at the Peoples' Friendship University of Russia, professor of the Department of Criminal Law and Criminology at VIPE FSIN Russia;

Boris Ya. Gavrilov – Doctor of Sciences (Law), Honored Lawyer of the Russian Federation, Full Member of the Peter Academy of Sciences and Arts, head of the Department of Control of Crime Investigation Agencies at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, professor of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Investigation at VIPE FSIN Russia;

The opinions and judgments expressed in the articles may differ from those of the editor. Responsibility for the selection and presentation of materials rests with the authors

Address of the editorial office: 2, Shchetinin street, Vologda, 160002, Russian Federation
Address of the publisher: 2, Shchetinin street, Vologda, 160002, Russian Federation

Address of the printing office: 16, Kubinskaya street, apt. 74, Vologda, 160010, Russian Federation

Phones: (8172) 51-82-50, 51-46-12 51-98-70

E-mail: vestnik-vipefsin@mail.ru

Website:

<https://jurnauka-vipe.ru/?Lang=en>

Subscription index is 41253 in the United Catalog "Press of Russia"

The price is open

© VIPE FSIN Russia

Date of publication: September 20, 2021

Circulation: 1000 copies

Pavel V. Golodov – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines at VIPE FSIN Russia;

Ivan V. Dvoryanskov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Chief Researcher at the Research Institute of FSIN Russia, professor of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts at Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia;

Valentina I. Zubkova – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of Criminal Law and Criminology at Lomonosov Moscow State University;

Evgenii P. Ishchenko – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, head of the Department of Criminology at Kutafin Moscow State Law University (Moscow State Academy of Law);

Lyubov' V. Kovtunenکو – Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, head of the Department of Penal and Criminal Law at Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia;

Nodar Sh. Kozaev – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor of the Department of Criminal Law and Criminology at Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Ivan Ya. Kozachenko – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, head of the Department of Criminal Law at the Ural State Law University;

Aleksandr L. Kuzminykh – Doctor of Sciences (History), Associate Professor, professor of the Department of Philosophy and History at VIPE FSIN Russia;

Konstantin B. Malyshev – Doctor of Sciences (Psychology), professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy at VIPE FSIN Russia;

Roman V. Nagornykh – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor of the Department of Administrative Law at VIPE FSIN Russia;

Oksana B. Panova – Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy at VIPE FSIN Russia;

Natal'ya V. Panteleeva – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, head of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure at Kuleshov Mogilev State University (Republic of Belarus);

Vladimir A. Ponikarov – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor of the Department of Administrative and Financial Law at the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia;

Roman A. Romashov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, professor of the Department of State and Legal Disciplines at VIPE FSIN Russia;

Dmitrii V. Sochivko – Doctor of Sciences (Psychology), Professor, professor of the Department of General Psychology at the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia;

Sergei A. Starostin – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor of the Department of Administrative Law and Procedure at Kutafin Moscow State Law University (Moscow State Academy of Law), professor of the Department of Administrative Law at VIPE FSIN Russia;

Victoria V. Hatuaeva – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, head of the Department of Criminal Procedure of the Central Branch of the Russian State University of Justice;

Vyacheslav L. Tsvetkov – Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Head of the Department of Legal Psychology, Educational and Scientific Complex of the Psychology of Official Activity, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Aleksandr S. Shatalov – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor of the Department of Criminal Law and Criminology at the National Research University "Higher School of Economics";

Andrei V. Shmonin – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Northwestern Institute (Branch) of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

The journal is on the list of peer-reviewed academic editions that are authorized to publish principal research findings of doctor of sciences and candidate of sciences dissertations in the following specialties: 12.00.01; 12.00.08; 12.00.09; 12.00.11; 12.00.12; 12.00.14; 13.00.01; 19.00.06

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ.....467

ЕРМОЛАЕВ И. А., КОРОБОВ А. Н., ПАНЧЕНКО В. Ю., ПЕТРУЧАК Л. А., РОМАШОВ Р. А.

Трансформация имиджевого статуса уголовно-исполнительной системы в контексте циклического политогенеза России.....467

МАЦКЕВИЧ И. М.

Дивергенция теории и практика профилактики правонарушений.....481

СЕЛИВЕРСТОВ В. И.

Наказание экономических (в сфере предпринимательства) и должностных преступников в оценке общественного и профессионального мнения.....491

БАБАЯН С. Л., ОЛЬХОВИК Н. В., ФАДЕЕВА С. А., ЛАКИНА И. А., ПИТКЕВИЧ Л. П.

Теоретические, правовые и организационные основы деятельности добровольцев в сфере социальной адаптации осужденных без изоляции от общества в России.....502

ШАТАЛОВ А. С.

Проверка сообщений о преступлениях, совершенных осужденными в исправительных учреждениях, в контексте обеспечения их прав и законных интересов.....512

ЗАВИТОВА С. В., МЕЛЬНИКОВА Н. А.

Правовое регулирование и организация деятельности субъектов управления по увольнению сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в связи с утратой доверия..521

ИВАНЬКОВ И. А.

Вопросы законодательного регулирования деятельности оперативно-розыскных подразделений уголовно-исполнительной системы при обеспечении исполнения наказания.....530

СТАРОСТИН С. А., АНИСКИНА Н. В.

Меры административного пресечения, применяемые сотрудниками уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в связи с совершением административного правонарушения....540

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.....553

ПОТЕМКИН П. В., МАЛЫШЕВ К. Б., СОБОЛЕВ Н. Г., ЧИРКОВ А. М.

Характеристика психической устойчивости сотрудников отдела охраны с различными сроками службы в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации.....553

МИНИНА И. Н., ГРИБАНОВА Д. Я.

Применение психокоррекционных программ повышения профессиональной пригодности персонала исправительных учреждений.....565

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.....575

ЗАУТОРОВА Э. В., БОДРОВА Е. В.

Практико-ориентированное обучение в образовательных организациях высшего образования ФСИН России.....575

КОВТУНЕНКО Л. В., МЕЩЕРЯКОВА Е. И., ХЛОПОВСКИХ Ю. Г.

Педагогические аспекты предупреждения профессионального маргинализма как опасного психологического феномена в образовательном процессе ведомственных вузов.....585

CONTENT

JURISPRUDENCE.....595

ERMOLAEV I. A., KOROBOV A. N., PANCHENKO V. YU., PETRUCHAK L. A., ROMASHOV R. A.
Transformation of the Image Status of the Penal System in the Context of the Cyclical Political Genesis of
Russia.....595

MATSKEVICH I. M.
Discrepancy between the Theory and Practice of Crime Prevention.....605

SELIVERSTOV V. I.
Punishment of Persons Convicted of Economic (Business) Crimes and Malfeasance in Office, in the
Assessment of the Public and Professionals.....613

BABAYAN S. L., OL'KHOVIK N. V., FADEEVA S. A., LAKINA I. A., PITKEVICH L. P.
Theoretical, Legal and Organizational Foundations of Volunteer Activities in the Field of Social Adaptation
of Individuals Sentenced to Non-Custodial Punishment in Russia.....621

SHATALOV A. S.
Verification of Reports on Prison-Related Crimes in the Context of Ensuring the Rights and Legitimate
Interests of Convicts.....628

ZAVITOVA S. V., MEL'NIKOVA N. A.
Legal Regulation and Organization of the Work of Management Subjects Related to the Dismissal of
Employees of the Penal System of the Russian Federation due to the Loss of Trust.....635

IVANKOV I. A.
Legislative Regulation of the Activities of Intelligence-Gathering Units of the Penal System in Ensuring the
Execution of Punishment.....642

STAROSTIN S. A., ANISKINA N. V.
Administrative Restraint Measures Applied by Employees of the Penal System of the Russian Federation
in Connection with the Commission of an Administrative Offense.....650

PSYCHOLOGY.....659

POTEMKIN P. V., MALYSHEV K. B., SOBOLEV N. G., CHIRKOV A. M.
Features of Mental Stability of Security Department Staff with Different Duration of Service in the Penal
System of the Russian Federation.....659

MININA I. N., GRIBANOVA D. YA.
The Use of Psychological Correction Programs to Improve the Occupational Fitness of Correctional
Personnel.....669

PEDAGOGY.....677

ZAUTOROVA E. V., BODROVA E. V.
Practice-Oriented Training in Higher Education Institutions of the Federal Penitentiary Service
of Russia.....677

KOVTUNENKO L. V., MESHCHERYAKOVA E. I., KHLOPOVSKIKH YU. G.
Pedagogical Aspects Related to the Prevention of Professional Marginalism as a Dangerous
Psychological Phenomenon in Educational Process at Departmental Universities.....684

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-3-467-480

УДК 342

Трансформация имиджевого статуса уголовно-исполнительной системы в контексте циклического политогенеза России

И. А. ЕРМОЛАЕВ

Центр общественных связей ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация
Научно-исследовательский институт ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: ErmolaevIA@admhmao.ru

А. Н. КОРОБОВ

Федеральная служба исполнения наказаний России, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: udmail@fsin.gov.ru

В. Ю. ПАНЧЕНКО

Правовое управление ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация
Научно-исследовательский институт ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4822-7151>, e-mail: panchenkovlad@mail.ru

Л. А. ПЕТРУЧАК

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: lar-petruchak@yandex.ru

Р. А. РОМАШОВ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация

Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9777-8625>, e-mail: romashov_tgp@mail.ru

Реферат

Введение: являясь структурно-функциональным элементом государственного механизма (своего рода государством в государстве), тюремная система трансформируется вместе с ним. Соответственно, видоизменяется и имиджевый статус как самой тюрьмы, так и представителей тюремной власти и тюремного населения. *Цель:* провести комплексный анализ имиджевого статуса отдельных социальных систем на примере уголовно-исполнительной системы для выявления особенно-

стей его формирования и способов оптимизации. Авторский коллектив актуализирует проблему понимания термина «система» при рассмотрении имиджевого статуса социальной системы в целом и уголовно-исполнительной системы в частности. Освещаются проблемы формирования смысловых образов и имиджевых статусов на примере трех социальных институтов (школа, армия, тюрьма), схожих с точки зрения параметрических характеристик и функционирования и качественно отличающихся имиджевым статусом. В статье всесторонне рассматривается биполярный имидж уголовно-исполнительной системы: с одной стороны, тюрьма неразрывно связывается с человеческой бедой, злом, к которому нельзя относиться положительно, с другой – будучи инструментом государственной правоохранительной политики, тюрьма гарантирует неотвратимость наказания за преступление, обеспечивая исполнение наказания, защищая правопослушных граждан, что является благом для общества и государства. *Методы:* комплексный и системный анализ, позволивший осуществить сравнение уголовно-исполнительной системы с другими общественными институтами на различных этапах политогенеза России. Результаты: особенности формирования и функционирования имиджевого статуса российской уголовно-исполнительной системы рассмотрены в контексте концепции циклического политогенеза. Согласно ей в истории единого российского государства следует выделять три цикла: имперский, советский, постсоветский. В рамках каждого из них Россия была представлена качественно отличающимся друг от друга формой государственного правления, хозяйственно-экономическим укладом, социальной структурой общества и др. В таких разных государствах существовали различные модели тюремных систем, формирование и функционирование которых (а равно и трансформация имиджевого статуса) осуществлялись как под воздействием государственной пенитенциарной политики, так и под влиянием общественного сознания (национального менталитета). *Выводы:* современное состояние уголовно-исполнительной системы можно охарактеризовать как переходное. Наряду с наследием советского прошлого в ней наблюдаются серьезные изменения, обусловленные демократизацией и гуманизацией в целом политико-правовой системы Российской Федерации. Трансформация имиджа системы исполнения наказаний направлена на повышение уровня ее открытости и формирование положительного мнения о ее деятельности. Важно, чтобы в общественном сознании имидж уголовно-исполнительной системы как преимущественно карательной постепенно сменился представлением о ней как системе пенитенциарной, ставшей на первое место «возрождение» через раскаяние и осознание преступником своей человеческой сущности. Что касается оптимизации имиджевого статуса сотрудников уголовно-исполнительной системы со стороны государства, то следует прежде всего уравнивать их должностной статус с аналогичными статусами военнослужащих и сотрудников спецслужб, которые, как и представители тюремной системы, служат государству, однако находятся в более привилегированном положении. Повышение престижа службы в уголовно-исполнительной системе в глазах действующих либо потенциальных сотрудников предполагает отказ от такой дифференциации. Ключевые слова: имидж; имиджевый статус; трансформация имиджа; уголовно-исполнительная система; тюрьма; тюремная администрация; осужденные; каторга; законность; уголовное преследование; исполнение наказания; Концепция развития уголовно-исполнительной системы; теория права.

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

Для цитирования: Ермолаев И. А., Коробов А. Н., Панченко В. Ю., Петручак Л. А., Ромашов Р. А. Трансформация имиджевого статуса уголовно-исполнительной системы в контексте циклического политогенеза России. *Пенитенциарная наука*, 2021, т. 15, № 3 (55), с. 467–480. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-3-467-480.

Transformation of the Image Status of the Penal System in the Context of the Cyclical Political Genesis of Russia

ILYAS A. ERMOLAEV

Center for Public Relations of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation
Research Institute of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation
e-mail: ErmolaevIA@admhmao.ru

ALEKSANDR N. KOROBV

adviser to the Director of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation

e-mail: udmail@fsin.gov.ru

VLADISLAV YU. PANCHENKO

Legal Department of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation

Research Institute of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation,

Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4822-7151>, e-mail: panchenkovlad@mail.ru

LARISA A. PETRUCHAK

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

e-mail: lar-petruchak@yandex.ru

ROMAN A. ROMASHOV

Vologda Institute of Law and Economics FSIN Russia, Vologda, Russian Federation

Korolev Samara National Research University, Samara, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9777-8625>, e-mail: romashov_tgp@mail.ru

Abstract

Introduction: being a structural and functional element of the state mechanism (a kind of “state within the state”), the prison system is transforming along with it. Accordingly, the image status of the prison itself and representatives of “prison authorities” and “prison population” is also changing. We bring to the fore the problem of understanding the term “system” in the context of the image status of the social system in general and the penal system in particular. We highlight the formation of semantic images and image statuses on the example of three social institutions (school, army, prison), which are similar in terms of parametric characteristics and functioning and qualitatively different in image status. The article comprehensively examines the bipolar image of the penal system: on the one hand, prison is inextricably linked with human misfortune, an evil that cannot be treated positively; on the other hand, as an instrument of state law enforcement policy, the prison guarantees the inevitability of punishment for a crime, ensuring the execution of punishment, protecting law-abiding citizens, which is a good thing for society and the state. *Research materials and methods:* the features of formation and functioning of the image status of the Russian penal (“prison”) system are considered in the context of the concept of cyclic political genesis. In accordance with this concept, in relation to the history of the unified Russian state, three cycles should be distinguished (imperial, Soviet, post-Soviet). Within the framework of each, Russia was represented by qualitatively different forms of state government, economic order, social structure, etc. At the same time, in such “different” Russian states, there were different models of prison systems, the formation and functioning of which, as well as the transformation of the image status, was carried out under the influence of state prison policy and under the influence of public consciousness (national mentality). *Results:* the current state of the Russian penal system can be described as transitional. Along with the legacy of the “Soviet past”, we observe serious changes proceeding from democratization and humanization of the political and legal system of the Russian Federation. Transformation of the image of the penal system is aimed at increasing the level of openness and forming a positive opinion about the functioning of the penitentiary system (the Concept for development until 2030). It is important that in the public consciousness the image of the penal system as a predominantly punitive prison system gradually be replaced by the idea of it as a penitentiary system, which is concerned primarily with “revival of the essence of humanity” in a person through awareness and repentance. As for the image status of employees of the penal system, the state can optimize it first of all by equalizing their official status with that of military personnel and special services employees, who, like representatives of the prison system, serve the Russian state, but are in a privileged position in relation to them. Increasing the prestige of the service in the penal system in the eyes of actual or potential employees implies the rejection of such differentiation.

Key words: image; image status; image transformation; penal system; prison; prison administration; convicts; penal servitude; regularity; criminal prosecution; execution of punishment; Concept for development of the penal system, theory of law.

12.00.01 – Theory and history of law and the state; history of the teachings of law and the state.

For citation: Ermolaev I.A., Korobov A.N., Panchenko V.Yu., Petrushak L.A., Romashov R.A. Transformation of the image status of the penal system in the context of the cyclical political genesis of Russia. *Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 3 (55), pp. 467–480. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-3-467–480.

Системный имидж: выработка рабочего определения понятия

Словом «имидж» (от англ. image – «образ», «изображение», «отражение») в русском языке обозначается «искусственно сформированное впечатление о субъекте или объекте с тем, чтобы у окружающих людей сложилось определенное психологическое его восприятие» [7]. Взяв за основу приведенную дефиницию, можно выделить признаки, характеризующие имидж:

- социальность: имидж представляет собой явление человеческой культуры, возникающее и существующее в неразрывной связи с миром человеческих (общественных) отношений;

- формальность: представляя собой внешне выраженную логическую умозрительную конструкцию, имидж предполагает закрепление в определенных относительно устойчивых формах общественного (индивидуального и коллективного) сознания и таким образом получает как официальное, так и неофициальное признание и оценку;

- инертность – устойчивость по отношению к внутренним и внешним факторам воздействия: будучи сформированным в общественном сознании, имидж, как правило, не претерпевает существенных изменений в исторической динамике;

- реформативность: имидж под влиянием субъективных факторов может изменяться, причем изменения могут быть как обратимыми, так и необратимыми.

Представляя собой оценочную категорию, имидж занимает достаточно важное место в системе двухмерной социальной дифференциации, подразделяющей всю совокупность общественных явлений и событий на две условные группы: позитивную (как отражение добра, справедливости, правомерности) и негативную (как отражение зла, несправедливости, противоправности).

Имиджевая характеристика во всех случаях носит системный характер и предполагает создание своего рода общественно-го реноме как внутри системы нахождения

носителя имиджа, так и за ее пределами. При этом нормальной является ситуация имиджевой дихотомии, когда один и тот же субъект наделяется противоположными образами в различных имиджеобразующих средах. Нормально и то, что в рамках одной социальной среды может происходить изменение имиджа в направлении с позитивного на негативный и наоборот.

Ярким примером имиджевой дихотомии является противоположная оценка октябрьских событий 1917 г. в России со стороны победивших в революции и создавших государство нового исторического типа и тех, кто одновременно из господствующего класса превратился в «обломки старого мира», подлежащие утилизации на «свалке истории».

Примером изменения имиджевой оценки является трансформация образа И. В. Сталина, который для царского правительства выступал в качестве политического экстремиста, во времена своего правления рассматривался как великий вождь советского народа, затем обличался как инициатор массовых репрессий по отношению к тому же советскому народу, а в настоящее время предстает как эффективный менеджер [13], с руководящей ролью которого связываются достижения советского государства в экономическом и техническом развитии, победа в Великой Отечественной войне, формирование мировой социалистической системы, успешно противостоявшей капиталистическому империализму, и т. п.

В качестве объектов имиджевой оценки могут выступать не только люди и коллективы, но и социальные явления и события, предметы живой и неживой природы. Так, в своем обращении к Федеральному Собранию Российской Федерации в 2021 г. президент России В. В. Путин для обозначения недружественной по отношению к Российской Федерации политики стран «коллективного Запада» во главе с США использовал метафорический образ Шерхана и Табаки – негативных героев «Книги джунглей» Р. Киплинга [2].

Рассмотрение имиджевого статуса социальной системы в целом и уголовно-ис-

полнительной системы в частности¹ актуализирует проблему понимания термина «система», используемого в достаточно большом диапазоне смысловых контекстов. Коротко остановимся на тех толкованиях, которые представляются наиболее значимыми.

Система – совокупность взаимосвязанных материальных (вещных) и нематериальных (виртуальных) предметов, коммуникация которых носит упорядоченный характер и влечет наступление результатов, являющихся целью организации и функционирования системной конструкции (политическая система, правовая система).

Система – взаимосвязанные явления и события, характеризующие в целом определенный этап (тип) социально-культурного развития (рабовладельческая система, феодальная система, буржуазная (капиталистическая) система, социалистическая система).

Система – упорядоченная совокупность знаний об объективной (природа) и субъективной (культура) реальности (система образования, система науки).

Система – устройство технических изделий и механизмов; технология механических и социальных процессов; структура государственных учреждений и общественных организаций (хронометрия – система технического измерения времени, система государственной и муниципальной службы).

Отсутствие универсального представления о системе не означает невозможности выявления ее основополагающего ключевого признака, каковым, на наш взгляд, выступает закономерность. Любая система основана на закономерности, одновременно являясь ее продуктом и инструментом репродукции.

Начиная с античного периода в области научного познания складывается понимание того, что выявление всякой закономерности, а значит, и детерминируемой ею системы предполагает следующую последовательность:

– определение совокупности параметрических свойств и характеристик, необходимых и достаточных для образования взаимосвязи явлений и событий, в комплексе образующих закономерность;

– нахождение факторов, определяющих взаимную зависимость между выявленными явлениями и событиями;

– установление периодичности повторяемости, необходимой для детерминации чередующихся явлений и событий в качестве закономерных [1].

Исходя из вышесказанного, представляется возможным следующее определение: система – упорядоченная на основании закономерности совокупность элементов, взаимодействие которых направлено на достижение обусловленных закономерностями результативных последствий (целевых установок).

Из сформулированной дефиниции следует, что не цель определяет закономерность, а напротив, уже сложившаяся закономерность позволяет определить цель и задать формальные системные параметры материального либо виртуального предмета.

Системность – универсальное свойство как объективной, так и субъективной реальности. Однако если говорить об имиджевой оценке системных образований, равно как и о системном имиджевом статусе, то, безусловно, речь следует вести о субъективных системах, создаваемых субъектами общественных отношений и подверженных субъективному восприятию и осмыслению.

К примеру, если мы рассматриваем в качестве системы социальную историю, то в качестве объективной категории (как закономерность течения времени и детерминированного им процесса социально-культурных изменений) она не зависит от субъективного восприятия и не может быть ни фальсифицирована, ни тем более изменена, поскольку нельзя изменить то, что в настоящий момент уже прошло, то есть закончилось. Вместе с тем, являясь результатом субъективного отношения со стороны тех, кого в истории (прежде всего национальной) интересуют преимущественно отдельные события и персоналии, значимые не столько в плане хроникальной достоверности, сколько в их интерпретационном, собственно имиджевом значении, описание исторических версий, реконструируемых отдельными авторами, заранее ангажированными на достижение определенных результатов, приобретает субъективный характер, по определению не претендует на объективность и беспристрастность. «Нельзя жить в обществе и быть свободным от него», – замечал В. И. Ленин. Нельзя формировать от-

¹ В рамках данной статьи понятия «уголовно-исполнительная система» и «тюремная система» будут рассматриваться в качестве синонимичных взаимозаменяемых категорий.

страненное отношение к системе, являясь ее внутренним составным элементом либо современником.

Имидж любой социальной системы во всех случаях субъективен и в большей степени определяется не ее функциональностью, а своего рода пиаром, основной и единственной функцией которого является внедрение в ценностный ряд какой-либо социальной группы информации о предмете пиар-кампании как идеальном (оптимальном) в ряду ценностей этой социальной группы, нужной ей для самоидентификации, в целях дальнейшего закрепления его мифологической парадигмы [4].

Образ социальной системы создается представителями той общественной группы, которой тот или иной имиджевый статус осознанно либо неосознанно воспринимается в качестве предпочтительного.

Школа, армия, тюрьма: проблемы формирования смысловых образов и имиджевых статусов

Как уже было сказано ранее, системность является объективным свойством любой сложно организованной реальности независимо от того, выражена она в материальных (вещных) либо виртуальных формах. В свою очередь, оценка систем и наделение их обусловленными оценочными суждениями носит субъективный характер.

Рассмотрим три очень похожих с точки зрения параметрических характеристик системы, которые в общественном сознании наделяются качественно отличающимися имиджевыми статусами: школу (для чистоты сравнительного анализа конкретизируем предмет сравнения и из всего обилия образовательных учреждений выберем школу-интернат), армию, тюрьму.

Если абстрагироваться от эмоционального представления о названных системных категориях, то они становятся если не идентичными, то по крайней мере достаточно сходными как по организации, так и по функциональным технологиям.

Прежде всего, назовем сходные характеристики названных социальных конструкций:

- наличие изолированной среды пребывания – интернат, тюрьма, казарма (воинская часть);

- корпоративная стратификация населения изолированной среды – постоянный (школьная администрация, учителя, тюремная администрация, командный состав,

- офицеры и генералы) и временный (ученики, заключенные, солдаты и сержанты срочной службы) состав;

- принудительное вовлечение временно-го состава в изолированную от «свободного мира» среду пребывания;

- установленный свыше срок нахождения в изолированной среде для временного состава (период школьного обучения, службы в армии, отбывания наказания в учреждениях уголовно-исполнительной системы);

- меры юридической ответственности (дисциплинарной, административной, уголовной) за нарушение правил внутреннего распорядка и самовольное покидание (побег, самовольная отлучка, дезертирство) изолированной среды временного пребывания;

- принудительный надзор и контроль постоянного состава за временным;

- осуществление функций профессиональной подготовки, воспитания, формирования корпоративной культуры (неслучайно все названные социальные среды в обиходе нередко называются школой жизни).

Говоря об отличительных чертах, следует в первую очередь выделить особенности межсубъектной коммуникации в соответствующих системах.

В школе это связь поколений отцов и детей, объединенных целевой установкой формирования «строителей позитивного будущего».

Армейский коллектив формируется из солдат и командиров, являющихся «товарищами, воинским братством». Традиция отдания воинского приветствия призвана символизировать корпоративную солидарность военнослужащих независимо от служебного статуса и места, занимаемого в армейской иерархии.

Основная задача военных – защищать Отечество от врага. Последний воспринимается не в качестве совокупности людей, обладающих комплексом естественных и позитивных прав, а как «живая сила противника», уничтожение которой при помощи различных средств и технологий не только носит узаконенный характер, но и рассматривается как проявление воинской доблести и героизма: «если враг не сдается, его уничтожают».

В качестве примера можно привести заявление министра обороны России С. К. Шойгу о том, что «российские войска в Сирии уничтожили более 133 тысяч боевиков, в

том числе 4,5 тысячи из стран СНГ» [16]. И это притом, что в Сирии не действует режим военного или чрезвычайного положения, а значит, и не ведутся собственно военные действия.

Возвращаясь к проблеме имиджа выше-названных систем, следует констатировать, что школа и армия наделяются в общественном сознании неизменным позитивным статусом и всегда ассоциируются с формами социального блага.

Уголовно-исполнительная система государства, представленная в массовом сознании образом тюрьмы, столь же неизменно воспринимается в негативном контексте. При этом отрицательный образ тюрьмы переносится на всех ее обитателей – и тюремную администрацию, и осужденных (обвиняемых). Отношения между данными социальными группами носят перманентно конфликтный характер, обусловленный столкновением и противоборством двух регулятивно-охранительных систем – правовой и криминальной. Вместе с тем их нельзя рассматривать по аналогии с «правом войны», где, как уже было сказано, в ходе военных действий стороны отказываются от коммуникативной схемы «человек – человек», заменяя ее смысловой конструкцией «враг – враг». В тюрьме конфликтующие стороны представлены людьми, обладающими, несмотря на существенные ограничения, юридическими правами, реализация и защита которых должна обеспечиваться государством.

Получается, что, с одной стороны, государство принудительным образом человека в тюрьму сажает, а с другой – обязано обеспечивать ему определенный уровень безопасности и комфорта, который может быть условно обозначен как «минимум человеческого достоинства».

Из сказанного следуют два ключевых вывода. Во-первых, тюрьма всегда будет выступать в качестве системы с негативным статусом, поскольку ассоциируется в общественном сознании с проявлением социального зла, обусловленного феноменами преступления и преступности. Во-вторых, представляя собой изолированную социальную среду, объединяющую две перманентно конфликтующие группы, тюрьма тем не менее представляет мир человеческих отношений, в котором связи между тюремщиками и заключенными не допускают физического уничтожения и должны выстра-

иваться с учетом сосуществования двух нормативных систем – правовой и криминальной.

Имидж уголовно-исполнительной системы: проблемы отношения к тюрьме со стороны общества и государства

Имидж уголовно-исполнительной системы – совокупность субъективных представлений, в комплексе образующих психологический образ уголовно-исполнительной системы (тюрьмы) в общественном сознании и определяющих ее место в системе государства и общества.

Аксиологический подход к пониманию государства и общества предполагает рассмотрение названных категорий в качестве дихотомичных комплексов, объединяющих противопоставляемые ценности, точнее, ценности и антиценности. В такой системе координат хорошему противостоит плохое, правдивому – ложное, правовому – преступное и т. п.

Как уже отмечалось, тюремная система в общественном сознании неразрывным образом связывается с феноменами преступления и преступности и воспринимается в качестве места содержания преступников.

Следует сразу оговориться, что такое представление есть не что иное как проявление так называемой обывательской, массовой культуры, оперирующей априорными категориями, основанными на таком универсальном аргументе, как «это всем известно».

В юридической науке и практике понятие «преступник» используется как метафорическое, обобщенное представление о лице, которое на различных стадиях реализации уголовно-правовой ответственности может выступать в качестве субъекта преступления, объекта оперативно-розыскной деятельности, подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, осужденного, судимого и т. п.

Тюрьма не иницирует и не осуществляет уголовное преследование, не определяет виновность (невиновность) лица в совершении преступления, не решает вопросы срока и режима нахождения в местах лишения свободы. По сути, тюремная система представляет собой специализированное «хранилище» (место проживания – закрытое административно-территориальное образование) для людей, в отношении которых судом принято решение о применении нака-

зания в виде изоляции от свободного общества на определенный временной срок либо пожизненно. Не тюрьма лишает человека свободы, но само ее название – место лишения свободы – предопределяет отношение к ней как к злему року, фатуму. Отсюда русская поговорка «От сумы и от тюрьмы не зарекайся», ибо и та, и другая беда может настичь каждого.

Кроме того, наличие такого вида наказания, как смертная казнь, обуславливает соотношение тюрьмы и с данной мерой государственного принуждения.

Сравните имиджевый статус снайпера и палача. Представитель уважаемой военной профессии с гордостью говорит об уничтоженных врагах. Отношение к его деятельности со стороны государства выражено в наградах и почетных званиях. Ремесло палача независимо от характеристики лица, в отношении которого приводится в исполнение высшая мера, презираемо как недостойное занятие.

Получается, что в общественном сознании тюрьма неразрывным образом связывается с человеческой бедой, а беда – это всегда зло, к которому нельзя относиться так, как к добру.

Еще одна интересная деталь происходит из неразрывной связи тюрьмы и преступности. В национальном российском (русском) менталитете причудливым образом уживаются жесткое, если не сказать жестокое, отношение к лицам, подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений, и милосердие к «невольникам из тюремных застенков». С одной стороны, данные соц-опросов свидетельствуют, что большинство опрошенных граждан ратуют за ужесточение уголовных наказаний, в том числе выступают за смертную казнь [15], с другой – опять-таки большинство россиян негативным образом воспринимают государственную тюремную систему, ассоциируя ее с узаконенным бесправием и массовыми нарушениями прав человека и гражданина.

Для государства тюремная система – одна из структур, элемент правоохранительного механизма, инструмент легального принуждения, связанного с осуществлением уголовно-правовых санкций.

Отношение к тюрьме как механизму исполнения определенных государством наказаний (карательных мер) и одновремен-

но системе исправления лиц, признанных виновными в совершении преступлений, возникает в мировой практике в эпоху Просвещения (XVII–XVIII вв.) с ее высокими идеалами гуманизма и естественного права. До этого тюрьмы в основном служили для досудебного содержания преступников, причем чаще всего весьма знатных. Основными видами наказания были пытки, увечья, позорные шествия и казни, смысл которых заключался не столько в наказании преступивших закон, сколько в демонстрации мощи государственной машины и насаждении осознания беспомощности по отношению к ней [14].

Просвещение, поставив во главу угла идею рациональности, обусловило формирование методологической дисциплины, предполагающей анализ и формализацию каждого действия, производимого человеком, подчинение этих действий как по отдельности, так и в их общей совокупности строгому порядку. Такое разложение действий на детали, выстраивание их в строгой последовательности, охватывающей большие промежутки времени, представляет собой отличный способ подчинения человека власти, будь то власть надсмотрщика, правителя или привычки. Поэтому дисциплинарное учреждение со строгим распорядком дня, возможностью постоянного надзора и контроля стало основным кандидатом на роль средства не только наказания, но и перевоспитания преступников с последующей их ресоциализацией в глобальном государственно организованном обществе, где аналогичным же образом действуют и другие ранее описанные институты – школа, армия и т. д. [14].

Являясь инструментом государственной правоохранительной политики, тюрьма должна занимать равное с другими государственными учреждениями положение.

Вместе с тем, если сравнить статус служащего уголовно-исполнительной системы со статусом военнослужащего либо сотрудника спецслужб, то становится очевидным, что отношение государства как к самой системе исполнения наказаний, так и к тем, кто в ней осуществляет государственное служение, выстраивается по так называемому остаточному принципу, что выражается в недостаточном материально-техническом обеспечении, меньших (по сравнению с другими государственными служащими) вознаграждениях и льготах.

*Особенности имиджевого статуса
уголовно-исполнительной системы
на различных этапах российского
политогенеза*

Являясь структурно-функциональным элементом государственного механизма, тюремная система трансформируется вместе с ним. Соответственно, видоизменяется и имиджевый статус как самой тюрьмы, так и представителей «тюремного населения».

Рассмотрение особенностей формирования и функционирования российской уголовно-исполнительной системы целесообразно осуществлять в контексте концепции циклического политогенеза [10].

В истории единого российского государства следует выделять три этапа (цикла), в рамках каждого из которых Россия была представлена качественно отличающимися друг от друга формами государственного правления (династическая империя, советская республика, президентская республика), хозяйственно-экономическим укладом, социальным структурированием общества и др. Два предшествующих цикла (имперский и советский) являются завершенными, постсоветский период носит длящийся характер. Для каждого цикла характерна собственная тюремная система. При этом неизменность общего негативного имиджа уголовно-исполнительной системы в общественном сознании не означает одинакового отношения к ней на различных этапах государственного развития.

В разных российских государствах существовали различные модели тюремных систем, формирование и функционирование которых (равно как и трансформация имиджевого статуса) осуществлялись под воздействием тюремной политики, содержание которой менялось в зависимости от направленности общегосударственной политики в целом.

Российская империя – государство, в экономическом отношении ориентированное на сельскохозяйственное производство, а также добычу и экспорт природных ресурсов. Основную часть подданных короны составляли крестьяне. Наиболее освоенными в социально-экономическом отношении территориями являлись западная и центральная части империи (Европейская Россия). Сибирь – это неевропейская часть империи за Уральским хребтом.

Сельскохозяйственная ориентированность социально-экономической системы, с

одной стороны, обуславливала относительно невысокий (по сравнению с промышленно развитыми странами) уровень преступности, а с другой – определяла специфику организации тюремной системы:

- в городах, расположенных в европейской части, размещались тюремные замки и следственные изоляторы;

- основные массы осужденных следовали этапами в восточную часть страны.

Капитализация российской экономики во второй половине XIX в. имела оборотную сторону – резкий рост преступности и, как следствие, увеличение тюремного населения и расширение тюремной системы.

Отмечается, что количество осужденных за различные преступления в Российской империи с 1874 по 1912 г. утроилось. Если в 1874 г. обвинительный вердикт выносился в 58 тыс. случаев, то в 1912 г. было осуждено уже 180 тыс. чел. В начале 1870-х гг. на 100 тыс. чел. приходилось всего 50–90 осужденных, тогда как в начале 1910-х гг. – уже 150–200 [9].

Промежуточными пунктами размещения являлись пересыльные тюрьмы. В качестве окончательного места исполнения наказаний выступали населенные пункты, определенные под ссылку в каторжные работы и ссылку на поселение. Такое построение предполагало решение тюремной системой следующих функциональных задач:

- изоляция и максимальное удаление от имперских культурных центров социально опасных лиц;

- освоение «диких земель»;

- аккультурация местного («туземного») населения.

Особенностью российской тюремной системы рассматриваемого периода являлся сословный режим исполнения наказаний. М. Н. Гернет в своей «Истории царской тюрьмы» отмечает: «Всюду, во всех тюрьмах, для кого бы они ни предназначались, – отвратительно и тяжело... Но и сюда проникали классовые различия и давали себя знать, то отягчая, то облегчая положение заключенных. В этом отношении мы находим самые разительные примеры и знаем случаи, когда в одной и той же тюрьме одни страдали от голода, а другие составляли предмет величайшей заботы тюремной администрации, закармливавшей привилегированного заключенного дичью, соусами и пр. Эти фактические различия в положении отдельных заключенных в связи с их классовой при-

надлежностью и их социальным положением имели место повсюду...» [3, с. 52].

Описанная классовая дифференциация тюремного положения осужденных, несомненно, негативным образом влияла на формирование имиджа тюрьмы в сознании угнетателей и угнетенных. Если для первых тюрьма являлась неприятным отступлением от привычной жизни «высшего света», которое, впрочем, не означало потерю ими привилегированного статуса, сохранявшегося и в местах заключения, то для последних тюремное заключение (ссылка, каторга), по сути, означало безысходность, попадание в прижизненный ад.

Подобное отношение достаточно образно описано в романе Д. В. Григоровича «Антон-горемыка», где главный герой, крепостной мужик Антон, проходит круг за кругом «земное чистилище» и в финале отправляется в сибирскую каторгу за несовершенно преступление, что знаменует собой полное бесправие и незащитность простого человека перед произволом как отдельного чиновника (в романе – это управляющий барским имением Никита Федорович), так и государства в целом. Это мучительная смерть, пусть и отсроченная по времени.

Советская Россия в качестве основной инструментальной цели государственного строительства провозгласила курс на национализацию, индустриализацию и коллективизацию экономики, рассматривавшиеся идеологами государственно-правовой системы в качестве базиса социалистического строительства. Модернизация хозяйственной системы страны, связанная с переходом от сельскохозяйственной экономики к индустриальной, обусловила перестройку модели уголовно-исполнительной системы.

Если в Российской империи основные учреждения тюремной системы (за исключением тюремных замков) выносились за пределы крупных городов и находились в удалении от хозяйственно-промышленных центров страны, то в СССР исправительно-трудовые лагеря и колонии превратились в социально-производственные объекты, располагавшиеся в непосредственной близости от крупных заводов,строек, мест лесозаготовок и добычи полезных ископаемых и т. п. [5]. Участие осужденных в деятельности указанных объектов осуществлялось в рамках системы директивного планирования, оперировавшей в том

числе установленной численностью рабочих рук, необходимых для воплощения в жизнь государственных планов социалистического строительства. Данным обстоятельством объясняется широкая практика применения наказания в виде лишения свободы по составам преступлений небольшой тяжести («колосковые» дела, дела, связанные с опозданием либо отсутствием на рабочем месте, и др.) в отношении представителей рабочего класса и крестьянства с тем, чтобы обеспечить наполняемость учреждений уголовно-исполнительной системы для выполнения спускаемых сверху планов.

Необходимость принудительного вовлечения в производственные отношения большого количества фактически бесплатной рабочей силы обусловила рост числа заключенных. Если на начальном этапе индустриализации и коллективизации в СССР в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось около 200 тыс. чел. (1930 г. – 179 тыс., 1931 г. – 212 тыс.), то в предвоенный период их число уже превышало двухмиллионную отметку (1939 г. – 2 004 900), а в 1950 г. достигло исторического максимума – 2 760 095 чел. [8]. По состоянию на 1 марта 1940 г. ГУЛАГ состоял из 53 лагерей (включая лагеря, занятые железнодорожным строительством), 425 исправительно-трудовых колоний (в том числе 170 промышленных, 83 сельскохозяйственных и 172 контрагентских, то есть работавших на стройках и в хозяйствах других ведомств), объединяемых республиканскими, областными, краевыми отделами исправительно-трудовых колоний (ОИТК), и 50 колоний для несовершеннолетних [6].

Деятельность ГУЛАГа в указанный исторический период охватывала 17 отраслей народного хозяйства. Плановый объем товарной продукции составлял 2659,5 млн руб. Сотни восстановленных и построенных заново заводов и рудников, миллионы кубометров угля, леса, руды – все это выдавалось на-гора за счет фактически рабского труда заключенных [11, с. 133–134].

Из сказанного следует вывод, что в СССР механизм исполнения уголовного наказания одновременно рассматривался в качестве инструмента политической репрессии и реализации хозяйственной деятельности. При этом последнее функциональное направление со временем приобрело в советской тюремной индустрии приоритетное значение [10]. А. И. Солженицын писал:

«Государству... нужна была рабочая сила: а) предельно дешевая, а лучше бесплатная; б) неприхотливая, готовая к перегону с места на место в любой день, свободная от семьи, не требующая ни устроенного жилья, ни школ, ни больниц...» [12, с. 94].

Имиджевый статус советской тюремной системы, сложившейся на этапе развитого социализма, не многим отличался от образа любого другого ЗАТО (закрытого административно-территориального образования), исключенного из системы общедоступной (массовой) информации, с той особенностью, что тюремное население, единожды попав за решетку, на всю оставшуюся жизнь поражалось в существенной части прав и свобод (прежде всего, запрет заниматься определенными видами деятельности и замещать соответствующие должности). Причем эти ограничения распространялись и на близких родственников бывших осужденных, что являлось прямым нарушением принципов законности, персонификации юридической ответственности, недопустимости применения повторного наказания за одно и то же преступление.

Тюремная система воспринималась рядовыми советскими гражданами как любая другая структура, связанная с легализованным государственным принуждением, по отношению к которой индивид предстает в качестве потенциально виновного субъекта. Отражением подобного отношения являлся достаточно известный и распространенный в советских правоохранительных органах циничный афоризм Ф. Э. Дзержинского: «Отсутствие у вас судимости – это не ваша заслуга, а наша недоработка».

Современная Россия, на конституционном уровне закрепив принцип правопреимства СССР (ст. 67.1 Конституции Российской Федерации), в структурном отношении фактически унаследовала советскую уголовно-исполнительную систему – тюремно-колонистскую с отрядной формой размещения осужденных.

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г., утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 14.10.2016 № 17725-р в своей содержательной части предусматривала:

– изменение видов исправительных учреждений для содержания осужденных в местах лишения свободы с фактическим прекращением их коллективного содержа-

ния, постоянного пребывания в состоянии стресса, обусловленного необходимостью лавирования между требованиями администрации и основной массы осужденных;

– создание правовых и организационных условий для замены существующей системы исправительных учреждений на два основных вида – тюрьмы (общего, усиленного и особого режимов) и колонии-поселения (с обычным и усиленным наблюдением) – при сохранении учреждений, созданных для выполнения специальных задач: лечебно-исправительных и лечебно-профилактических;

– разработку основанных на стандартах Европейских пенитенциарных правил моделей тюрьмы и колонии-поселения с учетом требований безопасности общества и персонала уголовно-исполнительной системы, а также необходимости реализации цели исправления осужденных.

Переупорядочивание большей части исправительных учреждений в тюрьмы общего, усиленного и особого режимов, а также создание новых колоний-поселений в соответствии с данной концепцией планировалось осуществить в 2012–2016 гг. Эти планы остались нереализованными. При этом вместо того, чтобы признать факт невыполнения концепции с последующими объективным разбором причин и определением средств и техники исправления допущенных ошибок и недоработок, тогдашнее руководство ФСИН России (ряд представителей которого, кстати, поменяли статус тюремных администраторов на положение осужденных) пошло по достаточно традиционному пути: «Если проблеме нельзя решить, ее не следует обозначать».

Современная Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138, носит обобщенный характер и оперирует терминологическими конструкциями «гуманизация условий отбывания наказаний и мер пресечения», «совершенствование правового регулирования в сфере реализации мер пресечения и исполнения уголовных наказаний с учетом международных обязательств Российской Федерации и общепризнанных норм международного права», «обеспечение исполнения наказания в условиях, не унижающих человеческого достоинства, соответствующих законодательству

Российской Федерации и международным стандартам; совершенствование организации деятельности уголовно-исполнительной системы и т. п.», не привязанными к конкретным, подлежащим оценке результатам и срокам.

В обозначенном смысловом контексте не имеют особого значения указанные в названиях концептуальных актов конечные календарные даты (2020, 2025, 2030 гг.), поскольку пределов совершенствования чего бы то ни было (и тюремная система исключением не является), как известно, не существует.

Сегодняшнее состояние российской уголовно-исполнительной системы можно охарактеризовать как переходное. Как уже отмечалось, в структурном плане имеет место наследие советского прошлого. Вместе с тем ошибочно будет говорить о том, что нынешняя пенитенциарная система представляет собой клон советской тюрьмы.

Основными функциями уголовно-исполнительной системы становятся: срочное либо бессрочное (пожизненное) изолированное содержание лиц, представляющих повышенную общественную опасность; профилактика пенитенциарного и постпенитенциарного рецидива; исправительно-ресоциализационная функция, сутью которой является возвращение в свободное общество человека, осознавшего свою вину и раскаявшегося в ней, стремящегося жить среди людей по нормальным законам.

Поставленные цели предполагают в том числе трансформацию имиджа ведомства, направленную на «повышение уровня открытости и формирование положительного мнения о деятельности пенитенциарной системы». При этом очень важно, чтобы в общественном сознании имидж уголовно-исполнительной системы как преимущественно карательной системы, постепенно сменился представлением о ней как о системе пенитенциарной, ставящей на первое место возрождение через раскаяние и осознание человеком собственной человеческой сущности, а сделать это можно только в том случае, если к людям, отбывающим наказание, будут относиться по-человечески.

Имиджевая трансформация статуса российской уголовно-исполнительной системы предполагает изменение отношения к ней со стороны как общества, так и государства. При этом не следует заблуждаться и вставать на путь правового инфантилизма и идеализма, полагая, что возможно за от-

носительно короткое время заменить негативный имидж на позитивный. Выше уже отмечалось, что у всех народов, во все времена тюремная система ассоциировалась, ассоциируется и будет ассоциироваться с человеческим злом, а это означает, что ее имидж всегда будет носить негативный характер.

Вместе с тем, не ставя перед собой невозможную задачу трансформации зла в добро, можно и нужно стремиться к рационализации зла, связанного с тюрьмой, с тем чтобы, осознавая его и ее объективный характер, постараться минимизировать вредоносное значение, по возможности компенсировав его социальными благами, которых, как это ни парадоксально звучит, в современной тюремной системе также немало. Речь, в первую очередь, идет о социальных функциях, выполняемых уголовно-исполнительной системой в отношении представителей общественных низов, составляющих значительную часть тюремного населения.

Уход от демонизации тюремного имиджа должен означать отказ от рассмотрения судимости, равно как и факта прекращения уголовного преследования по нереабилитирующим обстоятельствам, в качестве своеобразного информационного клейма, сопровождающего ранее судимого (освобожденного от уголовной ответственности по нереабилитирующим обстоятельствам) гражданина (а в ряде случаев и его ближайших родственников) в течение всей последующей жизни и серьезным образом ограничивающего его правовой статус.

Оптимизация имиджа сотрудников уголовно-исполнительной системы со стороны государства предполагает выравнивание их статуса (должностных окладов, надбавок, льгот) с аналогичными статусами военнослужащих и сотрудников спецслужб, которые так же, как и представители системы исполнения наказаний, служат России. Однако почему-то государство считает их службу приоритетной, что нередко приводит к фактическому разделению на привилегированную государственную службу и службу второго сорта. Если государство в лице своего аппарата хочет в реальности поднять престиж службы в уголовно-исполнительной системе, такая дифференциация должна быть преодолена.

И последнее. В свое время Петр Великий сформулировал: «Тюрьма есть ремесло окаянное, а потому исполнять его должны люди

твердые, добрые и веселые». Полагаем, что в этой формуле содержится вневременной имиджевый код государственной уголовно-исполнительной системы, которая никогда не будет популярной ни в одной из социаль-

ных групп, образующих народонаселение любой страны, но без которой ни одно из государств, в том числе и Российская Федерация, не мыслит себя в обозримой и необозримой исторической перспективе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агошкова, Е. Б. Эволюция понятия системы / Е. Б. Агошкова, Б. В. Ахлибининский // Вопросы философии. – 1998. – № 7. – С. 170–179.
2. «Вокруг Шерхана крутятся Табаки»: Путин высмеял задирающие Россию страны // РИА Новости : сайт. – URL: <https://ria.ru/20210421/kipling-1729267652.html> (дата обращения: 12.08.2021).
3. Гернет, М. Н. История царской тюрьмы. В 5 томах. Том 1. 1762–1825 / М. Н. Гернет. – Москва : Гос. изд-во юрид. лит., 1960. – 384 с.
4. Глава 4. Концепт PR // Анализ языковой личности Всеволода Богданова : реферат. – URL: https://studbooks.net/733820/zhurnalistika/glava_kontsept (дата обращения: 12.08.2021).
5. Должиков, Р. С. Роль ГУЛАГа в экономике СССР / Р. С. Должиков // Инновационная экономика : материалы II Международной научной конференции (г. Казань, октябрь 2015 г.). – Казань : Бук, 2015. – С. 12–14.
6. Земсков, В. Н. Документы трагического времени: архивы открывают тайны. «Архипелаг ГУЛАГ»: глазами писателя и статистика / В. Н. Земсков // Аргументы и факты. – 1989. – 11 ноября (№ 45). – URL: <https://aif.ru/gazeta/number/21150> (дата обращения: 12.08.2021).
7. Имидж: что это такое, как его создать и как изменить // VPLATE : сайт. – URL: <https://vplate.ru/imidzh/sozdat-ili-izmenit> (дата обращения: 12.08.2021).
8. Количество и качество заключенных при Сталине, в РФ и США сегодня // LiveJournal. – URL: <https://mikle1.livejournal.com/794911.html> (дата обращения: 12.08.2021).
9. Количество осужденных в Российской империи утроилось с 1874 по 1912 годы // LiveInternet. – URL: <https://www.liveinternet.ru/users/bolivarsm/post345518927/> (дата обращения: 12.08.2021).
10. Ромашов, Р. А. Политогенез: Храм – Πόλις – Государство – State : монография / Р. А. Ромашов. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2020. – 300 с. – ISBN 978-5-907189-93-5.
11. Смыкалин, А. С. Колонии и тюрьмы в Советской России / А. С. Смыкалин. – Екатеринбург : УрГЮА, 1997. – 364 с. – ISBN 5-7845-0024-4.
12. Солженицын, А. И. Архипелаг ГУЛАГ. В 3 томах. Том 2 / А. И. Солженицын. – Москва : Новый мир, 1990. – 636 с.
13. Филиппов, А. В сто первый раз «об эффективном менеджере И. В. Сталине» / Александр Филиппов // Свободная Пресса : сайт. – URL: <https://svpressa.ru/blogs/article/110256/> (дата обращения: 12.08.2021).
14. Финиарель, А. Почему тюремное заключение не работает / Александр Финиарель // SCIENCEPOP : сайт. – URL: <https://sciencepop.ru/pochemu-tyuremnoe-zaklyuchenie-ne-rabotaet/> (дата обращения: 12.08.2021).
15. ФОМ: смертную казнь считают допустимой 69 % россиян // Коммерсантъ : сайт. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4147619> (дата обращения: 12.08.2021).
16. Шойгу заявил о разгроме ИГ в Сирии // РИА Новости : сайт. – URL: <https://ria.ru/20200930/siriya-1577973755.html> (дата обращения: 12.08.2021).

REFERENCES

1. Agoshkova E.B., Akhlibininskii B.V. Evolution of the term “system”. *Voprosy filosofii=Issues of Philosophy*, 1998, no. 7, pp. 170–179. (In Russ.).
2. “Vokrug Sherkhana krutyatsya Tabaki”: Putin vysmeyal zadirayushchie Rossiyu strany [Tabakis are circling around Shere Khan: Putin ridiculed the countries that bully Russia]. Available at: <https://ria.ru/20210421/kipling-1729267652.html> (accessed August 12, 2021). (In Russ.).
3. Gernet M.N. *Istoriya tsarskoi tyur'my. V pyati tomakh. T. 1. 1762–1825* [History of the Tsar’s prison. In five volumes. Vol. 1. 1762–1825.]. Moscow: Gos. izd-vo yurid. lit. 1960. P. 52.
4. *Glava 4. Kontsept PR* [Chapter 4. The concept of PR]. Available at: https://studbooks.net/733820/zhurnalistika/glava_kontsept (accessed August 12, 2021).
5. Dolzhikov R.S. The role of the GULAG in the Soviet economy. In: *Innovatsionnaya ekonomika: Materialy II Mezhdunar. nauch. konf. (g. Kazan', okt. 2015 g.)* [Innovation economy: proceedings of the second international research conference (Kazan, October 2015)]. Kazan: Buk, 2015. Pp. 12–14. (In Russ.).
6. Zemskov V.N. Documents of the tragic time: archives reveal secrets. “The Gulag Archipelago”: through the eyes of a writer and statistics. *Argumenty i fakty=Arguments and Facts*, 1989, November 11, no. 45. Available at: <https://aif.ru/gazeta/number/21150> (accessed August 12, 2021). (In Russ.).
7. *Imidzh: chto eto takoe, kak ego sozdat' i kak izmenit'* [Image: what it is, how to create it and how to change it]. Available at: <https://vplate.ru/imidzh/sozdat-ili-izmenit/> (accessed August 12, 2021).
8. *Kolichestvo i kachestvo zaklyuchennykh pri Staline, v RF i SShA segodnya* [The quantity and quality of prisoners under Stalin in Russia and the USA today]. Available at: <https://mikle1.livejournal.com/794911.html> (accessed August 12, 2021).
9. *Kolichestvo osuzhdennykh v Rossiiskoi imperii utroilos' s 1874 po 1912 gody* [The number of convicts in the Russian Empire tripled from 1874 to 1912]. Available at: <https://www.liveinternet.ru/users/bolivarsm/post345518927/> (accessed August 12, 2021).
10. Romashov R.A. *Politogenez: Khram – Πόλις – Gosudar'stvo – State: monografiya* [Political genesis: Temple – Πόλις – Государство – State: monograph.]. Saint Petersburg: Aletei ya, 2020. 300 p.
11. Smykalin A.S. *Kolonii i tyur'my v Sovetskoj Rossii* [Colonies and prisons in Soviet Russia]. Yekaterinburg: Izd-vo UrGyUA, 1997. Pp. 133–134.
12. Solzhenitsyn A.I. *Arhipelag GULAG* [The Gulag Archipelago]. Moscow, 1990. Vol. 2. P. 94.

13. Filippov A. *V sto pervyi raz "ob effektivnom menedzhere I. V. Staline"* [For the umpteenth time about an effective manager Joseph Stalin]. Available at: <https://svpressa.ru/blogs/article/110256/> (accessed August 12, 2021).
14. Finiarel' A. *Pochemu tyuremnoe zaklyuchenie ne rabotaet* [Why doing one's time doesn't work]. Available at: <https://sciencepop.ru/pochemu-tyuremnoe-zaklyuchenie-ne-rabotaet/> (accessed August 12, 2021).
15. *FOM: smertnyuyu kazn' schitayut dopustimoi 69% rossiyan* [FOM: the death penalty is considered acceptable by 69% of Russians]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4147619> (accessed August 12, 2021).
16. *Shoigu zayavil o razgrome IG v Sirii* [Shoigu said the ISIS in Syria is defeated]. Available at: <https://ria.ru/20200930/siriya-1577973755.html> (accessed August 12, 2021).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ИЛЬЯС АБДУСАЛАМОВИЧ ЕРМОЛАЕВ – кандидат философских наук, начальник Центра общественных связей ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: ErmolaevIA@admhmao.ru

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ КОРОБОВ – советник директора ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: udmail@fsin.gov.ru

ВЛАДИСЛАВ ЮРЬЕВИЧ ПАНЧЕНКО – доктор юридических наук, начальник Правового управления ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация; главный научный сотрудник НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация; профессор кафедры теории и истории государства и права Красноярского государственного аграрного университета, г. Красноярск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4822-7151>, e-mail: panchenkovlad@mail.ru

ЛАРИСА АНАТОЛЬЕВНА ПЕТРУЧАК – доктор юридических наук, заведующий кафедрой общетеоретических правовых дисциплин, проректор по образовательной деятельности Московского государственного лингвистического университета, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: lar-petruchak@yandex.ru

РОМАН АНАТОЛЬЕВИЧ РОМАШОВ – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация; профессор кафедры уголовного права и криминологии Самарского национального исследовательского университета им. академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9777-8625>, e-mail: romashov_tgp@mail.ru

ILYAS A. ERMOLAEV – Candidate of Sciences (Philosophy), Head of the Center for Public Relations of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation, leading researcher at the Research Institute of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: ErmolaevIA@admhmao.ru

ALEKSANDR N. KOROBV – adviser to the Director of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: udmail@fsin.gov.ru

VLADISLAV YU. PANCHENKO – Doctor of Sciences (Law), Head of the Legal Department of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation, Chief Researcher at the Research Institute of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation, professor of the Department of Theory and History of State and Law at Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4822-7151>, e-mail: panchenkovlad@mail.ru

LARISA A. PETRUCHAK – Doctor of Sciences (Law), Head of the Department of General Theoretical Legal Disciplines, Vice-Rector for Education of Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation, e-mail: lar-petruchak@yandex.ru

ROMAN A. ROMASHOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, professor of the Department of State and Legal Disciplines at Faculty of Law of Vologda Institute of Law and Economics FSIN Russia, Vologda, Russian Federation, professor of the Department of Criminal Law and Criminology at Korolev Samara National Research University, Samara, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9777-8625>, e-mail: romashov_tgp@mail.ru

Статья поступила 16.08.2021

DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-3-481-490
УДК 343.01

Дивергенция теории и практика профилактики правонарушений

И. М. МАЦКЕВИЧ

Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина, г. Москва, Российская Федерация

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4270-1599>, e-mail: mackevich2004@mail.ru

Реферат

Введение: статья посвящена рассмотрению понятия профилактики в различных аспектах (социальная профилактика, криминологическая профилактика, ситуационная профилактика, эволюционная профилактика). *Цель:* представить характеристику субъектов, реализующих профилактику правонарушений, и раскрыть вопрос об участии общественности в данном процессе в исторический и современный периоды. Автор отдельно останавливается на профилактике (предупреждении новых преступлений) в учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний, подчеркивает ее значимость в период отбывания наказания (воспитательные приемы и методы) и после освобождения (взаимодействие уголовно-исполнительных инспекций с правоохранительными органами по ресоциализации освободившихся осужденных). Обозначены возможные риски и трудности организации профилактики правонарушений совместно с общественными организациями: определение предпочтений для активистов; политизация профилактической работы (получение дополнительных избирательных баллов); отбор активистов (недопущение представителей криминальной среды). В контексте рассмотрения путей совершенствования большое внимание уделяется профилактике преступности посредством технологических инноваций: контроль перемещения человека с помощью мобильного телефона; анализ посещений интернет-сайтов пользователем; компьютерные программы предотвращения преступлений; составление и ведение федеральных баз данных; вопросы чипирования и т. д. Материалом для исследования послужил накопленный опыт реализации профилактической работы. Анализируются примеры профилактики правонарушений в Тайланде, США и других странах, а также итоги реализации программы «Безопасный город» в г. Москве. *Методологическую основу исследования* составляет аксиологический подход. Решению исследовательской задачи способствовало использование общеправовых принципов диалектики и специальных методов познания: систематического, формально-юридического, социологического и др. *Результаты:* общественность остается наиболее важным элементом системы профилактики. Необходимо развивать и закреплять соответствующую деятельность законодательно, например как это сделано в ст. 11 федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Главным оружием в руках субъектов профилактики должно являться правовое просвещение. Магистральным направлением профилактики должна стать ликвидация преступности.

Ключевые слова: профилактика; предупреждение преступлений; участие общественности в профилактике; централизация/децентрализация профилактики; криминогенные бытовые зоны; технологические инновации профилактики преступности; ресоциализация; правовое просвещение.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Мацкевич И. М. Дивергенция теории и практика профилактики правонарушений. *Пенитенциарная наука*, 2021, т. 15, № 3 (55), с. 481–490. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-3-481-490.

Discrepancy between the Theory and Practice of Crime Prevention

IGOR' M. MATSKEVICH

Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russian Federation

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4270-1599>, e-mail: mackevich2004@mail.ru

Abstract

Introduction: the article considers the concept of prevention in several aspects (social prevention, criminological prevention, situational prevention, evolutionary prevention). *Aim:* describe the subjects implementing the prevention of offenses and consider the issue of public participation in this process in historical and modern periods. We focus our attention on the prevention of new crimes in the institutions of the Federal Penitentiary Service, emphasize its importance during the period of serving a sentence (educational techniques and methods) and after release (interaction of probation inspectorates with law enforcement agencies for the re-socialization of released convicts). We outline possible risks and difficulties of organizing crime prevention together with public organizations: determining preferences for activists; politicization of preventive work (obtaining additional electoral points); selection of activists (preventing the involvement of representatives of the criminal environment). In the context of considering ways to improve prevention, much attention is paid to the prevention of crime through technological innovations: control over people's movement using a mobile phone; analysis of web browsing history; computer programs for crime prevention; compilation and maintenance of federal database programs; chipping, etc. The study is based on the accumulated experience of implementing preventive work, which is described in the sections "Prevention yesterday" and "Prevention today". The article analyzes examples of crime prevention in Thailand, the U.S. etc., and reflects the results of implementation of the "Safe City" program in Moscow. The *methodological basis* of this study is represented by the axiological approach. Research problems were addressed with the use of general philosophical principles of dialectics and special methods of cognition: systematic, formal-legal, sociological, etc. *Results:* the public remains the most important element of the prevention system. It is necessary to develop and legally consolidate the relevant activities, for example, as it is done in Article 11 of the Federal Law "On the fundamentals of the system for prevention of neglect and juvenile delinquency". Legal education should be the main weapon in the hands of the subjects of prevention. Elimination of crime should become the main direction of prevention.

Keywords: prevention; crime prevention; public participation in prevention; centralization/decentralization of prevention; criminogenic domestic zones; technological innovations in crime prevention; re-socialization; legal education.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

For citation: Matskevich I.M. Discrepancy between the theory and practice of crime prevention. *Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 3 (55), pp. 481–490. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-3-481-490.

Определение профилактики

В науке существует несколько понятий профилактики. Остановимся на некоторых из них, поскольку они представляют для нас интерес в свете обозначенной в названии проблемы.

Социальная профилактика включает в себя широкий комплекс мер воздействия на причины и условия не только преступлений и правонарушений, но и всех социаль-

ных патологий, разнообразных форм и видов отклоняющегося или, как сейчас модно говорить, дезадаптивного поведения, включая алкоголизм, бродяжничество, сексуально и социально распущенное и другое антиобщественное поведение, которое нарушает не только и не столько правовые, сколько моральные, религиозные и этические правила поведения человека в обществе [1, с. 13].

Профилактика правонарушений представляет собой воздействие на причины и условия как уголовно наказуемых общественно опасных деяний, так и других юридических по природе деликтов, которые являются формами неправомерного поведения: административные правонарушения, дисциплинарные проступки, гражданско-правовые правонарушения, процессуальные правонарушения [1, с. 12].

Криминологическая профилактика – это профилактика преступлений плюс профилактика некоторых правонарушений некриминального характера, прежде всего административных проступков, ближе всего стоящих по своей объективной стороне к составу того или иного преступления [1, с. 13].

Опираясь на приведенные определения, можно обозначить несколько ключевых элементов, составляющих предмет профилактики: а) выявление причин и условий социальных патологий; б) разработка форм и методов устранения этих причин и условий; в) постоянные измерения градуса общественного здоровья (и даже общественного нездоровья, то есть болезни общества или какой-либо его части, например конкретного региона страны или относительно большой социальной группы); г) анализ появления возможных новых патологий; д) мониторинг качества работы правоохранительной системы; е) включение общественности в профилактическую работу.

Ситуационная профилактика

Под ситуационным предупреждением преступлений понимаются различные варианты дифференциации профилактической деятельности. Ситуационную профилактику называют реформаторской, противопоставляя ей эволюционную профилактику, под которой, очевидно, предполагается государственная система предупреждения преступности [8].

Несмотря на видимое новшество, термин «ситуационная профилактика» был введен в научный оборот еще в 1980 г. британским ученым Рональдом В. Г. Кларком. Свои выводы он сделал на основе данных МВД, полученных в результате изучения влияния неопределенного множества факторов, приводящих к совершению преступления. Ученый заключил, что вместо того, чтобы бесконечно рассматривать основные типичные проблемы, которые заставляют людей совершать преступления, необходимо скон-

центрироваться на выявлении факторов, которые позволяют совершать преступления. Эти факторы легче выявить, смягчить и устранить. Такой подход был назван ситуационным предупреждением преступности. Идея Рональда В. Г. Кларка была основана на теории рационального выбора экономики, которая была описана в числе прочих американским ученым Гэри Беккером в конце 1960-х гг. В свою очередь, теория рационального выбора основана на гипотезе, что модели социального поведения являются результатом того, что каждый человек принимает решения на основе: а) собственных предпочтений; б) ограничений, с которыми сталкивается; в) доступной информации; г) разума, а не инстинкта для руководства своими действиями.

Ситуационная профилактика выходит за рамки системы правосудия. Уголовное право здесь рассматривается как часть антикризисных усилий в области управления и, соответственно, необходимо в первую очередь для анализа конкретных видов преступлений и понимания того, почему эти преступления совершаются. После выявления ситуационных факторов, способствующих совершению преступления (видов преступлений), разрабатываются методы вмешательства для того, чтобы их ликвидировать. Таким образом, ситуационная профилактика в теории направлена на сокращение возможностей для совершения преступлений, а не на наказание и последующую социальную реабилитацию преступников.

Существуют пять основных методов ситуационной профилактики: 1) увеличение усилий (то, что можно назвать повышением интенсивности применения профилактических мер); 2) увеличение риска (повышение вероятности наступления негативных последствий, что Рудольф Джулиани, мэр Нью-Йорка в 1994–2001 гг., называл «нулевым уровнем терпимости к преступности»); 3) снижение вознаграждения (превышение негативных последствий для правонарушителя по сравнению с выгодами от совершения противоправных действий); 4) сокращение провокаций (устранение условий для совершения преступлений, например отсутствие охраны на территории склада); 5) устранение оправданий (неотвратимость наказания за совершенное противоправное действие, причем необязательно это должна быть уголовно-правовая мера, но наказание, например серьезное общественное

порицание, должно последовать непременно).

Достаточно широко методы ситуационной профилактики применяются для предупреждения управления транспортными средствами нетрезвыми водителями. Например, тайские криминологи предложили: а) затруднить доступ нетрезвых водителей к управлению автомобилем (увеличение усилий для вождения в нетрезвом виде); б) отменить либеральную практику полицейских в отношении нетрезвых водителей (увеличение рисков вождения в нетрезвом виде); в) увеличить штрафы за вождение в нетрезвом состоянии (уменьшение вознаграждения от вождения в нетрезвом виде); г) обязать граждан сообщать в полицию, если становится известно, что нетрезвый человек пытается управлять автомобилем (сокращение провокации вождения в нетрезвом виде); д) устранить возможности освобождения за вождение в нетрезвом виде (устранение оправданий) [10].

Прямым следствием господства в современной криминологии ситуационной профилактики преступности считается принятие концепции «Безопасный город», в которой одним из главных направлений выступает предупреждение и выявление правонарушений посредством системы видеонаблюдения [8].

Между тем отечественная (советская и российская) теория профилактики преступности никогда не была зациклена исключительно на факторных, или государственных, подходах. Наоборот, ее отличали комплексность и разнообразие взглядов, что, в свою очередь, было обеспечено диалектически методами познания и постоянно совершенствовавшимися способами решения новых задач. Насколько удачно это было реализовано на практике – другой вопрос.

Следовательно, ситуационное предупреждение преступности не является для нас новым взглядом на старые проблемы. Впрочем, было бы неверным решением не использовать опыт других ученых, тем более что рациональные зерна здесь, безусловно, имеются.

Профилактика вчера

Как отмечается в первом и пока единственном академическом курсе отечественной криминологии, существенную роль в системе предупреждения преступности играют трудовые коллективы, самодеятельные общественные организации

и образовательные организации, советы профилактики правонарушений, дружины, товарищеские суды и общественные пункты охраны порядка [2, с. 19], то есть все то, что сегодня объединяется словосочетанием «общественная профилактика».

Без широкого участия общественности профилактика правонарушений теряет свой первоначальный смысл. В указанном академическом курсе обоснованно утверждалось, что упование в предупреждении преступности лишь на деятельность карательных органов базируется на ложной идее о том, что если в государстве иметь суровые законы, а судам широко применять наказание, то с преступностью будет покончено [2, с. 23].

При этом, что важно и на чем более подробно остановимся чуть позже, необходимо понимать, что ранее профилактика строилась на предельно строгой организационной иерархии единственной существовавшей официально политической партии – КПСС. Формально будучи общественной организацией, КПСС была вписана в политическую систему на уровне конституции, поэтому указания руководителей партии на разных уровнях воспринимались в качестве безусловных к исполнению и были таковыми по существу. Следовательно, профилактика имела строгую централизацию и предполагала жесткую дисциплинарную ответственность (общественные наказания имели серьезные последствия для людей в плане их дальнейшей карьеры и трудоустройства).

Таким образом, профилактика правонарушений не только имела строгую структурную организацию, но и базировалась на широком участии в этом процессе общественности.

Профилактика сегодня

Сегодня профилактика децентрализована. Конечно, ни в коем случае нельзя говорить, что профилактической работы не ведется, но: а) эта работа не систематизирована; б) не ставится во главу угла; в) носит необязательный характер.

Сейчас действует Федеральный закон «Об основах системы профилактики в Российской Федерации» [6], в ст. 5 которого определены следующие ее субъекты: 1) федеральные органы исполнительной власти; 2) прокуратура; 3) следственный комитет; 4) органы власти субъектов; 5) органы местного самоуправления.

Обратим внимание, что перечень субъектов исчерпывающий. При этом среди них нет полиции, нет и представителей общественности. В то же время общественности отведена вспомогательная роль второстепенного участника этой работы. В ст. 13 указанного закона говорится, что общественные объединения реализуют свои права в этой сфере посредством участия в формах, предусмотренных в этом законе, в том числе участия в соответствующих государственных и муниципальных программах, например в охране общественного порядка и других социально значимых мероприятиях в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Значительная часть формулировок, содержащихся в законодательстве, посвященном профилактике, имеет рекомендательный характер. Например, в п. 30 Порядка ведения учета осужденных к исправительным работам сказано, что к воспитательной работе и работе по профилактике правонарушений *могут* (здесь и далее курсив наш – И. М.) привлекаться представители общественности. В ст. 158 УПК РФ отмечается, что дознаватель, руководитель следственного органа, следователь, установив обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, *вправе* внести в соответствующую организацию или соответствующему должностному лицу представление о принятии мер по устранению указанных обстоятельств или других нарушений закона.

Между прочим, в ст. 22 Федерального закона «Об основах системы профилактики в Российской Федерации» закреплено, что уполномоченный в соответствии с законодательством Российской Федерации субъект *вносит* в соответствующие орган или организацию независимо от форм собственности либо общественное объединение обязательное для исполнения представление об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушения. Никакого «вправе» нет, действует императивное указание.

Как было отмечено выше, об участии общественности в профилактике правонарушений говорится по остаточному принципу. Основной упор делается на деятельность государственных структур. Скажем, при социальной адаптации, которая представляет собой комплекс мероприятий, направленных на оказание лицам, находящимся в трудной жизненной ситуации, необходимой

помощи (ст. 24 Федерального закона «Об основах системы профилактики в Российской Федерации»), общественность упоминается в связи с тем, что ее представители *привлекаются* для оказания необходимого содействия.

В принципиальном федеральном законе «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» [3], который направлен на деятельное участие общественности в жизни общества и государства ничего не говорится о профилактике правонарушений.

Между тем к государственным структурам лица, нуждающиеся в помощи в связи с правонарушениями, обратятся в последнюю очередь. Произойдет это, поскольку: а) правонарушение есть акт, направленный против государства и государственных структур; б) нередко виновниками собственных отступлений от закона эти лица считают именно эти структуры; в) часто помощь оказывается формально (читай – не оказывается); г) даже если помощь оказывается, это сопровождается серьезными ограничениями; д) наконец, наши граждане, и это подтверждают многочисленные опросы на протяжении как минимум 20 лет, не вполне доверяют правоохранительной системе, то есть тем самым субъектам профилактики.

В то же время ресоциализация правонарушителей, то есть комплекс мер социально-экономического, педагогического характера, не может быть осуществлена без участия общественности, как и социальная реабилитация, то есть совокупность мероприятий по восстановлению утраченных социальных связей и функций лицами, находящимися в трудной жизненной ситуации, невозможна без общественности (ст. 25, 26 Федерального закона «Об основах системы профилактики в Российской Федерации»). Это видно из содержания мер по ресоциализации и реабилитации, как они закреплены в законе и как это в действительности должно происходить. Однако о том, как к этим процессам привлекается общественность, не сказано.

О масштабах профилактической деятельности свидетельствует ст. 24 Федерального закона «Об основах системы профилактики в Российской Федерации», в которой определены категории людей, в отношении которых такая работа должна вестись в первую очередь: а) безнадзорные и беспризорные несовершеннолетние; б) лица, отбываю-

щие уголовное наказание, не связанное с лишением свободы; в) лица, занимающиеся бродяжничеством и попрошайничеством; г) несовершеннолетние, подвергнутые принудительным мерам воспитательного воздействия; д) лица без определенного места жительства; е) другие категории лиц, в том числе лица, прошедшие курс лечения от наркомании, алкоголизма и токсикомании, а также лица, не способные самостоятельно обеспечить свою безопасность (*с их согласия*).

Любопытно, что обеспечение профилактической работы в отношении обозначенных выше категорий должно осуществляться посредством: а) стимулирования деятельности организаций, предоставляющих рабочие места; б) предоставления нуждающимся лицам социальных услуг; в) оказания государственной социальной помощи; г) *привлечения общественности*.

Общественность и профилактика

Очевидно, приведенные положения вызывают больше вопросов, чем дают ответов в части возможности их реализации. Обратим особое внимание на то, что общественность упоминается на последнем месте.

Не менее удивительно то, что, согласно ст. 47¹ УИК РФ, общественность может принимать участие в исправлении осужденных только в одном случае – при отбывании ими наказания в виде ограничения свободы. Казалось бы, в правовом социальном государстве роль общественности именно в деле возвращения людей, совершивших отступления от норм закона, к нормальной жизни должна быть преобладающей, но законодатель не спешит в этом вопросе опираться на помощь людей, объединенных данной целью.

Нельзя сказать, что профилактическая работа не ведется, наоборот, в ряде регионов она осуществляется достаточно активно. Например, в Москве на протяжении более десяти лет действует программа «Безопасный город». Более того, в 2014 г. распоряжением Правительства Российской Федерации была утверждена Концепция построения и развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» [4], включающая в себя подраздел об обеспечении правопорядка и профилактике правонарушений. Однако остается ощущение оторванности этой профилактической работы от существующих реалий. Так, в указанном подразделе упор делает-

ся на видеонаблюдение и видеофиксацию. Неужели разработчики концепции всерьез полагают, что только установлением видеокамер они сумеют предотвратить правонарушения и преступления? Неужели не очевидно, что видеокамеры – это средство, а не цель? Профилактика делается руками, а не видеокамерами, хотя, разумеется, возможность видеофиксации дает существенные преимущества при расследовании преступлений, то есть когда преступление уже совершено.

Профилактика и расследование

Профилактика – это предотвращение, а не изобличение, причем такое целенаправленное предотвращение (профилактика) – это тяжелый повседневный труд, малозаметный и не очень эффективный. За профилактику тяжело наградить сотрудника правоохранительных органов, тогда как за раскрытие преступления – намного проще и понятнее (что тоже имеет значение). Более того, профилактика – дело дорогостоящее. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на те затраты, которые планируются в Москве на программу, о которой говорилось выше. При этом полагаем, что размеры выделенных сумм вряд ли действительно соответствуют потребностям профилактики (на наш взгляд, в программе они выглядят довольно скромно).

Тезис о том, что преступление гораздо выгоднее предупредить, чем расследовать, далеко не так однозначен, несмотря на всю свою привлекательность. К сожалению, любая правоохранительная система не любит заниматься профилактикой: задачи неясны, эффективность неочевидна, выгода сомнительна, цель труднодостижима.

Не поэтому ли профилактика правонарушений и преступлений теперь не в почете? И не с этим ли связан постулат, который в последнее время считается едва ли не истиной в последней инстанции: с преступностью нельзя покончить, можно говорить только о социально приемлемом контроле над ней? На наш взгляд, это очень опасный подход, обнаруживающий узкопотребительское отношение к самой постановке проблемы (стоит ли особо напрягаться, если все равно ничего не поделаешь и преступность останется навсегда).

Профилактика и ФСИН России

Термин «профилактика» в УИК РФ употребляется исключительно в отношении лечебных учреждений. В необходимом для

нас значении в кодексе говорится о предупреждении новых преступлений. Будем рассматривать эти понятия в качестве однопорядковых. Профилактика среди лиц, отбывающих назначенное по приговору суда наказание, определяется самим содержанием деятельности учреждений, исполняющих наказания. Собственно говоря, деятельность этих учреждений состоит в предупреждении новых преступлений осужденными лицами, но имеется в виду предупреждение совершения преступлений, прежде всего, вне исправительных учреждений, поскольку обеспечена их изоляция от общества. Что касается предупреждения преступлений осужденными в местах лишения свободы, то здесь не все так однозначно.

В действительности профилактическая деятельность учреждений уголовно-исполнительной системы определяется самим фактом ее существования и не направлена на осужденных (не совсем так, конечно, но об этом ниже). И это находит подтверждение в ст. 1 УИК РФ, где говорится, что целями уголовно-исполнительного законодательства являются предупреждение совершения новых преступлений иными лицами, то есть не только и даже не столько осужденными, сколько теми, кто не находится в сфере деятельности ФСИН России. И в этом нет противоречия, поскольку предупреждение (профилактика) в данном случае состоит в устрашении неустойчивых граждан, склонных к противоправному поведению.

Что касается предупреждения совершения новых преступлений осужденными, находящимися в исправительных учреждениях, то это достигается путем установления жестких, в основном карательных, ограничений, что: а) закреплено в УИК РФ и, следовательно, законно; б) определяются контингентом отбывающих наказания лиц, значительная часть которых является социально запущенными гражданами и не готова к восприятию обычных воспитательных мер.

Тем не менее работа по исправлению осужденных лиц ведется, в том числе с использованием воспитательных приемов, которые имеют специфичный характер и о которых предметно, как представляется, не следует говорить на страницах открытой печати.

Наибольшее значение профилактика имеет для тех, кто выходит из сферы действия уголовно-исполнительной системы,

в первую очередь для тех осужденных, которые отбывали наказание в виде лишения свободы, особенно за тяжкие преступления. Стоит отметить, что проблема социальной адаптации (не говоря уже о социальной реабилитации) этих лиц к жизни вне исправительных учреждений очень волнует законопослушных граждан, особенно после массовых убийств, совершенных освободившимися (например, убийство всей семьи, включая детей, в Хакасии 5 августа 2021 г.).

В этой связи важная роль отводится деятельности уголовно-исполнительных инспекций, сотрудники которых в силу возложенных на них обязанностей знают об освобождаемом человеке все. К сожалению, до последнего времени механизм взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций с теми органами, организациями и сотрудниками полиции, в ведении которых оказывается бывший осужденный, недостаточно выражен. Говорить при таких обстоятельствах о профилактической работе с людьми, чьи взгляды на жизнь далеки от нормальных, не приходится.

Что касается общественности, то ее роль в работе ФСИН России минимальна. Это прямо вытекает из норм действующего законодательства, в которых говорится о священнослужителях, но не о представителях общественности (кроме исполнения наказания в виде ограничения свободы).

Разумеется, здесь есть много вопросов.

Во-первых, сегодня реализация задач по профилактике сопряжена со многими трудностями, часть из которых представляется трудноразрешимыми. Увлечь даже самых активных общественников лозунгами без предоставления им каких-либо осязаемых преференций было всегда не просто, а в условиях капиталистического ведения хозяйства, где потребительские интересы априори стоят на первом месте, стало едва ли не невозможно.

Во-вторых, интерес к такого рода профилактической работе, безусловно, присутствует, особенно в преддверии разнообразных избирательных кампаний. Здесь возникают неожиданные трудности организационного характера, когда представители различных политических партий и организаций могут начать использовать профилактическую работу в качестве средства получения дополнительных баллов. Налицо противоречие, которое будет усугубляться:

по своему характеру профилактика – это повседневная и не очень благодарная работа, которая может превращаться в эффектный балаган.

В-третьих, чем больше профилактика будет вписываться в организационную структуру правоохранительной системы, тем в большей степени будет возрастать опасность проникновения в нее под видом тех самых активных общественников представителей криминальной среды, а если говорить более определенно – организованной преступности.

Совершенствование профилактики

Д. Ю. Яковлев предлагает следующие меры по предупреждению преступности:

1. Законодательное закрепление системы предупреждения преступности: а) на дошкольном, школьном и иных образовательных уровнях (путем введения института кураторства, классного руководства или наставничества); б) медицинском уровне (выявление у лиц, склонных к девиантному поведению, каких-либо отклонений); в) правоохранительном уровне (профилактика проступков среди как юношества, так и уже состоявшихся взрослых лиц путем участия в школьных собраниях, собраниях жильцов многоквартирных домов, проведения приемов граждан участковыми уполномоченными полиции, подворных обходов).

2. Борьба с истоками преступности, пьянством и наркоманией, путем устранения очагов производства и распространения нелегального алкоголя, наркотиков и психотропных веществ, выявления мест сбора антисоциальных элементов.

3. Проведение плановых и внеплановых проверок криминогенных бытовых зон (общежитий, коммунальных квартир, барачков), в пределах которых граждане ведут антиобщественный образ жизни.

4. Формирование, развитие (восстановление утраченной) системы внештатных помощников участковых уполномоченных полиции.

5. Совместное формирование органами внутренних дел и местного самоуправления общественных объединений правоохранительной направленности [9].

Профилактика и новые технологии

Э. Ю. Чуклина полагает, что современная профилактика преступности должна быть основана на технологических инновациях. Современные технологии позволяют отследить все перемещения человека с помощью

мобильного телефона или установить круг его интересов посредством анализа посещений интернет-сайтов. При этом существуют два основных типа технологических инноваций: а) информационные технологии (мягкие технологии); б) материальные технологии (жесткие технологии). По мнению Э. Ю. Чуклиной, в ситуационное предупреждение преступности, на чем основан ее подход, включены технологии (оборудование или материалы) и программные технологии (компьютерное программное обеспечение, информационные системы). Соответственно, к жестким технологиям, призванным предотвратить совершение преступления, относятся: а) камеры видеонаблюдения; б) металлоискатели в школах, университетах и местах большого скопления людей; в) досмотр багажа и личный досмотр в аэропортах и на вокзалах; г) пуленепробиваемые кассовые окна в банках; д) системы безопасности в домах и на предприятиях.

Полиция использует следующие жесткие технологии: а) новое оружие; б) новые патрульные машины с улучшенными технологиями; в) новые средства защиты полицейских.

Мягкие технологии включают компьютерные программы для предотвращения преступлений, в том числе: а) инструменты оценки криминальных угроз; б) потоковую передачу информации в полицейских транспортных средствах; в) оповещение полиции о том, что происходит чрезмерное скопление людей в одном месте; г) распознавание лиц для идентификации людей, находящихся в розыске.

В США применяются федеральные программы с базами данных, в которых систематизированы места совершенных преступлений, а также осуществляется оценка личностных характеристик преступников.

Известна идея создания системы дистанционного контроля над преступностью при помощи программ чипирования населения. Многие государства уже достаточно давно идут по этому пути. Например, во все страны, входящие в Европейский Союз, невозможно въехать, не сдав предварительно отпечатки пальцев.

Насколько далеко продвинется использование подобных программ, сказать трудно. Существуют очевидные издержки нравственного и религиозного характера и большие сомнения в возможностях правового обеспечения этого пути: придется либо

отменить, либо игнорировать основополагающие международные правовые акты, касающиеся неприкосновенности личности. При этом рост зависимости ситуационной профилактики преступности от мягких и жестких технологий неизбежно приведет к усилению зависимости от принудительно-го наблюдения и так называемой стратегии принудительного контроля [8]. Что мы получим взамен – большой вопрос. Во всяком случае, настрой писателей, работающих в жанре научной фантастики, по этому поводу не выглядит оптимистично. Чем больше контроля, тем больше возможностей для злоупотреблений у тех, кто имеет к нему доступ.

Профилактика и общественность

Без участия общественности профилактика правонарушений и преступлений невозможна.

В советское время роль общественности в этой работе была настолько же велика, насколько и недооценена. Решению о привлечении молодого человека к уголовной ответственности часто предшествовало обязательное разбирательство его поведения на комсомольском собрании, собрании трудового коллектива, жильцов. Если речь шла о возможном преступлении члена КПСС, то вердикт этого общественного объединения фактически предопределял будущее решение прокурора и судьи. То же самое, только в еще более жестко регламентированном порядке, касалось офицеров: без соответствующего разрешения командира воинской части прокурор не мог даже возбудить против офицера уголовное дело. Решение командира, в свою очередь, базировалось на решении офицерского собрания. Понятно, что таких общественных собраний боялись не меньше, чем прокуратуры. Однако в то же время широко использовалась возможность непривлечения человека к уголовной ответственности и передачи его для перевоспитания в общественную организацию (включались механизмы товарищеских судов и судов чести).

Очевидно, что в современном российском обществе большая часть указанных общественных институтов функционировать не может. Но это не означает, что роль общественности в профилактике правонарушений и преступлений стала менее значима. Наоборот, только с участием общественности возможна реальная профилактика.

Первым и очень правильным шагом в этом направлении стало принятие в 2014 г. федерального закона «Об участии граждан в охране общественного порядка» [7]. Важно, чтобы он не оставался единственным.

Выводы

1. Заниматься профилактикой, опираясь на карательные средства воздействия, – кощунство.

2. Общественность остается наиболее важным элементом системы профилактики.

3. Участие общественности должно быть *вшито* в профилактику (например, как это воплощено в ст. 11 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [5], хотя, на наш взгляд, в работе комиссий по делам несовершеннолетних много формализма и мало результата).

4. Главным оружием в руках субъектов профилактики является правовое просвещение (сейчас практически не используется).

5. Не контроль, не приемлемый уровень, а ликвидация преступности (во всяком случае в современном ее понимании) – вот безусловное магистральное направление профилактики.

Таким образом, теория и практика профилактики (предупреждения) преступности в настоящее время опасно расходятся. С одной стороны, теоретические конструкции профилактики преступности становятся все более оторванными от реальности. С другой стороны, законодательство в вопросах профилактики не подкрепляется научными изысканиями и развивается по своим собственным правилам большей частью политологического и популистского свойства (ни одна из правовых норм в этой сфере не подкреплена материальными ресурсами).

Практические работники правоохранительных органов, включая сотрудников ФСИН России, не ориентированы на профилактику преступности.

Складывается вполне объяснимая, но от этого не менее парадоксальная ситуация: профилактика преступности вроде как есть, но ее нет.

Между прочим, федеральный закон о профилактике принят в 2016 г. Прошло пять лет, и в него не было внесено ни одного изменения. Это потому что закон такой хороший? Или потому, что он никого не интересует (никому не нужен)?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, А. И. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы / А. И. Алексеев, С. И. Герасимов, А. Я. Сухарев. – Москва : Норма, 2001. – 481 с. – ISBN 5-89123-516-1.
2. Курс советской криминологии / под редакцией В. Н. Кудрявцева, И. И. Карпеца, Б. В. Коробейникова. – Москва : Юридическая литература, 1986. – 352 с.
3. О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве) : федеральный закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 33. – Ст. 3340.
4. О Концепции построения и развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» : распоряжение Правительства Российской Федерации от 03.12.2014 № 2446-р // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 50. – Ст. 7220.
5. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 26. – Ст. 3177.
6. Об основах системы профилактики в Российской Федерации : федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 26 (часть I). – Ст. 3851.
7. Об участии граждан в охране общественного порядка : федеральный закон от 02.04.2014 № 44-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 14. – Ст. 1536.
8. Чуклина, Э. Ю. Ситуационные превентивные меры в российской теории предупреждения преступности / Э. Ю. Чуклина // Национальная безопасность. – 2016. – № 3 (44). – С. 338–346.
9. Яковлев, Д. Ю. Быть или не быть предупреждению преступлений / Д. Ю. Яковлев // Российский судья. – 2018. – № 9. – С. 37–41.
10. Shu-Ching, L. The strategies of situational crime prevention in drunk driving / Lin Shu-Ching // Journal of Criminology. – 2017. – Volume 20, issue 1. – Pp. 29–61.

REFERENCES

1. Alekseev A.I., Gerasimov S.I., Sukharev A.Ya. Kriminologicheskaya profilaktika: teoriya, opyt, problem [Criminological prevention: theory, experience, problems]. Moscow: Norma, 2001. P. 13.
2. Kudryavtsev V.N., Karpets I.I., Korobeinikov B.V. (Eds.). Kurs sovetskoi kriminologii [Course on Soviet criminology]. Moscow: Yurid. lit., 1986. 352 p. P. 19.
3. On charitable activities and volunteerism: Federal Law no. 135-FZ of August 11, 1995. In: Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii [Collection of legislation of the Russian Federation]. 1995. No. 33. Article 3340. (In Russ.).
4. About the concept of construction and development of the hardware and software complex "Safe City": Resolution of the Government of the Russian Federation no. 2446-r of December 3, 2014. In: Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2014. No. 50. Article 7220. (In Russ.).
5. On the fundamentals of the system for prevention of neglect and juvenile delinquency: Federal Law no. 120-FZ of June 24, 1999. In: Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii [Collection of legislation of the Russian Federation]. 1999. No. 26. Article 3177. (In Russ.).
6. On the fundamentals of the prevention system in the Russian Federation: Federal Law no. 182-FZ of June 23, 2016. In: Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2016. No. 26 (Part I). Article 3851. (In Russ.).
7. On the participation of citizens in the protection of public order: Federal Law no. 44-FZ of April 2, 2014. In: Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2014. No. 14. Article 1536. (In Russ.).
8. Chuklina E.Yu. Situational prevention measures in the Russian theory of crime prevention. Natsional'naya bezopasnost' = National Security, 2016, no. 3 (44), pp. 338–346. (In Russ.).
9. Yakovlev D.Yu. Crime prevention: to be or not to be. Rossiiskii sud'ya = Russian Judge, 2018, no. 9, pp. 37–41. (In Russ.).
10. Lin Shu-Ching. The strategies of situational crime prevention in drunk driving. Journal of Criminology, 2017, vol. 20, iss. 1, pp. 29–61.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ИГОРЬ МИХАЙЛОВИЧ МАЦКЕВИЧ – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, г. Москва, Российская Федерация; профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация; президент Союза криминалистов и криминологов, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4270-1599>, e-mail: mackevich2004@mail.ru

IGOR' M. MATSKEVICH – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, head of the Department of Criminology and Penal Law at Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russian Federation, professor at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, president of the Union of Criminalists and Criminologists, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4270-1599>, e-mail: mackevich2004@mail.ru

Статья поступила 09.08.2021

Наказание экономических (в сфере предпринимательства) и должностных преступников в оценке общественного и профессионального мнения

В. И. СЕЛИВЕРСТОВ

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9554-5438>, e-mail: vis_home@list.ru

Реферат

Введение: В статье рассматриваются ультралиберальная, ультрарадикальная и реалистичная позиции относительно наказания осужденных за экономические (в сфере предпринимательства) и должностные преступления. Анализируются общественное и профессиональное мнения по данной проблеме, основанные на результатах конкретно-социологических исследований, проведенных в 2018–2019 гг. Научно-образовательным центром «Проблемы уголовно-исполнительного права» им. Ю. М. Ткачевского Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. *Материалы и методы исследования:* Исследование базируется на применении конкретно-социологического метода. В качестве материалов выступают результаты изучения общественного и профессионального мнения о наказании осужденных за экономические и должностные преступления, а также местах и условиях отбывания ими лишения свободы. Эмпирические исследования заключаются в опросах трех видов респондентов: граждан Российской Федерации; осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях за совершение экономических и должностных преступлений; сотрудников исправительных учреждений. Отдельному исследованию подвергнуты предложения о направлении рассматриваемых категорий осужденных в исправительные учреждения, расположенные в отдаленных регионах России, а также перспективы строительства и открытия для осужденных за совершение экономических и должностных преступлений так называемых частных тюрем. Критический анализ осуществлен в отношении практики содержания осужденных за экономические и должностные преступления совместно с другими категориями осужденных. *Результаты:* в статье сделаны выводы о том, что общественное и профессиональное мнение не склонно к крайним позициям (ультралиберальным или ультрарадикальным) в вопросах наказания экономических и должностных преступников. Оно вполне реалистично оценивает уголовную политику государства и судебную практику на современном этапе развития государства и допускает в некоторых пределах применение наказания в виде лишения свободы к экономическим и должностным преступникам. Особо отмечено то, что обе категории опрошенных лиц (граждане и осужденные) в большей степени настроены на применение лишения свободы по отношению к лицам, совершившим должностные преступления, нежели к экономическим преступникам. Констатировано, что в общественном мнении зафиксирована неудовлетворенность отбыванием уголовного наказания в виде лишения свободы экономическими и должностными преступниками совместно с другими категориями осужденных. В профессиональном мнении такой неудовлетворенности не наблюдается, большинство опрошенных сотрудников исправительных учреждений не поддерживают идею о направлении осужденных за экономические и должностные преступления в отдельные исправительные учреждения. Внесено предложение о реализации идеи отдельного содержания осужденных за экономические и должностные преступления в ходе предусмотренной Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 г. модернизации, заключающейся в открытии исправительных учреждения объединенного типа.

Ключевые слова: осужденный; экономические преступления; должностные преступления; общественное мнение; профессиональное мнение; наказание; лишение свободы; исправительные учреждения; частные тюрьмы.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Селиверстов В. И. Наказание экономических (в сфере предпринимательства) и должностных преступников в оценке общественного и профессионального мнения. *Пенитенциарная наука*, 2021, т. 15, № 3 (55), с. 491–501. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-3-491-501.

Punishment of Persons Convicted of Economic (Business) Crimes and Malfeasance in Office, in the Assessment of the Public and Professionals

VYACHESLAV I. SELIVERSTOV

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9554-5438>, e-mail: vis_home@list.ru

Abstract

Introduction: the article considers ultra-liberal, ultra-radical and realistic views on the punishment of persons convicted of economic (business) crimes and malfeasance in office. The article analyzes public and professional opinion on this problem using the results of specific sociological studies conducted in 2018–2019 by Tkachevsky Research and Education Center “Problems of Penal Law” under Lomonosov Moscow State University. *Research materials and methods:* the research is based on the application of the specific sociological research method. The materials for our research include the results of the study of public and professional opinion on the punishment of those convicted of economic crimes and malfeasance in office, and on the places and conditions of their imprisonment. Empirical research includes surveys of three types of respondents: citizens of the Russian Federation; persons convicted of economic crimes and malfeasance in office who are serving sentences in correctional institutions; correctional officers. We also investigate proposals on sending the convicts under consideration to correctional institutions located in remote regions of Russia, and the prospects for the construction and opening of so-called private prisons for them. We analyze the practice of keeping persons convicted of economic crimes and malfeasance in office together with other categories of convicts. *Results:* we conclude that the public and professionals do not tend to hold extreme positions (ultra-liberal or ultra-radical) in the punishment of persons convicted of economic crimes and malfeasance in office. The public and professionals assess quite realistically the criminal policy of the state and judicial practice at the present stage of the state’s development and allow, within certain limits, the application of punishment in the form of imprisonment to economic and official criminals. We emphasize that both categories of respondents (citizens and convicts) are more inclined to use imprisonment in relation to persons who have committed malfeasance in office than to those who committed economic crimes. We argue that public opinion is dissatisfied with the fact that persons convicted of malfeasance in office and economic crimes are kept together with other categories of convicts. There is no such dissatisfaction in the professional opinion: the majority of interviewed correctional officers do not support the idea of sending those convicted of economic crimes and malfeasance in office to separate correctional institutions. We put forward a proposal concerning the implementation of the idea that persons convicted of economic crimes and malfeasance in office should be held in separate correctional institutions in the course of modernization provided for by the Concept for development of the penal system of the Russian Federation until 2030, which consists in opening joint correctional institutions.

Keywords: convicted person; economic crimes; malfeasance in office; public opinion; professional opinion; punishment; imprisonment; correctional institutions; private prisons.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

For citation: Seliverstov V.I. Punishment of persons convicted of economic (business) crimes and malfeasance in office, in the assessment of the public and professionals. *Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 3 (55), pp. 491–501. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-3-491-501.

Введение

Проблемы противодействия экономической и должностной преступности в России вызывают живой интерес не только ученых и практиков, профессионально работающих в этой сфере, но и обычных граждан. Традиционно этот интерес подпитывается средствами массовой информации, демонстрирующими то изъятые денежные средства, измеряемые в тоннах, то «золотые унитаза» в домах коррупционеров и расхитителей различных мастей. В результате этого, согласно опросу, проведенному Научно-образовательным центром «Проблемы уголовно-исполнительного права» им. Ю. М. Ткачевского Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (НОЦ «Проблемы уголовно-исполнительного права»), активность криминала в экономической (предпринимательской) деятельности беспокоит 90 % опрошенных граждан, в сфере должностных преступлений – 95,6 %. Наиболее опасными для нашей страны видами криминальной деятельности респонденты считают должностные преступления (51,9 % – 1 место), терроризм (47,8 % – 2 место), убийства и другие преступления против личности (41,1 % – 3 место), экономические (в сфере предпринимательства) преступления (38,5 % – 4 место), наркотическую преступность (37,7 % – 5 место), педофилию (29,9 % – 6 место). Каждый третий из опрошенных наряду с отмеченными видами криминальной активности указал, что опасны все виды преступности в равной степени. Таким образом, должностная и экономическая в сфере предпринимательства преступность (далее – просто экономическая преступность, экономические преступления и осужденные за экономические преступления) вошли в четверку наиболее опасных преступлений в современный период времени.

Должностная преступность серьезно волнует и органы государственной власти, так как она напрямую снижает их авторитет у населения. И не только по этой причине. Например, Федеральную службу исполнения наказаний беспокоит то, что опережающими темпами пополняются места лише-

ния свободы для осужденных, работавших в правоохранительных органах [7]. Это беспокойство связано с тем, что для указанных лиц необходимо открывать отдельные исправительные колонии.

Так что же можно предложить для наказания указанных категорий осужденных? Может ли к ним применяться лишение свободы и каким оно должно быть, учитывая особенности социально-демографической и криминологической характеристики лиц, совершающих экономические и должностные преступления?

Материалы и методы исследования

Исследование базируется на применении конкретно-социологического метода. В качестве материалов выступают результаты изучения общественного и профессионального мнения о наказании осужденных за экономические и должностные преступления, а также о местах и условиях отбывания ими лишения свободы. Эмпирические исследования заключаются в опросах трех видов респондентов: граждан Российской Федерации; осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях за совершение экономических и должностных преступлений; сотрудников исправительных учреждений.

Объем опросов, а также характеристика респондентов выглядят следующим образом:

– граждане Российской Федерации. В опросе в системе Интернет принял участие 501 респондент: 41 % мужчин и 59 % женщин. По возрасту опрошенные распределились следующим образом: от 18 до 25 лет – 53 %; от 26 до 45 лет – 33 %; от 46 до 60 лет – 9 %; старше 60 лет – 5 %. Имели высшее профессиональное образование 60 %, незаконченное высшее образование – 27 %, среднее полное общее и профессиональное образование (колледж) – 12 %, иное – 1 % респондентов;

– осужденные, отбывающие лишение свободы. В опросе участвовало 213 лиц, отбывающих лишение свободы за совершение экономических и должностных преступлений. Опрос проводился в исправительных учреждениях в Дальневосточном, Сибир-

ском, Уральском, Приволжском и Центральном федеральных округах. В выборку попали осужденные мужского (93 %) и женского (7 %) пола. По возрасту осужденные распределились следующим образом: от 18 до 25 лет – 11 %; от 26 до 45 лет – 52 %; от 46 до 60 лет – 37 %. По образованию: неоконченное среднее имеют 3 %, полное среднее – 18 %, среднее специальное и неоконченное высшее – 61 %, высшее – 18 % респондентов;

– сотрудники исправительных учреждений. В опросе участвовало 234 сотрудника исправительных колоний Дальневосточного, Сибирского, Уральского, Приволжского и Центрального федерального округов. По стажу службы в уголовно-исполнительной системе: до 5 лет – 19 %, от 5 до 10 лет – 41 %, от 10 до 20 лет – 35 %, от 20 и выше – 5 %. Участники опроса представляли: отделы безопасности (27 %), отделы охраны (15 %), оперативные отделы (6 %), подразделения воспитательной службы (25 %), медицинской службы (3 %), тыла (4 %), кадрового аппарата (4 %), руководители отделов и служб исправительных учреждений (3 %), сотрудники другого направления деятельности (13 %). Высшее и неоконченное высшее образование имели 77 % респондентов, среднее специальное – 14 %, среднее – 9 %.

Кроме того, использовались экспертные оценки отечественных и зарубежных ученых, а также материалы средств массовой информации.

Обсуждение

В профессиональном сообществе и в общественном мнении существуют различные взгляды на наказание лиц, совершивших экономические и должностные преступления, – от крайне мягких до крайне жестких. Можно вести речь о трех различных позициях.

Первая позиция – ультралиберальная. Она проявляется применительно к экономическим преступлениям во взглядах, в принципе исключающих назначение уголовного наказания в виде лишения свободы. Этой позиции придерживается ряд представителей политических и правозащитных организаций, бизнес-элит, считающих, что за экономические преступления следует применять штраф и иные экономические санкции. Данная позиция нашла отражение в ряде посланий Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации, а также в Концепции модернизации уголовного законодательства в экономической сфере, подготовлен-

ной в конце 2009 г. АНО «Центр правовых и экономических исследований» в сотрудничестве и при поддержке ряда научных и образовательных организаций на основании поручения Президента Российской Федерации. Поддержали ее и зарубежные эксперты из Словении и Казахстана, приглашенные на XI Российский конгресс уголовного права (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, 31 мая – 1 июня 2018 г.) для оценки разработанной НОЦ «Проблемы уголовно-исполнительного права» теоретической модели отбывания лишения свободы осужденными за экономические и (или) должностные преступления. Как указал профессор Г. Мешко (Республика Словения), возмещение ущерба и конфискация незаконно приобретенной собственности потенциально могли бы стать лучшим судебным решением в отличие от наказания в виде лишения свободы [10, с. 112]. Профессор А. Б. Скаков (Республика Казахстан) предложил свой вариант решения этой проблемы: осуждение исследуемой категории лиц к наиболее распространенному во все мире виду наказания – штрафу в пользу государства при возмещении вреда потерпевшей стороне в трехкратном размере и конфискации имущества, добытого преступным путем [16, с. 121].

Вторая позиция – ультрарадикальная. Ее исповедуют, как правило, политики, но есть среди ее поклонников и представители юридической науки.

Так, в январе 2019 г. первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы Российской Федерации по обороне предложил ввести не только смертную казнь для коррупционеров всех мастей, но и практику захоронения их тел на отдельных кладбищах в назидание другим гражданам [4]. В августе 2021 г. глава Роскосмоса заявил, что коррупция в оборонно-промышленном комплексе страны должна наказываться расстрелами, а не посадками в места лишения свободы [15].

В юридической науке ранее высказывались предложения о введении практики внесудебных казней путем медицинских манипуляций (Тюмень) или с помощью создания и деятельности своеобразных «эскадронов смерти» (Краснодар, Санкт-Петербург) и т. п. В настоящее время такие взгляды практически не встречаются.

Сразу отметим, что мы не можем поддерживать предложения представителей ультра-

радикальной позиции. Внесудебные расстрелы и захоронения – это путь в тупик, в котором наша страна уже побывала в годы сталинских репрессий в прошлом столетии. Негативные последствия увлечения этой практикой сказываются до сих пор. Возвращение к применению высшей меры наказания за коррупционные преступления в легальном порядке не соотносится с международными обязательствами нашего государства. Кроме того, такая мера наказания не вполне отвечает тяжести совершенных экономических и должностных преступлений. Предложение о захоронении расстрелянных коррупционеров на отдельных кладбищах не поддается научной оценке.

Третья позиция, реалистическая, заключается в применении уголовного наказания в виде лишения свободы к осужденным за экономические и должностные преступления в соответствии с действующим законодательством. Ее сторонники, оценивая взгляды представителей первой точки зрения, полагают, что предлагаемый в науке ультралиберальный вариант модернизации уголовного закона по отношению к экономической преступности в основном направлен на полное исключение репрессии за преступления рассматриваемой группы, что самым негативным образом скажется на состоянии преступности в современном обществе. Реализация предложений, содержащихся в Концепции модернизации уголовного законодательства в экономической сфере, приведет к усилению социального неравенства различных слоев населения, что может вызвать социальный взрыв [2, с. 29–32; 3, с. 16; 8, с. 448; 11, с. 357].

Действительно, события последних лет с конкретными примерами совершения экономических (например, фальсификация алкогольной или иной продукции, повлекшая массовое отравление людей) и должностных преступлений (например, получение взяток и крупномасштабные злоупотребления и хищения бюджетных средств) не позволяют склониться к такому либеральному выводу, каким является исключение применения уголовного наказания в виде лишения свободы к экономическим и должностным преступникам. Об этом свидетельствуют и результаты изучения общественного мнения.

Так, согласно опросу граждан, 71 % не исключает возможности назначения за эконо-

мические преступления лишения свободы: 20 % ответили категорично, что лишение свободы должно обязательно назначаться экономическим преступникам, а 51 % допускает лишение свободы при решении вопроса его назначения строго индивидуально, с учетом конкретных обстоятельств. Более показательные результаты были получены при ответе на подобный вопрос по отношению к должностным преступникам: 76 % не исключают назначение лишения свободы (35 % ответили категорично, что лишение свободы должно обязательно назначаться должностным преступникам (данный процент почти в два раза выше, чем при ответе на аналогичный вопрос по экономическим преступникам), а 41 % допускает лишение свободы при решении вопроса его назначения строго индивидуально, с учетом конкретных обстоятельств).

Показательно и то, что по результатам параллельно проводившегося опроса осужденных, отбывающих лишение свободы за экономические и должностные преступления, почти две трети опрошенных (64 %) не исключают возможности назначения за экономические преступления лишения свободы: 15 % ответили категорично, что лишение свободы должно обязательно назначаться экономическим преступникам, а 49 % допускают лишение свободы при решении вопроса его назначения строго индивидуально, с учетом конкретных обстоятельств. Лишь 16 % ответили, что в лишении свободы нет необходимости, а можно ограничиться иными наказаниями (штрафом, лишением занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью и т. п.). Схожие результаты были получены при ответе на данный вопрос в отношении должностных преступников. Так, более половины (57 %) респондентов не исключают назначение лишения свободы: 27 % ответили категорично, что лишение свободы должно обязательно назначаться должностным преступникам (данный процент почти в два раза выше, чем при ответе на аналогичный вопрос по экономическим преступникам), а 30 % допускают лишение свободы при решении вопроса его назначения строго индивидуально, с учетом конкретных обстоятельств. Только 16 % опрошенных полагают, что в лишении свободы в отношении должностных преступников нет необходимости, можно ограничиться иными наказаниями (штрафом, лишением занимать определен-

ные должности и заниматься определенной деятельностью и т. п.).

Позицию о возможности и необходимости назначения лишения свободы лицам, совершившим экономические и должностные преступления, поддержали зарубежные эксперты из республик Беларусь и Казахстан (профессор В. Б. Шабанов [18, с. 124–143] и профессор Т. К. Акимжанов [1, с. 144–153]), приглашенные для оценки разработанной НОЦ «Проблемы уголовно-исполнительного права» теоретической модели отбывания лишения свободы осужденными за экономические и (или) должностные преступления.

Логическим продолжением рассматриваемой позиции является направление осужденных за экономические и должностные преступления для отбывания наказания в ныне действующие исправительные учреждения. Однако в этой позиции есть определенные нюансы.

Сразу возникает вопрос: куда и в какие исправительные учреждения направлять данных лиц для отбывания наказания? Это могут быть исправительные колонии по месту постоянного жительства, а могут быть и колонии в отдаленных, так называемых «медвежьих вотчинах». Именно такое предложение было высказано в науке уголовно-исполнительного права применительно к определению места отбывания лишения свободы крупными экономическими преступниками и взяточниками, действующими в составе организованных преступных групп и сообществ [17].

На наш взгляд, данное предложение не вполне проработано и обосновано. С одной стороны, следует оценить, являются ли рассматриваемые категории осужденных столь опасными. Возможно, терроризм и другие виды преступлений являются более опасными по своим последствиям, и осужденные именно за эти преступления должны отбывать наказание в исправительных колониях, дислоцированных на Крайнем Севере, в Сибири и других отдаленных местностях?

С другой стороны, при проработке вопроса о реализации данного предложения в отношении экономических и должностных преступников необходимо будет спрогнозировать реакцию международных правозащитных организаций, особенно Европейского суда по правам человека. Существует несколько решений высшего судебного органа Европы в отношении России, в которых

суд усмотрел нарушение ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (право на уважение семейной и частной жизни) в связи с направлением осужденных для отбывания наказания в исправительные колонии, расположенные в районах, отдаленных от места жительства семьи (решение по делу № 35090/09 от 7 марта 2017 г. «Полякова и другие против Российской Федерации»; решение по делу № 39747/10 от 3 июля 2018 г. «Воинов против России»). Не последуют ли аналогичные решения суда и в этом случае?

Кроме того, следует учесть современные тенденции в уголовно-исполнительной политике нашего государства, которые свидетельствуют о том, что Российская Федерация не подвергает сомнению вышеуказанные решения Европейского суда по правам человека (хотя в настоящее время конституционные основы для невыполнения решений имеются) и приступила к их последовательному выполнению, вводя правовые и организационные гарантии реализации законного интереса осужденного на отбывание лишения свободы вблизи места жительства семьи. О том, что эта тенденция будет иметь место и в будущем, свидетельствует Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 г. (далее – Концепция-2030), в которой в качестве одной из важных задач предусмотрено «создание условий для обеспечения реализации закрепленного на законодательном уровне принципа отбывания осужденными наказания в исправительных учреждениях в пределах территории субъекта Российской Федерации, в котором они проживали или были осуждены либо в котором проживает их семья» [13].

Свою позицию о местах отбывания лишения свободы экономическими преступниками имеют представители бизнес-структур и отдельные правозащитники. Они по опыту ряда зарубежных стран (Франции, США, Великобритании и др.) предлагают открыть частные тюрьмы для бизнесменов [5; 12]. На необходимость проработки вопроса о государственно-частном партнерстве с последующим открытием частных тюрем по примеру Великобритании в экспертном заключении указывал зарубежный эксперт – профессор Г. Мешко (Республика Словения). Однако он предупреждал, что эффективность частных тюрем, созданных с согласия государства, неоднозначна [10, с. 110].

Как явствует из публикаций о деятельности зарубежных пенитенциарных систем [14, с. 215–266], частные тюрьмы требуют значительно больших материальных затрат со стороны государства, что не вполне по силам Российской Федерации в современных условиях действия экономических санкций. Для бизнеса идея открытия в России полностью частных тюрем в настоящее время может быть интересна не столько в плане получения материальной выгоды, сколько в аспекте оказания социально ответственным бизнесом помощи в реализации важной государственной задачи по противодействию преступности. Пока такой заинтересованности в вопросах строительства и функционирования частных тюрем не наблюдается ни со стороны государства, ни со стороны бизнес-структур. Поэтому проблема частных тюрем нуждается в более тщательной экономико-социальной экспертизе, в том числе в аспекте поиска оптимального баланса интересов государства и бизнеса.

Но если нет возможности открытия отдельных частных тюрем для экономических преступников, то вполне возможна реализация идеи, которую высказал Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей Б. Титов на Дальневосточном экономическом форуме (сентябрь 2018 г.). Он объявил, что достигнута договоренность с руководством ФСИН России об отделении этих лиц в порядке эксперимента в отдельные блоки следственных изоляторов [9]. Однако эти шаги могут оказаться половинчатыми, поскольку подозреваемые и обвиняемые в совершении экономических преступлений в итоге, как правило, становятся осужденными и направляются в обычные места лишения свободы. И эту опасность понимает российский омбудсмен по защите прав предпринимателей, что явствует из следующего его высказывания: «мы обращались во ФСИН с таким предложением, поскольку это огромная проблема, когда заключенные по экономическим статьям сидят вместе с уголовниками. И бизнесу всегда тяжелее сидеть в тюрьме, особенно в колонии, даже не в СИЗО» [6].

Б. Титов поднял весьма сложную, но злободневную проблему совместного содержания осужденных за экономические преступления с осужденными за иные виды преступлений (против личности, незаконный оборот наркотиков и т. п.). Эта про-

блема актуальна и для лиц, отбывающих наказание за должностные преступления, поскольку у них, как правило, одинаковые с осужденными за экономические преступления социально-демографическая и криминологическая характеристики. Не ставя под сомнение законность и обоснованность приговора в отношении этих лиц, зададимся вопросом, а должны ли они отбывать наказание вместе с убийцами, террористами, наркоторговцами?

Согласно результатам опроса 44 % респондентов считают необходимым отбывание лишения свободы осужденными за экономические преступления в отдельных исправительных колониях, а применительно к осужденным за должностные преступления такого мнения придерживаются 32 % опрошенных.

Среди персонала исправительных учреждений однозначно поддержали предложение об отдельных исправительных учреждениях для осужденных за экономические преступления 16 % респондентов (за должностные преступления – 15 %), еще 7 % поддержали эту идею при условии введения оплаты осужденными за экономические преступления своего содержания в отдельных исправительных колониях (за должностные преступления – 6 %). Большинство сотрудников отвергают эту идею: 39 % не поддерживают ее для экономических преступников в принципе (за должностные преступления – 42 %), 21 % считает невозможной ее реализацию по причине больших материальных затрат (за должностные преступления – 16 %). Каждый шестой (17 %) респондент затруднился с ответом на данный вопрос (применительно к осужденным за должностные преступления – 21 %).

Несмотря на отрицательное мнение персонала исправительных учреждений, на наш взгляд, имеются основания для отделения осужденных за экономические и должностные преступления от других осужденных. Дело не только в их социально-демографической и криминологической характеристиках, но и в обстановке, которая нередко складывается в исправительных учреждениях вокруг этих категорий. Представляется, что российский омбудсмен по защите прав предпринимателей имел и информацию, и основания для того, чтобы заявить, что «бизнесу всегда тяжелее сидеть в тюрьме, особенно в колонии, даже не в СИЗО». О фактах притеснения этой категории осуж-

денных, вымогательства у них имущества, денежных средств неоднократно писали средства массовой информации. Эти негативные явления, хотя и не в полной мере, нашли отражение и в результатах опроса осужденных за экономические и должностные преступления.

Так, отвечая на вопрос о том, встречались ли факты притеснения (оскорбления, применения физической силы, издевательства) осужденных за экономические преступления, респонденты высказались следующим образом: большинство опрошенных (64 %) ответили, что таких фактов не встречали; каждый четвертый (26 %) затруднился ответить на данный вопрос; вместе с тем почти каждый десятый (9 %) респондент ответил, что такие факты были; один осужденный сказал, что боится отвечать на этот вопрос, из чего можно сделать вывод, что эти факты имеются, но многие их скрывают.

Ответы на вопрос о том, встречались ли факты вымогательства денежных средств, имущества, бизнеса у осужденных за экономические преступления со стороны других осужденных, были следующие: основная масса опрошенных (60 %) такие факты отрицает; затруднились с ответом на этот вопрос 24 % опрошенных; вместе с тем почти каждый десятый (9 %) ответил, что факты вымогательства были; некоторые из опрошенных (7 %) отметили, что такие факты были, но это были не вымогательство, а просьбы осужденных.

Похожие результаты были получены при ответе на вопросы лицами, совершившими должностные преступления.

Так, на вопрос о том, встречались ли опрошенные с фактами притеснения (оскорбления, применения физической силы, издевательства) осужденных за должностные преступления со стороны других осужденных, более половины (59 %) респондентов ответили, что с такими фактами во время отбывания наказания не встречались. Затруднился ответить на поставленный вопрос почти каждый третий (30 %). Вместе с тем 11 % осужденных с такими фактами встречались.

На вопрос о том, встречались ли факты вымогательства денежных средств, имущества, бизнеса у осужденных за должностные преступления со стороны других осужденных, большинство опрошенных (62 %) ответило, что таких фактов не было. Каждый четвертый (26 %) на данный вопрос ответить

затруднился, но почти каждый двенадцатый (8 %) отметил, что это были не вымогательства, а просьбы осужденных. Однако 4 % опрошенных факты вымогательства подтверждают.

Вместе с тем нельзя игнорировать и аргументы противников направления осужденных за экономические и должностные преступления в отдельные исправительные учреждения.

Прежде всего это экономический фактор: направление осужденных в отдельные исправительные колонии увеличит расходы бюджета, в частности на перевозку осужденных, так как таких исправительных колоний будет немного. Именно на материальные расходы как препятствие для реализации идеи отделения экономических (21 %) и должностных (16 %) преступников указывали сотрудники исправительных колоний.

Внешнеполитический фактор в виде возможного нарушения ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод тоже имеет значение, поскольку есть риск увеличить долю осужденных, отбывающих лишение свободы вне места постоянного жительства семьи.

Следует учитывать и чисто прагматические соображения. Не секрет, что администрация нередко использует опыт и (или) связи осужденных за экономические и должностные преступления для налаживания производства в колониях. Будет ли оправданным лишить их этого своеобразного дополнительного механизма интенсификации производственной деятельности и обеспечения осужденных работой, сосредоточив осужденных за экономические и должностные преступления в отдельных исправительных колониях? На наш взгляд, до принятия такого решения должны быть реализованы предлагаемые в науке дополнительные меры по улучшению обстановки с привлечением осужденных к оплачиваемому труду.

Результаты

Как явствует из вышеизложенного, общественное и профессиональное мнение не склонно к крайним позициям (ультралиберальным или ультрарадикальным) в вопросах наказания экономических и должностных преступников. Оно вполне реалистично оценивает уголовную политику и судебную практику на современном этапе развития государства и допускает в некоторых преде-

лах применение наказания в виде лишения свободы к экономическим и должностным преступникам. Особо следует отметить то, что обе категории опрошенных в рамках настоящего исследования лиц в большей степени настроены на применение лишения свободы по отношению к лицам, совершившим должностные преступления, нежели к экономическим преступникам.

При этом в общественном мнении зафиксирована неудовлетворенность отбыванием уголовного наказания в виде лишения свободы экономическими и должностными преступниками совместно с другими категориями осужденных. В профессиональном мнении такой неудовлетворенности не наблюдается, и большинство опрошенных сотрудников исправительных учреждений не поддерживают идею о направлении таких осужденных в отдельные исправительные учреждения.

Наряду с этим в современных условиях, характеризующихся противоречивым развитием рыночной экономики и имманентно присущей коррупцией государственного аппарата, остается актуальной задача дальнейшей дифференциации осужденных к лишению свободы. Данная задача основывается на положениях Концепции-2030, определившей меры по обеспечению безопасности в исправительных учреждениях и созданию условий для раздельного и отдельного содержания различных катего-

рий осужденных. Представляется, что реализация данных концептуальных положений может быть осуществлена различными путями, в том числе выделением в отдельную группу осужденных за совершение экономических и должностных преступлений в рамках намеченной в Концепции-2030 модернизации уголовно-исполнительной системы. Одним из конкретных направлений такой модернизации в концептуальном документе предусмотрена разработка и реализация к 2024 г. проекта создания учреждения объединенного типа. Под ним понимается сосредоточение в едином центре различных видов исправительных учреждений и следственных изоляторов на региональной или даже межрегиональной основе.

Открытие исправительных объединенных (многофункциональных) учреждений – довольно большой и амбициозный проект. Это работа не одного десятилетия. Со стороны науки он потребует постоянного сопровождения, тщательной проработки проблемных вопросов, в том числе вопросов раздельного содержания различных по своим социально-демографической и криминологической характеристикам категорий осужденных. Эта работа может быть выполнена с привлечением широкого круга отечественных ученых и практиков в сфере уголовно-исполнительной и смежных областей деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акимжанов, Т. К. Специализация как одно из необходимых условий повышения эффективности исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы / Т. К. Акимжанов // Отбывание лишения свободы осужденными за экономические и (или) должностные преступления: итоги теоретического исследования / под научной редакцией В. И. Селиверстова. – Москва : Юриспруденция, 2019. – 464 с. – ISBN 978-5-9516-0838-3.
2. Александрова, И. А. От предпочтений к равенству: в новой уголовной экономической политике ждем перемен / И. А. Александрова // Вестник Нижегородской правовой академии. – 2014. – № 3 (3). – С. 29–32.
3. Бавсун, М. В. Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере: критический анализ / М. В. Бавсун, В. Н. Борков, К. Д. Николаев // Научный вестник Омской Академии МВД России. – 2011. – № 4 (43). – С. 12–16.
4. В Госдуме предложили казнить коррупционеров и сделать для них отдельное кладбище. – URL: https://pikabu.ru/story/v_gosdume_predlozhih_kaznit_korruptsionerov_i_sdelat_dlya_nikh_otdelnoe_kladbishche_6469852 (дата обращения: 01.08.2021).
5. В России могут появиться частные тюрьмы для бизнесменов. – URL: <http://www.dg-yug.ru/rubriki/world/89867-v-rossii-mogut-poyavitsya-chastnyie-tyurmyi-dlya-biznesmenov.html> (дата обращения: 04.04.2017).
6. Иванов, С. В СИЗО появятся отдельные блоки для предпринимателей, обвиняемых в экономических преступлениях / С. Иванов // Rusbase, 12 сентября 2018 года. – URL: <https://rb.ru/news/sizo-business/> (дата обращения: 16.11.2018).
7. Интервью заместителя директоры ФСИН России на радиостанции «Эхо Москвы» 14 ноября 2018 года. ФСИН заявила о нехватке мест в колониях для бывших силовиков. – URL: <https://iz.ru/812148/2018-11-14/fsin-zaiavila-о-неkhvatke-mest-v-koloniakh-dlia-byvshikh-silovikov> (дата обращения: 31.07.2021).
8. Клейменов, М. П. Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года) / М. П. Клейменов // Материалы VIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30–31 мая 2013 г. / ответственный редактор В. С. Комиссаров. – Москва : Юрлитинформ, 2013. – 684 с. – ISBN 978-5-4396-0435-7.
9. Королева, Е. Сиди тихо: мошенников спасут от насильников / Е. Королева // Газета RU, 12 сентября 2018 года. – URL: <https://www.gazeta.ru/social/2018/09/11/11960965.shtml> (дата обращения: 16.11.2018).

10. Мешко, Г. Экспертное заключение / Г. Мешко // Отбывание лишения свободы осужденными за экономические и (или) должностные преступления: итоги теоретического исследования / под научной редакцией В. И. Селиверстова. – Москва : Юриспруденция, 2019. – 464 с. – ISBN 978-5-9516-0838-3.
11. Никитина, И. А. Совершенствование уголовного законодательства Российской Федерации об ответственности за преступления в сфере экономической деятельности / И. А. Никитина // Материалы VIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30–31 мая 2013 г. / ответственный редактор В. С. Комиссаров. – Москва : Юрлитинформ, 2013. – 684 с. – ISBN 978-5-4396-0435-7.
12. Нужны ли частные тюрьмы в России: для бизнесменов предлагают особые условия заключения // Коммерсант FM, 9 марта 2017 года. – URL: <http://www.deloros.ru/nuzhny-li-chastnye-tyurmy-v-rossii.html> (дата обращения: 05.04.2017).
13. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 20. – Ст. 3397.
14. Пертли, Л. Ф. Аналитический обзор с предложениями по результатам исследования зарубежного опыта отбывания лишения свободы осужденными за совершение экономических и должностных преступлений с учетом их криминологических и социально-демографических особенностей / Л. Ф. Пертли // Отбывание лишения свободы осужденными за экономические и (или) должностные преступления: итоги теоретического исследования / под научной редакцией В. И. Селиверстова. – Москва : Юриспруденция, 2019. – 464 с. – ISBN 978-5-9516-0838-3.
15. Rogozin выступил за «расстрелы», а не «посадки» за коррупцию в оборонке // Технологии и медиа, 08.08.2021. – URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/08/08/2021/610f07c09a7947abc280d855?utm_source=yxnews&utm_medium=desktopps (дата обращения: 05.04.2017).
16. Скаков, А. Б. Экспертное заключение / А. Б. Скаков // Отбывание лишения свободы осужденными за экономические и (или) должностные преступления: итоги теоретического исследования / под научной редакцией В. И. Селиверстова. – Москва : Юриспруденция, 2019. – 464 с. – ISBN 978-5-9516-0838-3.
17. Смирнов, Л. Б. Криминологические проблемы уголовного наказания в виде лишения свободы: коррекция целеполагания, принципов и реализации / Л. Б. Смирнов. – URL: <http://www.criminologyclub.ru/home/3-last-sessions/297-2017-03-19-12-26-26.html> (дата обращения: 20.03.2017).
18. Шабанов, В. Б. Экспертное заключение / В. Б. Шабанов // Отбывание лишения свободы осужденными за экономические и (или) должностные преступления: итоги теоретического исследования / под научной редакцией В. И. Селиверстова. – Москва : Юриспруденция, 2019. – 464 с. – ISBN 978-5-9516-0838-3.

REFERENCES

1. Akimzhanov T.K. Specialization as one of the necessary conditions for improving the effectiveness of the execution of criminal punishment in the form of imprisonment. In: Seliverstov V.I. (Ed.). *Otbyvanie lisheniya svobody osuzhdennymi za ekonomicheskie i (ili) dolzhnostnye prestupleniya: itogi teoreticheskogo issledovaniya* [Serving of imprisonment by persons convicted of economic and (or) official crimes: the results of a theoretical study]. Moscow: Yurisprudentsiya, 2019. 464 p.
2. Aleksandrova I.A. From preferences to equality: waiting for changes in the new criminal economic policy. *Vestnik Nizhegorodskoi pravovoi akademii=Herald of the Nizhny Novgorod Academy of Law*, 2014, no. 3 (3), pp. 29–32. (In Russ.).
3. Bavsun M.V., Borkov V.N., Nikolaev K.D. The concept of modernization of criminal legislation in the economic sphere: a critical analysis. *Nauchnyi vestnik Omskoi Akademii MVD Rossii=Scientific Bulletin of Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2011, no. 4 (43), pp. 12–16. (In Russ.).
4. *V Gosdume predlozhiли kaznit' korruptsionerov i sdelat' dlya nikh otdel'noe kladbishche* [The State Duma proposed to execute corrupt officials and bury them in a separate cemetery]. Available at: https://pikabu.ru/story/v_gosdume_predlozhiли_kaznit_korruptsionerov_i_sdelat_dlya_nikh_otdelnoe_kladbishche_6469852 (accessed August 1, 2021).
5. *V Rossii mogut poyavit'sya chastnye tyur'my dlya biznesmenov* [Private prisons for businessmen may appear in Russia]. Available at: <http://www.dg-yug.ru/rubriki/world/89867-v-rossii-mogut-poyavitsya-chastnyie-tyurmyi-dlya-biznesmenov.html> (accessed April 4, 2017).
6. Ivanov S. Separate sections for entrepreneurs accused of economic crimes will appear in pre-trial detention centers. *Rusbases*, September 12, 2018. Available at: <https://rb.ru/news/sizo-business/> (accessed November 16, 2018). (In Russ.).
7. *Interv'yu zamestitelya direktory FSIN Rossii na radiostantsii "Ekho Moskvy" 14 noyabrya 2018 goda. FSIN zayavila o nekhvatke mest v koloniyakh dlya byvshikh silovikov* [Interview of the Deputy Director of the Federal Penitentiary Service of Russia on the radio "Echo of Moscow" on November 14, 2018. FSIN announced a shortage of places in the colonies for former security forces officers]. Available at: <https://iz.ru/812148/2018-11-14/fsin-zaiavila-o-nekhvatke-mest-v-koloniyakh-dlia-byvshikh-silovikov> (accessed July 31, 2021).
8. Kleimenov M.P. Problems of codification of the criminal law: history, modernity, future (dedicated to the 200th anniversary of the draft Criminal Code of 1813). In: Komissarov V.S. (Ed.). *Materialy VIII Rossiiskogo kongressa ugolovnogo prava, sostoyavshegosya 30–31 maya 2013 g.* [Proceedings of the 8th Russian Congress on Criminal Law, held on May 30–31, 2013]. Moscow: Yurilitinform, 2013. 684 p. (In Russ.).
9. Koroleva E. Do your time without trouble: scammers will be saved from rapists. *Gazeta RU*, September 12, 2018. Available at: <https://www.gazeta.ru/social/2018/09/11/11960965.shtml> (accessed November 16, 2018). (In Russ.).
10. Meško G. Expert opinion. In: Seliverstov V.I. (Ed.). *Otbyvanie lisheniya svobody osuzhdennymi za ekonomicheskie i (ili) dolzhnostnye prestupleniya: itogi teoreticheskogo issledovaniya* [Serving of imprisonment by persons convicted of economic and (or) official crimes: the results of a theoretical study]. Moscow: Yurisprudentsiya, 2019. 464 p. (In Russ.).
11. Nikitina I.A. Improvement of the criminal legislation of the Russian Federation on responsibility for crimes in the sphere of economic activity. In: Komissarov V.S. (Ed.). *Materialy VIII Rossiiskogo kongressa ugolovnogo prava, sostoyavshegosya 30–31 maya 2013 g.* [Proceedings of the 8th Russian Congress on Criminal Law, held on May 30–31, 2013]. Moscow: Yurilitinform, 2013. 684 p. (In Russ.).
12. Is there a need for private prisons in Russia? Special conditions of imprisonment are offered for businessmen. *Kommersant FM*, March 9, 2017. Available at: <http://www.deloros.ru/nuzhny-li-chastnye-tyurmy-v-rossii.html> (accessed April 5, 2017). (In Russ.).

13. On the Concept for development of the penal system of the Russian Federation for the period up to 2030: Resolution of the Government of the Russian Federation no. 1138-r of April 29, 2021. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 2021. No. 20. Article 3397. (In Russ.).
14. Pertli L.F. Analytical review with proposals based on the results of the study of foreign experience of serving imprisonment by persons convicted of economic and official crimes, taking into account their criminological and socio-demographic characteristics. In: Seliverstov V.I. (Ed.). *Otbyvanie lisheniya svobody osuzhdennymi za ekonomicheskie i (ili) dolzhnostnye prestupleniya: itogi teoreticheskogo issledovaniya* [Serving of imprisonment by persons convicted of economic and (or) official crimes: the results of a theoretical study]. Moscow: Yurisprudentsiya, 2019. 464 p.
15. Rogozin spoke in favor of execution rather than imprisonment for corruption in the defense industry. *Tekhnologii i media=Technologies and the Media*, August 8, 2021. Available at: https://www.rbc.ru/technology_and_media/08/08/2021/610f07c09a7947abc280d855?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (accessed April 5, 2017). (In Russ.).
16. Skakov A.B. Expert opinion. In: Seliverstov V.I. (Ed.). *Otbyvanie lisheniya svobody osuzhdennymi za ekonomicheskie i (ili) dolzhnostnye prestupleniya: itogi teoreticheskogo issledovaniya* [Serving of imprisonment by persons convicted of economic and (or) official crimes: the results of a theoretical study]. Moscow: Yurisprudentsiya, 2019. 464 p.
17. Smirnov L.B. *Kriminologicheskie problemy ugovornogo nakazaniya v vide lisheniya svobody: korrektsiya tselepolaganiya, printsipov i realizatsii* [Criminological problems of criminal punishment in the form of imprisonment: correction of goal-setting, principles and implementation]. Available at: <http://www.criminologyclub.ru/home/3-last-sessions/297-2017-03-19-12-26-26.html> (accessed March 20, 2017).
18. Shabanov V.B. Expert opinion. In: Seliverstov V.I. (Ed.). *Otbyvanie lisheniya svobody osuzhdennymi za ekonomicheskie i (ili) dolzhnostnye prestupleniya: itogi teoreticheskogo issledovaniya* [Serving of imprisonment by persons convicted of economic and (or) official crimes: the results of a theoretical study]. Moscow: Yurisprudentsiya, 2019. 464 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ СЕЛИВЕРСТОВ – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Московского государственного лингвистического университета, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9554-5438>, e-mail: vis_home@list.ru

VYACHESLAV I. SELIVERSTOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, professor of the Department of Criminal Law and Criminology at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, professor of the Department of Criminal-Legal Disciplines at Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9554-5438>, e-mail: vis_home@list.ru

Статья поступила 05.08.2021

Теоретические, правовые и организационные основы деятельности добровольцев в сфере социальной адаптации осужденных без изоляции от общества в России

С. Л. БАБАЯН

Научно-исследовательский институт ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8712-0192>, e-mail: bsl09@mail.ru

Н. В. ОЛЬХОВИК

Научно-исследовательский институт ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация

Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7150-7234>, e-mail: lawtsu@rambler.ru

С. А. ФАДЕЕВА

Научно-исследовательский институт ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация

Нижегородский институт развития образования, г. Нижний Новгород, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7150-7234>, e-mail: fadeeva1607@gmail.com

И. А. ЛАКИНА

Научно-исследовательский институт ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5342-2886>, e-mail: shumik.88@mail.ru

Л. П. ПИТКЕВИЧ

Научно-исследовательский институт ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2040-0960>, e-mail: Lida-19832008@yandex.ru

Реферат

Введение: в статье рассматриваются теоретические, правовые и организационные основы участия добровольцев в социальной адаптации осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы. *Цель:* на основе обобщения теоретических, правовых и организационных основ деятельности добровольцев в сфере исполнения наказаний в России и зарубежных странах показать перспективы их участия в социальной адаптации осужденных без изоляции от общества в нашей стране. *Методы:* сравнительно-правовой, эмпирические методы описания, интерпретации, теоретические методы формальной и диалектической логики, частнонаучные методы: юридикто-догматический и метод толкования правовых норм. *Результаты:* в жизнедеятельности осужденных без изоляции от общества добровольчество выполняет мобилизационную, регулятивную, стимулирующую, коммуникативную функции, а также функции социализации и самоутверждения. *Выводы:* предлагается допол-

нить перечень видов деятельности, в отношении которых федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления утверждается порядок взаимодействия государственных и муниципальных учреждений с участниками добровольческой (волонтерской) деятельности, еще одним видом – содействием в работе учреждений и органов, исполняющих наказания, участием в исправлении осужденных и их социальной адаптации. Обосновываются предложения о возложении на органы государственной власти Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления обязанности оказывать организационную, информационную, методическую и иную поддержку субъектам добровольческой (волонтерской) деятельности, содействующим работе учреждений и органов, исполняющих наказания, учитывать добровольческую (волонтерскую) деятельность осужденного при определении степени его исправления, признании активного участия осужденного без изоляции от общества в добровольческой (волонтерской) деятельности основанием применения к нему мер поощрения.

К л ю ч е в ы е с л о в а : уголовно-исполнительное право; наказания, не связанные с лишением свободы; общественность; уголовно-исполнительные инспекции; добровольцы.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Бабаян С. Л., Ольховик Н. В., Фадеева С. А., Лакина И. А., Питкевич Л. П. *Пенитенциарная наука*, 2021, т. 15, № 3 (55), с. 502–511. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-3-502-511.

Theoretical, Legal and Organizational Foundations of Volunteer Activities in the Field of Social Adaptation of Individuals Sentenced to Non-Custodial Punishment in Russia

SERGEI L. BABAYAN

Research Institute of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation
Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8712-0192>, e-mail: bsl09@mail.ru

NIKOLAI V. OL'KHOVIK

Research Institute of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation
National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7150-7234>, e-mail: lawtsu@rambler.ru

SVETLANA A. FADEEVA

Research Institute of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation
Nizhny Novgorod Institute for Education Development, Nizhny Novgorod, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7150-7234>, e-mail: fadeeva1607@gmail.com

IRINA A. LAKINA

Research Institute of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5342-2886>, e-mail: shumik.88@mail.ru

LIDIYA P. PITKEVICH

Research Institute of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2040-0960>, e-mail: Lida-19832008@yandex.ru

Abstract

Introduction: the article investigates theoretical, legal and organizational foundations for participation of volunteers in the social adaptation of individuals convicted to non-custodial punishments. *Aim:* we review theoretical, legal and organizational foundations of the work of volunteers in the field of execution of sentences in Russia and foreign countries and show the prospects for their participation in the social adaptation of individuals convicted without isolation from society in our country. *Methods:* comparative legal, empirical methods of description, interpretation, theoretical methods of formal and dialectical logic, private scientific methods: legal-dogmatic and method of interpretation of legal norms. *Results:* in the life of those convicted to non-custodial punishments, volunteerism performs mobilization, regulatory, stimulating, communicative functions, as well as the functions of socialization and self-affirmation. *Conclusions:* we propose to supplement the list of activities in respect of which the federal executive authorities, executive authorities of constituent entities of the Russian Federation, and local government bodies approve the procedure for interaction between state and municipal institutions and volunteers, with one more type of activity such as assistance in the work of institutions and bodies executing sentences, participation in the reformation of convicts and their social adaptation. We substantiate the proposals on assigning the state authorities of the Russian Federation, constituent entities of the Russian Federation, and local government bodies the obligation to provide organizational, informational, methodological and other support to the subjects of voluntary (volunteer) activities that promote the work of institutions and bodies executing sentences, to take into account the voluntary (volunteer) activity of the convicted person when determining the degree of their reformation, recognition of the active participation of the person convicted to non-custodial punishment in voluntary (volunteer) activities as the basis for applying incentive measures to such convicts.

Keywords: penal law; non-custodial punishments; the public; probation inspectorates; volunteers.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

For citation: Babayan S.L., Ol'khovik N.V., Fadeeva S.A., Lakina I.A., Pitkevich L.P. Theoretical, legal and organizational foundations of volunteer activities in the field of social adaptation of individuals sentenced to non-custodial punishment in Russia. *Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 3 (55), pp. 502–511. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-3-502-511.

Введение

Добровольчество (волонтерство) является одним из инструментов социального, экономического и духовного развития гражданского общества. Сформированность института добровольчества является характерным признаком устойчивой социальной системы. Целевым приоритетом добровольчества (волонтерства) признаются не только новые возможности для самореализации граждан, но и распространение соответствующих практик в общественном развитии. Доброволец – это человек, который добровольно участвует в каком-либо деле, а добровольчество – участие человека в какой-либо организации, движении по своему желанию и собственной воле.

Добровольчество привлекает внимание исследователей из разных областей науки. Как одну из практик гражданского общества добровольчество изучают И. Л. Корнева [4], О. И. Холина [14], Л. И. Якобсон [3; 17], как практику формирования общественных интересов исследуют Л. И. Никовская,

В. Н. Якимец [5], А. В. Соколов [11], в контексте включенности в социальную работу его рассматривают А. А. Клепикова [2], М. В. Певная [7], З. Х. Саралиева [8; 9] и др. Однако, к сожалению, сравнительно мало теоретических исследований посвящено влиянию добровольчества на процесс исправления и социализации осужденных. При необходимости можно опираться лишь на труды Л. И. Сикорской [10], Н. В. Тарасовой [12], в которых раскрыты педагогические и воспитательные аспекты добровольчества.

Материалы и методы

Добровольчество, имеющее место в среде осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, представляет собой не только осуществление социально ориентированной деятельности для решения общественных проблем. Ряд подходов потенциально реализуемы при определении добровольчества как методологического основания в деле социализации указанных лиц:

– личностно ориентированный подход, рассматривающий участвующего в добро-

вольческой деятельности осужденного как активного субъекта своей ресоциализации и исправления с опорой на личностные потенциалы и возможности;

– информационно-просветительский подход, в основе которого лежит принцип «равный – равному», когда осужденные могут оказывать посильную поддержку и помощь друг другу;

– аксиологический подход, обосновывающий ценностный компонент добровольческой деятельности для жизни и благополучия осужденного;

– системный подход, рассматривающий добровольчество как организационную целостность, интегрирующую в себе цели, ресурсы, процессы и пр.

Для обобщения положительных практик деятельности в учреждениях и органах УИС добровольческих (волонтерских) организаций (команд, групп, звеньев) среди осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества НИИ ФСИН России проведен опрос сотрудников 30 территориальных органов ФСИН России. Подчеркнем, что работа по привлечению добровольческих организаций к процессу социализации осужденных рассматриваемой категории проводится во всех участвовавших в исследовании органах.

Результаты и обсуждение

Добровольчество как инструмент позитивного влияния на осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, представляется достаточно сложным социокультурным феноменом. Основные его функции в жизнедеятельности осужденных: мобилизационная, регулятивная, стимулирующая, коммуникативная, а также функции социализации и самоутверждения.

Следует отметить, что добровольчество обладает огромным социально-педагогическим потенциалом, поэтому использование этого ресурса для исправления и ресоциализации осужденных может как вызывать непосредственные положительные социальные эффекты, так и иметь отсроченные воспитательные результаты.

В Концепции развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 27.12.2018 № 2950-р (далее – Концепция добровольчества), отмечено, что содействие развитию и распространению добровольческой (волонтерской) деятельности отнесено

к числу приоритетных направлений социальной и молодежной политики. Конституция Российской Федерации закладывает правовые основы осуществления добровольческой (волонтерской) деятельности [13], а практика добровольчества выстраивается, как правило, на основании положений Федерального закона от 11.08.1995 № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» (далее – ФЗ № 135) и Концепции добровольчества.

Определение правовых основ деятельности добровольцев в процессе социальной адаптации осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, обязывает напомнить дефиницию понятия «добровольческая деятельность». Итак, под добровольческой (волонтерской) деятельностью понимается добровольная деятельность в форме безвозмездного выполнения работ и (или) оказания услуг в целях, которые исчерпывающим образом предусмотрены п. 1 ст. 2 ФЗ № 135.

Общественные объединения могут оказывать содействие в работе учреждений и органов, исполняющих наказания, принимают участие в исправлении осужденных (ст. 23 УИК РФ). Возникают правомерные вопросы: какие же цели волонтерской деятельности актуальны для работы добровольцев с осужденными? каковы целевые ориентиры содействия в работе учреждений и органов, исполняющих наказания?

Известно, что осужденные к наказаниям и мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией от общества, состоят на учете в уголовно-исполнительных инспекциях территориальных органов ФСИН России. Так как цели подобных наказаний – это исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений, не вызывает сомнения приоритетность профилактической функции добровольчества как способа недопущения социально опасных форм поведения.

Стоит подчеркнуть, что общий массив осужденных, состоящих на учете УИИ, неоднороден по своим социально-демографическим, социально-ролевым, нравственно-психологическим, уголовно-правовым и уголовно-исполнительным признакам, а процесс детерминации преступности и других социально опасных форм поведения людей включает множество взаимосвязанных факторов [6], поэтому цели добровольческой (волонтерской) деятельности, перечис-

ленные п. 1 ст. 2 ФЗ № 135, сохраняют свое значение при их экстраполяции на работу с осужденными к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества. Большая часть этих целей, как представляется, напрямую коррелирует с понятиями «социальная адаптация» и «ресоциализация». Указанные понятия четко закреплены в Федеральном законе от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». Именно в данном документе используется термин «социальная адаптация», определяемый как комплекс мероприятий, направленных на оказание лицам, находящимся в трудной жизненной ситуации (к которым относим и лиц, отбывающих наказания, не связанные с лишением свободы), содействия в реализации их конституционных прав и свобод, а также помощи в трудовом и бытовом устройстве (ст. 24).

В соответствии со ст. 5 ФЗ № 135 участниками добровольческой (волонтерской) деятельности являются добровольцы (волонтеры), организаторы добровольческой (волонтерской) деятельности и добровольческие (волонтерские) организации. Там же определено, что добровольцы (волонтеры) – физические лица, осуществляющие добровольческую (волонтерскую) деятельность в целях, указанных в п. 1 ст. 2 настоящего федерального закона, или в иных общественно полезных целях. Организаторы добровольческой (волонтерской) деятельности – некоммерческие организации и физические лица, которые привлекают на постоянной или временной основе добровольцев (волонтеров) к осуществлению добровольческой (волонтерской) деятельности и осуществляют руководство их деятельностью.

В целях развития добровольчества (волонтерства) территориальными органами ФСИН России на постоянной основе осуществляется взаимодействие с различными волонтерскими организациями, которые способствуют привлечению к соответствующей деятельности осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества. При организации профилактической работы с данными лицами, в том числе несовершеннолетними, большое значение приобретает оказание содействия в решении социальных проблем (прохождение лечения, продолжение обучения, трудоустройство, оказание юридической, материальной и иной помощи).

В настоящее время заключено более 70

соглашений о взаимодействии с региональными центрами Ассоциации волонтерских центров, 76 соглашений – с региональными центрами Национальной родительской ассоциации и 572 – с добровольными (волонтерскими) движениями и молодежными общественными объединениями.

В течение 2020 г. сотрудниками УИИ совместно с добровольческими (волонтерскими) организациями проведено более 1 тыс. мероприятий по оказанию социальной поддержки несовершеннолетним, осужденным к наказаниям без изоляции от общества, которыми было охвачено более 2600 подучетных данной категории.

Результаты проведенного НИИ ФСИН России в мае 2021 г. опроса свидетельствуют о том, что работа по привлечению добровольческих (волонтерских) организаций к процессу социализации осужденных к наказаниям без изоляции от общества осуществляется в 100 % участвовавших в нем территориальных органов ФСИН России.

Так, например, УФСИН России по Вологодской области на основании информации, полученной в единой информационной системе «Добровольцы России», во всех муниципальных образованиях области определены мероприятия, в которых возможно участие осужденных без изоляции от общества и сотрудников уголовно-исполнительной системы. С волонтерскими отрядами и добровольческими движениями заключены соответствующие соглашения на муниципальном уровне. В июне 2020 г. в муниципальном казенном учреждении «Череповецкий молодежный центр» организована встреча несовершеннолетних осужденных с представителем «Школы волонтера», в рамках которой доведена информация о деятельности волонтерских организаций, способах участия в добровольческом движении. Состоящим на учете в УИИ несовершеннолетним осужденным выдан буклет с информацией «Череповецкого молодежного центра», где содержатся сведения о действующих объединениях волонтерской организации, проводимых акциях и мероприятиях, контактные данные.

УИИ УФСИН России по Самарской области заключены соглашения с волонтерским корпусом «Источник добра» и волонтерским движением «Волонтеры победы». Условно осужденными совместно с представителями добровольческих (волонтерских) организаций во 2 квартале 2020 г. в Челно-Вер-

шинском и Шенталинском районах оказана помощь по хозяйству инвалидам и людям с ограниченными возможностями.

Помещение осужденных без изоляции от общества в условия обычной жизни, организуемое подготовленными специалистами, представляется одним из векторов снижения рецидивной преступности среди этой категории лиц. УИИ имеют возможность переструктурирования применяемых моделей социально-педагогической и воспитательной работы с осужденными. Однако эффективность этих процессов обеспечивается лишь наличием соответствующей нормативно-правовой базы и социально-экономических ресурсов. Кроме того, взаимодействие различных социальных институтов в работе с осужденными к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, может внести неоценимый вклад в их социальную адаптацию. На этом делают акцент общемировые и европейские стандарты в области исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы. Например, в Рекомендации Комитета министров Совета Европы о правилах Совета Европы о пробации 2010 г. с учетом разнообразия выполняемых ведомством функций закреплён принцип взаимодействия с другими государственными органами и организациями для оказания помощи правонарушителям (п. 12). Это же положение содержится и в п. 15 Европейских правил в отношении несовершеннолетних.

Более того, сравнительно-правовое исследование исполняемых службами пробации в Европе функций убедительно доказывает, что они реализуются, как правило, при обязательном взаимодействии с другими институтами [16, с. 236; 18].

Например, служба пробации в ФРГ организует подготовку осужденных к освобождению, оказывает им помощь в трудоустройстве и обеспечивает жильем совместно с волонтерами и добровольцами. Как правило, волонтерство осуществляется в двух видах: попечительное (индивидуальное) и сотрудничество (групповое). Индивидуальное волонтерство подразумевает индивидуальную работу со стороны представителя общественности с конкретным осужденным в рамках волонтерской программы, а групповое включает в себя работу волонтера с группой осужденных (например, групповая организация спорта и досуга) [3, с. 84–85]. В ФРГ осуществляется программа по подбору и подготовке добровольных помощников, в

том числе с помощью специальных курсов, семинаров и конференций.

В Латвии Государственная служба пробации начала привлекать добровольцев к своей работе с 2017 г. В волонтерской программе могут участвовать молодые люди от 14 до 25 лет. Однако в порядке исключения это могут быть и люди постарше, которые, например, будут работать с осужденным, который провел в местах лишения свободы более пяти лет. У волонтеров нет возрастных ограничений. Во время надзора служба пробации старается найти осужденному волонтера, который мог бы быть ему интересен в силу общих увлечений, хобби, потребностей и умений. Соглашение с осужденным заключается на период надзора и действует, как правило, от 6 месяцев до 4 лет. Подать заявку может любой человек от 18 лет, заполнив анкету на сайте Государственной службы пробации. Анкета отсылается по месту жительства претендента, там с ним проводится беседа. Клиент службы пробации (осужденный) заполняет анкету: чем он в данный момент занимается, чему хочет научиться. Сотрудник службы пробации старается выявить риски, проблемы, которые необходимо проработать. После заполнения анкеты последний советуется с координатором, оценивает возможность найти подходящего волонтера. Спустя время происходит встреча в составе координатора, волонтера, клиента службы пробации, во время которой оговариваются правила поведения, происходит обмен контактами. Клиент службы пробации и волонтер договариваются о своей первой встрече. Волонтер должен общаться с осужденным не менее 8 часов в месяц, включая телефонные разговоры, что получает отражение в дневнике встреч, который ведется волонтером [1].

В федеральных законах существуют положения, которые потенциально применимы к рассматриваемой категории осужденных. Так, в ст. 24 федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» предусматривается, что социальная адаптация (в том числе осужденных к наказаниям без изоляции от общества) происходит посредством:

- 1) стимулирования деятельности организаций, предоставляющих рабочие места лицам, нуждающимся в социальной адаптации, а также лицам, прошедшим курс лечения от наркомании, алкоголизма и токсикомании и реабилитацию;

2) предоставления лицам, нуждающимся в социальной адаптации, в том числе лицам, находящимся в трудной жизненной ситуации, социальных услуг в организациях социального обслуживания в соответствии с Федеральным законом от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», а также нормативными правовыми актами органов государственной власти субъектов Российской Федерации;

3) предоставления государственной социальной помощи на основании социального контракта в соответствии с Федеральным законом от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи»;

4) привлечения общественных объединений для оказания содействия лицам, нуждающимся в социальной адаптации.

В ст. 17.3 ФЗ № 135 определяются полномочия органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов и органов местного самоуправления в сфере добровольчества (волонтерства). Общие требования к порядку взаимодействия федеральных, региональных и местных органов исполнительной власти, подведомственных им государственных и муниципальных учреждений, иных организаций с субъектами добровольческой (волонтерской) деятельности установлены Правительством Российской Федерации в постановлении от 28.11.2018 № 1425. В этом документе закреплён порядок взаимодействия, однако перечень видов деятельности, в отношении которых он утверждается, ограничивается в настоящее время лишь несколькими направлениями. Несмотря на то что выделенные направления взаимодействия и распространяются на осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, представляется необходимым дополнение существующего перечня еще одним пунктом: содействие в работе учреждений и органов, исполняющих наказания, участие в исправлении осужденных. На наш взгляд, необходимо подчеркнуть важность обеспечения безопасности населения от криминальных угроз, предусмотрев возможность активизации участия добровольцев в работе с осужденными к наказаниям без изоляции от общества.

Создание и развитие на добровольной основе волонтерского движения осужденных позволит им ощутить связь с обще-

ством и нивелировать негативные стороны отбытия наказания.

С учетом того, что в УИК РФ не закреплено право осужденных на участие в добровольчестве (волонтерстве), представляется целесообразным указать в п. 6.2 ст. 12 УИК РФ, что осужденные могут участвовать в волонтерской деятельности при условии заключения соответствующих соглашений учреждениями и органами, исполняющими наказания. Также необходимо отметить, что активное участие осужденных в добровольчестве (волонтерстве) учитывается при определении степени их исправления и применении к ним средств поощрительного воздействия. Кроме того, в ст. 23 УИК РФ следует предусмотреть, что содействовать работе учреждений и органов, исполняющих наказания, и принимать участие в исправлении осужденных могут общественные объединения, централизованные религиозные организации, а также участники добровольческой (волонтерской) деятельности.

Деятельность осужденных в составе добровольческих (волонтерских) организаций целесообразно стимулировать, применяя к ним меры поощрения, поощрительные нормы и институты. В ст. 57 УИК РФ нужно указать, что основанием применения мер поощрения к осужденным к ограничению свободы является также активное участие в добровольческой (волонтерской) деятельности. Необходимо учитывать данную деятельность при определении степени исправления, например при решении вопроса об отмене условного осуждения и снятии судимости в отношении условно осужденных, состоящих на учете в УИИ.

Выводы

Проведенный анализ теоретических, правовых и организационных основ деятельности добровольцев в сфере социальной адаптации осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, свидетельствует о необходимости пересмотра целого ряда важнейших аспектов деятельности уголовно-исполнительных инспекций. В числе приоритетных направлений следует назвать:

- оказание поддержки организаторам добровольческой (волонтерской) деятельности, добровольческим (волонтерским) организациям, в том числе в их взаимодействии с государственными и муниципальными учреждениями и иными организациями;

- популяризацию добровольческой (волонтерской) деятельности;

– активизацию участия в муниципальных программах и мероприятиях, ориентированных на поддержку добровольчества (волонтерства);

– поддержку в области подготовки и обучения работников и добровольцев (волонтеров) в случае, если добровольческую (волонтерскую) деятельность невозможно осуществить без специальной подготовки;

– участие в методическом обеспечении органов местного самоуправления по вопросам разработки и реализации мер по развитию добровольчества (волонтерства) на территориях муниципальных образований;

– стимулирование деятельности осужденных в качестве волонтеров (учитывать

данную деятельность при оценке степени исправления осужденного, а именно при отмене условного осуждения и снятии судимости) для осуществления успешного исправительного воздействия и формирования позитивного социального портфолио осужденных.

Представляется, что все вышеуказанные предложения по совершенствованию воздействия деятельности добровольцев в работе по социализации осужденных могут стать катализатором дальнейшего развития добровольчества и волонтерства в сфере исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, тем самым способствуя предупреждению правонарушений и достижению целей уголовного наказания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Интервью со специалистом Латгальского регионального отдела пробации Латвии Сувейзда // Наш город: Новости Даугавпилса : сайт. – URL: <https://gorod.lv/novosti/307894-sluzhba-probatsii-privekaet-volonterov-dlya-sotsializatsii-prestupnikov#ixzz6mu8dsaB9> (дата обращения: 01.06.2021).
2. Клепикова, А. А. Добровольцы благотворительной организации в государственном учреждении для людей с тяжелой инвалидностью: конструкты волонтерства и профессионализма / А. А. Клепикова // Журнал исследований социальной политики. – 2011. – Том 9, № 3. – С. 391–416. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dobrovoltsy-blagotvoritelnoy-organizatsii-v-gosudarstvennom-uchrezhdenii-dlya-lyudey-s-tyazhelyoy-invalidnostyu-konstrukty/viewer> (дата обращения: 01.06.2021).
3. Конзак, Д. Волонтерская работа в пенитенциарных учреждениях Германии // Д. Конзак, О. М. Чернышева // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2014. – № 3 (27). – С. 83–89.
4. Корнеева, Е. Л. Основные направления исследования волонтерской деятельности / Е. Л. Корнеева // Психологическая наука и образование psyedu.ru. – 2015. – Том 7, № 1. – С. 131–141.
5. Никовская, Л. И. Публичная политика и гражданское общество (Санкт-Петербургский кейс) / Л. И. Никовская, В. Н. Якимец // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. – 2018. – Том 14, № 1. – С. 57–67. – DOI 10.21638/11701/spbu23.2018.105. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/publichnaya-politika-i-grazhdanskoe-obschestvo-sankt-peterburgskiy-keys> (дата обращения: 01.06.2021).
6. Ольховик, Н. В. Эффективность исполнения уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы / Н. В. Ольховик // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Том 12, № 1. – С. 51–59.
7. Певная, М. В. Волонтерство как социальный феномен: управленческий подход : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук / Певная Мария Владимировна. – Нижний Новгород, 2016 – 42 с.
8. Саралиева, З. Х. Инновационные социальные макро-, мезо- и микротехнологии / З. Х. Саралиева // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2013. – № 3-3. – С. 229–234.
9. Саралиева, З. Х. Специфика профессиональной деятельности социальных работников / З. Х. Саралиева // Социальные инновации в развитии трудовых отношений и занятости в XXI веке : материалы международной научно-практической конференции / под общей редакцией З. Х. Саралиевой. – Нижний Новгород : НИСОЦ, 2014. – С. 795–798.
10. Сикорская, Л. Е. Организация добровольческой деятельности в городской среде : учебно-методическое пособие / Л. Е. Сикорская ; под редакцией В. А. Ситарова. – Москва : Нац. ин-т бизнеса, 2008. – 212 с. – ISBN 978-5-8309-0288-5.
11. Соколов, А. В. Добровольческий ресурс развития общества / А. В. Соколов, А. А. Власова // Власть. – 2014. – Том 22, № 11. – С. 110–115. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dobrovolcheskiy-resurs-razvitiya-obschestva> (дата обращения: 01.06.2021).
12. Тарасова, Н. В. Волонтерская деятельность как историко-педагогический феномен / Н. В. Тарасова // Педагогическое образование в России. – 2012. – № 4. – С. 46–52. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/volonterskaya-deyatelnost-kak-istoriko-pedagogicheskiy-fenomen> (дата обращения: 01.06.2021).
13. Тимец, М. В. Конституционные основы волонтерской деятельности в Российской Федерации / М. В. Тимец, Л. Р. Гибадулинова // Успехи в химии и химической технологии. – 2015. – № 5. – С. 82–84.
14. Холина, О. И. Институализация волонтерства в структуру российского гражданского общества : диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Холина Ольга Ивановна. – Краснодар, 2012. – 132 с.
15. Civil society in modernising Russia : analytical report of The Centre for Studies of Civil Society and the Non-for-Profit Sector of the National Research University «Higher School of Economics» according to the results of a «Civil Society Index – CIVICUS» project / Jakobson L. I., Mersyanova I. V., Kononykhina O. N. et al. – Moscow : NRU HSE, 2011. – 48 p. – ISBN 978-5-7598-0922-7.
16. Goodman, A. Rehabilitating and Resettling Offenders in the Community / Anthony Goodman. – Hoboken, New Jersey : John Wiley & Sons Ltd, 2012. – 249 p. – ISBN 978-1-1183-1222-3.

17. Jakobson, L. Do voluntary associations matter for the spread of civic activism in Russia? Matching technique applied to survey data / L. Jakobson, C. Leonard, Z. Nazarov // *Social Science Quarterly*. – 2020. – Volume 101, no. 1. – Pp. 183–200. – DOI 10.1111/ssqu.12726.
18. Kampen, T. Empowerment and Disempowerment of Workfare Volunteers: A Diachronic Approach to Activation Policy in the Netherlands / Thomas Kampen and Evelien Tonkens // *Social Policy and Society*. – 2019. – Volume 18, issue 3. – Pp. 351–364.

REFERENCES

1. Interview with a specialist of the Latgale regional Probation Department of Latvia Sanita Suveizda. *Our city: News of Daugavpils: website*. Available at: <https://gorod.lv/novosti/307894-sluzhba-probatsii-privlekaet-volonterov-dlya-sotsializatsii-prestupnikov#ixzz6mu8dsaB9> (accessed June 1, 2021). (In Russ.).
2. Klepikova A.A. Volunteers of a charitable organization in a state institution for people with severe disabilities: constructs of volunteerism and professionalism. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki=Journal of Social Policy Studies*, 2011, vol. 9, no. 3, pp. 391–416. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/dobrovoltsy-blagotvoritelnoy-organizatsii-v-gosudarstvennom-uchrezhdenii-dlya-lyudey-s-tyazhelyo-invalidnostyu-konstrukty/viewer> (accessed June 1, 2021). (In Russ.).
3. Konzak D., Chernysheva O.M. The voluntary work in penitentiary establishments in Germany. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie=Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*, 2014, no. 3 (27), pp. 83–89. (In Russ.).
4. Korneeva E.L. The main directions of research volunteer activities. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru.=Psychological Science and Education psyedu.ru.*, 2015, vol. 7, no. 1, pp. 131–141. (In Russ.).
5. Nikovskaya L.I., Yakimets V.N. Public policy and civil society (case study of Saint Petersburg). *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS=Political Expertise: POLITEK*, 2018, vol. 14, no. 1, pp. 57–67. DOI 10.21638/11701/spbu23.2018.105. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/publicnaya-politika-i-grazhdanskoe-obschestvo-sankt-peterburgskiy-keys> (accessed June 1, 2021). (In Russ.).
6. Ol'khovik N.V. The effectiveness of criminal punishment without a deprivation of liberty. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal=Russian Journal of Criminology*, 2018, vol. 12, no. 1, pp. 51–59. (In Russ.).
7. Pevnaya M.V. *Volonterstvo kak sotsial'nyi fenomen: upravlencheskii podkhod: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora sotsiologicheskikh nauk* [Volunteering as a social phenomenon: a managerial approach: Doctor of Sciences (Sociology) dissertation abstract]. Nizhny Novgorod, 2016. 42 p.
8. Saralieva Z.Kh. Innovative social macro-, meso-, and microtechnologies. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo=Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2013, no. 3-3, pp. 229–234. (In Russ.).
9. Saralieva Z.Kh. Specifics of professional activity of social workers. In: Saralieva Z.Kh. (Ed.). *Sotsial'nye innovatsii v razvitiy trudovykh otnoshenii i zanyatosti v XXI veke: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Social innovations in the development of labor relations and employment in the 21st century: proceedings of the international scientific and practical conference]. Nizhny Novgorod: NISOTs, 2014. Pp. 795–798. (In Russ.).
10. Sikorskaya L.E. *Organizatsiya dobrovol'cheskoi deyatel'nosti v gorodskoi srede: uchebno-metodicheskoe posobie* [Organizing volunteer activity in the urban environment: an educational and methodological manual]. Moscow: Nats. in-t biznesa, 2008. 212 p.
11. Sokolov A.V., Vlasova A.A. Volunteer resource for the development of society. *Vlast'=Power*, 2014, vol. 22, no. 11, pp. 110–115. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/dobrovolcheskiy-resurs-razvitiya-obschestva> (accessed June 1, 2021). (In Russ.).
12. Tarasova N.V. Volunteer activity as a historical and pedagogical phenomenon. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii=Pedagogical Education in Russia*, 2012, no. 4, pp. 46–52. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/volonterskaya-deyatelnost-kak-istoriko-pedagogicheskii-fenomen> (accessed June 1, 2021). (In Russ.).
13. Timets M.V., Gibadulinova L.R. Constitutional foundations of volunteer activity in the Russian Federation. *Uspekhi v khimii i khimicheskoi tekhnologii=Advances in Chemistry and Chemical Technology*, 2015, no. 5, pp. 82–84. (In Russ.).
14. Kholina O.I. *Instiutalizatsiya volonterstva v strukturu rossiiskogo grazhdanskogo obshchestva: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata sotsiologicheskikh nauk* [Institutionalization of volunteerism in the structure of Russian civil society: Candidate of Sciences (Sociology) dissertation]. Krasnodar, 2012. 132 p.
15. Jakobson L.I., Mersyanova I.V., Kononykhina O.N. et al. *Civil society in modernising Russia: analytical report of The Centre for Studies of Civil Society and the Non-for-Profit Sector of the National Research University "Higher School of Economics" according to the results of a "Civil Society Index – CIVICUS" project*. Moscow: NRU HSE, 2011. 48 p.
16. Goodman A. *Rehabilitating and Resettling Offenders in the Community*. Hoboken, New Jersey: John Wiley & Sons Ltd, 2012. 249 p.
17. Jakobson L., Leonard C., Nazarov Z. Do voluntary associations matter for the spread of civic activism in Russia? Matching technique applied to survey data. *Social Science Quarterly*, 2020, vol. 101, no. 1, pp. 183–200. DOI 10.1111/ssqu.12726.
18. Kampen T., Tonkens E. Empowerment and disempowerment of workfare volunteers: a diachronic approach to activation policy in the Netherlands. *Social Policy and Society*, 2019, vol. 18, no. 3, pp. 351–364.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

СЕРГЕЙ ЛЬВОВИЧ БАБАЯН – доктор юридических наук, доцент, старший научный сотрудник НИЦ-2 Научно-исследовательского института ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8712-0192>, e-mail: bsl09@mail.ru

SERGEI L. BABAYAN – Doctor of Sciences (Law), Chief Researcher at Scientific Research Center-2, Research Institute of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation, professor at the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts, Faculty of Law, Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8712-0192>, e-mail: bsl09@mail.ru

НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ОЛЬХОВИК – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник НИЦ-2 Научно-исследовательского института ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация, доцент кафедры уголовного права Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7150-7234>, e-mail: lawtsu@rambler.ru

СВЕТЛАНА АЛЕКСАНДРОВНА ФАДЕЕВА – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник НИЦ-2 Научно-исследовательского института ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация, профессор кафедры теории и практики воспитания и дополнительного образования Нижегородского института развития образования, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7150-7234>, e-mail: fadeeva1607@gmail.com

ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ЛАКИНА – научный сотрудник НИЦ-3 Научно-исследовательского института ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5342-2886>, e-mail: shumik.88@mail.ru

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА ПИТКЕВИЧ – научный сотрудник НИЦ-1 Научно-исследовательского института ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2040-0960>, e-mail: Lida-19832008@yandex.ru

NIKOLAI V. OL'KHOVIK – Candidate of Sciences (Law), Leading Researcher at Scientific Research Center-2, Research Institute of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation, associate professor at the Department of Criminal Law, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7150-7234>, e-mail: lawtsu@rambler.ru

SVETLANA A. FADEEVA – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Chief Researcher at Scientific Research Center-2, Research Institute of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation, professor at the Department of the Theory and Practice of Education and Additional Training, Nizhny Novgorod Institute for Education Development, Nizhny Novgorod, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7150-7234>, e-mail: fadeeva1607@gmail.com

IRINA A. LAKINA – Researcher at Scientific Research Center-3, Research Institute of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5342-2886>, e-mail: shumik.88@mail.ru

LIDIYA P. PITKEVICH – Researcher at Scientific Research Center-1, Research Institute of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2040-0960>, e-mail: Lida-19832008@yandex.ru

Статья поступила 04.06.2021

Проверка сообщений о преступлениях, совершенных осужденными в исправительных учреждениях, в контексте обеспечения их прав и законных интересов

■ **А. С. ШАТАЛОВ**

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9696-416X>, e-mail: asshatalov@rambler.ru

Реферат

Введение: в статье рассмотрены проблемные вопросы участия должностных лиц органов и учреждений уголовно-исполнительной системы в процессуальной деятельности по проверке сообщений о преступлениях осужденных, обвиняемых, подозреваемых, совершенных ими в местах лишения свободы, и сформулированы предложения, направленные на повышение ее эффективности. Рассуждения автора имеют непосредственное отношение к определению момента начала исчисления сроков такой проверки, оцениванию целесообразности ее проведения, фактическому содержанию присущих ей процессуальных процедур и участию в них защитника. *Цель:* проанализировать этапы участия должностных лиц органов и учреждений уголовно-исполнительной системы в процессуальной деятельности по проверке сообщений о преступлениях осужденных, обвиняемых, подозреваемых, совершенных ими в местах лишения свободы, для осуществления классификации проблем реализации данного процесса и выявления способов их решения. *Методы:* посредством методов комплексного анализа автором осуществлена классификация проблем реагирования на разнообразные нарушения уголовно-правовых запретов со стороны осужденных к лишению свободы, а также подозреваемых и обвиняемых, находящихся под стражей. Результаты: в ходе проведенного анализа были выявлены следующие группы проблем: 1) проблемы, связанные с поводами для возбуждения уголовного дела; 2) проблемы, связанные с проверкой сообщений о преступлениях осужденных; 3) проблемы, связанные с принятием итоговых процессуальных решений и оказанием квалифицированной юридической помощи осужденным при осуществлении проверочных действий. С учетом специфики проблем сформулированы пути их решения. *Выводы:* автор убедительно показывает, что своевременное и профессиональное реагирование должностных лиц исправительных учреждений (в том числе следственных изоляторов) на разнообразные нарушения уголовно-правовых запретов со стороны осужденных к лишению свободы, а также подозреваемых и обвиняемых, находящихся под стражей, является обязательным и имеет ряд специфических особенностей, обусловленных, в первую очередь, той средой, в которой оно осуществляется.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела; досудебное производство; исправительное учреждение; неотложные следственные действия; осужденный; сообщение о преступлении; уголовно-исполнительная система.

12.00.09 – Уголовный процесс.

Для цитирования: Шаталов А. С. Проверка сообщений о преступлениях, совершенных осужденными в исправительных учреждениях, в контексте обеспечения их прав и законных интересов. *Пенитенциарная наука*, 2021, т. 15, № 3 (55), с. 512–520. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-3-512-520.

Verification of Reports on Prison-Related Crimes in the Context of Ensuring the Rights and Legitimate Interests of Convicts

ALEKSANDR S. SHATALOV

Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9696-416X>, e-mail: asshatalov@rambler.ru

Abstract

Introduction: the article considers problematic issues related to the participation of penal system officials in procedural activities to verify reports of crimes committed by convicted persons, accused persons, and suspects in correctional institutions, and puts forward proposals aimed at improving the effectiveness of these activities. Our arguments are directly related to the following: determining the moment from which the calculation of the terms of such an inspection should begin, assessing the expediency of such an inspection, actual content of the procedural actions it contains and participation of the defender in them. We come to the conclusion that penal system officials are not sufficiently motivated to use the procedural powers of the body of inquiry and participate in pre-trial proceedings in criminal cases. Moreover, they are often poorly prepared to participate in criminal procedural activities; this fact not only entails violations of the rights and legitimate interests of convicts, but also allows the latter to avoid criminal liability for new crimes committed on the territory of a correctional institution. The fact that many heads of penitentiary institutions are afraid that the number of criminally punishable actions in the territories under their control would increase also has a negative impact on the quality of procedural activity. As a result, the official criminal statistics mainly show only those prison-related offences, which cannot be hushed up. *Methods:* we make the following classification of the problems of responding to various violations of criminal law prohibitions by persons sentenced to imprisonment, as well as suspects and accused persons held in custody: 1) problems related to the reasons for initiating a criminal case; 2) problems related to the reasons for initiating a criminal case; 3) problems related to checking the reports of prison-related offences; 4) problems related to the adoption of final procedural decisions and the provision of qualified legal assistance to convicted persons in the implementation of verification actions. Taking into account the specifics of the problems, we put forward the ways to overcome and solve these problems. *Discussion:* the latency of prison offences has been and remains quite high, and the procedural activity itself carried out in connection with their commission is very far from ideal. In such conditions, there is a growing need for timely and professional response on the part of officials of correctional institutions (including pre-trial detention centers) to various violations of criminal law prohibitions committed by persons sentenced to imprisonment, as well as suspects and accused persons held in custody. *Results:* we prove that the above-mentioned response is mandatory and has a number of specific features, primarily due to the environment in which it is carried out.

Key words: initiation of a criminal case; pre-trial proceedings; correctional institution; urgent investigative actions; convicted person; report of a crime; penal system.

12.00.09 – Criminal procedure.

For citation: Shatalov A.S. Verification of reports on prison-related crimes in the context of ensuring the rights and legitimate interests of convicts. *Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 3 (55), pp. 512–520. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-3-512-520.

Введение

Деятельность органов и учреждений российской уголовно-исполнительной системы осуществляется на основе принципов законности, гуманизма, уважения прав человека. Согласно действующему законода-

тельству она четко и однозначно нацелена на исполнение уголовных наказаний в отношении осужденных и содержание под стражей лиц, обвиняемых либо подозреваемых в совершении преступлений [3]. Однако в реальности такая деятельность многоаспек-

тна и выходит за рамки применения норм одного лишь уголовно-исполнительного закона. Например, когда в период отбывания наказания в местах лишения свободы осужденные совершают новые преступления, деятельность органов и учреждений ФСИН России, связанная с возбуждением уголовных дел и производством неотложных следственных действий, организуется с учетом соответствующих предписаний действующего уголовно-процессуального законодательства.

Официально опубликованные статистические данные свидетельствуют о том, что потребность в деятельности такого рода возникает довольно часто, более того, неуклонно возрастает на фоне оказываемого противодействия предварительному расследованию [2] и ощутимого увеличения общего количества преступлений, совершаемых осужденными в учреждениях уголовно-исполнительной системы (с 838 в 2015 г. до 1015 в 2019 г., то есть на 21 %) [9]. Если сгруппировать преступления по видовой принадлежности, то можно увидеть, что, находясь в условиях строгой изоляции, наиболее часто осужденные решаются на совершение противоправных действий, связанных:

- с вымогательством, обманом и злоупотреблением доверием (28 %);
- незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ (26 %);
- дезорганизацией деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (21 %);
- побегам из мест лишения свободы (13 %);
- насильственными действиями (12 %).

Разумеется, в таких условиях не только сохраняется, но и постоянно усиливается потребность в своевременном и профессиональном реагировании должностных лиц исправительных учреждений (в том числе следственных изоляторов) на разнообразные нарушения уголовно-правовых запретов со стороны осужденных к лишению свободы, а также подозреваемых и обвиняемых, находящихся под стражей. Такое реагирование является обязательным и имеет ряд специфических особенностей, обусловленных средой, в которой оно осуществляется. Несмотря на то, что на протяжении многих лет эти особенности целенаправленно, последовательно и обстоятельно исследуются учеными-пенитенциаристами

[1; 4; 5; 6; 7; 10], проблем, непосредственно связанных с участием в уголовно-процессуальной деятельности должностных лиц органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, не становится меньше. Как представляется, наиболее существенные из них сопряжены с проверкой сообщений о преступлениях и производством при ее осуществлении проверочных действий.

Проблемы, связанные с поводами для возбуждения уголовного дела

Важно отметить, что участие в уголовно-процессуальной деятельности для должностных лиц органов и учреждений уголовно-исполнительной системы было, есть и будет второстепенной задачей. Законом оно, в частности, допускается при проверке сообщений о совершенных или готовящихся осужденными преступлениях и для производства неотложных следственных действий после возбуждения дела, предварительное следствие по которому закон признает обязательным. Обычно сотрудники уголовно-исполнительной системы привлекаются к осуществлению уголовно-процессуальной деятельности сразу после поступления сообщения о преступлении (или преступлениях). Как правило, оно оформляется в виде рапорта сотрудника исправительного учреждения, адресованного руководителю. Сами осужденные, как и их представители, также вправе обращаться к последнему с такими сообщениями, но, стремясь обеспечить свою безопасность, прибегают к этому крайне редко.

Порядок приема и регистрации сообщений такого рода в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы предусмотрен специальной инструкцией, утвержденной приказом Минюста России от 11.07.2006 № 250, и в целом соответствует процедуре, отраженной в совместном приказе руководителей правоохранительных ведомств Российской Федерации «О едином учете преступлений» [8]. Существование проблем, о которых далее пойдет речь, во многом обусловлено тем, что в УПК РФ не только не определена подследственность Федеральной службы исполнения наказаний как органа исполнительной власти, наделенного в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскных мероприятий, но и не учтена специфика осуществления уголовно-процессуальной деятельности в условиях компактной и усиленно охраняемой

территории исправительного учреждения, при необходимости неукоснительного соблюдения режимных требований, на фоне присутствия в среде осужденных носителей криминальной субкультуры, приверженцев антиобщественных взглядов, понятий и т. п. К этому можно добавить, что федеральным законом от 26.05.2021 № 154-ФЗ законодатель наделил сотрудников органов и учреждений уголовно-исполнительной системы правом объявлять официальные предостережения осужденным о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений (ст. 171 УИК РФ). Логично предположить, что теперь проверке сообщений о преступлениях осужденных будет предшествовать (или сопутствовать) делопроизводство, нацеленное на фиксацию фактов продолжения ими антиобщественного поведения и их конкретных действий, создающих условия для совершения правонарушений, в том числе с признаками тех или иных преступлений, за которые законом предусмотрена уголовная ответственность. Необходимость проведения проверки сообщения о преступлении, появившегося в итоге такого производства, должна будет устанавливаться начальником исправительного учреждения исходя из фактического содержания результатов профессиональной деятельности его сотрудников, а также требований федерального законодательства и ведомственных нормативных правовых актов. Для того чтобы сообщения о преступлениях осужденных могли рассматриваться им как органом дознания в качестве законных поводов для возбуждения уголовного дела, необходимо, чтобы они соответствовали определенным критериям (то есть были поданы надлежащим субъектом и оформлены в установленном порядке). Если поступившее сообщение не отвечает данным требованиям, то, прежде чем принять решение об отказе в его проверке, начальник исправительного учреждения должен выяснить наличие возможности получения сообщения, соответствующего всем требованиям закона.

При юридической несостоятельности повода обычно возникает проблема практического характера. Она состоит в том, что общий срок стадии возбуждения уголовного дела начинает исчисляться с момента регистрации сообщения о преступлении (в том числе формально не являющегося поводом), а не с момента начала проверки. В

результате могут иметь место случаи отказа от проведения проверки поступившего сообщения о преступлении якобы на законном основании. Путаницу вносят подзаконные нормативные правовые акты, фактически отождествляющие заявителей (называя их лицами, в отношении которых совершено преступление) и очевидцев (лица, которым что-либо известно о преступлении). Буквально их можно толковать в том плане, что заявитель – это любое лицо, которое сообщает о совершенном преступлении в отношении как себя, так и других лиц (за исключением случаев явки с повинной). Однако по смыслу ст. 143 УПК РФ, если о преступлении сообщает его очевидец, то составляет не заявление, а рапорт сотрудника правоохранительного органа (то есть возникает иной повод к возбуждению уголовного дела).

Фактически одно и то же лицо в УПК РФ именуется заявителем и потерпевшим, подозреваемым и лицом, задержанным по подозрению в совершении преступления. Следовательно, осужденных, обращающихся с заявлением, когда они сообщают о совершенном против них преступлении, следует рассматривать не иначе как в качестве заявителей. После принятия решения о возбуждении уголовного дела указанные лица становятся потерпевшими, гражданскими истцами или их представителями, то есть участниками уголовного судопроизводства, имеющими в уголовном деле самостоятельный правовой интерес, признанный на законодательном уровне. В свою очередь, осужденный, заявивший о совершенном им самим преступлении, как правило, в дальнейшем становится подозреваемым. Иные лица, ставшие очевидцами совершения преступления на территории исправительного учреждения, или работающие в нем сотрудники уголовно-исполнительной системы, которым сообщили о преступлении, впоследствии могут стать свидетелями по уголовному делу (например, оперативный сотрудник, получивший информацию о совершенном или готовящемся преступлении от доверенного лица) или не быть таковыми (например, прокурор, выявивший признаки преступления в ходе проводимой им проверки, вынесший в итоге постановление о направлении собранных им материалов руководителю следственного органа для решения вопроса об уголовном преследовании того или иного осужденного). Однако все названные субъекты уголовно-процес-

суальных отношений обычно появляются на стадии предварительного расследования (то есть после принятия решения о возбуждении уголовного дела), а потерпевший и гражданский истец – только после вынесения постановления о наделении их соответствующим процессуальным статусом, присвоение которого поставлено законом в зависимость от волеизъявления участника уголовного процесса, ответственного за ход и исход производства по уголовному делу.

В правоприменительной практике неукоснительно соблюдается требование о том, чтобы заявитель являлся в полной мере дееспособным лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста (то есть обладал всеми правами и обязанностями, предусмотренными гражданским законодательством). Но здесь возникает резонный вопрос: в случае совершения преступления в отношении лишеного свободы несовершеннолетнего лица кем должно быть подано заявление – им самим или его законным представителем? Считаем, что заявление о совершенном преступлении следует принимать как от законного представителя, так и от самого несовершеннолетнего осужденного, поскольку именно он является первоисточником сведений о нем. Да, разумеется, это мнение не выглядит бесспорным, так как, пребывая в несовершеннолетнем возрасте, молодой человек пока не обладает всей полнотой прав. В такой ситуации не столько он, сколько его законный представитель должен решать вопрос об обращении с заявлением о совершении в отношении несовершеннолетнего преступления. Поэтому должностному лицу, производящему прием и регистрацию заявления, помимо всех иных обстоятельств следует устанавливать право обратившегося к нему лица представлять интересы несовершеннолетнего осужденного. С учетом того, что ГК РФ в ст. 21, 27 допускает приобретение полной дееспособности до достижения лицом возраста восемнадцати лет (например, в случае вступления его в брак и эмансипации), должностное лицо при приеме заявления о преступлении должно выяснить наличие или отсутствие соответствующих обстоятельств.

В этой связи заслуживает упоминания такой обязательный атрибут заявления о преступлении, как удостоверение подписью заявителя факта разъяснения ему возможности наступления предусмотренной за-

коном ответственности по ст. 306 УК РФ за заведомо ложный донос. Поскольку уголовная ответственность за это преступление наступает только с шестнадцати лет, то не представляется возможным выполнить данное требование законодателя при принятии заявления от не достигшего такого возраста осужденного.

Самостоятельным источником информации о преступлении вполне может являться осужденный-очевидец, сделавший сообщение о нем в письменной или устной форме. На стадии возбуждения уголовного дела он может сообщить представителям администрации исправительного учреждения о преступлении, которое наблюдалось им лично, либо указать на лицо, совершившее это преступление, что может стать основанием для задержания. Тем не менее УПК РФ не регламентирует порядок приема сообщений о преступлениях от очевидцев, в ст. 143 упоминая лишь об обязанности должностных лиц составлять по результатам опроса рапорт об обнаружении признаков преступления, причем только после того, как сообщение, исходившее от очевидца, будет ими проверено.

Следующим субъектом, имеющим возможность формировать повод для возбуждения уголовного дела, является сам осужденный, обратившийся с явкой с повинной, то есть с добровольным сообщением о совершенном им самим преступлении, которое может быть сделано как в письменной, так и устной форме. Анализ норм действующего уголовно-процессуального законодательства позволяет выделить ряд требований, при наличии которых явка с повинной со стороны осужденного может рассматриваться в качестве повода к возбуждению уголовного дела:

- обращение должно быть личным и добровольным, то есть сделанным по собственному желанию;

- явка с повинной должна произойти до того, как о преступлении осужденного станет известно из других источников.

Другим поводом для возбуждения уголовного дела в УПК РФ признается сообщение о преступлении, полученное из иных источников. Уже отмечалось, что в этом качестве может выступать рапорт сотрудника исправительного учреждения, выявившего преступление. Нередко он составляется по результатам оперативно-розыскной деятельности, поскольку ч. 2 ст. 11 Федерально-

го закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ (в ред. от 01.07.2021) «Об оперативно-розыскной деятельности» устанавливает, что результаты такого рода могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, представляться в орган дознания, следователю или в суд, в производстве которого находится уголовное дело, а также использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств.

Еще одним поводом для возбуждения уголовного дела в законе признается постановление прокурора о направлении материалов, содержащих признаки преступления, в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании. Обратим внимание на то, что данное название дословно повторяет формулировку права прокурора из п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ выносить мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства. Полагаем, что выделение этого повода в отдельную разновидность не имеет под собой достаточных оснований, поскольку он вполне может рассматриваться в качестве сообщения о преступлении, полученного из иных источников.

Проблемы, связанные с проверкой сообщений о преступлениях осужденных

Сама проверка сообщений о новых преступлениях осужденных и принятие по ее результатам процессуальных решений также сопровождаются определенными проблемами. Как правило, последние вызваны нерешенностью многих вопросов, связанных с использованием при проверке сообщений о преступлениях результатов оперативно-режимных мероприятий, проведенных в соответствии с действующим уголовно-исполнительным законодательством, и отсутствием должного взаимодействия между родственными подразделениями учреждений уголовно-исполнительной системы. Обычно это влечет уголовно-процессуальные нарушения, наиболее характерными из которых являются превышение сроков проверки сообщений о преступлениях, волокита при передаче их по подследственности, подмена предусмотренных УПК РФ процессуальных

действий оперативно-режимными и иными мероприятиями и некоторые другие.

Определение момента, с которого начинается течение сроков проведения проверки, на практике вызывает определенные сложности, поскольку в ч. 1 ст. 144 УПК РФ сказано о том, что дознаватель, орган дознания, начальник органа дознания, следователь, руководитель следственного органа обязан принять свое решение по сообщению о преступлении в течение трех суток с момента его поступления. Таким образом, течение срока проверки в рассматриваемых нами случаях начинается с поступления начальнику исправительного учреждения рапорта об обнаружении признаков преступления и принятия им по нему решения. Одновременно с этим руководитель должен поручить конкретному подчиненному ему должностному лицу проведение проверки сведений, изложенных в рапорте или ином сообщении о преступлении. На основании этого поручения данному должностному лицу делегируется право на проведение всего спектра проверочных действий в порядке, установленном УПК РФ.

В своей совокупности указанные действия и должны образовывать содержание каждой проверки сообщений о преступлениях осужденных, которые они совершили или подготавливали во время отбывания назначенного судом наказания. Однако в реальности уполномоченные начальниками исправительных учреждений должностные лица обычно производят не все, а лишь определенные проверочные действия, как правило не являющиеся сложными с точки зрения тактики и технологии практического осуществления. Наиболее распространенными в этом плане являются получение объяснений, истребование документов и направление запросов.

Проинтервьюированные нами на этот счет сотрудники исправительных учреждений практически никогда не упоминали о том, что, проверяя сообщения о преступлениях спецконтингента, они прибегали к назначению судебных экспертиз или получению образцов для сравнительного исследования, проведению документальных проверок, ревизий, исследований и получению заключения специалиста. Осмотры места происшествия, документов, предметов, трупов, как и освидетельствование, ими производились в единичных случаях, в то же время общее количество полученных в ходе

той или иной проверки объяснений обычно варьировалось от одного до пяти. Наиболее часто ими опрашивались осужденные, пострадавшие от совершенного деяния, и осужденные, предположительно его совершившие. Значительно реже им приходилось получать объяснения от иных представителей администрации исправительного учреждения и от осужденных – очевидцев имевшего место события.

Проблемы, связанные с принятием итоговых процессуальных решений и оказанием квалифицированной юридической помощи осужденным при осуществлении проверочных действий

На основании ч. 1 ст. 145 УПК РФ процессуальная деятельность, связанная с проверкой сообщения о преступлении, совершенного на территории исправительного учреждения, должна завершаться принятием процессуального решения о возбуждении уголовного дела, отказе в его возбуждении либо передаче поступившего сообщения по подследственности. Однако никто из проинтервьюированных нами представителей администрации исправительных учреждений не смог вспомнить случаи, когда бы ими самими или их коллегами возбуждались уголовные дела. В то же время решения об отказе в возбуждении уголовных дел редкостью в их практической деятельности не являлись, как и передача поступивших сообщений о преступлениях по подследственности. Следовательно, невзирая на наличие соответствующих полномочий, когда по результатам рассмотрения сообщения о преступлении подтверждается наличие признаков преступления и решение о возбуждении уголовного дела напрашивается по определению, представители администрации исправительного учреждения всячески избегают его принятия, даже несмотря на то что в дальнейшем будут участвовать в предварительном расследовании.

Такому поведению имеет волне логичное объяснение, поскольку на основании ст. 157 УПК РФ у органа дознания при наличии признаков преступления, по которому производство предварительного следствия признается обязательным, имеются полномочия не только по возбуждению уголовного дела, но и по осуществлению после принятия этого процессуального решения неотложных следственных действий. Однако возможность практической реализации этих прав законом поставлена в зависи-

мость от усмотрения прокурора, на позицию которого в этом вопросе самым решительным образом влияют предписания ведомственных нормативных актов, которыми со ссылкой на п. 19 ст. 5, п. 3 ст. 149 и ст. 157 УПК РФ приветствуется возбуждение органом дознания уголовного дела, по которому производство предварительного следствия является обязательным, но только при наличии признаков преступления и необходимости производства неотложных следственных действий в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также собирания доказательств, требующих немедленного закрепления, изъятия и исследования, в случае невозможности оперативного выполнения этих процессуальных действий следственными органами. Следовательно, если сложившаяся ситуация не требует принятия безотлагательных мер, направление материалов проверки сообщения о преступлении в территориальный следственный орган для принятия решения о возбуждении уголовного дела является единственно правильным решением, вследствие чего перспектива его последующей отмены прокурором из-за неправильной квалификации, неполноты проверки или допущенных технических ошибок становится маловероятной.

Особого внимания в контексте рассматриваемых проблем заслуживают вопросы участия защитника на стадии возбуждения уголовного дела. Обычно они возникают в связи с необходимостью обеспечения права подвергнутых уголовному преследованию лиц на бесплатную юридическую помощь. Сложность их решения предопределяется не столько отсутствием возможностей для незамедлительного обеспечения этого права (так как визиты адвокатов в места лишения свободы не являются редкостью), сколько отсутствием в бюджете исправительного учреждения средств на оплату услуг защитника. Для решения этой проблемы может быть использован опыт, накопленный Федеральной службой судебных приставов. Так, в приложении к приказу данного ведомства от 30.11.2011 № 04-18 содержатся методические рекомендации по порядку оплаты в ее подразделениях труда защитника, участвующего в уголовном судопроизводстве. Полагаем, что аналогичные рекомендации должны быть разработаны в Федеральной службе исполнения наказаний. В них необходимо предусмотреть, что соответству-

ющее постановление от имени начальника исправительного учреждения должно выноситься по заявлению адвоката с указанием времени и места составления, данных о составившем его должностном лице, мотивировки принятия решения об оплате труда адвоката по назначению и размере причитающейся ему выплаты. Данное постановление должно быть заверено печатью исправительного учреждения и подписью его руководителя. Далее вместе с прикрепленным к нему ордером, выданным адвокатским образованием, оно должно представляться в финансово-экономическое подразделение исправительного учреждения для перечисления денежных средств на соответствующий расчетный счет.

Выводы

Обеспечение правопорядка в следственных изоляторах и учреждениях, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, – одна из наиболее сложных задач, решение которой возложено на ФСИН России [3]. Ее последовательное выполнение призвано обеспечивать безопасность осужденных, лиц, содержащихся под стражей, посещающих их должностных лиц и граждан, а также сотрудников уголовно-исполнительной системы. Несмотря на предпринимаемые усилия по обеспечению законности, в местах принудительного содержания нередко совершаются различные правонарушения. Особое беспокойство вызывают новые преступления со стороны спецконтингента. Они отличаются не только достаточно большой распространенностью, но и низкой раскрываемостью, являющейся следствием недостатков и упущений в деятельности сотрудников правоохранительных

органов, привлеченных к их предварительному расследованию. Негативное влияние на качество процессуальной деятельности оказывает и то обстоятельство, что многие руководители пенитенциарных учреждений опасаются количественного роста уголовно наказуемых действий на подконтрольных им территориях. В результате в официальной уголовной статистике фигурируют преимущественно те преступления осужденных и лиц, находящихся под стражей, о которых нельзя умолчать. Соответственно, латентность пенитенциарных преступлений остается довольно высокой, а сама процессуальная деятельность, осуществляемая в связи с их совершением, – весьма далекой от идеала.

Таким образом, должностные лица, проходящие службу в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы, недостаточно мотивированы на использование процессуальных полномочий органа дознания и свое непосредственное участие в досудебном производстве по уголовным делам. Нередко они оказываются слабо подготовленными к участию в уголовно-процессуальной деятельности, что не только влечет за собой нарушения прав и законных интересов осужденных, но и позволяет последним избежать уголовной ответственности за новые преступления, совершенные на территории исправительного учреждения. В целях изменения сложившейся ситуации необходимо, с одной стороны, системно пересмотреть их правовое положение в уголовно-исполнительном и уголовно-процессуальном законодательстве, а с другой – четко разграничить его в зависимости от характера решаемых задач.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акчурин, А. В. Личность пенитенциарного преступника: криминологический аспект : монография / А. В. Акчурин. – Москва : Юрлитинформ, 2019. – 224 с. – ISBN 978-5-4396-1838-5.
2. Акчурин, А. В. О противодействии расследованию пенитенциарных преступлений: особенности предварительного этапа / А. В. Акчурин // Пенитенциарная наука. – 2021. – Том 15, № 2 (54). – С. 301–307.
3. Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний : указ Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1314 // Российская газета. – 2004. – 19 октября.
4. Информационное обеспечение расследования преступлений, совершаемых в исправительных учреждениях : учебное пособие / О. А. Белов [и др.]. – Москва : Юрлитинформ, 2012. – 144 с. – ISBN 978-5-4396-0069-4.
5. Качалов, В. И. Теоретические основы доказывания при исполнении итоговых судебных решений в уголовном процессе России / В. И. Качалов. – Москва : Юрлитинформ, 2017. – 160 с. – ISBN 978-5-4396-1358-8.
6. Крымов, А. А. Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы России : монография / А. А. Крымов. – Москва : Проспект, 2017. – 464 с. – ISBN 978-5-392-23827-9.
7. Николюк, В. В. Заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания: доктрина, законодательная конструкция, толкование и проблемы практического применения : монография / В. В. Николюк. – Орел : ОрЮИ МВД России им. В. В. Лукьянова, 2015. – 236 с. – ISBN 978-5-88872-149-0.
8. О едином учете преступлений : приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации, Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Министерства юстиции Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Министерства экономического развития

и торговли Российской Федерации, Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399 // Российская газета. – 2006. – 25 января. – URL: <http://www.rg.ru/2006/01/25/uchet-prestupleniy-dok.html> (дата обращения: 01.08. 2021).

9. Характеристика лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых // Федеральная служба исполнения наказаний : официальный сайт. – URL: [https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka %20lic %20sodergahixsya %20v %20IK/](https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/) (дата обращения: 01.08. 2021).

10. Шурухнов, Н. Г. Расследование преступлений, совершенных осужденными в исправительно-трудовых учреждениях / Н. Г. Шурухнов. – Москва : [б. и.], 1992. – 143 с.

REFERENCES

1. Akchurin A.V. *Lichnost' penitentsiarnogo prestupnika: kriminalisticheskii aspekt: monografiya* [The personality of a penitentiary criminal: a criminalistic aspect: a monograph]. Moscow: Yurlitinform, 2019. 224 p.
2. Akchurin A.V. On counteracting the investigation of prison-related crimes: features of the preliminary stage. *Penitentsiarnaya nauka=Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 2 (54), pp. 301–307. (In Russ.).
3. Questions of the Federal Penitentiary Service: Decree of the President of the Russian Federation no. 1314 of October 13, 2004. *Rossiiskaya gazeta=Russian Newspaper*, 2004, October 19. (In Russ.).
4. Belov O.A. et al. *Informatsionnoe obespechenie rassledovaniya prestuplenii, sovershaemykh v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh: uchebnoe posobie* [Information support of the investigation of prison crimes: textbook]. Moscow: Yurlitinform, 2012. 144 p.
5. Kachalov V.I. *Teoreticheskie osnovy dokazyvaniya pri ispolnenii itogovykh sudebnykh reshenii v ugovnom protsesse Rossii* [Theoretical foundations of proof in the execution of final court decisions in criminal proceedings of Russia]. Moscow: Yurlitinform, 2017. 160 p.
6. Krymov A.A. *Ugovno-protsessual'naya deyatel'nost' organov i uchrezhdenii ugovno-ispolnitel'noi sistemy Rossii: monografiya* [Criminal procedural activity of bodies and institutions of the penal system of Russia: monograph]. Moscow: Prospekt, 2017. 464 p.
7. Nikol'yuk V.V. *Zaklyuchenie pod strazhu osuzhdenного, skryvshegosya v tselyakh ukлонeniya ot otbyvaniya nakazaniya: doktrina, zakonodatel'naya konstruktsiya, tolkovanie i problemy prakticheskogo primeneniya: monografiya* [Detention of a convicted person who has decamped in order to evade serving a sentence: doctrine, legislative construction, interpretation and problems of practical application: monograph]. Oryol: OrYul MVD Rossii im. V. V. Luk'yanova, 2015. 236 p.
8. On the unified accounting of crimes: order of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters, the Ministry of Justice of the Russian Federation, the Federal Security Service of the Russian Federation, the Ministry of Economic Development and Trade of the Russian Federation, the Federal Drug Control Service of the Russian Federation dated December 29, 2005 no. 39/1070/1021/253/780/353/399. *Rossiiskaya gazeta=Russian Newspaper*, 2006, January 25. Available at: <http://www.rg.ru/2006/01/25/uchet-prestupleniy-dok.html> (accessed August 1, 2021). (In Russ.).
9. Characteristics of persons held in correctional colonies for adults. *Federal Penitentiary Service: official website*. Available at: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/> (accessed August 1, 2021). (In Russ.).
10. Shurukhnov N.G. *Rassledovanie prestuplenii, sovershennykh osuzhdennymi v ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniyakh* [Investigation of crimes committed by convicts in correctional labor institutions]. Moscow, 1992. 143 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АЛЕКСАНДР СЕМЕНОВИЧ ШАТАЛОВ – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9696-416X>, e-mail: asshatalov@rambler.ru

ALEKSANDR S. SHATALOV – Doctor of Sciences (Law), professor at the Department of Criminal Procedure of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9696-416X>, e-mail: asshatalov@rambler.ru

Статья поступила 31.07.2021

Правовое регулирование и организация деятельности субъектов управления по увольнению сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в связи с утратой доверия

С. В. ЗАВИТОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5936-1482>, e-mail: zavitova_s@mail.ru

Н. А. МЕЛЬНИКОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3697-4769>, e-mail: melnatale@mail.ru

Реферат

Введение: статья посвящена проблемным вопросам деятельности субъектов управления (руководителей) и аттестационных комиссий при увольнении сотрудника уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в связи с утратой доверия. *Целью* данного исследования является выявление пробелов в действующем законодательстве о службе, возникающих в связи с применением меры ответственности в виде увольнения по утрате доверия, и формулировка предложений по его совершенствованию. *Методы:* методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых основное место занимают формально-логический, системно-структурный, а также сравнительно-правовой. *Результаты:* исследование показало, что в правоприменительной практике по увольнению сотрудников в связи с утратой доверия существует большое количество проблемных вопросов. Нормы закона четко не разграничивают составы коррупционных правонарушений, за которые сотрудник подлежит увольнению по утрате доверия или может быть привлечен к иному виду ответственности. Проблемным остается статус решения аттестационной комиссии, которое носит рекомендательный характер, однако выступает основой для принятия решения руководителем. Продолжается дискуссия относительно состава аттестационной комиссии, предлагаются варианты отбора независимых экспертов. *Обсуждение:* увольнение в связи с утратой доверия относится к специфическому виду дисциплинарного взыскания, а его реализация осуществляется уполномоченными субъектами управления в рамках дисциплинарного производства. Процедура принятия решения об увольнении в связи с утратой доверия сотрудников уголовно-исполнительной системы нуждается в дальнейшем совершенствовании в части правовых и организационных аспектов с учетом современной правоприменительной и судебной практики.

К л ю ч е в ы е с л о в а: коррупционные правонарушения; увольнение в связи с утратой доверия; уголовно-исполнительная система; дисциплинарная ответственность; дисциплинарное взыскание; аттестационная комиссия.

12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность.

Д л я ц и т и р о в а н и я: Завитова С. В., Мельникова Н. А. Правовое регулирование и организация деятельности субъектов управления по увольнению сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в связи с утратой доверия. *Пенитенциарная наука*, 2021, т. 15, № 3 (55), с. 521–529. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-3-521-529.

Legal Regulation and Organization of the Work of Management Subjects Related to the Dismissal of Employees of the Penal System of the Russian Federation due to the Loss of Trust

SVETLANA V. ZAVITOVA

Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5936-1482>, e-mail: zavitova_s@mail.ru

NATALIYA A. MEL'NIKOVA

Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3697-4769>, e-mail: melnatale@mail.ru

Abstract

Introduction: the article considers problematic issues related to the work of management subjects (managers) and attestation commissions in situations when an employee of the penal system of the Russian Federation is dismissed due to the loss of trust. The *aim* of this study is to identify gaps in the current legislation on the service that arise when a measure of responsibility such as dismissal due to the loss of trust is applied; another aim consists in formulating proposals for improving legislation in this area. *Methods:* methodological basis of our study is represented by a set of methods of scientific cognition, among which the main place belongs to formal-logical, system-structural, and comparative-legal methods. *Results:* the study has shown that there are many problematic issues in the law enforcement practice regarding the dismissal of employees due to the loss of trust. The norms of the law do not clearly distinguish the components of corruption offenses for which an employee is subject to dismissal due to the loss of trust or may be brought to another type of liability. The issue regarding the status of the decision of the attestation commission remains unresolved; its decision is of an advisory nature, but at the same time, it is fundamental for making a decision by the employee's superior. There is an ongoing discussion on the composition of the attestation commission; and options for the selection of independent experts are proposed. *Discussion:* dismissal due to the loss of trust is a specific type of disciplinary penalty, and its implementation is carried out by authorized management entities within the framework of disciplinary proceedings. The procedure for making a decision on the dismissal of employees of the penal system due to the loss of trust needs further improvement in its legal and organizational aspects, taking into account modern law enforcement and judicial practice.

Key words: corruption offenses; dismissal due to the loss of trust; penal system; disciplinary responsibility; disciplinary penalty; attestation commission.

12.00.11 – Judicial activity, prosecutor's activity, human rights and law enforcement activity.

For citation: Zavitova S.V., Mel'nikova N.A. Legal regulation and organization of the work of management subjects related to the dismissal of employees of the penal system of the Russian Federation due to the loss of trust. *Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 3 (55), pp. 521–529. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-3-521-529.

Введение

Соблюдение требований антикоррупционного законодательства государственными служащими является одной из важнейших задач государственного органа в рамках соответствующего направления кадровой работы. При достижении поставленной цели должны учитываться объек-

тивные и субъективные факторы. На необходимость минимизации коррупционных рисков на государственной службе правовыми средствами указывается и в зарубежной литературе, что подтверждает актуальность рассматриваемой темы [19]. При этом самой действенной сдерживающей мерой, с нашей точки зрения, является привлече-

ние государственного служащего к юридической ответственности. За совершение коррупционных правонарушений служащие могут быть привлечены к различным ее видам [7, с. 72], в том числе к дисциплинарной ответственности посредством увольнения в связи с утратой доверия. Данное положение в полном объеме распространяется и на сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Институт увольнения в связи с утратой доверия введен в законодательство относительно недавно (с принятием Федерального закона от 21.11.2011 № 329-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции») как средство борьбы с коррупционными правонарушениями, совершаемыми государственными служащими в целом и сотрудниками уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в частности. Рассматриваемый вид увольнения предполагает внесение виновных лиц в особый перечень – реестр лиц, уволенных по утрате доверия. Так, на 1 августа 2021 г. в данный реестр внесены 2918 человек [16].

Обсуждение

Интересным представляется тот факт, что в юридической литературе ведется дискуссия относительно природы института увольнения в связи с утратой доверия. Первая группа ученых полагает, что увольнение по утрате доверия – это дисциплинарная ответственность (например, И. А. Багдасарян, Е. В. Давыдова, В. М. Корякин, А. С. Телегин) [3, с. 2; 4; 17, с. 101]. Данные выводы основаны в том числе и на решениях Верховного Суда Российской Федерации [14]. Вторая группа ученых рассматривает увольнение по утрате доверия как специфический вид ответственности, который относится к дисциплинарной ответственности лишь опосредованно (например, В. И. Кузнецова, Ю. В. Трунцевский, Л. А. Ломакина) [10, с. 159; 11, с. 168]. Данная точка зрения обосновывается учеными исходя из специфики законодательства, поскольку в нем увольнение по утрате доверия не закреплено как один из видов дисциплинарных взысканий, а выделяется в самостоятельный вид ответственности. Третья группа ученых считает увольнение в связи с утратой доверия самостоятельным видом ответственности и характеризует ее как дисциплинарно-служебную или служебную ответственность,

поскольку государственный служащий выступает субъектом ответственности, которая устанавливается законом о службе (В. К. Аулов, М. Б. Добробаба, Н. А. Кандрина, Ю. Н. Туганов) [6, с. 199; 8, с. 50; 18, с. 10].

Наиболее корректным, с нашей точки зрения, будет отнесение увольнения в связи с утратой доверия к специфическим мерам дисциплинарной ответственности.

Законодательством о службе четко установлен перечень оснований, по которым сотрудник подлежит увольнению в связи с утратой доверия. Так, ст. 85 Федерального закона от 19.07.2018 № 197-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации "Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы"» (далее – Закон № 197-ФЗ) предусматривает следующие основания для увольнения:

1) непринятие сотрудником мер по предотвращению и (или) урегулированию конфликта интересов, стороной которого он является;

2) непредоставление сотрудником сведений о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей либо предоставление заведомо недостоверных или неполных сведений;

3) участие сотрудника на платной основе в деятельности органа управления коммерческой организации, за исключением случаев, установленных федеральным законом;

4) осуществление сотрудником предпринимательской деятельности;

5) вхождение сотрудника в состав органов управления;

6) нарушение сотрудником, его супругой (супругом) и несовершеннолетними детьми запрета открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации.

Еще одним основанием увольнения по утрате доверия является непринятие руководителем мер по урегулированию конфликта интересов, в том случае если ему стало известно о возникновении личной за-

интересованности подчиненного, которая привела или могла привести к конфликту интересов.

Как следует из положений законодательства, все перечисленные основания являются коррупционными правонарушениями.

Деятельность компетентных субъектов по выявлению правонарушений, совершаемых на государственной службе, и привлечению виновных к дисциплинарной ответственности представляет собой соответствующую административную процедуру [13, с. 19]. Так, Законом № 197-ФЗ процедура увольнения по утрате доверия регламентирована в ст. 53 и является аналогичной процедуре привлечения к дисциплинарной ответственности за совершение коррупционного правонарушения.

Решение об увольнении сотрудника в связи с утратой доверия принимает руководитель на основании доклада о результатах служебной проверки, проведенной подразделением по профилактике коррупционных и иных правонарушений кадровой службы учреждения или органа уголовно-исполнительной системы, а в случае, если доклад о результатах проверки направлялся в комиссию по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов (аттестационную комиссию), – и на основании рекомендации указанной комиссии. Таким образом, можно сделать вывод, что присутствует дублирование процедуры привлечения к ответственности за коррупционные правонарушения.

При применении данного вида ответственности руководители чаще всего направляют материалы в аттестационную комиссию и выносят решение на основе ее рекомендаций. Следует согласиться с И. А. Абрамовым, который считает, что обращение в аттестационную комиссию является оптимальным, поскольку позволяет более детально выяснить причины, условия, обстоятельства коррупционного правонарушения, выявить пробелы в проведении профилактической и информационной работы с государственными служащими. Ученый указывает, что, как правило, причиной совершения коррупционных правонарушений становится правовая неграмотность и невнимательность сотрудников [1, с. 146].

При применении мер ответственности к сотруднику уголовно-исполнительной системы, в первую очередь, необходимо уде-

лять внимание срокам, в течение которых может быть наложено взыскание. Следует понимать, что в данном случае действует общее правило и нарушение процессуальных сроков может быть основанием для отмены принятого решения [15, с. 15].

Так, согласно ч. 5 ст. 53 Закона № 197-ФЗ взыскание в виде увольнения по утрате доверия должно быть применено не позднее полугода (при этом отдельные периоды времени – отпуск, командировка, временная нетрудоспособность и время производства по уголовному делу – не включаются в данный временной отрезок) со дня поступления сведений о совершении должностным лицом коррупционного проступка. Этим днем необходимо считать дату поступления докладной записки о результатах проверки на имя лица, уполномоченного применять взыскание к сотруднику. Крайней датой привлечения сотрудника к ответственности будет являться трехлетний период со дня совершения им данного деяния.

Как показывает анализ судебной практики, нередко случаи отмены судами решений территориальных органов уголовно-исполнительной системы о расторжении контрактов по рассматриваемому основанию в связи с несоблюдением установленных сроков.

Так, решением от 06.12.2019 № 2-3318/19 Ленинский районный суд г. Ростова-на-Дону признал незаконным приказ Главного управления Федеральной службы исполнения наказаний России по Ростовской области о расторжении контракта о службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и увольнении гражданина Н. по п. 14 ч. 3 ст. 84 (в связи с утратой доверия). В ходе разбирательства установлено, что увольнение истца с занимаемой должности осуществлено приказом от 05.09.2019 в период его временной нетрудоспособности, и это явилось основанием для отмены приказа об увольнении.

Важным этапом процедуры увольнения в связи с утратой доверия является проведение так называемой антикоррупционной проверки. Антикоррупционная проверка может проводиться подразделениями кадровых служб по профилактике коррупционных и иных правонарушений самостоятельно или же через направление запроса в федеральные органы исполнительной власти, которые уполномочены на проведение оперативно-розыскной деятельности в соответствии с Федеральным законом от 12.08.1995

№ 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Следовательно, полномочия субъектов, осуществляющих привлечение сотрудников уголовно-исполнительной системы к ответственности за коррупционные правонарушения (антикоррупционную проверку), шире, чем у субъектов просто служебной проверки, так как в соответствии с Законом № 197-ФЗ в рамках проведения служебной проверки не предусмотрено совершение действий, выходящих за пределы внутриорганизационной деятельности аппарата государственного органа.

Кадровые подразделения по противодействию коррупции являются важным субъектом, поскольку на них возложен большой спектр обязанностей и функций. В случае возникновения подозрения о совершении коррупционного правонарушения сотрудником кадровое подразделение по противодействию коррупции ходатайствует перед начальником о назначении проверки, которая должна установить факт наличия коррупционного правонарушения или опровергнуть его. После завершения проверки сотрудник может быть привлечен к ответственности в зависимости от тяжести совершенного коррупционного правонарушения, в том числе уволен в связи с утратой доверия.

Особенностью проведения антикоррупционной проверки является отсутствие законодательного закрепления требования о получении объяснения от сотрудника, совершившего коррупционное правонарушение. Представляется возможным признать указанное юридико-технической недоработкой законодателя, поскольку именно объяснение сотрудника позволяет выяснить обстоятельства дела, предоставляет ему возможность защитить себя, указав обстоятельства, исключающие вину в совершенном деянии.

Анализ норм Закона № 197-ФЗ свидетельствует, что законодатель не предусмотрел каких-либо препятствий для увольнения сотрудника уголовно-исполнительной системы в период служебной проверки в связи с расторжением служебного контракта по его инициативе или по соглашению сторон.

Отсутствует в законодательстве и требование об обязательном завершении начатой служебной проверки выводами по существу с составлением соответствующего заключения. Поэтому в случае увольнения сотрудника уголовно-исполнительной системы в

период проверки практика идет по пути прекращения разбирательства без юридической оценки и квалификации содеянного как коррупционного проявления, в связи с тем что лицо, в отношении которого проводится проверка, утрачивает статус сотрудника после своего увольнения.

Таким образом, в антикоррупционном законодательстве обнаруживается недочет, позволяющий прекратить служебную проверку без правовой оценки по существу действий (бездействия), которые потенциально могут быть расценены как коррупционные правонарушения и повлечь утрату доверия.

В определенной степени такой исход коррупционного разбирательства выгоден и для руководителя государственного органа, и для правонарушителя, поскольку нередко причины утраты доверия должны были быть выявлены (и могли быть выявлены) или еще на стадии заключения контракта, или до появления поводов к текущей служебной проверке. Объективная и непредвзятая квалификация действий сотрудника уголовно-исполнительной системы как лица, утратившего доверие, при любых обстоятельствах автоматически ставит вопрос и о компетентности антикоррупционных структур государственного органа.

Представляется, что данный правовой пробел способствует распространению коррупционных факторов и требует обязательного устранения, так как нивелирует последнюю законодательную новеллу Федерального закона от 25.08.2008 № 273-ФЗ (ред. от 26.05.2021) «О противодействии коррупции», связанную с ведением реестра лиц, уволенных в связи с утратой доверия.

Факультативными участниками дисциплинарного производства, осуществляющими антикоррупционную проверку, являются аттестационные комиссии. Аттестационные комиссии – это коллегиальные совещательные органы, состоящие из разноплановых специалистов и независимых членов.

Полномочия аттестационных комиссий по привлечению сотрудников уголовно-исполнительной системы к ответственности установлены Указом Президента Российской Федерации от 01.07.2010 № 821 (ред. от 19.09.2017) «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов». Руководитель государственного органа имеет право по собственной инициативе направ-

лять в аттестационные комиссии доклад о результатах антикоррупционной проверки.

Следует отметить, что данные комиссии не обладают государственно-властными полномочиями. Некоторые авторы указывают, что, с одной стороны, это общественные органы, которые реализуют меры по противодействию коррупции, предпринимаемые руководителями государственных органов [9, с. 52], а с другой стороны, они выполняют функции совещательного и консультативного характера, в рамках их деятельности вырабатываются управленческие решения в сфере противодействия коррупции для руководителя государственного органа.

Исследователи выражают опасения по поводу продуктивности деятельности таких комиссий в силу того, что те носят внутриведомственный характер, и предлагают придать комиссиям по соблюдению требований к служебному поведению государственных служащих и урегулированию конфликта интересов вневедомственный статус [12, с. 133].

Аттестационные комиссии образуются на основе принятия правового акта государственного органа. Данным документом утверждаются состав комиссии и порядок ее работы. В центральном аппарате ФСИН России, согласно приказу ФСИН России от 09.12.2016 № 1040 (ред. от 19.07.2018), функционирует аттестационная комиссия Федеральной службы исполнения наказаний по соблюдению требований к служебному поведению сотрудников уголовно-исполнительной системы и урегулированию конфликта интересов. Аналогичные комиссии создаются в каждом территориальном органе ведомства.

Научные исследования показывают, что члены аттестационных комиссий, в качестве которых выступают представители научных и образовательных учреждений, не всегда являются специалистами по вопросам государственной службы в целом и противодействию коррупции в частности [12, с. 138]. Так, при оценке их профессиональной специализации и ее соответствия профилю деятельности аттестационной комиссии учитываются: тематика преподаваемых учебных курсов, тематика научных публикаций, а также сведения о сфере профессиональных интересов и дополнительном профессиональном образовании. Конечно, не следует игнорировать тот факт, что определение специализации представителей науч-

ных и образовательных учреждений является сложной задачей. Это объясняется тем, что в некоторых случаях идентифицирующая информация о таких представителях или отсутствует вообще, или не позволяет установить сферу профессиональной деятельности [2, с. 61]. По результатам исследований, проведенных отдельными учеными, в 34 комиссиях из 68 охваченных изучением (то есть в половине случаев) имеется хотя бы один представитель научной или образовательной организации, сферой профессиональной деятельности которого являются государственная служба или вопросы противодействия коррупции [12, с. 140].

Примечательно, что возникает большое количество вопросов о независимости внешних представителей, входящих в состав комиссии. Так, например, отсутствует механизм отбора данных представителей, не предусмотрены гарантии независимости и ответственность членов комиссии, а также достойная оплата их труда. Некоторые авторы отмечают, что руководители государственных органов приглашают лояльных и знакомых экспертов в целях обеспечения нужных решений. Естественно, данная ситуация отрицательно влияет на эффективность функционирования комиссии, а также на выполнение значимых функций [5, с. 36].

Думается, что в целях повышения эффективности деятельности аттестационных комиссий необходимо заключать соглашения о сотрудничестве с научными и образовательными учреждениями. В рамках такого соглашения вопрос определения кандидатуры на выполнение обязанностей члена аттестационной комиссии будет отнесен к ведению научного или образовательного учреждения: исходя из тематики преподаваемых учебных курсов, тематики научных публикаций, а также сведений о сфере профессиональных интересов и дополнительном профессиональном образовании, оно сможет подобрать наиболее подходящую.

В целом характеризуя статус аттестационных комиссий, следует указать, что их полномочия в процедуре увольнения по утрате доверия весомы. Аттестационные комиссии посредством дискуссий и обсуждения могут достоверно установить наличие события и состава коррупционного правонарушения, определить оптимальную меру ответственности сотрудника уголовно-исполнительной системы, совершившего коррупционное правонарушение.

Субъекты управления, решающие вопрос об увольнении сотрудника в связи с утратой доверия за коррупционное правонарушение, могут руководствоваться следующими процессуальными документами:

- 1) рекомендациями аттестационной комиссии;
- 2) докладом о результатах антикоррупционной проверки.

Для субъекта управления эти два документа являются рекомендательными, что не только снижает их значимость, но и вносит неопределенность в саму процедуру. Сама возможность выбора исходного документа для принятия окончательного решения руководителем выступает коррупциогенным фактором, поэтому следует в рамках рассматриваемой процедуры признать данные документы обязательными.

Вместе с тем, как видно из анализа судебной практики, не всегда при рассмотрении вопросов урегулирования конфликта интересов, непредоставления или предоставления недостоверных сведений о доходах (расходах), имуществе и обязательствах имущественного характера на себя или членов своей семьи руководством территориальных органов ФСИН России принимается решение об увольнении в связи с утратой доверия.

Сложность заключается в том, что законодательство не содержит четкого разграничения, в каком случае должно применяться увольнение по утрате доверия, а когда допускается применение иных мер взыскания, предусмотренных ст. 50 Закона № 197-ФЗ.

Так, из анализа определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27.07.2020 № 21-КГПР20-2-К5 следует, что приказом УФСИН России по Кабардино-Балкарской Республике от 21.11.2018 № 299-к гражданин А. предупрежден о неполном служебном соответствии за неисполнение требований ч. 2 ст. 11 Федерального закона от 25.11.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» на основании решения аттестационной комиссии, которой установлен факт несоблюдения им требований к служебному поведению и (или) требований об урегулировании конфликта интересов, а именно факт неуведомления руководства УФСИН России по Кабардино-Балкарской Республике о прохождении службы в УФСИН России по Кабардино-Балкарской Республике родствен-

ников гражданина А. (двоюродных брата и сестры).

Как следует из материалов дела, по результатам проверки ФСИН России приказано признать несостоятельным решение аттестационной комиссии УФСИН России по Кабардино-Балкарской Республике, оформленное протоколом от 16.11.2018, в части рекомендаций о применении в отношении гражданина А. меры юридической ответственности в виде предупреждения о неполном служебном соответствии; отменить приказ УФСИН России по Кабардино-Балкарской Республике от 21.11.2018 № 299-к о наложении на гражданина А. взыскания за коррупционное правонарушение в виде предупреждения о неполном служебном соответствии; представить в управление кадров УФСИН России материалы к увольнению гражданина А. со службы по утрате доверия.

Результаты

Таким образом, процедура увольнения в связи с утратой доверия сотрудников уголовно-исполнительной системы является разновидностью дисциплинарного производства и имеет свои специфические особенности. При этом субъектами принятия управленческого решения выступают руководители, кадровые подразделения (обязательные субъекты управления) и аттестационные комиссии (факультативные субъекты управления).

В целях совершенствования рассматриваемой процедуры необходимо исключить коррупциогенные факторы при принятии управленческих решений. Для этого следует внести изменения и дополнения в соответствующие нормы Закона № 197-ФЗ, в частности закрепить обязанность лица, совершившего правонарушение, давать объяснения по сути деяния; исключить возможность расторжения контракта о службе по инициативе сотрудника или по соглашению сторон в период проведения служебной проверки; предусмотреть обязательное завершение начатой служебной проверки выводами по существу с составлением заключения; доклад о результатах антикоррупционной проверки и решение аттестационной комиссии признать обязательными; вопрос определения кандидатуры на выполнение обязанностей члена аттестационной комиссии отнести к ведению научного или образовательного учреждения в рамках соглашения о сотрудничестве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов, И. А. К вопросу правового регулирования дисциплинарной ответственности государственных гражданских служащих / И. А. Абрамов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 2. – С. 145–147.
2. Алимпиев, С. А. О некоторых актуальных проблемах деятельности комиссий по соблюдению требований к служебному поведению государственных служащих и урегулированию конфликта интересов / С. А. Алимпиев // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2017. – № 4. – С. 60–63.
3. Багдасарян, И. А. О некоторых правовых последствиях увольнения военнослужащих и лиц гражданского персонала в связи с утратой доверия / И. А. Багдасарян, В. М. Корякин // Право в Вооруженных Силах. – 2017. – № 9. – С. 2–6.
4. Давыдова, Е. В. Особенности увольнения госслужащего / Е. В. Давыдова // Отдел кадров государственного (муниципального) учреждения. – 2020. – № 9.
5. Дейцева, Н. А. Административно-правовое регулирование деятельности комиссий по соблюдению требований к служебному поведению гражданских служащих и урегулированию конфликта интересов / Н. А. Дейцева, А. В. Мартынов // Административное и муниципальное право. – 2010. – № 7. – С. 35–38.
6. Добробаба, М. Б. Концептуальные основы служебно-деликтного права / М. Б. Добробаба // Lex Russica. – 2014. – № 2. – С. 199–210.
7. Житков, А. А. Развитие уголовного законодательства в сфере противодействия коррупции / А. А. Житков // Актуальные вопросы назначения и исполнения уголовных наказаний : сборник научных трудов / под общей редакцией В. Н. Некрасова. – Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2017. – С. 72–77. – ISBN 978-5-94991-413-7.
8. Кандрина, Н. А. К вопросу о служебной ответственности государственных гражданских служащих / Н. А. Кандрина // Российская юстиция. – 2015. – № 3. – С. 50–53.
9. Конфликт интересов на государственной и муниципальной службе, в деятельности организаций: причины, предотвращение, урегулирование : научно-практическое пособие / ответственный редактор А. Ф. Ноздрачев. – Москва : ИНФРА-М, 2016. – 224 с. – ISBN 978-5-16-012101-7.
10. Кузнецов, В. И. Увольнение государственных гражданских служащих в связи с утратой доверия: проблемы теории и практики / В. И. Кузнецов, Ю. В. Трунцевский, Л. А. Ломакина // Журнал российского права. – 2020. – № 1. – С. 159–169.
11. Ломакина, Л. А. Некоторые проблемы правового регулирования ответственности государственных гражданских служащих за утрату доверия / Л. А. Ломакина // Журнал российского права. – 2019. – № 12. – С. 198–173.
12. Маскалева, О. С. Комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов: формальные требования и фактический состав / О. С. Маскалева // Государственное управление. Электронный вестник. – 2016. – № 59. – С. 131–163.
13. Нагорных, Р. В. Административно-правовые процедуры в механизме государственной службы в правоохранительной сфере / Р. В. Нагорных // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 4. Правоведение. – 2019. – Том 9, № 2. – С. 17–25.
14. Обзор практики по рассмотрению в 2012–2013 годах дел по спорам, связанным с привлечением государственных и муниципальных служащих к дисциплинарной ответственности за совершение коррупционных проступков // Бюллетень трудового и социального законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 9. – С. 219–231.
15. Попова, А. Увольнение по недоверию / А. Попова // Трудовое право. – 2019. – № 11. – С. 15–19.
16. Реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия // Госслужба : официальный сайт. – URL: <https://gossluzhba.gov.ru/reestr> (дата обращения: 10.08.2021).
17. Телегин, А. С. Дисциплинарная ответственность государственных гражданских служащих / А. С. Телегин // Пятый Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 24–25 октября 2014 г.) : избранные материалы. – Москва : Статут, 2015. – С. 101–110. – ISBN 978-5-8354-1108-5.
18. Туганов, Ю. Н. Реестр лиц, утративших доверие: проблемы формирования / Ю. Н. Туганов, В. К. Аулов // Право в Вооруженных Силах. – 2018. – № 3. – С. 10–13.
19. Corruption Risk Assessment Methods: are View and Future Direction for Organizations / S. K. Sharma, A. Sengupta, S. C. Panja, T. Nandi // ELK Asia Pacific Journal of Finance and Risk Management. – 2016. – Volume 7, issue 4. – Pp. 1–44.

REFERENCES

1. Abramov I.A. On the issue of legal regulation of disciplinary responsibility of state civil servants. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennyye nauki=Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*, 2015, no. 2, pp. 145–147. (In Russ.).
2. Alimpiev S.A. On some topical issues related to the activity of commissions on compliance with the requirements for official conduct of civil servants and settlement of conflicts of interest. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii=Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 4, pp. 60–63. (In Russ.).
3. Bagdasaryan I.A., Koryakin V.M. On some legal implications of the dismissal of military personnel and civilian personnel in connection with the loss of trust. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh= Law in the Armed Forces*, 2017, no. 9, pp. 2–6. (In Russ.).
4. Davydova E.V. Specifics of dismissal of a civil servant. *Otdel kadrov gosudarstvennogo (munitsipal'nogo) uchrezhdeniya= Personnel Department of a State (Municipal) Institution*, 2020, no. 9.
5. Deitseva N.A., Martynov A.V. Administrative and legal regulation of the activities of the Commission on observance of requirements to official conduct of civil servants and to the settlement of conflicting interests. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo=Administrative and Municipal Law*, 2010, no. 7, pp. 35–38. (In Russ.).
6. Dobrobaba M.B. Conceptual framework of service-tort law. *Lex Russica*, 2014, no. 2, pp. 199–210. (In Russ.).
7. Zhitkov A.A. Development of criminal legislation in the field of combating corruption. In: Nekrasov V.N. (Ed.). *Aktual'nye voprosy naznacheniya i ispolneniya ugovolnykh nakazanii: sbornik nauchnykh trudov* []. Vologda: VIPE FSIN Rossii, 2017. Pp. 72–77. (In Russ.).
8. Kandrina N.A. On the issue of official responsibility of state civil servants. *Rossiiskaya yustitsiya=Russian Justice*, 2015, no. 3, pp. 50–53. (In Russ.).

9. Nozdrachev A.F. (Ed.). *Konflikt interesov na gosudarstvennoi i munitsipal'noi sluzhbe, v deyatelnosti organizatsii: prichiny, predotvrashchenie, uregulirovanie: nauchno-prakticheskoe posobie* [Conflict of interests in the state and municipal service, in the activities of organizations: causes, prevention, settlement: a scientific and practical guide]. Moscow: INFRA-M, 2016. 224 p.
10. Kuznetsov V.I., Truntsevskii Yu.V., Lomakina L.A. Dismissal of civil servants due to loss of trust: problems of theory and practice. *Zhurnal rossiiskogo prava=Journal of Russian Law*, 2020, no. 1, pp. 159–169. (In Russ.).
11. Lomakina L.A. Some problems of dismissal of the public civil servants for loss of trust. *Zhurnal rossiiskogo prava=Journal of Russian Law*, 2019, no. 12, pp. 198–173. (In Russ.).
12. Maskaleva O.S. Commissions on compliance with requirements to official conduct and resolution of conflicts of interests: formal requirements and actual composition. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik=Public Administration. E-Journal*, 2016, no. 59, pp. 131–163. (In Russ.).
13. Nagornyykh R.V. Administrative and legal procedures in the mechanism of public service in the law enforcement sphere. *Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yanki Kupaly. Seriya 4. Pravovedenie=Vestnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 4. Jurisprudence*, 2019, vol. 9, no. 2, pp. 17–25. (In Russ.).
14. Review of the 2012–2013 practice on consideration of the cases on disputes related to bringing state and municipal employees to disciplinary responsibility for committing corruption offenses. *Byulleten' trudovogo i sotsial'nogo zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii= Bulletin of Labor and Social Legislation of the Russian Federation*, 2014, no. 9, pp. 219–231. (In Russ.).
15. Popova A. Dismissal on distrust. *Trudovoe pravo= Labor Law*, 2019, no. 11, pp. 15–19. (In Russ.).
16. The register of persons dismissed due to the loss of trust. *Official website. Civil service*. Available at: <https://gossluzhba.gov.ru/reestr> (accessed August 10, 2021). (In Russ.).
17. Telegin A.S. Disciplinary responsibility of state civil servants. In: *Pyaty Perm'skii kongress uchenykh-yuristov (g. Perm', 24–25 oktyabrya 2014 g.): izbrannye materialy* [The Fifth Perm Congress of Legal Scientists (Perm, October 24–25, 2014): selected materials]. Moscow: Statut, 2015. Pp. 101–110. (In Russ.).
18. Tuganov Yu.N., Aulov V.K. Register of persons who have lost trust: problems of formation. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh=Law in the Armed Forces*, 2018, no. 3, pp. 10–13. (In Russ.).
19. Sharma S.K., Sengupta A., Panja S.C., Nandi T. Corruption risk assessment methods: a review and future direction for organizations. *ELK Asia Pacific Journal of Finance and Risk Management*, 2016, vol. 7, iss. 4, pp. 1–44.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

СВЕТЛАНА ВАСИЛЬЕВНА ЗАВИТОВА – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5936-1482>, e-mail: zavitova_s@mail.ru.

НАТАЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА МЕЛЬНИКОВА – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики, г. Вологда, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3697-4769>, e-mail: melnatale@mail.ru.

SVETLANA V. ZAVITOVA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, head of the Department of Administrative-Legal Disciplines, Faculty of Law, Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5936-1482>, e-mail: zavitova_s@mail.ru.

NATALIYA A. MEL'NIKOVA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor of the Department of Administrative-Legal Disciplines, Faculty of Law, Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3697-4769>, e-mail: melnatale@mail.ru.

Статья поступила 11.08.2021

Вопросы законодательного регулирования деятельности оперативно-розыскных подразделений уголовно-исполнительной системы при обеспечении исполнения наказания

И. А. ИВАНЬКОВ

Кировский институт повышения квалификации работников ФСИН России,
г. Киров, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-00022-6414-0702>, e-mail: iwanckow2011@yandex.ru

Реферат

Введение: статья посвящена анализу законодательных норм, регламентирующих деятельность оперативных подразделений ФСИН России. *Цель:* на основе анализа норм действующего оперативно-розыскного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального законодательства выработать предложения по внесению изменений в отдельные нормы для повышения эффективности правовой регламентации деятельности оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы. *Методы:* сравнительно-правовой, эмпирические методы описания и интерпретации, теоретические методы формальной и диалектической логики, научно-исследовательские методы: юридико-догматический и метод толкования правовых норм. *Результаты:* анализ отдельных норм действующего оперативно-розыскного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального законодательства показал, что рассмотренные нормы находятся в определенном противоречии, а также имеются пробелы в законодательном регулировании деятельности оперативных подразделений ФСИН России. *Выводы:* высказаны суждения относительно возможности проведения оперативно-розыскных мероприятий структурными оперативными подразделениями территориальных и центрального органов управления ФСИН России вне территории исправительных учреждений, в том числе по основаниям, закрепленным в виде задач оперативно-розыскной деятельности в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы, возможности проведения оперативными подразделениями территориальных органов ФСИН России оперативно-розыскных мероприятий по установлению местонахождения осужденных, совершивших побег из мест лишения свободы, их задержания и доставки к следователю (дознавателю) для проведения следственных действий. Отмечаются правовые пробелы в законодательном регулировании указанных мероприятий и предлагаются изменения в законодательные акты, направленные на повышение эффективности правоприменительной практики.

Ключевые слова: Федеральная служба исполнения наказаний; уголовно-исполнительная система Российской Федерации; оперативные подразделения; оперативно-розыскные мероприятия; учреждения, исполняющие наказание в виде лишения свободы.

12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность.

Для цитирования: Иваньков И. А. Вопросы законодательного регулирования деятельности оперативно-розыскных подразделений уголовно-исполнительной системы при обеспечении исполнения наказания. *Пенитенциарная наука*, 2021, т. 15, № 3 (55), с. 530–539. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-3-530-539.

Legislative Regulation of the Activities of Intelligence-Gathering Units of the Penal System in Ensuring the Execution of Punishment

IGOR A. IVANKOV

Kirov Institute for Advanced Training of the Staff of FSIN Russia, Kirov, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-00022-6414-0702>, e-mail: iwanckow2011@yandex.ru

Abstract

Introduction: the article analyzes legislative norms regulating the activities of operational units of the Federal Penitentiary Service of Russia. *Aim:* by analyzing the norms of the current intelligence-gathering, penal enforcement and criminal-procedural legislation, to put forward proposals for introducing amendments to certain norms so as to improve the effectiveness of legal regulation of the activities of operational units of the penal system. *Methods:* comparative legal method, empirical methods of description and interpretation, theoretical methods of formal and dialectical logic. *Private scientific methods:* legal-dogmatic method and the method of interpretation of legal norms. *Results:* having analyzed certain norms of the current intelligence-gathering, penal enforcement and criminal-procedural legislation, we see that the norms under consideration are in a certain contradiction, and there are also gaps in the legislative regulation of the activities of operational units of the Federal Penitentiary Service of Russia. *Conclusions:* we argue that structural operational units of the territorial and central management bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia can conduct intelligence-gathering activities outside the territory of correctional institutions, including cases when such activities are conducted according to regulations set out as the tasks of intelligence-gathering activities in institutions executing sentences in the form of imprisonment. We also argue that operational units of the territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia can conduct intelligence-gathering activities aimed at establishing the location of convicts, those who have escaped from correctional institutions, their detention and delivery to the investigator (inquirer) for conducting investigative actions. We note legal gaps in the legislative regulation of these measures and propose amendments to legislative acts aimed at improving the effectiveness of law enforcement practice.

Key words: Federal Penitentiary Service; operational units; intelligence-gathering activities.

12.00.12 – Criminalistics; forensic expert activity; intelligence-gathering activity.

For citation: Ivankov I.A. Legislative regulation of the activities of intelligence-gathering units of the penal system in ensuring the execution of punishment. *Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 3 (55), pp. 530–539. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-3-530-539.

Политика государства, направленная на гуманизацию уголовных наказаний, проявляется в том числе в сокращении количества осужденных к лишению свободы. Это утверждение подтверждается и статистическими сведениями. Так, по данным доклада директора ФСИН России на коллегии ФСИН России «Об итогах деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в 2020 году и задачах на 2021 год» (12 марта 2021 г.), если в 2009 г. в исправительных учреждениях различных видов режима содержалось более 790 тыс. чел., то в 2020 г. – около 400 тыс.

При этом в исправительных учреждениях наблюдается весьма большой процент рецидива преступлений, в том числе пенитенциарных. Для противодействия преступности учреждения и органы уголовно-исполнительной системы наделены полномочиями по применению к осужденным комплекса средств для достижения целей уголовного наказания.

Правовое регулирование средств исправления осужденных и недопущение с их стороны и со стороны других лиц совершения преступлений при отбывании наказания в виде лишения свободы – центральные во-

просы современного развития пенитенциарной системы России.

Одним из средств достижения целей уголовного наказания в виде лишения свободы выступает режим, который в свою очередь создает условия для применения к осужденным иных средств исправления.

Ранее мы неоднократно рассматривали режим в исправительных учреждениях и средства его обеспечения [1; 4]. Согласно ч. 1 ст. 82 УИК РФ под режимом в исправительном учреждении понимается установленный законом и соответствующими актами законодательства порядок исполнения и отбывания лишения свободы, то есть, другими словами, режим – это правопорядок, установленный законодательством при исполнении и отбывании наказания в виде лишения свободы.

Одним из средств поддержания правопорядка при исполнении наказания в уголовно-исполнительной системе выступает оперативно-розыскная деятельность. Наиболее существенное воздействие на данный правовой институт при исполнении наказания в виде лишения свободы оказывает уголовно-исполнительное и оперативно-розыскное законодательство.

При этом значение правового регулирования оперативно-розыскной деятельности и необходимость его совершенствования на современном этапе развития общества и государства не вызывает сомнений. Эти вопросы неоднократно рассматривались на заседаниях Федерального Собрания Российской Федерации. После вступления в действие Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» в него регулярно вносились изменения и дополнения.

Признавая достоинства данного закона, вместе с тем считаем, что отдельные его нормы сформулированы не совсем четко и находятся в определенном противоречии с уголовно-исполнительным законодательством.

В соответствии с законодательством Российской Федерации оперативные подразделения ФСИН России являются одним из субъектов оперативно-розыскной деятельности и имеют право на ее проведение. В то же время при осуществлении данной деятельности возникает ряд вопросов законодательного регулирования.

Статья 1 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» уста-

навливает законодательное определение оперативно-розыскной деятельности: оперативно-розыскная деятельность – вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то настоящим федеральным законом (далее – органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность), в пределах их полномочий посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты жизни, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств.

С нашей точки зрения, из приведенного законодателем определения правомерно выделить два вопроса: кто имеет право осуществлять оперативно-розыскную деятельность при реализации уголовных наказаний в виде лишения свободы и каким образом?

Рассмотрим законодательное регулирование первого вопроса.

В соответствии с п. 8 ч. 1 ст. 13 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» на территории Российской Федерации право осуществлять ОРД предоставляется оперативным подразделениям ФСИН России. В соответствии с ч. 3 рассматриваемой статьи определять перечень оперативных подразделений, правомочных осуществлять данную деятельность, их полномочия, структуру и организацию работы наделен правом руководитель указанного органа.

Другими словами, согласно закону при исполнении наказаний в виде лишения свободы оперативно-розыскную деятельность проводить имеют право все структурные оперативные подразделения пенитенциарной службы.

В соответствии с ч. 1 ст. 5 Закона Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» уголовно-исполнительная система включает в себя:

- 1) учреждения, исполняющие наказания;
- 2) территориальные органы уголовно-исполнительной системы;
- 3) федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный в области исполнения наказаний (далее – федеральный орган уголовно-исполнительной системы).

В соответствии со ст. 7–8 Закона Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в

виде лишения свободы» территориальные органы уголовно-исполнительной системы создаются федеральным органом уголовно-исполнительной системы на территориях субъектов Российской Федерации. Территориальные органы уголовно-исполнительной системы осуществляют руководство подведомственными им учреждениями уголовно-исполнительной системы. Положение о федеральном органе уголовно-исполнительной системы, его структура и предельная численность утверждаются Президентом Российской Федерации.

Обращаясь к полномочиям ФСИН России как федерального органа исполнительной власти, уполномоченного в области исполнения наказаний, отмечаем, что на ФСИН России возложена обязанность по организации осуществляемой учреждениями уголовно-исполнительной системы оперативно-розыскной деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации (п. 4 разд. 2 Положения о Федеральной службе исполнения наказаний).

Пункт 2 ст. 14 указанного выше закона наделяет правом осуществления оперативно-розыскной деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации оперативные подразделения учреждений, исполняющих наказания. Более подробно данный вид деятельности в исправительных учреждениях регламентируется ст. 84 УИК РФ, в ч. 1 которой уточняются задачи данной деятельности в исправительных учреждениях, а в ч. 2 предписывается проведение оперативно-розыскной деятельности оперативными аппаратами исправительных учреждений.

При этом следует обратить внимание и на ч. 2 ст. 84 УИК РФ, в которой законодательно закреплено право осуществления оперативно-розыскной деятельности другими уполномоченными на то органами в пределах их компетенции.

Исходя из смысла данной нормы, в исправительных учреждениях могут проводиться оперативно-розыскные мероприятия всеми органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность в соответствии с оперативно-розыскным законодательством, видимо, в том числе и органами управления уголовно-исполнительной системы.

Из приведенного выше следует, что в правоприменительной практике совокупности рассматриваемых законодательных актов

возникает неоднозначное толкование данной нормы. Ведь ни территориальный, ни федеральный орган уголовно-исполнительной системы нормами других законодательных актов уголовно-исполнительного законодательства при исполнении наказания в виде лишения свободы правом осуществления оперативно-розыскной деятельности не наделены.

Обратимся к вопросу о том, каким образом осуществляется оперативно-розыскная деятельность при исполнении наказаний в виде лишения свободы.

Из определения, данного законодателем, следует, что оперативно-розыскная деятельность осуществляется только посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий. Их цель законодателем также определена. Для достижения указанной законом цели в ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» закреплен перечень задач оперативно-розыскной деятельности. Анализ нормативных предписаний позволяет утверждать, что задачей выступает противодействие преступности, за исключением установления местонахождения лиц, пропавших без вести, так как законодателем не определен криминальный характер данного явления.

Применительно к специфике функционирования учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы, в ст. 84 УИК РФ уточняются задачи оперативно-розыскной деятельности, осуществляемой оперативными аппаратами исправительных учреждений, в том числе:

- обеспечение личной безопасности осужденных, персонала исправительных учреждений и иных лиц;
- выявление, предупреждение и раскрытие готовящихся и совершаемых в исправительных учреждениях преступлений и нарушений установленного порядка отбывания наказания и т. д.

Как уже отмечалось, оперативно-розыскная деятельность осуществляется посредством оперативно-розыскных мероприятий. Основания для их проведения законодателем перечислены в ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Одним из оснований являются ставшие известными органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность (в нашем случае – ФСИН России), сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного

деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. В соответствии с определением Конституционного суда Российской Федерации от 14.07.1998 № 86-О «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности" по жалобе гражданки И. Г. Черновой» под противоправным деянием рассматриваемый федеральный закон подразумевает лишь уголовно наказуемое деяние, то есть преступление [7].

Таким образом, проводить оперативно-розыскные мероприятия по фактам подготовки и совершения осужденными нарушений установленного порядка отбывания наказания запрещено. В то же время именно нарушения режима нередко выступают условиями совершения пенитенциарных преступлений (например, изготовление спиртных напитков, использование осужденными средств сотовой связи, создание и участие осужденных в группировках, оказывающих противодействие администрации исправительного учреждения, и т. д.) [6].

С другой стороны, данные нарушения могут выступать в качестве спонтанных (не требующих подготовки) и разовых, а могут быть длящимися, требующими подготовки и носящими скрытый характер. В связи с этим законодатель разграничивает нарушения в ст. 116 УИК РФ, вводя понятие злостного нарушения установленного порядка отбывания наказания осужденными к лишению свободы и перечисляя деяния, которые относятся к злостным.

С нашей точки зрения, ч. 1 ст. 84 УИК РФ требует корректировки в части более четкой регламентации оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий с целью выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия нарушений установленного порядка отбывания наказания, а также лиц, их замышляющих, подготавливающих, совершающих и совершивших.

Для устранения противоречий между законодательными актами, регламентирующими оперативно-розыскную деятельность и исполнение уголовных наказаний, необходимо рассмотреть вопрос о внесении в действующее законодательство следующих поправок:

1) в ст. 84 УИК РФ включить следующую формулировку: выявление, предупреж-

дение, пресечение и раскрытие злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания, а также лиц, их замышляющих, подготавливающих, совершающих и совершивших, если нет достаточных оснований для привлечения к ответственности, предусмотренной законом;

2) в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности»:

– ст. 2 дополнить задачей «выявление, предупреждение и раскрытие готовящихся и совершаемых в исправительных учреждениях и следственных изоляторах злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания»;

– ст. 7 дополнить п. 7 следующего содержания: «основанием для проведения оперативно-розыскных мероприятий в учреждениях, исполняющих наказания в виде лишения свободы, а также следственных изоляторах являются ставшие известными сведения о злостных нарушениях установленного порядка отбывания наказания или содержания под стражей».

Следующим вопросом в области законодательного регулирования деятельности оперативных подразделений ФСИН России выступают место проведения оперативно-розыскных мероприятий и полномочия оперативных подразделений территориальных и центрального органов управления уголовно-исполнительной системы.

Выше уже отмечалось, что полномочия оперативных подразделений определяет руководитель органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность. Но это утверждение верно без учета требований уголовно-исполнительного законодательства.

Одной из задач оперативно-розыскной деятельности в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы, является розыск в установленном порядке осужденных, совершивших побег из исправительных учреждений, а также осужденных, уклоняющихся от отбывания лишения свободы.

Возникает вопрос: а на основании какого законодательного акта оперативные подразделения ФСИН России осуществляют деятельность по установлению места нахождения лиц, совершивших побег из мест лишения свободы?

Ответ очевиден – на основании ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Однако так ли это, если

рассматривать деятельность оперативных подразделений ФСИН России с позиции не только оперативно-розыскного, но и уголовно-исполнительного законодательства?

В данном контексте, с нашей точки зрения, правомерен вопрос о полномочиях сотрудников оперативных подразделений территориальных и центрального органов управления уголовно-исполнительной системы на проведение оперативно-розыскных мероприятий вне исправительных учреждений.

Прежде всего, исходя из буквы закона, решение указанной задачи возложено на оперативные подразделения исправительных учреждений. Другими словами, оперативный аппарат учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, для выполнения указанной задачи вправе проводить комплекс оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление места нахождения лица, совершившего побег, либо уклоняющегося от отбывания наказания.

Кроме того, в соответствии с п. 8 ст. 14 Закона Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих наказания в виде лишения свободы» исправительным учреждениям дано право при проведении операций по задержанию осужденных, совершивших побег или уклоняющихся от отбывания наказания, в местах, где вероятно их появление, осуществлять досмотр транспортных средств, проверку документов.

Однако, обращаясь к нормам данного закона (ст. 7–8), регулирующим права и обязанности территориальных и федерального органа управления уголовно-исполнительной системы, мы не находим законодательного закрепления права этих органов на осуществление оперативно-розыскной деятельности [2; 5].

В ч. 1 ст. 7 Закона Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих наказания в виде лишения свободы» закрепляется положение о создании территориальных органов уголовно-исполнительной системы в субъектах России федеральным органом уголовно-исполнительной системы, а в ч. 4 – положение об осуществлении руководства территориальных органов подведомственными им учреждениями уголовно-исполнительной системы.

Статья 8 рассматриваемого закона фактически носит отсылочный характер на указ Президента Российской Федерации, кото-

рым утверждаются положение, структура и предельная штатная численность федерального органа уголовно-исполнительной системы.

Прежде всего отметим, что с точки зрения законодателя, проведение комплекса оперативно-розыскных мероприятий по установлению места нахождения разыскиваемого оперативными подразделениями территориальных органов и федерального органа управления ФСИН России уже вызывает сомнение, так как разыскиваемый находится не на территории исправительного учреждения и прилегающей к учреждению режимной территории.

На это можно возразить, что выполнение задач, закрепленных законодателем в ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», распространяется на все органы, уполномоченные на осуществление оперативно-розыскной деятельности, в том числе и на ФСИН России. Однако как же быть с нормами уголовно-исполнительного законодательства?

В соответствии с приведенными выше нормами уголовно-исполнительного права сотрудники оперативных подразделений территориальных и центрального органа управления ФСИН России не вправе устанавливать местонахождение осужденного, совершившего побег, путем проведения оперативно-розыскных мероприятий вне исправительного учреждения.

Таким образом, напрашивается вывод, что оперативно-розыскные мероприятия, направленные на установление места нахождения разыскиваемого, с точки зрения законодателя, могут проводиться только совместно с оперативными сотрудниками полиции. Они же должны и задерживать подозреваемого. При этом мы рассматриваем задержание как меру процессуального принуждения. Другими словами, речь идет об уголовно-процессуальных отношениях [3; 8].

Рассмотрим уголовно-процессуальные нормы, регламентирующие задержание как меру процессуального принуждения.

В соответствии с п. 11 ст. 5 УПК РФ под задержанием подозреваемого понимается мера процессуального принуждения, применяемая органом дознания, дознавателем, следователем на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления. Исходя из этого, данная мера процессуаль-

ного принуждения может применяться органом дознания. А в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ к органам дознания отнесены кроме органов внутренних дел иные органы исполнительной власти, уполномоченные федеральным законом на осуществление оперативно-розыскной деятельности, то есть ФСИН России является органом дознания, и, соответственно, сотрудники вправе задерживать лиц, совершивших побег. При этом в соответствии со ст. 92 УПК РФ в течение трех часов после доставления задержанного в орган дознания должен быть составлен протокол задержания.

Но тут же возникает вопрос: какое учреждение или орган уголовно-исполнительной системы выступает в данном случае органом дознания? Другими словами, куда сотрудники, произведшие задержание, должны доставить задержанного? В территориальный орган управления ФСИН России по субъекту Российской Федерации, в котором подозреваемый задержан, или в исправительное учреждение, из которого совершен побег?

Предположим, что в случае задержания разыскиваемого сотрудниками уголовно-исполнительной системы он доставляется в орган внутренних дел, на территории которого произведено задержание. Но тогда нарушается норма ст. 14 Федерального закона Российской Федерации «О полиции» (п. 2–3 ч. 2), в которой законодателем сформулировано требование о том, что разыскиваемые могут быть задержаны сотрудниками полиции на срок, необходимый для передачи задержанных сотрудникам уголовно-исполнительной системы России.

При этом обращает на себя внимание требование данной нормы о задержании разыскиваемого именно сотрудниками полиции, а не уголовно-исполнительной системы.

Обращаясь к уголовно-процессуальным нормам (ст. 150, 151 УПК РФ), мы понимаем, что подследственность по признакам преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ, закреплена за органами внутренних дел.

Уголовное дело по факту совершения побега возбуждено органом внутренних дел, на территории которого дислоцируется исправительное учреждение, откуда совершен побег. Соответственно, задержанный должен быть доставлен в исправительное учреждение, из которого он совершил побег и где на основании ст. 10 Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании

под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» может содержаться, но изолированно от других осужденных, отбывающих наказание.

Следующим вопросом выступает перемещение задержанного к месту дислокации исправительного учреждения и предоставление его следователю (дознавателю) для проведения процессуальных действий.

Если мы рассматриваем органы внутренних дел, то в этом случае законом все определено. После задержания сотрудниками оперативного подразделения полиции разыскиваемое лицо доставляется в орган внутренних дел и предоставляется следователю (дознавателю), в производстве которого находится уголовное дело, для проведения следственных действий. Если следователь (дознаватель) территориально находится вне этого органа внутренних дел, то перемещение задержанного производится силами конвоя МВД России.

Как это должно происходить в случае задержания бежавшего осужденного сотрудниками оперативного подразделения ФСИН России? С нашей точки зрения, задержанный мог бы быть помещен в следственный изолятор, дислоцированный в субъекте России, в котором он был задержан. Далее силами специальных подразделений по конвоированию он мог бы быть перевезен к месту проведения следственных действий. Однако правовых оснований для помещения задержанного осужденного в следственный изолятор нет, так как нет решения суда о его содержании под стражей.

Для разрешения перечисленных выше вопросов, на наш взгляд, следует внести следующие поправки в отдельные законодательные акты с целью устранения противоречий и имеющихся пробелов в правовом регулировании деятельности оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы при исполнении наказаний в виде лишения свободы:

1) в Законе Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» дополнить ст. 7 «Территориальные органы уголовно-исполнительной системы» абзацем (частью) 3 следующего содержания: «В территориальных органах уголовно-исполнительной системы создаются оперативные подразделения, которые осуществляют руководство подведомственными им

учреждениями уголовно-исполнительной системы в сфере оперативно-розыскной деятельности, а также проводят оперативно-розыскные мероприятия для решения задач, предусмотренных уголовно-исполнительным законодательством.

Перечень оперативных подразделений территориальных органов уголовно-исполнительной системы и их компетенция определяются нормативным правовым актом руководителя федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний»;

2) статью 74 УИК РФ «Виды исправительных учреждений» дополнить:

– частью 10 следующего содержания: «Осужденный, совершивший побег из исправительного учреждения, объявляется в розыск администрацией исправительного учреждения и подлежит задержанию на срок до 48 часов. Данный срок может быть продлен судом до 30 суток»;

– частью 11 следующего содержания: «Объявление розыска осужденных к наказаниям в виде лишения свободы осуществляется оперативными подразделениями уголовно-исполнительной системы»;

– частью 12 следующего содержания: «Оперативно-розыскная деятельность при розыске осужденных, совершивших побег из исправительного учреждения, осуществляется оперативными подразделениями уголовно-исполнительной системы самостоятельно, оперативными подразделениями уголовно-исполнительной системы во взаимодействии с оперативными подразделениями иных государственных органов, определенных Федеральным законом от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», в пределах их компетенции и оперативными подразделениями иных государственных органов, определенных Федеральным законом от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», в пределах их компетенции»;

3) часть 1 ст. 84 УИК РФ изложить в следующей редакции: «выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания, а также лиц, их замышляющих, подготавливающих, совершающих и совершивших, если нет достаточных осно-

ваний для привлечения к ответственности, предусмотренной законом»;

4) в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности»:

– ст. 2 дополнить задачей «выявление, предупреждение и раскрытие готовящихся и совершаемых в исправительных учреждениях и следственных изоляторах злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания»;

– ст. 7 дополнить п. 7: «основанием для проведения оперативно-розыскных мероприятий в учреждениях, исполняющих наказания в виде лишения свободы, а также следственных изоляторах являются ставшие известными сведения о злостных нарушениях установленного порядка отбывания наказания или содержания под стражей»;

5) в УПК РФ:

– ч. 5 ст. 108 изложить в следующей редакции: «Принятие судебного решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого допускается только в случае объявления обвиняемого в международный розыск, а также совершения побега из места содержания под стражей либо отбывания наказания в виде лишения свободы»;

– дополнить ст. 396 п. 4.2 следующего содержания: «Вопросы, указанные в пункте 18.2 статьи 397 настоящего кодекса разрешаются судом по месту нахождения учреждения, исполняющего наказание, в котором осужденный отбывает наказание в соответствии со статьями 73 и 74 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации»;

– дополнить ст. 397 п. 18.2 следующего содержания: «о заключении под стражу осужденного к лишению свободы с отбыванием наказания в исправительном учреждении, в соответствии со статьей 74 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, совершившего побег из исправительного учреждения, при его задержании сотрудниками уголовно-исполнительной системы либо сотрудниками полиции».

Таким образом, можно сделать ряд выводов. Во-первых, на эффективность деятельности структурных оперативных подразделений оказывают правовое воздействие ряд законодательных актов. Во-вторых, для повышения эффективности оперативно-розыскной деятельности при исполнении наказания в виде лишения свободы необходим комплексный подход к правовому регулиро-

ванию. В-третьих, нам представляется, что при внесении изменений в рассмотренные законодательные акты существенно повысится эффективность деятельности опе-

ративных подразделений ФСИН России по решению закрепленных в уголовно-исполнительном законодательстве задач.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горяинов, К. К. Оперативно-разыскное обеспечение исполнения наказания и его цели / К. К. Горяинов, И. А. Иванов // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2016. – № 2. – С. 3–7.
2. Долгинов, С. Д. Организационные и правовые проблемы проведения оперативного эксперимента / С. Д. Долгинов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2015. – № 1 (27). – С. 117–123.
3. Зникин, В. К. Уголовный процесс без криминалистики и ОРД: проблемная ситуация / В. К. Зникин // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2015. – № 4 (18). – С. 30–36. – DOI 10.17223/22253513/18/4.
4. Иванов, И. А. Оперативно-разыскное обеспечение поддержания правопорядка в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы (теоретические и правовые аспекты): монография / И. А. Иванов. – Киров: Кировский ИПКР ФСИН России, 2018.
5. Косоногов, Д. А. О понятии обеспечения собственной безопасности в уголовно-исполнительной системе / Д. А. Косоногов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2012. – № 2 (16). – С. 215–222.
6. Крымов, А. А. Взаимодействие органов внутренних дел и уголовно-исполнительной системы в вопросах предупреждения и раскрытия преступлений / А. А. Крымов // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2013. – № 2 (8). – С. 68–71.
7. По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» по жалобе гражданки И. Г. Черновой: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 1998 г. № 86-О // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты: сайт. – URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-ot-14071998-n/> (дата обращения: 28.06.2021).
8. Medvedev, I. A. Current Status and Problems of Legal Regulation of Urgent Search in Criminal Cases / I. A. Medvedev // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2016. – Volume 9., no 1. – Pp. 218–228. – DOI 10.17516/1997-1370-2016-9-1-218-228.

REFERENCES

1. Goryainov K.K., Ivan'kov I.A. Operational search providing of execution of punishment and its purpose. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie=Criminal-Executory System: Law, Economy, Management*, 2016, no. 2, pp. 3–7. (In Russ.).
2. *Doklad direktora FSIN Rossii na Kollegii FSIN Rossii "Ob itogakh deyatel'nosti ugovolno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii v 2020 godu i zadachakh na 2021 god"*. Moskva, FSIN Rossii 12 marta 2021 g. [Report of the Director of the Federal Penitentiary Service of Russia at the Board of the Federal Penitentiary Service of Russia "On the results of the activities of the penal system of the Russian Federation in 2020 and tasks for 2021". Moscow, Federal Penitentiary Service of Russia, March 12, 2021].
3. Ivan'kov I.A. *Operativno-rozysknoe obespechenie podderzhaniya pravoporyadka v uchrezhdeniyakh, ispolnyayushchikh nakazaniya v vide lisheniya svobody (teoreticheskie i pravovye aspekty): monografiya* [Intelligence-gathering support for maintaining law and order in institutions executing custodial sentences (theoretical and legal aspects): monograph]. Kirov: FKU DPO Kirovskii IPKR FSIN Rossii, 2018.
4. On the Police: Federal Law of the Russian Federation no. 3-FZ of February 7, 2011. Paragraphs 2–3 of Part 2 of Article 14. *SPS Konsul'tant-plyus* [Reference and search system ConsultantPlus]. (In Russ.).
5. On the detention of suspects and those accused of committing crimes: Federal Law no. 103-FZ of July 15, 1995. *SPS Konsul'tant-plyus* [Reference and search system ConsultantPlus]. (In Russ.).
6. On institutions and bodies executing criminal penalties in the form of imprisonment: Law of the Russian Federation of July 21, 1993. no. 5473-1. *SPS Konsul'tant-plyus* [Reference and search system ConsultantPlus]. (In Russ.).
7. *Po delu o proverke konstitutsionnosti otdel'nykh polozhenii Federal'nogo zakona "Ob operativno-rozysknoi deyatel'nosti" o zhalobe grazhdanki I. G. Chernovoi: Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 14 iyulya 1998 g. № 86-O* [On the case of checking the constitutionality of certain provisions of the Federal Law "On intelligence-gathering activity" on the complaint of citizen I.G. Chernova: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 86-O of July 14, 1998].
8. Regulations on the Federal Penitentiary Service: approved by Decree of the President of the Russian Federation no. 1314 of October 13, 2004. Section 2. Item 4 "Issues of the Federal Penitentiary Service". *SPS Konsul'tant-plyus* [Reference and search system ConsultantPlus]. (In Russ.).
9. Penal Enforcement Code of the Russian Federation: Federal Law no. 1-FZ of January 8, 1997. Part 2. Article 82 (amended March 9, 2021). *SPS Konsul'tant-plyus* [Reference and search system ConsultantPlus]. (In Russ.).
10. Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law no. 174-FZ of December 18, 2001. Articles 150–151. *SPS Konsul'tant-plyus* [Reference and search system ConsultantPlus]. (In Russ.).
11. Znikin V.K. Criminal procedure without criminalistics and operational search activity: a problematic situation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo=Tomsk State University Journal of Law*, 2015, no. 4(18), pp. 30–36. DOI 10.17223/22253513/18/4. (In Russ.).
12. Krymov A.A. Interaction of the bodies of internal affairs and penal system on the questions of prevention and detection of crimes. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo=Tomsk State University Journal of Law*, 2013, no. 2(8), pp. 68–71. (In Russ.).
13. Kosonogov D.A. The concept of ensuring internal security in correctional system. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki=Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2012, no. 2(16), pp. 215–222. (In Russ.).
14. Dolginov S.D. Organizational and legal issues of conducting a sting operation. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki=Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2015, no. 1(27), pp. 117–123. (In Russ.).

15. Medvedev I.A. Current status and problems of legal regulation of urgent search in criminal cases. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2016, vol. 9, no. 1, pp. 218–228. DOI: 10.17516/1997-1370-2016-9-1-218-228.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ИГОРЬ АНАТОЛЬЕВИЧ ИВАНЬКОВ – кандидат юридических наук, доцент, временно исполняющий обязанности начальника Кировского института повышения квалификации работников ФСИН России, г. Киров, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-00022-6414-0702>, e-mail: iwanckow2011@yandex.ru

IGOR I. IVANKOV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, interim head of Kirov Institute for Advanced Training of the Staff of FSIN Russia, Kirov, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-00022-6414-0702>, e-mail: iwanckow2011@yandex.ru

Статья поступила 06.07.2021

Меры административного пресечения, применяемые сотрудниками уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в связи с совершением административного правонарушения

С. А. СТАРОСТИН

Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0108-7916>, e-mail: SASTAROSTIN@msal.ru

Н. В. АНИСКИНА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7185-5730>, e-mail: AniskinaN555@yandex.ru

Р е ф е р а т

Введение: статья посвящена изучению теории и практики применения мер административного пресечения, реализуемых сотрудниками уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в связи с совершением административного правонарушения. Обосновывается идея о влиянии эффективности применения сотрудниками уголовно-исполнительной системы мер административного принуждения не только на общий уровень пенитенциарной безопасности, но и на государственную безопасность в целом. *Цель:* установление особенностей применения мер административного пресечения в УИС с учетом специфики сферы правореализации. *Методы:* в основе проведенного исследования лежит диалектический метод научного познания. В статье использованы общенаучные (анализ, синтез, индукция и т. д.), частнонаучные и специальные методы познания (сравнительно-правовой, формально-юридический, статистический). *Результаты:* установлена сущность применения мер административного пресечения в УИС; изучена практика реализации норм, касающихся применения сотрудниками УИС мер административного пресечения; выявлены особенности их применения с учетом специфики сферы правореализации, такие как направленность на обеспечение пенитенциарной безопасности, предотвращение как административных правонарушений, так и преступлений, использование в большинстве случаев на территории учреждений УИС и др. Установлено, что правовая основа применения мер административного пресечения в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации нуждается в совершенствовании. *Выводы:* в целях повышения эффективности практики реализации мер административного принуждения в УИС сформулированы предложения по совершенствованию норм действующего законодательства, а именно обоснована необходимость закрепления в разд. V закона Российской Федерации от 21.07.1993 № 5473-1 определений терминов «применение физической силы» и «применение специальных средств», разграничения понятий применения и использования огнестрельного оружия, замены формулировки «оказание первой медицинской помощи» на «безотлагательное оказание пострадавшим первой доврачебной помощи». Также авторами приводятся аргументы в пользу целесообразности дополнения Федерального закона от 19.07.2018 № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации...» положением, закрепляющим за сотрудниками УИС обязанность по соблюдению норм уголовного законодательства (о необходимой обороне, крайней необходимости и иных обстоятельствах, исключающих преступность деяния) в случаях реализации мер административного пресечения.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система; административное принуждение; Федеральная служба исполнения наказаний; сотрудник уголовно-исполнительной системы Российской Федерации; административное правонарушение; меры административного пресечения; пенитенциарная безопасность.

12.00.14 – Административное право; административный процесс.

Для цитирования: Старостин С. А., Анискина Н. В. Меры административного пресечения, применяемые сотрудниками уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в связи с совершением административного правонарушения. *Пенитенциарная наука*, 2021, т. 15, № 3 (55), с. 540–552. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-3-540-552.

Administrative Restraint Measures Applied by Employees of the Penal System of the Russian Federation in Connection with the Commission of an Administrative Offense

SERGEI A. STAROSTIN

Kutafin Moscow State Law University (MSLA), Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0108-7916>, e-mail: SASTAROSTIN@msal.ru

NADEZHDA V. ANISKINA

Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7185-5730>, e-mail: AniskinaN555@yandex.ru

Abstract

Introduction: the article considers the theory and practice of applying administrative restraint measures implemented by employees of the penal system of the Russian Federation in case of the commission of an administrative offense. We substantiate an idea concerning the impact of the effectiveness of the use of administrative coercion measures by employees of the penal system not only on the overall level of penitentiary security, but also on state security in general. *Aim:* to reveal the specifics of application of administrative restraint measures in the penal system, taking into account the specifics of the law enforcement sphere. *Methods:* our research is based on the dialectical method of scientific cognition. The article uses general scientific (analysis, synthesis, induction, etc.), specific scientific and special methods of cognition (comparative legal, formal legal, statistical). *Results:* we reveal the essence of application of administrative restraint measures in the penal system; we study the practice of implementing the norms concerning the use of administrative restraint measures by employees of the penal system; we reveal the features of their application, taking into account the specifics of the sphere of law enforcement sphere, such as focusing on ensuring penitentiary security, preventing administrative offenses and crimes, application on the territory of penitentiary institutions in most cases, etc. We find out that the legal basis for the application of administrative restraint measures in the penal system of the Russian Federation needs to be improved. *Conclusions:* in order to increase the effectiveness of the practice of implementing administrative enforcement measures in the penal system, we formulate proposals to improve the norms of the current legislation: namely, Section V of the Law of the Russian Federation of July 21, 1993 no. 5473-1 should contain definitions of the terms “use of physical force”, “use of special means”; the terms such as application and use of firearms should be distinguished; the wording “provision of medical first aid” should be replaced with “immediate provision of premedical aid to victims”. We also present arguments in favor of the expediency of supplementing Federal Law 197-FZ of July 19, 2018 “About the service in the Penal System of the Russian Federation...” with a provision that assigns to the employees of the penal system the duty to comply with the norms of criminal legislation (on necessary defense, extreme necessity and other circumstances excluding the criminality of the act) in cases of the implementation of administrative restraint measures.

Key words: penal system; administrative coercion; Federal Penitentiary Service of Russia; employee of the penal system; administrative offense; administrative restraint measures; penitentiary security.

12.00.14 – Administrative law; administrative process.

For citation: Starostin S.A., Aniskina N.V. Administrative restraint measures applied by employees of the penal system of the Russian Federation in connection with the commission of an administrative offense. *Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 3 (55), pp. 540–552. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-3-540-552.

Введение

В современных условиях функционирования Российской Федерации особую значимость приобретают вопросы, связанные с обеспечением национальной безопасности, заметную роль в обеспечении которой играют правоохранительные органы. Важное место в системе государственных органов, на которые возложена функция по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности, в том числе на режимных объектах и территориях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, посредством применения мер административного принуждения, занимает Федеральная служба исполнения наказаний.

В системе мер административного принуждения значительным правоохранительным потенциалом обладают меры административного пресечения (административные меры защиты [5, с. 7]), поскольку именно они направлены на «прекращение (пресечение) совершаемого противоправного деяния или противоправного состояния» [14, с. 71]. Вместе с тем пресечение правонарушений, совершаемых в сфере исполнения уголовных наказаний, представляет собой важное направление деятельности ФСИН России, поскольку они несут в себе непосредственную угрозу не только установленному порядку функционирования учреждений, исполняющих наказания, и следственных изоляторов, но и государственной безопасности от пенитенциарной преступности в целом [30].

Как показали результаты проведенного нами исследования, повышенной общественной опасностью обладают правонарушения, связанные с передачей (попыткой передачи) запрещенных предметов лицам, содержащимся в учреждениях УИС [16]. Это связано с тем, что передаваемые запрещенные предметы могут выступать в качестве орудия совершения новых правонарушений (преступлений) не только на территории учреждений УИС, но и за ее пределами. В частности, по данным официальной статистики ФСИН России, в период с 2015 по 2020 г. наметилась определенная тенденция к росту (примерно на 20 %) пенитенциарной

преступности, в том числе в дистанционной форме, в то время как количество лиц, находящихся в местах лишения свободы в аналогичный период, сократилось на 21,83 % (с 617,70 тыс. до 482,83 тыс. чел. [13]). Вместе с тем количество граждан, привлеченных к административной ответственности за передачу либо попытку передачи лицам, содержащимся в учреждениях УИС, запрещенных предметов, уменьшилось более чем на 60 % (с 5009 в 2015 г. [20] до 1818 в 2020 г. [21]).

Представленные статистические данные свидетельствуют о росте латентности совершаемых административных правонарушений по доставке запрещенных предметов на территорию учреждений УИС. При складывающихся обстоятельствах неэффективное применение мер административного пресечения в деятельности уполномоченных субъектов УИС может привести к несвоевременному выявлению и пресечению административных правонарушений, посягающих на установленный порядок управления в сфере функционирования учреждений УИС, и, как следствие, к совершению в дальнейшем новых правонарушений (преступлений). Указанные обстоятельства обуславливают актуальность темы исследования.

Методы исследования

В основе проведенного нами исследования лежит диалектический метод научного познания. В процессе написания статьи использовались общенаучные методы познания, частные методы общественных наук и специальные методы юридической науки.

Среди использованных в работе общенаучных методов можно выделить методы индукции и дедукции, метод системного анализа, синтеза и обобщения, метод сравнения и аналогии. Кроме того, для решения поставленных задач привлекались социологический и статистический общенаучные методы познания, а также частнонаучные методы в области юриспруденции: нормативно-логический, формально-юридический и сравнительно-правовой. Отдельные проблемы рассматривались как межотраслевые, что было обусловлено задачами комплексного анализа отношений в рамках

заявленной темы. Кроме того, применялись приемы формальной логики и лексико-грамматического анализа, с помощью которых была осуществлена трактовка юридических понятий и терминов.

Неотъемлемой частью работы стал научный анализ статистических данных ФСИН России, Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, результатов собственного исследования.

Обсуждение

Применение мер административного пресечения ориентировано прежде всего на незамедлительное прекращение совершения противоправных действий в тот момент, когда «нарушение правопорядка еще длится или существует реальная угроза охраняемым законом общественным отношениям» [14, с. 74]. К мерам административного пресечения прибегают в том случае, если «все иные средства прекращения противоправных действий исчерпаны и нет других, которые способны обеспечить на должном уровне охрану правопорядка и безопасность граждан» [23, с. 74], что и объясняет их особый характер.

В большинстве своем применению мер административного пресечения предшествует отказ лица исполнять возложенные на него нормами действующего законодательства административно-правовые обязанности и запреты (например, запрет на нахождение посторонних лиц на режимных объектах УИС). В этой связи меры административного пресечения выступают своего рода ответной правоохранительной реакцией со стороны государства на противоправное, в том числе уголовно наказуемое, поведение лица, отказывающегося соблюдать те или иные правовые предписания [2].

Практическая реализация мер административного пресечения позволяет государству в лице уполномоченных органов и их должностных лиц оперативно реагировать на возникновение различного рода правовых аномалий с юридическим содержанием и тем самым поддерживать общественный порядок и общественную безопасность в различных сферах государственного управления.

Таким образом, меры административного пресечения представляют собой некую совокупность основных административно-правовых приемов, способов и средств воздействия на принуждаемый субъект, благодаря применению которых удается

обеспечить прекращение административного и иного противоправного деяния непосредственно в момент его совершения, а также устранить реально существующие угрозы для личной или общественной безопасности.

Большинство исследователей в числе целей применения мер административного пресечения называют: прекращение (пресечение) неправомерных действий; ликвидацию противоправных состояний; предупреждение (предотвращение) наступления вредных последствий, появляющихся в результате возникновения чрезвычайных ситуаций социального, природного или техногенного характера; создание оптимальных условий для привлечения правонарушителей к ответственности [11; 18].

Вместе с тем основная цель применения данных мер административного принуждения в УИС напрямую вытекает из специфики деятельности ведомства – обеспечения пенитенциарной безопасности. В рамках исследования под пенитенциарной безопасностью мы будем подразумевать деятельность учреждений и органов УИС, сотрудников УИС и иных лиц, направленную на обеспечение жизненно важных интересов личности, общества и государства в сфере исполнения уголовных наказаний и защиту от потенциально и реально существующих угроз внешней и внутренней направленности.

Действительно, уровень пенитенциарной безопасности во многом зависит от ответственности реализуемых уполномоченными субъектами УИС мер административного пресечения. Грамотное применение последних позволяет не допустить поступление на территорию учреждений УИС запрещенных предметов и вещей, прекратить (пресечь) совершение противоправных действий со стороны лиц, нарушающих установленный порядок управления в сфере исполнения уголовных наказаний, устранить иные объективно существующие угрозы для личной безопасности работников УИС и иных граждан, а также режимных объектов УИС.

Следует отметить, что в теории административного права разработано множество классификаций мер административного пресечения, однако большинство авторов придерживаются в своих работах точки зрения о подразделении мер административного пресечения на общие (обычные) и специальные (особые) [1, с. 32–44; 7, с. 7; 15,

с. 56]. Данный подход мы возьмем за основу при характеристике мер пресечения в УИС.

Меры общего назначения в УИС по большей части урегулированы в Законе Российской Федерации от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (далее – Закон РФ № 5473-1) и Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях. Так, проведенный нами анализ законодательства и научной литературы по изучаемой проблематике позволяет выделить в качестве общих мер административного пресечения в деятельности УИС требование о прекращении совершения противоправных действий (правонарушений и преступлений), в том числе действий, препятствующих осуществлению законных полномочий сотрудников УИС, остановку транспортного средства и др. Не останавливаясь подробно на данной подгруппе мер административного пресечения, следует указать, что, по сути, они представляют собой обычную предусмотренную законом реакцию сотрудников УИС, которая позволяет пресечь противоправные действия на начальной стадии их совершения либо пока не наступили какие-либо неблагоприятные последствия для общественных отношений, складывающихся в сфере исполнения уголовных наказаний.

Наибольший интерес, на наш взгляд, представляет подгруппа специальных мер административного пресечения, к которой традиционно относят применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. В. Н. Опарин названные меры именует мерами непосредственного принуждения [19].

Правовую основу реализации специальных мер административного пресечения в УИС составляют нормы как международного, так и российского законодательства, в частности: Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Европейские пенитенциарные правила, Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка, Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии», Федеральный закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», Закон Российской Федера-

ции от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», приказ Минюста России от 30.10.2017 № 215 «Об утверждении Порядка ношения и применения огнестрельного оружия сотрудниками уголовно-исполнительной системы» и др.

Как справедливо отмечает А. В. Мингес, в качестве сущностной характеристики специальных мер пресечения выступает возможность их осуществления в форме физического воздействия на правонарушителя, что позволяет оказывать наиболее явное влияние на его личную неприкосновенность [17, с. 11]. Вследствие этого, вторгаясь в сферу прав и свобод конкретного лица, данные меры в большей степени наделены необходимым потенциалом по принуждению обязанных лиц к соблюдению установленных запретов и ограничений, исполнению обязанностей независимо от их воли и желания [29]. Фактически все меры административного пресечения объединяет общая черта: они несут в себе риск причинения вреда здоровью лица, к которому применяются.

Основания, условия и общий порядок применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в УИС регулируется гл. V Закона РФ № 5473-1. Детальное изучение данного закона позволяет прийти к выводу, что в нем не дается исчерпывающих характеристик используемых терминов, которые необходимы при оценке правомерности действий сотрудников УИС. В частности, отсутствует определение понятия «физическая сила», что предусматривает возможность усмотрения при использовании данного способа принудительного воздействия. Так, например, в процессе реализации специальной меры принуждения – физической силы – сотрудникам УИС приходится вступать в непосредственный физический, то есть телесный, контакт с объектом воздействия. В связи с этим считаем, что под применением физической силы сотрудниками УИС следует понимать принудительное физическое (механическое) воздействие, включая боевые приемы борьбы, на правонарушителя, основанное на использовании мускульной силы и индивидуальных физических возможностей каждого конкретного сотрудника без использования специальных средств, оружия или иных подручных средств. Предлагаем данное определение закрепить в ст. 29 «Применение физической силы» Закона РФ № 5473-1.

В контексте рассмотрения мер непосредственного принуждения нельзя не согласиться с О. О. Лебедевой, по мнению которой характер правоограничений и степень их воздействия на нарушителя должны зависеть от характера совершаемых противоправных действий (административного правонарушения или преступления), а также силы оказываемого им сопротивления (противодействия) [14, с. 93].

В том случае если применение физического воздействия к правонарушителю не привело к должному результату, сотрудники УИС дополняют его специальными средствами принуждения. В УИС предусмотрено применение следующих специальных средств принуждения: палок специальных, наручников и иных средств ограничения подвижности, служебных собак, специальных технических средств противодействия беспилотным воздушным судам и др. Также при необходимости сотрудники УИС в целях пресечения совершаемых правонарушений (преступлений) правомочны использовать «любые подручные средства» (ст. 28 Закона РФ № 5473-1).

На основании вышеизложенного представляется, что под применением специальных средств административного принуждения следует подразумевать воздействие сотрудников УИС на правонарушителя, реализуемое с помощью различных специальных технических устройств и приспособлений, состоящих на вооружении учреждений и органов УИС. Предлагаем данное определение закрепить в ст. 30 «Применение специальных средств» Закона РФ № 5473-1.

Самым опасным способом реализации мер административного пресечения, который в большей степени несет риски для жизни и здоровья правонарушителя, считается применение огнестрельного оружия. В связи этим данная мера в правоохранительной деятельности сотрудников УИС используется крайне редко, что подтверждается результатами проведенного нами анкетирования более 600 практических работников УИС: только 13 сотрудникам (2,16 % от общего числа опрошенных) приходилось на практике применять огнестрельное оружие в отношении граждан (не осужденных).

Как отмечает А. М. Сильников, процесс применения огнестрельного оружия заключается в непосредственном использовании его «силы», то есть огнестрельных свойств самого оружия и поражающих свойств пули

(снаряда) [25, с. 37–38]. Именно поэтому огнестрельное оружие в большинстве случаев применяют при возникновении объективной потребности в пресечении совершаемых преступлений, а не правонарушений.

Таким образом, перечень мер административного пресечения, реализуемых в практической деятельности сотрудников УИС, является весьма разнообразным, что позволяет их комбинировать между собой, исходя из необходимости достижения поставленной цели. Другими словами, практическая реализация данных мер может варьироваться от требования сотрудника УИС прекратить противоправное поведение до применения огнестрельного оружия.

Меры административного пресечения в УИС выступают одним из наиболее действенных способов борьбы с правонарушениями (преступлениями) в соответствующей сфере общественных отношений. Они носят универсальный характер, поскольку их применение позволяет пресечь совершение не только административных правонарушений, но и уголовных преступлений.

Представляется важным отметить, что в научной среде встречаются и иные взгляды относительно характера реализуемых специальных мер пресечения. Так, например, достаточно кардинальную позицию в отношении природы применения физической силы, специальных средств и оружия занимает С. Ю. Учитель. Он, в частности, предлагает приоритет в правовом регулировании специальных мер пресечения, реализуемых в правоприменительной деятельности правоохранительных органов, отдавать исключительно нормам уголовного права [27, с. 26].

Более компромиссный подход к вопросам правового регулирования и применения специальных мер пресечения представлен в работах В. А. Поникарова и С. В. Поникарова. Ученые считают, что применение огнестрельного оружия сотрудниками УИС возможно исключительно к лицам, совершившим уголовно наказуемое деяние, и относят его главным образом к мерам уголовно-правового характера, реализуемым при возникновении уголовно-правовых, а не административно-правовых отношений. В то же самое время они допускают вероятность применения физической силы и специальных средств для пресечения как административных правонарушений, так и уголовных преступлений [22, с. 119]. Ранее

подобные взгляды получили отражение в работах В. Е. Северюгина [24].

На наш взгляд, отнесение огнестрельного оружия исключительно к мерам уголовного принуждения является не совсем оправданным и логичным, несмотря на то, что данная мера пресечения чаще всего применяется к лицам, которые совершают уголовно наказуемые деяния. Думается, что, исходя из специфики правового регулирования, особенностей реализации и субъектного состава, правоотношения, возникающие в связи с применением огнестрельного оружия, следует рассматривать исключительно как административные.

В. А. Мельников, беря за основу урегулированность рассматриваемой меры пресечения нормами административного права, также высказывается в поддержку отнесения огнестрельного оружия к мерам административного принуждения [15, с. 55]. При этом следует указать на универсальность реализуемых мер принудительного воздействия, которая предполагает возможность «обслуживания» мерами административного принуждения общественных отношений, урегулированных нормами иных отраслей права, даже при наличии несовпадения предмета регулирования и объекта охраны в том случае, если они не имеют собственных охранительных норм.

Вместе с тем проведенный нами детальный анализ положений Закона РФ № 5473-1 позволяет прийти к выводу, что в нем разграничивается два основных вида действий с огнестрельным оружием: применение и использование. Например, в п. 12 ст. 14 закреплено право учреждений, исполняющих уголовные наказания, на применение и использование в установленных законом случаях и порядке оружия и иных специальных мер пресечения. Данные термины по тексту закона и в российском законодательстве в целом используются как синонимы, что, на наш взгляд, является не совсем верным. На эту терминологическую особенность также обращали внимание Б. П. Кондрашов, Ю. П. Соловей и В. Б. Черников [12, с. 14].

Как совершенно справедливо отмечают А. И. Каплунов [9, с. 14] и Е. А. Алтухова [3, с. 43], такие действия с оружием, как применение и использование, следует различать в зависимости от объекта направленности принудительного воздействия. Так, понятие «применение огнестрельного оружия» подразумевает «применять на поражение, по

живым объектам», понятие «использование огнестрельного оружия» не предполагает преднамеренное причинение вреда непосредственно жизни или здоровью человека даже при наличии такой возможности.

В Законе РФ № 5473-1 лишь в ст. 12 упоминается возможность использования и применения огнестрельного оружия в практической деятельности сотрудников УИС, далее по тексту говорится о возможности только его применения. Считаем, что для приведения положений рассматриваемого закона в соответствие с практикой реализации мер непосредственного принуждения уполномоченными субъектами УИС в ст. 31.2 необходимо внести изменения.

Во-первых, название статьи «Применение огнестрельного оружия» следует заменить на «Применение и использование огнестрельного оружия».

Во-вторых, в анализируемой статье необходимо закрепить возможность использования огнестрельного оружия сотрудниками УИС. Для этого в формулировке «Сотрудник уголовно-исполнительной системы также имеет право применять огнестрельное оружие» слово «применять» следует заменить на «использовать».

Сформулированный нами подход в части закрепления норм, устанавливающих порядок применения и использования огнестрельного оружия, мы могли встретить в ранее действовавшей редакции ст. 31 Закона РФ № 5473-1. Закрепление в данной норме термина «использовать» представляется необходимым в тех случаях, когда сотрудник УИС во время пресечения неправомерных действий направляет огнестрельное оружие не на живые объекты (людей), а на объекты материального мира (например, транспортные средства) либо пытается оказать воздействие на психику правонарушителя, осуществив производство предупредительного выстрела.

Сказанное позволяет прийти к выводу, что административным законодательством регламентируется порядок применения огнестрельного оружия, в то время как основанием для его применения может выступать не только административное правонарушение, но и уголовно наказуемое деяние. Вместе с тем, как показывает практика, использование огнестрельного оружия сотрудниками УИС в большинстве случаев имеет место для пресечения административных правонарушений, а применение – для пресечения

совершения уголовных преступлений, например для защиты себя и (или) иных лиц от посягательства, если это посягательство сопряжено с насилием, опасным для жизни или здоровья (как вариант, в случае совершения преступления против жизни и здоровья, предусмотренного гл. 16 УК РФ).

В наибольшей степени отчетливо связь специальных мер административного пресечения с уголовно-правовыми нормами отражена в работах А. И. Каплунова [8, с. 254] и А. В. Мингеса [17, с. 19]. Данные ученые полагают, что прекращению причинения вреда правоохраняемым интересам может предшествовать необходимость применения регулируемых нормами административного и административно-процессуального права специальных мер пресечения. Вместе с тем данные меры могут быть конкретизированы, в частности, и нормами уголовного права, если в каком-либо конкретном случае при их применении будут задействованы уголовно-правовые институты: необходимой обороны; причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление; крайней необходимости; физического или психического принуждения; обоснованного риска; исполнения приказа или распоряжения. Взаимосвязь норм административного и уголовного права в регулировании отношений по применению сотрудниками УИС физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия отражена в ст. 28 Закона РФ № 5473-1.

Применение сотрудниками УИС мер административного пресечения возможно только с учетом установленного предела и правильного выбора средств. Правовое регулирование государством данного предела выступает важным условием (элементом) действующей системы административно-правовых гарантий применения мер принуждения [4]. Именно поэтому считаем необходимым закрепить за сотрудниками УИС обязанность по соблюдению норм уголовного законодательства в процессе реализации административно-юрисдикционных полномочий по применению мер административного принуждения. В связи с этим предлагаем ст. 3 федерального закона «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации» дополнить ч. 1.1 следующего содержания: «На деятельность сотрудника уголовно-исполнительной системы Российской Федерации распространяются нормы уголовного законодательства

Российской Федерации о необходимой обороне, крайней необходимости и иных обстоятельствах, исключающих преступность деяния».

В целях соблюдения законности в процессе реализации специальных мер административного пресечения сотрудники УИС обязаны соблюдать определенный порядок (последовательность) действий, регламентированный ст. 28.1 Закона РФ № 5473-1 и включающий три основных этапа.

Первый этап предусматривает обязанность сотрудника УИС предупредить правонарушителя о намерении применить специальную меру принуждения с предоставлением достаточного количества времени для выполнения своих требований. Форма данного предупреждения нормативно не установлена. Полагаем, что в качестве таковой могут выступать словесное (устное) предупреждение (предостережение о недопустимости противоправного поведения) либо предупредительный выстрел.

Второй этап предполагает совершение активных действий со стороны сотрудника УИС по применению конкретных мер пресечения – физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия. Содержание указанных действий должно определяться «избранным способом принудительного воздействия» с учетом складывающейся обстановки [14, с. 139–140]. При этом они могут совершаться как независимо и изолированно друг от друга, так и в комплексе.

Выбор меры пресечения сотрудником УИС осуществляется с учетом сложившейся обстановки, характера и степени опасности противоправных действий лиц, а также силы оказываемого ими сопротивления [28]. Ключевым условием реализации исследуемых мер принуждения является закрепление за сотрудником УИС обязанности обеспечить наименьшее причинение вреда правонарушителю и предоставить ему в случае необходимости медицинскую помощь. Наименьшее причинение вреда правонарушителю реализуется за счет установления ограничений и запретов, связанных с применением специальных средств (ст. 31.1) и огнестрельного оружия (ст. 31.2).

В то же время необходимо отметить, что на практике сотрудник УИС, причинивший вред здоровью правонарушителя, может оказать ему только первую доврачебную, а не медицинскую помощь. Это связано с тем,

что у сотрудников УИС, как правило, отсутствует специальное медицинское образование, а на курсах первоначальной подготовки они обучаются только навыкам оказания первой помощи пострадавшим. Обозначенное нами обстоятельство указывает на необходимость внесения в ст. 28.1 Закона РФ № 5473-1 корректив, а именно формулировку «безотлагательное предоставление пострадавшим медицинской помощи» следует заменить на «безотлагательное оказание пострадавшим первой доврачебной помощи». В рассматриваемом случае первая доврачебная помощь пострадавшим может включать остановку кровотечения, наложение повязки, проведение искусственного дыхания и др.

Помимо проблем, которые связаны с правовым регулированием института административного принуждения в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации, уполномоченные субъекты УИС зачастую сталкиваются с трудностями организационного характера в процессе его реализации. К примеру, на практике сотрудники УИС могут испытывать затруднения, связанные с вызовом медицинских работников для осуществления фиксации причиненных гражданам телесных повреждений. Это объясняется тем, что медицинский персонал учреждений УИС находится на рабочем месте, как правило, до обеда (14.00), а само учреждение может располагаться в удаленной от населенного пункта местности.

Последний (третий) этап заключается в обязательном доведении сотрудником УИС информации (докладе) непосредственному начальнику о каждом факте применения специальных мер административного принуждения в письменной форме в течение 24 часов. Как видим, принятие решения о применении специальных мер принуждения не предусматривает возбуждение индивидуального конкретного дела, законом устанавливается лишь обязательное требование к порядку фиксации каждого факта их применения с последующим уведомлением руководства.

Таким образом, в процессе реализации мер административного пресечения сотрудники УИС обязаны выполнять определенную последовательность (алгоритм) действий, что позволяет им не выходить за рамки правового поля, то есть соблюдать законность, и тем самым не нарушать права принуждаемых лиц.

Результаты

Меры административного пресечения в деятельности УИС осуществляются с учетом специфики сферы правореализации. Среди ключевых особенностей их применения представляется необходимым выделить следующие:

- административно-пресекательные меры в УИС применяются в целях обеспечения пенитенциарной безопасности, при этом внешняя форма принудительного воздействия на лицо может выражаться как в психическом (официальное требование о прекращении противоправных действий), так и в непосредственном воздействии на правонарушителя (применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия);

- в качестве правовых оснований применения мер административного пресечения в УИС могут выступать: противоправное поведение лица, в том числе и объективно противоправное невинное деяние; наступление особых состояний или событий, представляющих непосредственную угрозу для общественного порядка и общественной безопасности, а также безопасности объектов УИС и лиц, которые на них находятся. Для принятия сотрудником УИС решения о фактическом применении мер административного пресечения установление вины лица не требуется. Достаточно наличия материального основания, свидетельствующего о событии административного правонарушения, преступления или иной реально возникшей угрозы (наводнение, пожар и др.) для общественных отношений, складывающихся в сфере исполнения уголовных наказаний. На данное обстоятельство обращали свое внимание В. И. Кошевацкий [12, с. 103], Д. С. Дубровский [6, с. 24] и О. О. Лебедева [14, с. 75];

- применение мер административного пресечения не устанавливает обязанности уполномоченных субъектов определять состав правонарушения (преступления) в процессе их реализации. Кроме того, рядом исследователей было озвучено предложение о необходимости установления конкретного перечня административных правонарушений, совершение которых будет выступать в качестве основания для применения административных мер пресечения. Например, данной позиции придерживается В. А. Тюрин [26, с. 27]. Между тем справедливым и обоснованным нам видится подход А. П. Ко-

ренева и А. И. Каплунова, которые в определении административного пресечения указывают не только на административную, но и на уголовную ответственность [8, с. 237]. Реализация мер административного принуждения может предшествовать использованию более строгих по своему характеру мер государственного принуждения;

– применение мер административного пресечения в УИС представляется возможным только в отношении «наличного или действительного противоправного деяния» [25, с. 27], то есть они обладают конкретной пространственно-временной характеристикой и применяются непосредственно в период совершения правонарушения;

– сотрудники УИС, как правило, применяют административно-пресекающие меры на территории учреждений УИС (исправительные учреждения и следственные изоляторы), а также на прилегающих к ним территориях, на которые распространяются режимные требования. В данном случае речь идет о необходимости соблюдения принципа территориальности в процессе реализации мер административного принуждения уполномоченными субъектами УИС. Вместе с тем действующее законодательство допускает реализацию админи-

стративно-пресекающих мер за пределами территорий учреждений УИС, перечень данных территорий закреплен в ст. 28 Закона РФ № 5473-1;

– при применении мер пресечения сотрудники УИС обязаны руководствоваться нормативными положениями административного законодательства в части установления общих условий, оснований и порядка их применения, а также нормами уголовного законодательства об обстоятельствах, исключающих преступность деяния.

Таким образом, меры административного пресечения, реализуемые в административно-юрисдикционной деятельности уполномоченных субъектов УИС, отличаются определенным внутренним содержанием, которое предусматривает наличие конкретной цели, оснований и порядка их применения с учетом специфики функционирования пенитенциарной системы.

Сформулированные нами предложения по внесению изменений в нормы действующего законодательства будут способствовать повышению эффективности реализации мер административного пресечения в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеенкова, Г. Т. Проблемы совершенствования законодательства о мерах административного пресечения / Г. Т. Агеенкова // Актуальные проблемы советского административного и финансового права : сборник научных трудов / ответственный редактор П. Т. Василенков. – Москва : ВЮЗИ, 1984. – С. 32–44.
2. Административное право России. Общая часть : учебник / А. П. Алегин, Л. М. Колодкин, А. М. Колосков [и др.]. – Москва : ООО «Науч.-издат. центр ИНФРА-М», 2010. – 506 с. – ISBN 978-5-16-004441-5.
3. Алтухова, Е. А. Некоторые вопросы правового регулирования осуществления сотрудниками УИС мер государственного принуждения / Е. А. Алтухова // Уголовно-исполнительное право. – 2014. – № 1 (17). – С. 42–45.
4. Анискина, Н. В. Соблюдение принципа территориальности при применении мер административного принуждения сотрудниками правоохранительных органов / Н. В. Анискина // Административное право и процесс. – 2020. – № 1. – С. 72–76. – DOI 10.18572/2071-1166-2020-1-72-76.
5. Ардашкин, В. Д. Меры защиты (пресечения) в советском административном праве : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ардашкин Владимир Дмитриевич. – Томск, 1968. – 17 с.
6. Дубровский, Д. С. Меры административного пресечения, ограничивающие свободу личности / Д. С. Дубровский. – Москва : Рос. акад. правосудия, 2009. – 150 с. – ISBN 978-5-93916-162-6.
7. Зеленко, В. Л. Вопросы теории и практики применения милицией мер административного пресечения правонарушений : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Зеленко Василий Леонидович. – Киев, 1975. – 17 с.
8. Каплунов, А. И. Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел (системно-правовой анализ) : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Каплунов Андрей Иванович. – Москва, 2005. – 498 с.
9. Каплунов, А. И. Правовые и тактические основы применения милицией огнестрельного оружия : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Каплунов Андрей Иванович. – Москва, 1994. – 24 с.
10. Ковшевацкий, В. И. К вопросу о сущности и правовой природе административного принуждения / В. И. Ковшевацкий // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 6. – С. 101–103.
11. Кокорев, А. Н. Меры административного пресечения, применяемые органами внутренних дел : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Кокорев Александр Николаевич. – Москва, 2007. – 253 с.
12. Кондрашов, Б. П. Внимание! оружие! (Правовые основы применения огнестрельного оружия сотрудниками российской милиции) / Б. П. Кондрашов, Ю. П. Соловей, В. В. Черников. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Интердетектив, 1992. – 159 с. – ISBN 5-7175-0021-1.

13. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы // Федеральная служба исполнения наказаний : официальный сайт. – URL: <http://фсин.пф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 30.04.2021).
14. Лебедева, О. О. Правовое регулирование применения принудительных мер административного предупреждения и пресечения : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Лебедева Оксана Олеговна. – Нижний Новгород, 2017. – 233 с.
15. Мельников, В. А. Проблемы определения принудительных мер административного пресечения / В. А. Мельников // Право и практика. – 2013. – № 2. – С. 52–60.
16. Мельникова, Н. А. Юридический состав передачи запрещенных предметов осужденным, содержащимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы / Н. А. Мельникова, В. И. Воробьев // Актуальные вопросы административной деятельности органов государственной власти : сборник научных трудов. – Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2020. – С. 61–68.
17. Мингес, А. В. Реализация конституционного права на неприкосновенность личности в сфере специального административного пресечения : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Мингес Александр Викторович. – Свердловск, 1990. – 18 с.
18. Нагорных, Р. В. Административно-правовое принуждение / Р. В. Нагорных // Сущность, формы и методы реализации исполнительной власти : учебное пособие для магистратуры по направлению подготовки «Юрист в сфере государственного управления». – Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2019. – С. 133–155.
19. Опарин, В. Н. Правовое регулирование применения мер непосредственного принуждения должностными лицами правоохранительных органов Российской Федерации : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Опарин Виталий Николаевич. – Омск, 1998. – 225 с.
20. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России за 2015 год : информационно-аналитический сборник. – Тверь : ФКУ НИИИТ ФСИН России, 2016. – 402 с.
21. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России за 2020 год : информационно-аналитический сборник. – Тверь : ФКУ НИИИТ ФСИН России, 2021. – 386 с.
22. Поникаров, В. А. Соотношение административно-правового и уголовно-правового регулирования применения оружия сотрудниками УИС и другими работниками правоохранительных органов / В. А. Поникаров, С. В. Поникаров // Человек: преступление и наказание. – 2014. – № 1 (84). – С. 119–121.
23. Попов, Л. Л. Правовая основа административно-принудительных мер охраны общественного порядка / Л. Л. Попов // Правовые основы обеспечения общественного порядка : учебное пособие / В. В. Лазарев, Л. Л. Попов, Л. М. Розин. – Москва : Академия МВД СССР, 1987. – С. 69–75.
24. Севрюгин, В. Е. Проблемы административного права : учебное пособие / В. Е. Севрюгин. – Тюмень : Тюмен. высш. шк. МВД РФ ; Тюмен. гос. ун-т., 1994. – 208 с.
25. Сильников, А. М. Организационно-правовые основы применения сотрудниками полиции специальных средств принуждения : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Сильников Алексей Михайлович. – Санкт-Петербург, 2011. – 205 с.
26. Тюрин, В. А. Проблемы применения мер пресечения в административном праве России : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Тюрин Виктор Анатольевич. – Москва, 2004. – 341 с.
27. Учитель, С. Ю. Необходимая оборона и ее роль в правоохранительной деятельности : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Учитель Сергей Юрьевич. – Москва, 2003. – 179 с.
28. Rhodes, L. Human Rights, Those Who Are Governed and the Legitimacy of Law Enforcement / Lynn Rhodes // Comparative Civilizations Review. – 2020. – Volume 82, no. 82. – P. 5.
29. Vuckovich, P. Justifying Coercion / Paula K. Vuckovich, Barbara M. Artinian // Nursing Ethics. – 2005. – No. 12(4). – Pp. 370–380. – DOI 10.1191/0969733005ne802oa. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1191/0969733005ne802oa> (дата обращения 21.05.2021).
30. Wooldredge, J. A macro-level perspective on prison inmate deviance / J. Wooldredge, B. Steiner // Punishment & Society. – 2015. – 17 (2). – Pp. 230–257. – DOI 10.1177/1462474515577151. – URL: https://www.researchgate.net/publication/275154681_A_macro-level_perspective_on_prison_inmate_deviance (дата обращения 21.05.2021).

REFERENCES

1. Ageenkova G.T. Problems of improving legislation on measures of administrative restraint. In: Vasilenkov P.T. (Ed.). *Aktual'nye problemy sovetskogo administrativnogo i finansovogo prava : sbornik nauchnykh trudov* [Topical issues of the Soviet administrative and financial law: a collection of scientific papers]. Moscow: VyuzI, 1984. Pp. 32–44. (In Russ.).
2. Aegin A.P., Kolodkin L.M., Koloskov A.M. et al. *Administrativnoe pravo Rossii. Obshchaya chast': uchebnyk* [Administrative law of Russia. General part: textbook]. Moscow: ООО "Nauch.-izdat. tsentr INFRA-M", 2010. 506 p.
3. Altukhova E.A. Some issues of legal regulation of the implementation of state coercion measures by employees of the penal system. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo=Penal Law*, 2014, no. 1 (17), pp. 42–45. (In Russ.).
4. Aniskina N.V. Complying with the principle of territoriality in the application of administrative coercive measures by law enforcement officers. *Administrativnoe pravo i protsess=Administrative Law and Process*, 2020, no. 1, pp. 72–76. DOI 10.18572/2071-1166-2020-1-72-76. (In Russ.).
5. Ardashkin V.D. *Mery zashchity (presecheniya) v sovetskom administrativnom prave: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Measures of protection (restraint) in Soviet administrative law: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Tomsk, 1968. 17 p.
6. Dubrovskii D.S. *Mery administrativnogo presecheniya, ogranichivayushchie svobodu lichnosti* [Measures of administrative restraint, which restrict the freedom of an individual]. Moscow: Ros. akad. pravosudiya, 2009. 150 p.
7. Zelen'ko V.L. *Voprosy teorii i praktiki primeneniya militsiei mer administrativnogo presecheniya pravonarushenii: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Issues related to the theory and practice of the use of measures of administrative suppression of offenses by the police: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Kyiv, 1975. 17 p.
8. Kaplunov A.I. *Administrativnoe prinuzhdenie, primenyaemoe organami vnutrennikh del (sistemno-pravovoi analiz): dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [Administrative coercion applied by internal affairs bodies (system-legal analysis): Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2005. 498 p.

9. Kaplunov A.I. *Pravovye i takticheskie osnovy primeneniya militsiei ognestrel'nogo oruzhiya: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Legal and tactical bases of the use of firearms by the police: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 1994. 24 p.
10. Kovshevskii V.I. On the question of the essence and legal nature of administrative coercion. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii=Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2015, no. 6, pp. 101–103. (In Russ.).
11. Kokorev A.N. *Mery administrativnogo presecheniya, primenyaemye organami vnutrennikh del: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Measures of administrative restraint applied by internal affairs bodies: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2007. 253 p.
12. Kondrashov B.P., Solovoi Yu.P., Chernikov V.V. *Vnimanie: oruzhie! (Pravovye osnovy primeneniya ognestrel'nogo oruzhiya sotrudnikami rossiiskoi militsii)* [Attention: firearms! (Legal bases of the use of firearms by Russian police officers)]. Second edition, revised and supplemented. Moscow: Interdetektiv, 1992. 159 p.
13. Brief description of the penal system. *Federal Penitentiary Service of Russia: official website*. Available at: <http://fsin.rf/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (accessed April 30, 2021). (In Russ.).
14. Lebedeva O.O. *Pravovoe regulirovanie primeneniya prinuditel'nykh mer administrativnogo preduprezhdeniya i presecheniya: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Legal regulation of the application of compulsory measures of administrative prevention and suppression: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Nizhny Novgorod, 2017. 233 p.
15. Mel'nikov V.A. Problems of determining compulsory measures of administrative restraint. *Pravo i praktika=Law and Practice*, 2013, no. 2, pp. 52–60. (In Russ.).
16. Mel'nikova N.A., Vorob'ev V.I. The legal composition of smuggling prohibited items to convicts held in institutions of the penal system. In: *Aktual'nye voprosy administrativnoi deyatel'nosti organov gosudarstvennoi vlasti: sbornik nauchnykh trudov* [Topical issues of administrative activity of state authorities: a collection of scientific papers]. Vologda: VIPE FSIN Rossii, 2020. Pp. 61–68. (In Russ.).
17. Minges A.V. *Realizatsiya konstitutsionnogo prava na neprikosновенnost' lichnosti v sfere spetsial'nogo administrativnogo presecheniya: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Implementation of the constitutional right to personal inviolability in the field of special administrative restraint: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Sverdlovsk, 1990. 18 p.
18. Nagornyykh R.V. Administrative and legal coercion. In: *Sushchnost', formy i metody realizatsii ispolnitel'noi vlasti: uchebnoe posobie dlya magistratury po napravleniyu podgotovki "Yurist v sfere gosudarstvennogo upravleniya"* [The essence, forms and methods of implementing executive power: a textbook for master's degree courses in the field of training "Lawyer in the field of public administration"]. Vologda: VIPE FSIN Rossii, 2019. Pp. 133–155. (In Russ.).
19. Oparin V.N. *Pravovoe regulirovanie primeneniya mer neposredstvennogo prinuzhdeniya dolzhnostnymi litsami pravookhranitel'nykh organov Rossiiskoi Federatsii: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Legal regulation of the use of measures of direct coercion by law enforcement officials of the Russian Federation: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Omsk, 1998. 225 p.
20. *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugovovno-ispolnitel'noi sistemy FSIN Rossii za 2015 god: informatsionno-analiticheskii sbornik* [Main indicators of the activity of the penal system of the Federal Penitentiary Service of Russia for 2015: an information and analytical collection]. Tver: FKU NIIT FSIN Rossii, 2016. 402 p.
21. *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugovovno-ispolnitel'noi sistemy FSIN Rossii za 2020 god: informatsionno-analiticheskii sbornik* [Main indicators of the activity of the penal system of the Federal Penitentiary Service of Russia for 2020: an information and analytical collection]. Tver: FKU NIIT FSIN Rossii, 2021. 386 p.
22. Ponikarov V.A., Ponikarov S.V. The ratio of administrative-legal and criminal-legal regulation of the use of firearms by employees of the penal system and other law enforcement officers. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie=Man: Crime and Punishment*, 2014, no. 1 (84), pp. 119–121. (In Russ.).
23. Popov L.L., Lazarev V.V., Rozin L.M. The legal basis of administrative and compulsory measures for the protection of public order. In: *Pravovye osnovy obespecheniya obshchestvennogo poryadka: uchebnoe posobie* [Legal bases for ensuring public order: a textbook]. Moscow: Akademiya MVD SSSR, 1987. Pp. 69–75. (In Russ.).
24. Sevryugin V.E. *Problemy administrativnogo prava: uchebnoe posobie* [Problems of administrative law: a textbook]. Tyumen: Tyumen. vyssh. shk. MVD RF. Tyumen. gos. un-t., 1994. 208 p.
25. Sil'nikov A.M. *Organizatsionno-pravovye osnovy primeneniya sotrudnikami politsii spetsial'nykh sredstv prinuzhdeniya: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Organizational and legal bases of the use of special means of coercion by police officers: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Saint Petersburg, 2011. 205 p.
26. Tyurin V.A. *Problemy primeneniya mer presecheniya v administrativnom prave Rossii: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [Problems of the application of preventive measures in the administrative law of Russia: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2004. 341 p.
27. Uchitel' S.Yu. *Neobkhodimaya oborona i ee rol' v pravookhranitel'noi deyatel'nosti: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Necessary defense and its role in law enforcement: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2003. 179 p.
28. Rhodes L. Human rights, those who are governed and the legitimacy of law enforcement. *Comparative Civilizations Review*, 2020, vol. 82, no. 82, p. 5.
29. Vuckovich P.K., Artinian B.M. Justifying coercion. *Nursing Ethics*, 2005, no. 12 (4), pp. 370–380. DOI 10.1191/0969733005ne802oa. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1191/0969733005ne802oa> (accessed May 21, 2021).
30. Wooldredge J., Steiner B. A macro-level perspective on prison inmate deviance. *Punishment & Society*, 2015, no. 17 (2), pp. 230–257. DOI: 10.1177/1462474515577151. Available at: https://www.researchgate.net/publication/275154681_A_macro-level_perspective_on_prison_inmate_deviance (accessed May 21, 2021).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ СТАРОСТИН – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0108-7916>, e-mail: SASTAROSTIN@msal.ru

НАДЕЖДА ВЛАДИМИРОВНА АНИСКИНА – преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7185-5730>, e-mail: AniskinaN555@yandex.ru

SERGEI A. STAROSTIN – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of Administrative Law and Process, Kutafin Moscow State Law University (MSLA), Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0108-7916>, e-mail: SASTAROSTIN@msal.ru

NADEZHDA V. ANISKINA – lecturer at the Department of Administrative and Legal Disciplines, Faculty of Law, Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7185-5730>, e-mail: AniskinaN555@yandex.ru

Статья поступила 01.06.2021

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-3-553-564

УДК 159.9.075:343.83

Характеристика психической устойчивости сотрудников отдела охраны с различными сроками службы в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации

П. В. ПОТЕМКИН

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5989-3884>, e-mail: pahantus1988@mail.ru

К. Б. МАЛЫШЕВ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2985-3341>, e-mail: konbormal@mail.ru

Н. Г. СОБОЛЕВ

Филиал Академии управления МВД России «Болшево», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6101-7437>, e-mail: sobolev-nikolay@mail.ru

А. М. ЧИРКОВ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2256-9858>, e-mail: chirart@yandex.ru

Реферат

Введение: статья посвящена исследованию одной из актуальных проблем юридической психологии – раскрытию механизмов психологической устойчивости у сотрудников отдела охраны исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы. Поскольку профессиональная деятельность сотрудников отдела охраны по целому ряду параметров имеет социогенно-стрессовую природу, то преобладание воздействия стресс-факторов над механизмами психической устойчивости во многих случаях приводит к негативным последствиям – развитию психологического выгорания, социальной дезадаптации и деформации личности. *Цель:* определение внутренних механизмов понижения адаптационных возможностей и факторов, их детерминирующих, изучение особенностей психологической устойчивости к действию социально-стрессовых факторов у сотрудников отдела охраны в зависимости от срока служебной деятельности. *Методы:* для изучения механизмов психологической устойчивости сотрудников и параметров моделей стрессовых состояний использовались: методика «Нервно-психическая устойчивость» («Прогноз») по В. Ю. Рыбникову (1990), метод оценки профессионального выгорания по К. Маслач и С. Джексон (1986), инновационные многофакторные методы оценки базисных профессиональных типологий стрессогенности и духовности личности по К. Б. Малы-

шеву (2021). *Выводы:* результаты исследования показали, что социальный стресс у сотрудников охраны представляет одну из наиболее травматичных форм стресса и соответствует концепту профессионального стресса, причем сущность понятия психологической устойчивости связана с изучением субъективных особенностей феномена неравновесности жизнедеятельности – стресса. Стресс отражает весь диапазон базовых состояний – здоровья и развития, дезадаптации и патологии. Полученные в исследовании данные указывают на дисгармонический характер психологической адаптивности (псевдоадаптации) к действию социальных стрессоров у сотрудников с десятилетним стажем службы. При этом у большинства респондентов в отличие от сотрудников со сроком работы до пяти лет обнаружены базисные профессиональные типы стрессогенности и духовности личности, свидетельствующие о низком уровне их общественно-нравственных ценностных ориентаций. Это обуславливает необходимость разработки инновационных подходов к профилактике профессионального стресса и выгорания у сотрудников на всех этапах их профессиональной деятельности на основе субъект-субъектной парадигмы развития интенции к формированию духовно-нравственных ценностей личности.

К л ю ч е в ы е с л о в а : адаптация; базисный профиль типов профессиональной духовности; базисный профиль типов профессиональной стрессогенности; внутренний мир; исправительные учреждения; личность; многофакторный анализ; негативные эмоциональные состояния; профессиональное выгорание; пенитенциарные учреждения; профессиональная деятельность; психическая и психологическая устойчивость; психические ресурсы; совладающее поведение; социальный и профессиональный стресс; стрессоры; стрессоустойчивость; сотрудники отдела охраны; системность; сроки служебной деятельности; теория функциональных систем П. К. Анохина; уголовно-исполнительная система.

19.00.06 – Юридическая психология.

Для цитирования: Потемкин П. В., Малышев К. Б., Соболев Н. Г., Чирков А. М. Характеристика психической устойчивости сотрудников отдела охраны с различными сроками службы в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации. *Пенитенциарная наука*, 2021, т. 15, № 3 (55), с. 553–564. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-3-553-564.

Features of Mental Stability of Security Department Staff with Different Duration of Service in the Penal System of the Russian Federation

PAVEL V. POTEKIN

Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5989-3884>, e-mail: pahantus1988@mail.ru

KONSTANTIN B. MALYSHEV

Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2985-3341>, e-mail: konbormal@mail.ru

NIKOLAI G. SOBOLEV

Branch of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia «Bolshevo», Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6101-7437>, e-mail: sobolev-nikolay@mail.ru

ALEKSEI M. CHIRKOV

Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2256-9858>, e-mail: chirart@yandex.ru

Abstract

Introduction: the article considers one of the urgent issues of legal psychology – the disclosure of the mechanisms of psychological stability in employees of security department of correctional institutions. Since the professional activity of security department employees has a sociogenic and stressful nature due to a number of parameters, the predominance of the impact of stress factors over the mechanisms of mental stability in many cases leads to negative implications such as the development of psychological burnout, social maladjustment and personality deformation. *Aim:* to determine internal mechanisms that reduce adaptive capabilities and factors that promote them, to study the features of psychological resistance to the action of social and stress factors in the security department employees, depending on the length of their service. *Methods:* we study the mechanisms of psychological stability of employees and the parameters of models of stress states with the use of the following methods: “Neuropsychic stability” (“Forecast”) technique developed by V.Yu. Rybnikov (1990), a method for assessing professional burnout developed by C. Maslach and S. Jackson (1986), innovative multi-factor methods for assessing basic professional typologies of stress and spirituality of an individual according to K.B. Malyshev (2021). *Conclusions:* the results of the study show that social stress among security personnel is one of the most traumatic forms of stress and it corresponds to the concept of professional stress. Moreover, the essence of the concept of psychological stability is associated with the study of subjective features of the phenomenon of disequilibrium of life activity – stress. Stress reflects the entire range of basic conditions – health and development, maladjustment and pathology. The data obtained in the study indicate the disharmonic nature of psychological adaptability (pseudo-adaptation) to the action of social stressors in employees with ten years of service experience. At the same time, the majority of respondents, in contrast to employees with a period in service of up to five years, have basic professional types of stress and spirituality, which indicates a low level of their socio-moral value orientations. This makes it necessary to develop innovative approaches to the prevention of professional stress and burnout among employees at all stages of their professional activity on the basis of the subject-subject paradigm in the development of the intention to form spiritual and moral values in an individual.

Keywords: adaptation; basic profile of types of professional spirituality; basic profile of types of professional stress; inner world; correctional institutions; personality; multi-factor analysis; negative emotional states; professional burnout; penitentiary institutions; professional activity; mental and psychological stability; mental resources; coping behavior; social and professional stress; stressors; stress resistance; security department employees; consistency; terms of service; theory of functional systems according to P.K. Anokhin; penal system.

19.00.06 – Legal psychology.

For citation: Potemkin P.V., Malyshev K.B., Sobolev N.G., Chirkov A.M. Features of mental stability of security department staff with different duration of service in the penal system of the Russian Federation. *Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 3 (55), pp. 553–564. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-3-553-564.

Введение

Известно, что профессиональная деятельность, осуществляемая в социально-стрессовых условиях, выступает в качестве детерминанты, определяющей динамичное преобразование психологических констант личности, что приводит к формированию одного из триады функциональных состояний: психическому развитию, адаптации или дезадаптации. Под социальным стрессом при этом понимается социально-психологическая трансформация социума, различных социальных сообществ, институтов и отдельной личности, возникающая под влиянием изменений культуры, политики и экономики государства. Уголовно-исполни-

тельная система, являясь особым социальным институтом, предъявляет повышенные требования к деятельности сотрудников исправительных учреждений, отражающей специфику социального стресса экстремальной социально-психологической природы. Профессиональная деятельность персонала исправительных учреждений, особенно сотрудников отдела охраны, считается в наибольшей степени стрессогенной, поскольку осуществляется в особых и постоянных социально-стрессовых условиях, детерминирующих изменения взаимодействия в системе «субъект – ситуация».

Считается, что состояния психического напряжения у сотрудников уголовно-испол-

нительной системы являются следствием воздействия специфических и значимых для личности социальных стрессоров и одновременно детерминированы снижением уровня общей и селективной специфической стрессоустойчивости индивида, к которой в первую очередь относится психологическая устойчивость. Психологическая, точнее психическая, устойчивость личности в любой сфере деятельности является интегральным феноменом, содержащим дискурс стрессоустойчивости и близкие по содержанию понятия «эмоциональная устойчивость», «жизнестойкость», «толерантность к стрессу», а также обобщенный и дифференцированный конструкт, определяющий меру устойчивости к негативному влиянию достаточно широкого спектра потенциально стрессогенных стимулов.

Есть мнение, что психическая устойчивость лиц, связанных с экстремальной деятельностью, находится в обратной зависимости от природы, интенсивности и длительности действия стрессоров. М. Ш. Магомед-Эминов, напротив, считает, что основным стрессогенным фактором в экстремальных ситуациях является противоестественность природе человека выполняемых профессиональных задач. Это обстоятельство, по мнению Л. А. Китаева-Смыка, и приводит к психологическому выгоранию, под которым он понимает «выгорание души».

Во всех научных источниках отмечается, что динамика психологического (профессионального) выгорания соответствует этапам и фазам развития психологического стресса (мобилизации, резистентности и истощения). Учитывая это, а также выраженный характер специфики экстремальных факторов в деятельности сотрудников отдела охраны, представляется более приемлемым рассматривать данную форму социального стресса [3; 12] и выгорания в виде профессионального стресса. Большинство авторов указывают, что стресс у сотрудников является формой профессиональной деформации, наступающей под действием защитного механизма сохранения эмоциональных ресурсов. В результате его неэффективности происходит оскудение психических ресурсов, развиваются дезадаптивные состояния. Они возникают вследствие «срыва» барьера психической адаптации под влиянием экстремальных факторов, к которым у сотрудников отдела охраны относятся угроза

жизни, несение службы с оружием, высокий уровень ответственности, монотонность, нарушение биоритмов (сменный режим работы) и т. д. Их влияние потенцируется социальными стрессорами смешанного генеза – дискриминационными, средовыми и ролевыми, трудностями самореализации, достижения успеха и др.

Ведущая роль в психической устойчивости принадлежит социально-психологическим особенностям личности, ее подготовленности (почве) к тому или иному стресс-воздействию. В научной литературе представлен широкий спектр личностных психологических факторов, как участвующих в развитии процессов адаптации у сотрудников исправительных учреждений, так и определяющих дезадаптивные характеристики профессионального стресса. В формировании психической устойчивости, профессиональном становлении и самосовершенствовании сотрудников в последние годы особое внимание уделяется психологическим детерминантам духовности и характеристикам ценностной сферы личности. Отмечаемые в большинстве исследований негативные характеристики профессионального стресса с описанием его дефицитарных психических состояний у сотрудников уголовно-исполнительной системы сменяются субъект-субъектным подходом и характеризуются переходом от реактивной парадигмы стресса к транзакционистской и духовной парадигме. Это позволяет исследовать личностные характеристики сотрудников и динамику их психической устойчивости в качестве профессиональных трансформаций, отражающих как признаки профессиональных деструкций, так и позитивные изменения стратегии поведения и личностных ресурсов преодоления профессионального стресса и деформаций.

Следует также отметить противоречивость данных о характере изменений и механизмах психической устойчивости сотрудников отдела охраны на разных этапах службы и отсутствие методов оценки базисных констант профессиональных профилей стрессовой реактивности (стрессогенности) личности, отвечающих особенностям трансформации профессиональных духовно-ценностных состояний. В этой связи комплексный подход к исследованию механизмов психической устойчивости у сотрудников отдела охраны исправительного учреждения в зависимости от срока служеб-

ной деятельности представляется актуальным и своевременным.

Результаты

Анализ научных данных свидетельствует о двух принципиально важных закономерностях изменения психического состояния сотрудников исправительного учреждения, в том числе и отдела охраны, – зависимости возникновения и степени выраженности профессиональной деформации личности от сроков служебной деятельности и тесной взаимосвязи дефектов отношения к профессии со специфическими изменениями во всех подструктурах (сферах) личности. Несмотря на объяснимые различия данных о сроках службы, соответствующих появлению психического напряжения (первой стадии профессионального стресса), в большинстве исследований последнее зарегистрировано у сотрудников на начальных этапах службы – в диапазоне от 1 года до 5 лет [9; 13–15; 17; 18]. Повышение психической устойчивости, отвечающей адаптации сотрудников к службе (стадии резистентности), и ее нарушения выявляются, как правило, на этапах от 5 до 10 и более лет, которые соответствуют стадии истощения. На начальном этапе профессиональный стресс выражается в негативных эмоциональных состояниях, проявляющихся у сотрудников в снижении психической активности и страхе, агрессивности, снижении когнитивных функций и способности к саморазвитию, потере самоконтроля и панических реакциях, усталости и неуверенности, тревоге и

апатии, обреченности и отчаянии, ступоре, депрессии или эйфории и т. д. [13–15]. Эти состояния детально и пофазно отвечают симптоматике развития дефицитарных психических состояний, приводящих в итоге к снижению эффективности профессиональной деятельности [17]. В многочисленных источниках указывается, что при утрате, снижении и отсутствии ресурсов совладающего поведения нарастает интенсивность дефицитарных психических состояний, которые становятся триггером хронического профессионального стресса у сотрудника, финальными сценариями которого являются нервно-психические и психосоматические расстройства, стойкая или неполная адаптация и социальная патология – профессиональная деформация. Последний вариант указывает на патологическую направленность психологической трансформации личности, приводящую к развитию девиаций и профессиональной деградации [7–9; 13; 17].

С целью уточнения периодов изменений психической устойчивости, характерных для дефицитарных психических состояний, и степени выраженности профессионального стресса нами на базе УФСИН России по Вологодской области было проведено исследование интегративных показателей нервно-психического напряжения и психологического выгорания у сотрудников отдела охраны в зависимости от сроков (времени) службы (табл. 1).

Таблица 1

Средние значения величин показателей нервно-психической устойчивости у сотрудников отдела охраны с различным стажем работы

Длительность службы	Средние значения	Стандартное отклонение	U эмп.	Уровень статистической значимости
До 5 лет (n = 25)	5,1	0,9	129	p ≤ 0,01
От 5 до 10 лет (n = 25)	6,3	1,0		

Низкий уровень средних показателей нервно-психического напряжения у группы сотрудников со стажем службы от пяти до десяти лет указывает на отсутствие значимых нарушений психической устойчивости. Полученные данные позволяют рассматривать психическое состояние сотрудников отдела охраны с большим стажем службы как позитивное. Это может свидетельствовать о повышении общего адаптивного потенциала и активации форм защитного (совладающего) поведения при одновременном снижении вероятности нервно-психических срывов по

мере увеличения сроков службы. Это позволяет предположить, что начальная стадия (стадия напряжения) профессионального стресса, отмечаемая при вхождении в профессиональную деятельность у большинства сотрудников группы со стажем работы до пяти лет, сменяется по мере прохождения службы выработкой психологической устойчивости, то есть стабилизацией психического состояния, отвечающей динамике второй стадии (резистентности) за счет включения психологических ресурсов устойчивости к стрессу.

Параметры психической устойчивости у данной группы респондентов характеризуются низкими показателями эмоционально-

го истощения в отличие от средних величин у большинства сотрудников группы со стажем службы до 5 лет (табл. 2).

Таблица 2

Средние значения величины интегративных показателей профессионального выгорания у сотрудников с различным стажем работы (по методике К. Маслач, С. Джексон)

Шкалы	Сотрудники отдела охраны, срок службы до 5 лет (n = 25)		Сотрудники отдела охраны, срок службы от 5 до 10 лет (n = 25)		Уровень статистической значимости
	Среднее значение	Стандартное отклонение	Среднее значение	Стандартное отклонение	
Эмоциональное истощение	15,3	3	7,1	2,5	$p \leq 0,01$
Деперсонализация	5,8	2,7	5,4	5,3	$p \leq 0,05$
Редукция личных достижений	36,2	2,2	39,1	6,9	$p > 0,05$

При этом средние величины показателей редукции личных достижений в группе со стажем от 5 до 10 лет находятся в пределах нормы, тогда как показатели по шкале «деперсонализация» оказались в среднем завышенными (у 14 из 25 сотрудников). Эти данные указывают на включение механизмов психологической защиты в виде частичного подавления эмоций в ответ на длительные и избыточные психотравмирующие воздействия. Любая форма адаптации, характерная для второй стадии стресса, по мнению большинства авторов, может долго удерживать жизнестойкость личности даже в условиях длительного протекания стрессового состояния посредством механизмов минимизации стрессора. С позиции А. Ленгле, эти механизмы предотвращают дальнейшие нарушения экзистенциальной установки личности. Результаты нашего исследования соотносятся с данными других авторов об адаптации сотрудников отдела охраны к действию экстремальных факторов и возможности одновременного формирования негативных (дезадаптивных) проявлений профессионального стресса [16].

Поскольку данный вид стресса развивается у здоровых лиц и включает сложный комплекс психологических перестроек, ведущих к профессиональной деформации личности и другим изменениям, их целесообразно рассматривать в качестве профессиональных трансформаций (стресс-индуцируемых) психических состояний [16]. Как отмечает Е. Л. Трофимова, трансформации могут носить как положительный, так и отрицательный характер. Соотношение тех и других с увеличением стажа службы меняется. Причем позитивные изменения, про-

исходящие в процессе профессиональной деятельности сотрудников, автор рассматривает как личностные ресурсы преодоления деформаций [16].

Полученные результаты психодиагностики можно интерпретировать как нарастание психической устойчивости сотрудников по мере увеличения сроков службы, поскольку исследования, как наши, так и других авторов, указывают на выраженное психоэмоциональное напряжение у сотрудников на начальных этапах профессиональной деятельности. В то же время они позволяют говорить о дисгармоничном характере адаптации к профессиональному стрессу, поскольку наряду с психической стабилизацией у сотрудников с большим стажем службы отмечаются негативные проявления профессиональной деформации, идущие по пути деперсонализации. Данный феномен трансформации характеристик стресса, приходящих на смену друг другу, именуется ценой адаптации.

Анализ психологических констант, определяющих сущность и особенности механизмов развития профессионального стресса у сотрудников уголовно-исполнительной системы, как и психологических факторов стрессоустойчивости личности, необходимых для объяснения причин происходящих изменений, свидетельствует о сложности и неоднозначности этих феноменов, что отражается в многообразии позиций исследователей относительно их природы, структуры, механизмов возникновения и т. д. Так, Е. В. Распопин считает, что устойчивость к профессиональному стрессу и его внутренним источникам обусловлена личностными ресурсами личности сотрудников

исправительных учреждений – поведенческими и проблемно-ориентированными копинг-стратегиями, среди которых важное место он отводит копингам самоконтроля поведения и решения проблем, подчеркивая роль ценностно-смыслового комплекса, образующего конструктивную модель психологических ресурсов устойчивости к стрессу. Она включает такие качества личности сотрудников, как высокий уровень развития воли, интернальный локус контроля, эмоциональная стабильность, социальная направленность, уравновешенность, сопротивляемость, стойкость, способность к самопознанию и т. д. [13]. В других исследованиях качествами внутренних факторов устойчивости признаются сохранность личностной идентичности (Я-идентичность) [7], играющей основную роль в процессах смыслообразования, самоопределения и групповой дифференциации, состояние стимулирующей и смыслообразующей функций мотивации, недостаточность которой сопровождается внутрличностным психодинамическим конфликтом личности сотрудников [14], адекватное соотношение личностных акцентуаций с эмоциональным компонентом индивидуальных форм контроля поведения [6]. Обобщение опыта западных и отечественных авторов, с другой стороны, дает основание считать, что значимыми внутренними триггерами профессионального стресса являются отрицательные психологические переживания (снижение интереса, возникновение возмущения, личностное разочарование и т. д.). Психологическая устойчивость личности сотрудника исправительного учреждения (ее функционал) при этом рассматривается в качестве системы, отражающей соотношение субъектно-личностных взаимодействий и внутрличностных перестроек ресурсообеспеченности индивида.

В большинстве работ отечественных и зарубежных исследователей выявляется рассогласование (противоречие) между профессиональной деятельностью и возникающим состоянием эмоциональной и других сфер личности сотрудников. Несмотря на ценность эмпирических данных и тенденцию к выяснению интегративных свойств психологической устойчивости личности (внутренних факторов устойчивости и источников стресса) как ресурсов совладания, их недостатком является использование биологизаторской методологии реактивной

парадигмы стресса. И если ранее изучение психологической устойчивости сотрудников ограничивалось преимущественно анализом эмоциональных, волевых, интеллектуальных и других компонентов психики, задействованных в комплексе профессионального выгорания, то в последние годы растет число междисциплинарных исследований, использующих постнеклассическую методологию [3–5; 11; 12; 18].

Выход за рамки линейного подхода (парадигмы $S \rightarrow R$) к изучению психологической устойчивости сотрудников уголовно-исполнительной системы осуществлен в разработке психологического мониторинга профессионального стресса (профессионального выгорания) на основе полипарадигмального подхода к анализу динамики бытийного, деятельностного и ресурсного компонентов субъектной реальности (внутреннего мира) сотрудника исправительного учреждения [18]. Это выявило динамичный характер изменений структурной организации личности и духовно-нравственной направленности личности в процессе прохождения службы. Обращение к высшим психическим инстанциям личности позволило построить бинарную модель типологии личности сотрудника исправительного учреждения в виде «энергичного» субъекта с высоким уровнем профессиональной мотивации и «истощенного» субъекта с низким уровнем мотивации и признаками психологического выгорания, а также выявить мотивационные детерминанты в зависимости от стажа службы [13; 14; 16; 18]. Так, ценности познания и мотивы включенности в команду, признания, свойственные сотрудникам на начальных этапах службы, сменяются ценностями свободы и мотивами «руководство», «связи», «деньги», «следование традициям», положительно коррелирующими с проявлениями профессиональной деформации, что свидетельствует о регрессе духовно-нравственных явлений у сотрудников с бо льшим стажем службы [14]. Однако, несмотря на имеющиеся данные о роли духовности как психологического компонента (ресурса) жизнеспособности и жизнестойкости личности, до сих отсутствуют фундаментальные исследования духовных источников и факторов формирования психологической устойчивости у сотрудников исправительных учреждений.

Таким образом, анализ данных научной литературы свидетельствует о явной недо-

статочности знаний об этиопатогенезе профессионального стресса и внутренних механизмах, детерминирующих трансформацию психологической устойчивости сотрудников в развитии как адаптации к профессиональным стрессорам, так и процессов профессиональной деформации. До сих пор отсутствуют четкие данные о типологической (селективной) профессиональной уязвимости личности сотрудников к внешним и внутренним стрессовым факторам. Остается неразработанной и теоретическая база в области анализа духовных ресурсов личности как факторов развития психологической модели устойчивости сотрудников отдела охраны к профессиональному стрессу. Более того, практически не встречаются работы по использованию позитивного (развивающего) потенциала стресса у сотрудников исправительных учреждений. Вместе с тем, согласно теории функциональных систем П. К. Анохина, снижение или элиминация стресса из любой сферы деятельности человека лишают его общего и специфического (профессионального) развития, вызывая стагнацию «функциональной системы профессионала» [1]. Поскольку становление профессиональных качеств сотрудника отдела охраны формируется в стрессовых условиях, то их устранение подавляет позитивный эффект стресса, лишает личность возможности развития не только свойств и качеств профессионала, но и стойкой адаптации. Следовательно, для раскрытия феномена психической устойчивости необходимы более углубленные поиск и интерпретация сущности самого профессионального стресса и индивидуально-психологических особенностей сотрудников на основе синкретиза естественных и гуманитарных методов изучения субъективной реальности.

В этой связи с целью более глубокого анализа особенностей психической устойчивости сотрудников отдела охраны на втором этапе исследования нами были изучены стрессовые характеристики личности сотрудников на основе моделей типологического системно-базисного подхода к изучению профессиональной стрессогенности и духовности с помощью двух валидных методик: «Типы профессиональной стрессогенной личности» и «Типы профессиональной ценностной духовности личности» по К. Б. Малышеву. Новому диагностическому инструментарию – методикам оценки типов профиля стрессогенности личности и про-

филя профессиональной ценностной духовности личности – соответствует трехмерная базисная типология профессиональной направленности личности по В. А. Ганзену [2], что дополняет анализ психологических характеристик сотрудника уголовно-исполнительной системы. Необходимо отметить, что с помощью базисной методики оценки профессиональной ценностной духовности сотрудников измеряется интенциональность (устремленность) к ценностям и ценностным ориентациям, являющимися важнейшими психологическими характеристиками духовности личности [11]. Несмотря на редуционистский характер методики (элиминацию высших констант феномена духовности), ее использование с позиций постнеклассичности дополняет характеристики механизмов психологической устойчивости в профессиональной деятельности сотрудников исправительных учреждений. Под духовностью при этом понимается устойчивое и динамичное психологическое идеально-смысловое образование (ядро, интегратор), выполняющее системообразующую функцию в формировании целостности психического мира личности и роль регулятора поведения и деятельности человека, его ответственность за свои поступки и взаимоотношения с другими людьми [5; 10; 12; 15]. Духовность отражает саморазвитие и самореализацию через поиск смысла жизни, принятие высших ценностей бытия человека и нравственных норм общежития, а также следование высшим образцам человеческой культуры [5; 10].

Как видно из табл. 3, в группе со стажем службы до пяти лет преобладают сотрудники с типами предприимчивого/управленческого (24 %), социального/эмпатийного (24 %) и реалистического/ремесленного (20 %) профессионального и стрессогенного профилей личности. В группе со стажем служебной деятельности от 5 до 10 лет обнаружена более высокая встречаемость респондентов с моделями ремесленного (рабочего) и нормативного профессионального профилей стрессогенности личности (соответственно 31 и 27 %) при меньшем количестве лиц с управленческим, исследовательским и эмпатийным профилями. Доли лиц с типами интеллектуально-исследовательского и артистически-эстетического профессиональных профилей стрессогенности личности в этой группе составили соответственно 12 и 8 %.

Таблица 3

Сравнительная характеристика профессиональных типов стрессогенности личности у сотрудников отдела охраны с различным сроком службы

Личностный трехмерный профессионально-типологический базис (по Д. Голланду)	Типы стрессогенной личности	Сотрудники со стажем службы до 5 лет (n = 25)	Сотрудники со стажем службы 10 лет (n = 25)	Уровень статистической значимости
Предприимчивый тип	Управленческий стресс	24 %	11 %	$p \leq 0,01$
Интеллектуальный тип	Исследовательский стресс	8 %	12 %	$p \leq 0,05$
Социальный тип	Эмпатийный (этический) стресс	24 %	11 %	$p \leq 0,05$
Реалистический тип	Ремесленный (рабочий) стресс	20 %	31 %	$p \leq 0,05$
Конвенциональный тип	Нормативный стресс	10 %	27 %	$p \leq 0,01$
Артистический тип	Эстетический стресс	4 %	9 %	$p \leq 0,05$

Для лиц со стажем до пяти лет основными стрессорами служат рассогласование собственных представлений и своей роли в профессиональной деятельности с установленной регламентацией службы в уголовно-исполнительной системе, переживания, связанные с морально-этической стороной профессии и трудностями адаптации к рабочим нагрузкам. Большее количество сотрудников в группе со стажем службы от 5 до 10 лет с ремесленным и нормативным профессиональными профилями стрессогенности личности свидетельствует об их неудовлетворенности своим материальным положением, снижении мотивации к службе, нарастании внутриличностного и межличностных конфликтов и о проблемах, связанных с ответственностью и необходимостью выполнять профессиональные обязанности. Можно предположить, что по мере прохождения службы изменение профессионально-стрессогенного типа личности происходит доминированием моделей реалистического/ремесленного (рабочего) и конвенционально-нормативного типов профессиональной стрессогенности, что указывает на формирование деперсонализации [11].

Оценка типов профессиональной ценностной духовности проведена по шести базовым типам личности (управленческий, познавательский, нравственный, материальный, моральный и эстетический). В группе сотрудников со стажем службы до 5 лет в целом обнаружено преобладание управленческих, нравственных и материальных типов, составивших соответственно 24, 32 и 20 % от общего количества респондентов. Среди сотрудников со стажем службы от 5 до 10 лет выявлено максимальное число (32 %) лиц с материальным профилем ценностей, а величины показателей познавательского типа духовности оказались в два раза выше, чем

у респондентов со стажем до пяти лет (16 % против 8 %). Среди сотрудников с большим стажем службы отмечено также более высокое число лиц с моральным и эстетическим профилями профессиональной духовности по сравнению с встречаемостью подобных типов в группе молодых сотрудников (20 и 11 % против 12 и 4 %). Наряду с этим в сравнении с группой молодых сотрудников значительно меньшим оказалось число лиц с нравственным (12 % против 32 %) и организаторским типом духовности (9 % против 24 %). Следует отметить, что полученные данные, характеризующие особенности процентного распределения тех или иных типов профессиональной ценностной духовности в обеих группах сотрудников, имеют сходство с особенностями параметров профессиональной базисной направленности и стрессогенности личности. Следовательно, в группе со стажем службы до 5 лет у большей части сотрудников преобладают такие духовные ценности, как нравственность, справедливость и эмпатийность со стремлением к организаторской деятельности и мотивацией достижения материальных ресурсов (благ) в сочетании с экспрессивностью, властью и агрессивностью, что приводит к стрессовым ситуациям и снижению психической устойчивости. В то же время характер распределения типов духовных ценностей в группе сотрудников со стажем службы от 5 до 10 лет свидетельствует о выраженной прагматичной духовной направленности большей части опрошенных. У 87 % респондентов не отмечены показатели, отвечающие за направленность к духовно-нравственным ценностям, и лишь у 36 % обнаружено стремление к соблюдению нормативных (моральных) правил и требований, а также решению профессиональных проблем.

Полученные сведения о тесной взаимосвязи показателей направленности сотрудников к духовным ценностям с изменениями профилей профессиональной стрессогенности подтверждают научные данные, указывающие, что наряду с функцией регуляции высших психических функций духовность является фактором (ресурсом) психологической устойчивости, жизнеспособности и жизнестойкости человека [4; 10; 12; 15; 17]. Обнаруженное снижение целостного нравственно-духовного потенциала сотрудников (уровня духовного сознания по В. П. Зинченко [5]), отражающее трансформацию целеполаганий (направленности) личности, свидетельствует с позиции теории функциональных систем П. К. Анохина [1] о том, что преодоление профессионального стресса у сотрудников отдела охраны со стажем службы от 5 до 10 лет осуществляется по дезадаптивному типу (псевдоадаптации). То, что повышение психической устойчивости и ряда показателей минимизации проявлений профессионального стресса у данной группы в целом сопровождается негативной трансформацией профилей стрессогенности и понижением нравственно-духовных ценностей личности, указывает на формирование деперсонализации (психологической деформации и относительной духовной дефицитарности). Неслучайно в научной литературе используются понятия «деструктивная духовность», «дефицитарная духовность», «бездуховность» и т. д. [12; 15; 17].

Ряд авторов указывают на то, что рассмотрение проблемы формирования духовно-нравственных качеств сотрудников предполагает не только их изучение, но и выявление сущности базовых понятий «духовность», «нравственность» и «мораль» для научно обоснованного построения системы психологических методов, обуславливающих эффективность решения проблем интегративной устойчивости сотрудников исправительных учреждений к профессиональному стрессу. Междисциплинарный и проблемно ориентированный подходы к раскрытию и профилактике профессионального стресса на основе иерархического принципа регуляции функциональной организации психологической устойчивости и жизнестойкости позволят решить проблемы безопасности профессиональной деятельности при более научно обоснованном изучении структуры и функции духовно-нравственных начал

личности сотрудников. Обоснованием этого являются данные о том, что именно на духовном уровне развития личности способность мышления поднимается на высшую ступень, отражая жизнь в единстве ее логических, психических и моральных аспектов, а поступки индивида должны оцениваться в единстве поведенческих, психологических и нравственных составляющих [3–5; 10; 15].

Выводы

Представленные теоретические и эмпирические результаты проведенного исследования подтверждают данные других научных разработок о различиях выраженности стрессовых состояний в зависимости от длительности службы сотрудников в пенитенциарных учреждениях и развитии негативных проявлений профессионального стресса и вместе с тем дополняют имеющиеся взгляды на механизмы, обеспечивающие психологическую устойчивость и процесс адаптации к стрессу. Выявленный низкий уровень проявлений стресса у сотрудников с десятилетним стажем службы соответствует внешним формам адаптации (псевдоадаптации) к действию социальных стрессоров, что говорит о развитии деперсонализации.

Характер трансформационных изменений проявлений профессионального стресса и типологических профилей профессиональной стрессогенности (уязвимости) наряду с оценкой духовно-нравственной сферы свидетельствует о включении феномена духовности в развитие адаптации сотрудников к стрессовым воздействиям, отражающей особенности механизмов защиты, обусловленные стажем служебной деятельности сотрудников отдела охраны.

Результаты исследования дают основание для построения вариативных этапных моделей состояний психологической устойчивости сотрудников отдела охраны исправительных учреждений на разных этапах служебной деятельности, для чего необходимы комплексная диагностика происходящих трансформаций проявлений профессионального стресса и оценка психологической устойчивости с привлечением динамики изменений личностных базисных профилей профессиональной стрессогенности.

Очевидна важность разработки эффективной интегративной и адресной психологической профилактики негативных последствий профессионального стресса

(профессионального выгорания) у сотрудников на всех этапах их профессиональной деятельности на основе субъект-субъектной парадигмы развития и интенции к формированию духовно-нравственных ценностей личности.

Полученные данные свидетельствуют также о необходимости дальнейших исследований психической устойчивости на

основе междисциплинарного подхода к раскрытию особенностей селективного (избирательного) формирования и перестройке духовно-нравственной сферы личности, определяющей динамику изменений психологической устойчивости сотрудников исправительных учреждений к внешним и внутренним источникам профессионального стресса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анохин, П. К. Узловые вопросы теории функциональных систем / П. К. Анохин. – Москва : Наука, 1980. – 196 с.
2. Ганзен, В. А. Системные описания в психологии / В. А. Ганзен. – Ленинград : ЛГУ, 1984. – 176 с.
3. Долгова, В. И. Социальный стресс как фактор дезадаптации личности / В. И. Долгова, Е. А. Василенко // Современные наукоемкие технологии. – 2016. – № 8-2. – С. 303–306.
4. Журавлева, Н. А. Психология социальных изменений: ценностный подход / Н. А. Журавлева. – Москва : Институт психологии РАН, 2019. – 528 с. – ISBN 978-5-9270-0257-3.
5. Зинченко, В. П. Сознание и творческий акт / В. П. Зинченко. – Москва : Языки славянских культур, 2010. – 592 с. – ISBN 978-5-9551-0437-9.
6. Кадочникова, И. В. Субъектно-личностные изменения сотрудников уголовно-исполнительной системы / И. В. Кадочникова, Е. А. Сергиенко // Мир науки. Педагогика и психология. – 2020. – Том 8, № 1. – С. 49.
7. Козырева, Т. С. Структурные компоненты идентичности личности с признаками посттравматических стрессовых состояний: на примере сотрудников учреждений уголовно-исполнительной системы : диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Козырева Татьяна Серафимовна. – Новосибирск, 2009. – 215 с.
8. Копылова, Т. В. «Эмоциональное выгорание» как форма профессиональной деформации личности сотрудника пенитенциарной системы / Т. В. Копылова // Педагогика в правоохранительных органах. – 2003. – № 1. – С. 13–15.
9. Крапивина, О. В. Эмоциональное выгорание как форма профессиональной деформации у пенитенциарных служащих : диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Крапивина Ольга Валерьевна. – Тамбов, 2004. – 200 с.
10. Леонтьев, Д. А. Духовность, саморегуляция и ценности / Д. А. Леонтьев // Известия Южного федерального университета. Технические науки. – 2005. – № 7. – С. 16–21.
11. Малышев, К. Б. Основы психоалгебры / К. Б. Малышев, О. А. Малышева. – Курск, 2021. – 157 с.
12. Оботурова, Н. С. Философско-антропологические основания методологии психотерапии осужденных : монография / Н. С. Оботурова, А. М. Чирков. – Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2019. – 186 с. – ISBN 978-5-94991-469-2.
13. Распопин, Е. В. Психологическая устойчивость к внешним и внутренним источникам стресса: на примере сотрудников уголовно-исполнительной системы : диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Распопин Евгений Владимирович. – Екатеринбург, 2013. – 190 с.
14. Рожков О. А. Мотивационные детерминанты профессиональной деформации сотрудников уголовно-исполнительной системы : диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Рожков Олег Анатольевич. – Рязань, 2013. – 219 с.
15. Самойлик, Н. А. Духовно-нравственная основа профессионально-ценностных ориентаций сотрудников уголовно-исполнительной системы / Н. А. Самойлик, Н. В. Климова // Современная психология : материалы IV Международной научной конференции (г. Казань, октябрь 2016 г.). – Казань : Бук, 2016. – С. 37–40. – ISBN 978-5-906873-42-2.
16. Трофимова, Е. Л. Профессиональные трансформации сотрудников пенитенциарных учреждений / Е. Л. Трофимова // Психология в экономике и управлении. – 2016. – Том 8, № 1-2. – С. 36–42.
17. Тюлюпергенева, Р. Ж. Влияние дефицитарных психических состояний на формирование профессиональной деформации личности сотрудников правоохранительных органов: на примере Республики Казахстан : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Тюлюпергенева Раушан Жомартовна. – Москва, 2017. – 196 с.
18. Черкасова, М. А. Психологический мониторинг профессионального выгорания сотрудников уголовно-исполнительной системы России : монография / М. А. Черкасова, В. М. Поздняков. – Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2016. – 135 с. – ISBN 978-5-94991-361-1.

REFERENCES

1. Anokhin P.K. *Uzlovye voprosy teorii funktsional'nykh sistem* [Key issues of the theory of functional systems]. Moscow: Nauka, 1980. 196 p.
2. Ganzen V.A. *Sistemnyye opisaniya v psikhologii* [System descriptions in psychology]. Leningrad: Leningrad, 1984. 176 p.
3. Dolgova V.I., Vasilenko E.A. Social stress as a factor maladjustment personality. *Sovremennyye naukoemkie tekhnologii=Modern High Technologies*, 2016, no. 8-2, pp. 303–306. (In Russ.).
4. Zhuravleva N.A. *Psikhologiya sotsial'nykh izmenenii: tsennostnyi podkhod* [Psychology of social changes: value-based approach]. Moscow: Institut psikhologii RAN, 2019. 528 p.
5. Zinchenko V.P. *Soznanie i tvorcheskii akt* [Consciousness and creative act]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2010. 592 p.
6. Kadochnikova I.V., Sergienko E.A. Subjective and personal changes in the employees of the penitentiary system. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya=World of Science. Pedagogy and Psychology*, 2020, vol. 8, no. 1, p. 49. (In Russ.).
7. Kozyreva T.S. *Strukturnye komponenty identichnosti lichnosti s priznakami posttravmaticheskikh stressovykh sostoyanii: na primere sotrudnikov uchrezhdenii ugovovno-ispolnitel'noi sistemy: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata*

- psikhologicheskikh nauk* [Structural components of personality identity with signs of post-traumatic stress states: on the example of employees of institutions of the penal system: Candidate of Sciences (Psychology) dissertation]. Novosibirsk, 2009. 215 p.
8. Kopylova T.V. "Emotional burnout" as a form of professional deformation of the personality of an employee of the penal system. *Pedagogika v pravookhranitel'nykh organakh=Pedagogy in the Law Enforcement Agencies*, 2003, no. 1, pp. 13–15. (In Russ.).
9. Krapivina O.V. *Emotsional'noe vygoranie kak forma professional'noi deformatsii u penitentsiarnykh sluzhashchikh: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata psikhologicheskikh nauk* [Emotional burnout as a form of professional deformation in correctional staff: Candidate of Sciences (Psychology) dissertation]. Tambov, 2004. 200 p.
10. Leont'ev D.A. Spirituality, self-regulation and values. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Tekhnicheskie nauki="Izvestiya SfedU. Engineering Sciences*, 2005, no. 7, pp. 16–21. (In Russ.).
11. Malyshev K.B., Malysheva O.A. *Osnovy psikhoalgebry* [Fundamentals of psychoalgebra]. Kursk, 2021. 157 p.
12. Oboturova N.S., Chirkov A.M. *Filosofsko-antropologicheskie osnovaniya metodologii psikhoterapii osuzhdennykh: monografiya* [Philosophical and anthropological foundations of the methodology of psychotherapy of convicts: monograph]. Vologda: VIPE FSIN Rossii, 2019. 186 p.
13. Raspopin E.V. *Psikhologicheskaya ustoychivost' k vneshnim i vnutrennim istochnikam stressa: na primere sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noi sistemy: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata psikhologicheskikh nauk* [Psychological resistance to external and internal sources of stress: on the example of employees of the penal system: Candidate of Sciences (Psychology) dissertation]. Yekaterinburg, 2013. 190 p.
14. Rozhkov O.A. *Motivatsionnye determinanty professional'noi deformatsii sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noi sistemy: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata psikhologicheskikh nauk* [Motivational determinants of professional deformation of employees of the penal system: Candidate of Sciences (Psychology) dissertation]. Ryazan, 2013. 219 p.
15. Samoilik N.A., Klimova N.V. Spiritual and moral foundations of professional and value-based orientations of employees of the penal system. In: *Sovremennaya psikhologiya: materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Kazan', oktyabr' 2016 g.)* [Modern psychology: proceedings of the 4th International Scientific Conference (Kazan, October 2016)]. Kazan: Buk, 2016. Pp. 37–40. (In Russ.).
16. Trofimova E.L. Professional transformations of detention centers officers. *Psikhologiya v ekonomike i upravlenii=Psychology in Economics and Management*, 2016, vol. 8, no. 1-2, pp. 36–42. (In Russ.).
17. Tyulyupergeneva R.Zh. *Vliyaniye defitsitnykh psikhicheskikh sostoyanii na formirovaniye professional'noi deformatsii lichnosti sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov: na primere Respubliki Kazakhstan: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata psikhologicheskikh nauk* [Impact of deficiency mental states on the development of professional deformation of the personality of law enforcement officers: case study of the Republic of Kazakhstan: Candidate of Sciences (Psychology) dissertation abstract]. Moscow, 2017. 196 p.
18. Cherkasova M.A., Pozdnyakov V.M. *Psikhologicheskii monitoring professional'nogo vygoraniya sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Rossii: monografiya* [Psychological monitoring of professional burnout of employees of the penal system of Russia: monograph]. Vologda: VIPE FSIN Rossii, 2016. 135 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ПАВЕЛ ВАДИМОВИЧ ПОТЕМКИН – преподаватель кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5989-3884>, e-mail: pahantus1988@mail.ru

КОНСТАНТИН БОРИСОВИЧ МАЛЫШЕВ – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2985-3341>, e-mail: konbormal@mail.ru

НИКОЛАЙ ГУРГЕНОВИЧ СОБОЛЕВ – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры подготовки руководящего состава органов внутренних дел Филиала Академии управления МВД России «Болшево», г. Москва, России, г. Вологда, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6101-7437>, e-mail: sobolev-nikolay@mail.ru

АЛЕКСЕЙ МОДЕСТОВИЧ ЧИРКОВ – доктор медицинских наук, профессор кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2256-9858>, e-mail: chirart@yandex.ru

PAVEL V. POTEKIN – lecturer at the Department of Legal Psychology and Pedagogy, Psychological Faculty, Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5989-3884>, e-mail: pahantus1988@mail.ru

KONSTANTIN B. MALYSHEV – Doctor of Sciences (Psychology), Associate Professor, professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy, Psychological Faculty, Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2985-3341>, e-mail: konbormal@mail.ru

NIKOLAI G. SOBOLEV – Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Training the Leading Personnel of Internal Affairs Bodies, Branch of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia «Bolshevo», Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6101-7437>, e-mail: sobolev-nikolay@mail.ru

ALEKSEI M. CHIRKOV – Doctor of Sciences (Medicine), professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy, Psychological Faculty, Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2256-9858>, e-mail: chirart@yandex.ru

Статья поступила 14.07.2021

Применение психокоррекционных программ повышения профессиональной пригодности персонала исправительных учреждений

И. Н. МИНИНА

Псковский государственный университет, г. Псков, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6240-4834>, e-mail: irimin@rambler.ru

Д. Я. ГРИБАНОВА

Псковский государственный университет, г. Псков, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5633-5876>, e-mail: dianab81@mail.ru

Реферат

Введение: в статье рассматриваются результаты применения краткосрочной программы психологической коррекции, включающей профилактику конфликтов и выработку навыков адаптивного поведения в трудных ситуациях общения. *Цель:* на основе результатов исследования выявить условия эффективности применения психологических программ для преодоления стресса среди сотрудников пенитенциарных учреждений. *Методы:* решение поставленных в работе задач осуществлялось с применением общенаучных методов исследования в рамках сравнительного, статистического и логического анализа, а также посредством эмпирических методов описания и интерпретации информации. В исследовании приняли участие 80 сотрудников отделов безопасности исправительных учреждений Псковской области, разделенных на экспериментальную и контрольную группы. Тренинги проводились штатными психологами подразделений. Для оценки эффективности использовались методики «Шкала самооценки силы воли» Н. Н. Обозова, определения уровня нервно-психической устойчивости «Прогноз» и опросник межличностных отношений в адаптации В. Щутца. *Результаты:* анализ данных с использованием методов математической статистики показал, что применение подобных программ целесообразно среди сотрудников, включенных в группу повышенного внимания. Это могут быть лица, условно рекомендованные к данному виду деятельности, а также подвергшиеся деформирующим влияниям неблагоприятной профессиональной среды. Статистически значимым результатом по экспериментальной группе испытуемых стало изменение показателей по шкале искренности, что может означать повышение самооценки, доверия психологу и желания честно отвечать на поставленные вопросы. Наибольшая эффективность тренинга наблюдалась при реализации автором апробированной программы, что объясняется повышенной мотивацией и ответственностью за ее результаты. Среди персонала, изначально имеющего показатели, не требующие коррекции, практического эффекта от участия в тренинге не выявлено. *Выводы:* для повышения результативности тренингов необходима личная осознанная мотивация специалистов-психологов при разработке уникальных программ, учитывающих реальные потребности персонала обслуживаемых подразделений.

Ключевые слова: программа психокоррекции; психологическое сопровождение персонала; сила воли; стресс; психическая устойчивость; тренинг; группа повышенного внимания.

19.00.06 – Юридическая психология.

Для цитирования: Минина И. Н., Грибанова Д. Я. Применение психокоррекционных программ повышения профессиональной пригодности персонала исправительных учреждений. *Пенитенциарная наука*, 2021, т. 15, № 3 (55), с. 565–574. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-3-565-574.

The Use of Psychological Correction Programs to Improve the Occupational Fitness of Correctional Personnel

IRINA N. MININA

Pskov State University, Pskov, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6240-4834>, e-mail: irimin@rambler.ru

DIANA YA. GRIBANOVA

Pskov State University, Pskov, Russian Federation,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5633-5876>, e-mail: dianab81@mail.ru

Abstract

Introduction: the article examines the results of the application of a short-term psychological correction program, which includes conflict prevention and the development of adaptive behavior skills in difficult communication situations. *Aim:* based on the results of the study, to identify conditions for the effective use of psychological programs to overcome stress among prison staff. *Methods:* the tasks set in the work were solved with the help of general scientific research methods within the framework of comparative, statistical and logical analysis and empirical methods such as description and interpretation of the information. The study involved 80 employees of the security department of correctional institutions of the Pskov Oblast, divided into experimental and control groups. The trainings were conducted by full-time psychologists of the departments. To assess the effectiveness, we used the following methods: "Willpower self-assessment scale" by N.N. Obozov, the technique for determining the level of neuropsychic stability "Forecast", and the questionnaire of interpersonal relations in the adaptation of W. Shchutz. *Results:* the analysis of the data with the help of mathematical statistics methods has shown that the use of such programs is advisable among employees included in the group of increased attention. These may be persons conditionally recommended for this type of activity, as well as those who have been subjected to the deforming influence of an unfavorable professional environment. A statistically significant result for the experimental group of subjects consisted in a change in the indicators on the sincerity scale, which can mean an increase in self-esteem, trust in the psychologist and the desire to answer the questions honestly. The greatest effectiveness of the training was observed when we were implementing the tested program; this is explained by increased motivation and responsibility for its results. No practical effect of participation in the training was revealed among the personnel who initially had indicators that did not require correction. *Conclusions:* in order to increase the effectiveness of trainings, it is necessary that psychologists have personal conscious motivation when they work out unique programs that take into account actual needs of correctional staff.

Key words: psychological correction program; psychological support of personnel; willpower; stress; mental stability; training; group of increased attention.

19.00.06 – Legal psychology.

For citation: Minina I.N., Griбанова D.Ya. The use of psychological correction programs to improve the occupational fitness of correctional personnel. *Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 3 (55), pp. 565–574. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-3-565-574.

Введение

Эффективность деятельности пенитенциарных учреждений зависит от уровня профессиональной пригодности личного состава, традиционно принадлежащего к категории лиц с высоким уровнем эмоционально-стрессовых нагрузок. Теоретический анализ отечественной и зарубежной

литературы позволил выделить наиболее значимые корреляты рабочего стресса среди сотрудников следственных изоляторов и тюрем. Неоправданная рабочая нагрузка, гипервидимость, восприятие нехватки персонала, проблемы социальных ролей, недостаточный контроль, автономия, отсутствие поддержки на работе или дома,

подверженность насилию со стороны осужденных оказались наиболее связаны с увеличением стресса среди тюремного персонала служб охраны. В исправительных учреждениях строгого режима основными профессиональными стресс-факторами являются более высокий уровень насилия со стороны заключенных и соотношение сотрудников и осужденных, при котором приходится большее количество заключенных на одного надзирателя [1; 3; 7; 9; 12; 13; 16]. Также многоуровневый анализ влияния рабочего стресса, проведенный на выборке из 1800 тюремных служащих, работающих в 45 тюрьмах США, показал, что предполагаемый контроль над заключенными, поддержка со стороны коллег и руководителей положительно влияли на снижение профессионального стресса [15].

Основу пригодности персонала составляют профессиональные качества, которые включают в себя индивидуально-психические и личностные качества индивида, необходимые и достаточные для реализации себя в выбранной профессии. Успешной профессионализации способствуют наличие опыта работы и желание выполнять должностные обязанности на достойном уровне. Многочисленные исследования в разных странах подтверждают значительную взаимосвязь между организационной справедливостью и результатами работы сотрудников системы правосудия [17]. Справедливость можно назвать одним из главных принципов гуманистической системы ценностей и всей человеческой жизнедеятельности. Субъективная оценка сотрудником справедливости отношений является существенным фактором, влияющим на профессиональную мотивацию.

Среднестатистический образ кандидата, которого уголовно-исполнительная система хочет видеть в своих рядах, – это эмоционально зрелый, спокойный, хорошо владеющий собой в различных ситуациях человек от 18 до 40 лет, не поддающийся случайным колебаниям настроения, способный выдерживать большие физические и эмоциональные нагрузки, гибкий в межличностном взаимодействии, склонный идти на компромиссы. Е. И. Кокорина в процессе изучения факторов профессионально-психологической пригодности кандидатов на службу в уголовно-исполнительной системе по результатам психологической диагностики ЦПД ВВК ФКУЗ МСЧ-12 ФСИН России

в 2016 г. выявила, что примерно 33 % из них такими качествами не обладают [3, с. 447].

При изучении вопросов профессиональной пригодности специалиста необходимо учитывать индивидуальные данные человека, его мотивацию и соответствующую служебную подготовку.

Согласно ст. 17 Федерального закона от 19.07.2018 № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»» на службу должны поступать граждане, «способные по своим личным и деловым качествам, физической подготовке и состоянию здоровья исполнять служебные обязанности сотрудника». Установление соответствия этих качеств и свойств личности кандидата нормативно одобренным требованиям является основной задачей профессионального психологического отбора. А. М. Раков отмечает, что отказ в приеме на службу защищает как самого кандидата от непосильной для него психоэмоциональной нагрузки, так и общество от негативных последствий профессиональной несостоятельности будущего сотрудника. Одновременно данный отбор обеспечивает правовую обоснованность назначения на должность наиболее подходящего кандидата, определяет качества и характеристики, которые следует учитывать и контролировать в процессе профессионального становления [1, с. 104].

В последние десятилетия неизменными остаются два подхода к критериям профессионального психологического отбора:

1. Выявление и отсеивание кандидатов, имеющих крайне неблагоприятные социально-психологические, индивидуально-психологические или психофизиологические характеристики (отбор по минимуму требований).

2. Выявление и отбор на службу кандидатов, как можно более соответствующих требованиям к профессионально важным качествам (отбор по максимуму требований) [1, с. 108].

Для обеспечения эффективности оперативно-служебной деятельности оптимальным подходом является второй. Он дает возможность выбора лучших из кандидатов, проходящих процедуру отбора. Но реализовать такой подход возможно в учреждениях, в которых отсутствует срочность укомплек-

тования, нет текучести персонала и поступить на службу в которые желает значительное количество кандидатов.

В настоящее время объективные обстоятельства диктуют реализацию первого подхода при отборе кандидатов на службу в уголовно-исполнительной системе, направленного на профилактику профессиональных деструкций у личного состава. Эти условия приводят к приему на службу лиц, в отношении которых по результатам профессионально-психологического отбора применяется формулировка «условно рекомендуется». Руководство ФСИН России акцентирует внимание на необходимости своевременной профилактики деструктивных явлений среди личного состава учреждений и органов, исполняющих наказания.

Несоответствие индивидуально-психологических качеств специфическим требованиям труда в уголовно-исполнительной системе способствует возникновению у молодых сотрудников психического перенапряжения и, как следствие, различных психосоматических расстройств и заболеваний. Это приводит к неудовлетворенности служебным положением, избранной профессией.

Феномен удовлетворенности работой связан со многими положительными результатами, такими как повышение производительности труда, организационной приверженности, сокращение профессионального выгорания, снижение текучести кадров. Исследования в США, Европе и Китае убедительно демонстрируют, что показатели факторов рабочей среды объясняют большую долю дисперсии в показателе удовлетворенности работой, чем личные характеристики, к которым авторы относят пол, срок пребывания в должности, религию, семейное положение, возраст и уровень образования. Участие персонала исправительных учреждений в принятии решений и разнообразие профессий имели значительные положительные ассоциации, тогда как профессиональная опасность имела значительную отрицательную связь с показателями удовлетворения от выполняемой служебной деятельности [10–12].

Содействовать успешной адаптации сотрудников призваны психологи исправительных учреждений. В арсенале средств психологического воздействия имеются программы, направленные на изменение неадаптивных индивидуально-психологи-

ческих качеств личности. Психокоррекционные технологии помогают сотруднику осознать свои привычные неэффективные способы реагирования и на основе осознанного и пережитого личностного материала сформировать способности более эффективно решать свои проблемы, адаптироваться и реализовывать себя в профессиональной деятельности и личной жизни [8, с. 38].

Согласно исследованию польских коллег [14], в котором они проанализировали роль личности, организационных факторов и стратегий преодоления стресса в формировании удовлетворенности работой, социальная чувствительность является предиктором положительного отношения к своей работе сотрудников исправительных учреждений, исправительно-реабилитационного персонала и администрации. Это личностное качество тесно связано с развитием у взрослого человека рефлексии. А наиболее сильным изучаемым предиктором явилась мотивация лидерства и власти, так как в исправительных учреждениях ее реализация персоналом является легко достижимой, а также юридически, психологически и педагогически оправданной.

На важность социального контроля в тюремной жизни указывают и американские психологи. Так, удовлетворенность персонала тюрьмы работой в ней зависит от контроля, который они осуществляют над заключенными, а также осуществления над ними властных полномочий. Ирония этих выводов заключается в том, что те факторы, которые положительно коррелируют с удовлетворенностью работой тюремного персонала, имеют противоположные последствия и соответственно отрицательную корреляцию с вектором восприятия условий отбывания наказания осужденными [11].

Методы

Анализ практики психологической работы в уголовно-исполнительной системе показывает, что наиболее актуальным психокоррекционным мероприятием для профилактики профессионального выгорания является тренинг по обучению сотрудников методам осознанной психологической саморегуляции, включающий аутогенную и идеомоторную тренировку, нервно-мышечную релаксацию, приемы сенсорного репродуктивного образов, элементы суггестии и др. [9, с. 157–158]. Несмотря на доказанную значимость организационных

факторов в вопросах снижения профессионального стресса, на переменные рабочей среды пенитенциарные психологи оказывать влияние практически не могут.

На Всероссийском симпозиуме психологов, состоявшемся в Академии ФСИН России в 2019 г., было особо отмечено, что пенитенциарным психологам территориальных органов ФСИН России необходимо не только отчитываться, но и анализировать эффективность влияния психокоррекционных программ на личность сотрудников уголовно-исполнительной системы и осужденных [7, с. 129].

С целью внедрения психологического инструментария для профилактики нежелательных психических состояний и коррекции личностных качеств сотрудников психологами УФСИН России по Псковской области в период с декабря 2019 г. по март 2020 г. была реализована краткосрочная программа психологической коррекции, включающая профилактику конфликтов и выработку навыков и умений адаптивного поведения в трудных ситуациях общения, направленная на повышение психологической устойчивости психоэмоционального состояния личного состава территориальных исправительных учреждений области.

В процессе работы решались следующие задачи:

– выявление личностных качеств и состояний, требующих коррекционного воздействия. Для этого был осуществлен подбор психологических тестов и проведена диагностика уровня выраженности исследуемых характеристик;

– разработка краткосрочной программы психологической коррекции путем подбора тренинговых методов, возможных к реализации среди сотрудников уголовно-исполнительной системы на базе исправительных учреждений;

– апробация программы путем проведения тренинга в экспериментальной группе сотрудников;

– повторное тестирование изучаемых личностных характеристик респондентов экспериментальной и контрольной групп и статистическая обработка полученных результатов.

Всего в исследовании эффективности программы приняло участие 80 сотрудников мужского и женского пола четырех исправительных учреждений УФСИН России по Псковской области. Экспериментальная и

контрольная группы состояли из 40 человек, включая мужчин и женщин, так как функциональные обязанности респондентов не учитывали данные различия.

Перед участием в тренинговых мероприятиях было проведено тестирование личного состава с применением методики «Шкала самооценки силы воли (ШСВ)» Н. Н. Обозова, оценки нервно-психической устойчивости «Прогноз» (НПУ) разработки Санкт-Петербургской военно-медицинской академии и опросника межличностных отношений (FIRO) в адаптации В. Щутца.

Результаты

По результатам корреляционного анализа показателей входного тестирования всех респондентов выявлены достоверные взаимосвязи между вспомогательной шкалой оценки искренности L со шкалами силы воли ($r = 0,27$; $p < 0,01$) и нервно-психической устойчивости ($r = 0,29$; $p < 0,01$). Это говорит о том, что сотрудники, обладающие требуемыми для службы в уголовно-исполнительной системе психическими качествами, более склонны к контролю за сообщаемой информацией и позиционированию своего поведения как социально одобряемого.

Значимо проявилась прямая взаимосвязь нервно-психической устойчивости с основными показателями методики FIRO «Включение» ($r = 0,35$; $p < 0,01$) и «Аффект» ($r = 0,35$; $p < 0,01$). Психически устойчивые сотрудники способны без ущерба для себя выдерживать большой объем интеракций в связи с включением в различные группы и коллективы. Чем более ценной и значимой личностью сотрудник себя ощущает, тем выше его устойчивость к различным воздействиям субъектов межличностного взаимодействия. Поведение, соответствующее потребности в эмоциональных связях в группах, свидетельствует об установлении дружеских отношений и дифференциации между членами группы. Такие люди стремятся создавать и сохранять чувство теплого эмоционального взаимного отношения. Однако эти личностные характеристики могут провоцировать установление неслужебных связей персонала с осужденными, а также трудности при переводе сотрудников в другие подразделения в интересах службы.

Краткосрочная программа коррекционно-развивающих занятий «Снижение негативных эмоциональных состояний сотрудников отдела безопасности при выполнении служебных обязанностей» (далее – програм-

ма), разработанная начальником психологической лаборатории ИК-4 О. В. Потаповой, включала на первом этапе упражнения, направленные на снятие блоков и создание комфортных, позитивных взаимоотношений в группе. На втором этапе были проведены занятия по отработке навыков уверенного, эффективного общения на службе, выработке умений анализировать свое состояние, поиску позитивного выхода из различных ситуаций. Третий этап занятий был ориентирован на формирование у участников тренинга уверенности в себе, эмоциональной устойчивости, решительности и самоконтроля при общении с осужденными. Упражнения были направлены на снижение агрессивности и развитие волевой устойчивости. Заключительный этап программы был посвящен обучению навыкам сосредоточения на реакциях собственного тела и отработке различных способов саморегуляции.

Тренинговые мероприятия были реализованы в январе – феврале 2020 г. штатными психологами исправительных учреждений, которыми была также осуществлена обработка результатов входного и контрольного тестирования. Статистическая обработка результатов проведена кафедрой психологии и сопровождения развития ребенка Псковского государственного университета с применением программы SPSS Statistics.

В целом по результатам исследования с помощью Т-критерия Вилкоксона достоверного влияния краткосрочной программы на силу воли и нервно-психическую устойчивость участников тренинга (40 чел.) не выявлено. Такой результат можно объяснить достаточно высокими, не требующими коррекции оценками данных показателей среди большинства респондентов, поступивших на службу после успешного прохождения психологических испытаний. Средние значения ШСВ в экспериментальной группе составляли $7,8 \pm 1,6$ стенов, в контрольной – $6,8 \pm 1,9$ стенов. Однако среди семи участников, имеющих сравнительно низкие тестовые результаты от 4 до 6 стенов, после прохождения программы у пяти выявлен рост среднеарифметических показателей с 5,14 до 6,29 стенов.

Практически все результаты, полученные с применением методики «Прогноз», свидетельствуют о хорошей или достаточной нервно-психической устойчивости профессионального контингента. Средние значения до проведения программы составляли

около 6 стенов, и разница в последующих контрольных измерениях не превысила 1 стена.

Однако выявлено достоверное отличие замеров по вспомогательному показателю L (шкала искренности). Получено эмпирическое значение $-3,218$ при уровне значимости критерия $p < 0,001$. Низкие значения по этой шкале свидетельствуют о том, что испытуемый честно отвечал на вопросы и был уверен в себе.

Таким образом, по реализации Программы в экспериментальной группе произошло изменение показателей по шкале искренности с $5,53 \pm 1,9$ до $4,5 \pm 2,1$ стенов, что может означать повышение самооценки и желания честно отвечать на поставленные вопросы. Такие результаты возможны при росте доверия к психологу и снижении стремления у респондентов казаться лучше, чем они есть на самом деле. Часто высокие показатели по данной шкале среди сотрудников правоохранительных органов свидетельствуют не о недостоверности результатов, а о повышенных требованиях к своему поведению.

Современной науке известны лишь единичные случаи экспериментальной проверки шкал лжи на надежность и валидность измерений. В частности, А. Ю. Мягков указывает на исследование Н. М. Брэдберн и С. Садман (1979), которые попытались ответить на вопрос, действительно ли шкала потребности в социальном одобрении измеряет именно ту латентную переменную, для фиксации которой в свое время была создана. В результате валидационного эксперимента они пришли к выводу, что высокие баллы по результатам тестирования набирают не только респонденты, действительно склонные к социальной желательности, но и люди, имеющие высокие нравственные стандарты и неукоснительно следующие в повседневной жизни конвенциональным нормам. Следовательно, резюмируют авторы, шкала лжи в большей мере фиксирует не склонность испытуемых к искажению ответов на вопросы интервью, а реальные личностные характеристики индивидов, специфику их образа жизни, сознания и поведения [6, с. 66].

В любом случае изменение рассматриваемого показателя является положительным результатом, так как косвенно свидетельствует о снижении психического напряжения у сотрудников исправительных учреждений.

В показателе нервно-психической устойчивости большое значение имеют основные его психофизиологические корреляты, к которым отнесены сила и баланс нервных процессов, скорость и точность сложной зрительно-моторной реакции, тонус симпатического отдела вегетативной нервной системы, величина кардиоинтервала [4, с. 4]. На них воздействовать в краткосрочный период практически невозможно. Поэтому для изменения психологических коррелятов нервно-психической устойчивости, к которым относятся мышление, убеждения, мировоззрение и т. д., требуется более длительный период и качественно иные технологии развития.

В ходе эксперимента были изучены изменения в межличностных отношениях с применением опросника FIRO. По результатам были сформированы два индекса «Объем интеракций» и «Противоречивость межличностного поведения».

Для нормального функционирования индивида необходимо, чтобы существовало равновесие в трех областях межличностных потребностей между ним и окружающими людьми. Поэтому были исследованы предпочитаемая респондентами интенсивность контактов, а также разрыв между собственным и требуемым от окружающих поведением, увеличение которого создает вероятность внутренних конфликтов и фрустрации в области межличностных отношений.

Достоверного влияния краткосрочной программы на характеристики внутри и между отдельными областями межличностных потребностей всех участников тренинга (40 чел.) не выявлено.

При рассмотрении результатов программы на 20 сотрудниках экспериментальной группы с первоначальными значениями индекса «Противоречивость» свыше 5 баллов (вероятность внутреннего конфликта) выявлено снижение средних значений показателей с 7,25 до 5,25 баллов (на 28 %). Однако в контрольной группе среди сотрудников с первоначальными значениями индекса «Противоречивость» свыше 5 баллов (22 чел.) средний показатель тоже снизился с 6,5 до 5,1 баллов (21 %). Возможно, изменение этих характеристик произошло не по причине практического эффекта участия сотрудников в тренинге.

Проведение программы стимулировало в экспериментальной группе укрепление взаимосвязей показателей силы воли и нервно-

психической устойчивости ($r = 0,4$; $p < 0,01$). Это свидетельствует о том, что разработанные упражнения потенциально влияли на изучаемые личностные характеристики. Проявилась взаимосвязь шкалы искренности со шкалой «Требуемое включение» методики FIRO. Чем выше потребность быть замеченным и услышанным, тем более открыт сотрудник в ответах на вопросы и доверителен в отношениях с психологом. Также исчезла тревожная взаимосвязь показателей нервно-психической устойчивости и потребности в дифференциации и близких эмоциональных отношениях.

В процессе первичной статистической обработки результатов эксперимента возникла гипотеза о влиянии на эффективность программы личных и профессиональных качеств психолога-тренера [5, с. 95]. Поэтому были исследованы результаты, полученные в ходе эксперимента в ФКУ ИК-4, штатный психолог которого и разработала краткосрочную программу коррекционно-развивающих занятий.

В этом подразделении по показателям шкалы силы воли у всех участников экспериментальной группы (10 чел.) после тренинга произошло увеличение средних значений с $7,3 \pm 1,5$ до $8,6 \pm 0,7$ стенов, в контрольной группе (10 чел.) практически все осталось без изменений: $6,8 \pm 1,2$ против $6,9 \pm 1,2$ стенов.

По показателям нервно-психической устойчивости в экспериментальной группе у всех респондентов произошло увеличение средних значений с $6,4 \pm 0,5$ до $6,9 \pm 0,3$ стенов, в контрольной группе практически ничего не изменилось: $6,3 \pm 0,5$ против $6,4 \pm 0,7$ стенов. Индекс искренности в экспериментальной группе улучшился с $5,1 \pm 0,9$ до $3,3 \pm 1,3$ стенов, в контрольной ухудшился с $4 \pm 1,1$ до $4,6 \pm 1,1$ стенов.

В остальных территориальных подразделениях проведение программы не оказало столь значительных результатов на психоэмоциональное состояние сотрудников.

Таким образом, цель нашего исследования достигнута. Предположение об эффективности разработанной программы для повышения психологической устойчивости психоэмоционального состояния личного состава частично нашло свое подтверждение. Существует вероятность того, что если бы штатный психолог ИК-4, регулярно повышающая свою профессиональную квалификацию, проводила бы тренинги во

всех исправительных учреждениях области, то результативность апробируемой краткосрочной программы для коррекции показателей ШСВ и НПУ среди всего личного состава оказалась бы выше и статистически значимой.

Заключение

В настоящее время основная работа психологов исправительных учреждений с личным составом заключается в проведении диагностических процедур при приеме кандидатов на службу и психологическом сопровождении профессиональной деятельности. Хотя психологическая коррекция является одним из основных регламентированных видов деятельности психологов уголовно-исполнительной системы, проведение подобных мероприятий является скорее исключением из правил, чем повседневной работой. Этому способствует недостаточная штатная численность психологов на протяжении всей истории создания и функционирования психологической службы. По авторитетному мнению М. Г. Дебольского, минимальная штатная численность психологических лабораторий в два человека «хотя и не позволяет осуществлять психологическое обеспечение работы с осужденными и персоналом в полном объеме, но дает возможность решать наиболее актуальные психологические проблемы, осложняющие оперативную обстановку в учреждении» [2, с. 126].

Учитывая необходимость целесообразного распределения служебного времени специалистов-психологов, можно рекомендовать проведение психокоррекционных мероприятий с сотрудниками со сниженными показателями силы воли и нервно-психической устойчивости, то есть относящимися к группе повышенного внимания.

Итоги экспериментального внедрения программы свидетельствуют о том, что ее эффективность зависит в большей степени от профессионализма, мотивации и заинтересованности практикующего психолога в ее результатах. Поэтому для повышения результативности психологического сопровождения деятельности работников ФСИН России можно рекомендовать прохождения психологами обучения по программам дополнительного профессионального образования. Полезным может оказаться применение материального стимулирования участия в конкурсах профессионального мастерства.

В развитых зарубежных странах количество специалистов-психологов, привлекаемых к психологическому сопровождению работников, значительно отличается в большую сторону. Централизованно разрабатываются программы и стратегии борьбы со стрессом среди сотрудников исправительных учреждений, при апробации и внедрении которых эксперты по стрессу могут предоставить помощь в настройке или улучшении стресс-программ. Так, при внедрении данного психологического инструментария на территории штата Вашингтон (США) департаментом юстиции рекомендовано учесть несколько факторов, чтобы сделать свои программы эффективными. Например:

- назначить талантливых и преданных своему делу психологов, которые выдержат стресс помощи, оказываемой другим сотрудникам, его испытывающим;
 - добиться искреннего участия высшего руководства, профсоюзных и линейных руководителей, а также членов семьи сотрудников, нуждающихся в психологической помощи и коррекции психических состояний;
 - соблюдать конфиденциальность в своей работе;
 - при предоставлении услуг работать системно, а не только разбирая ситуации после критических происшествий;
 - обучить руководителей выявлять сотрудников, которые могут испытывать стресс и нуждаются в консультации психолога;
 - в случае необходимости сменить должность или исправительное учреждение таким образом, чтобы снизить стресс сотрудника;
 - проводить мониторинг программных мероприятий и оценку их эффективности в снижении стресса и повышении эффективности работы подразделения [13, с. 129].
- В 2014 г. в ходе Национального симпозиума по проблемам работников исправительных учреждений США ведущими специалистами органов здравоохранения и подразделений юстиции отмечалось, что, несмотря на значительные местные усилия и рекомендуемые передовые практики, нет разработанной универсальной программы для тюремного персонала с доказанной эффективностью и безопасностью. Поэтому необходимы дополнительные исследования в области благополучия, физического и психологического здоровья сотрудников, работающих с осужденными [16].

Таким образом, распространение передового опыта психокоррекционной деятельности с персоналом исправительных учреждений возможно только путем ознакомления и добровольного осмысленного применения психологами рекомендованных тренинговых мероприятий. Вынужденное

внедрение чужих наработок не может обеспечить гарантированного положительного результата. Эти мероприятия должны мотивировать специалистов-психологов к разработке уникальных программ, учитывающих реальные потребности персонала обслуживаемых подразделений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бовин, Б. Г. Профессионально-психологический отбор в уголовно-исполнительной системе России и его эффективность / Б. Г. Бовин, А. М. Раков // Прикладная юридическая психология. – 2009. – № 2. – С. 104–114.
2. Дебольский, М. Г. Психологическая служба уголовно-исполнительной системы России: опыт организации / М. Г. Дебольский // Российский психологический журнал. – 2004. – № 1. – С. 119–130. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_16344754_14186837.pdf (дата обращения: 12.07.2020).
3. Кокорина, Е. И. Профессионально-психологическая пригодность кандидатов к службе в УИС / Е. И. Кокорина // *Novainfo.Ru*. – 2017. – № 65. – С. 444–447. – URL: <https://novainfo.ru/pdf/065-1.pdf> (дата обращения: 12.07.2020).
4. Корзунин, А. В. Психофизиологические критерии оценки нервно-психической устойчивости в процессе военно-профессиональной адаптации военнослужащих : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата медицинских наук / А. В. Корзунин. – Санкт-Петербург, 2015. – 24 с.
5. Красненкова, С. А. К вопросу о современном состоянии психокоррекционной работы в пенитенциарной практике / С. А. Красненкова // Прикладная юридическая психология. – 2008. – № 4. – С. 93–98.
6. Мягков, А. Ю. Шкалы лжи: опыт социологической реинтерпретации / А. Ю. Мягков // Вестник ИГЭУ. – 2006. – № 1. – С. 66–73. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/shkaly-lzhi-opyt-sotsiologicheskoy-reinterpretatsii> (дата обращения: 13.07.2020).
7. Овчарова, Е. В. Современные психокоррекционные и психотерапевтические направления в работе пенитенциарных психологов / Е. В. Овчарова // Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития : тезисы докладов Всероссийского симпозиума психологов (Рязань, 5 апреля 2019 г.). – Рязань : Академия ФСИН России, 2019. – С. 125–129.
8. Федорова, Е. М. Основные формы и методы психологической профилактики и коррекции профессиональных деструкций личного состава УИС / Е. М. Федорова // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2016. – № 4 (167). – С. 34–39.
9. Черкасова, М. А. Психологический мониторинг профессионального выгорания сотрудников УИС России : диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук: 19.00.06 / М. А. Черкасова. – Вологда, 2014. – 187 с.
10. An exploratory study of the effects of work environment variables on job satisfaction among Chinese prison staff S. Jiang, E.G. Lambert, J. Liu, J. Zhang // *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. – 2018. – Volume 62 (6). – Pp. 1694–1719.
11. Blau, Ju. R. Individual and Contextual Effects on Stress and Job Satisfaction: A Study of Prison Staff / Ju. R. Blau, S. C. Light, M. Chamlin // *Work and Occupations*. – 1986. – Volume 13 (1). – Pp. 131–156. – DOI 10.1177/0730888486013001009.
12. Ellison, J. M. Working on local time: Testing the job-demand-control-support model of stress with jail officers / J. M. Ellison, J. W. Caudill // *Journal of Criminal Justice*. – 2020. – Volume 70 (C). – DOI 10.1016/j.jcrimjus.2020.101717.
13. Finn, P. Addressing Correctional Officer Stress: Programs and Strategies / Peter Finn. – Washington, DC : U.S. Department of Justice, 2000. – 134 с.
14. Sygit-Kowalkowska, E. Predicting the Role of Personality Traits, Organizational Factors, and Strategies for Coping with Stress in Job Satisfaction in Correctional Services / E. Sygit-Kowalkowska, R. Poklek, B. Pastwa-Wojciechowska // *Polish Psychological Bulletin*. – 2020. – Vol. 50. – Pp. 275–283. – DOI 10.24425/ppb.2019.130701.
15. Steiner, B. Individual and Environmental Sources of Work Stress Among Prison Officers / B. Steiner, J. Wooldredge // *Criminal Justice and Behavior*. – 2015. – Volume 42(8). – Pp. 800–818. – DOI 10.1177/0093854814564463.
16. Stress and corrections: Addressing the safety and well-being of correctional officers / D. Elliot, K. Kuehl, M. Ghaziri, M. Cherniack // *Corrections Today*. – 2015. – Volume 77 (4) – Pp. 40–44.
17. Wolfe, S. E. The organizational justice effect among criminal justice employees: A meta analysis / S. E. Wolfe, S. G. Lawson // *Criminology*. – 2020. – Volume 58 (2). – DOI 10.1111/1745-9125.12251.

REFERENCES

1. Bovin B.G., Rakov A.M. Professional psychological selection in the penal system of Russia and its effectiveness. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya=Applied Legal Psychology*, 2009, no. 2, pp. 104–114. (In Russ.).
2. Debol'skii M.G. Psychological service of the penal system of Russia: the experience of organization. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal=Russian Psychological Journal*, 2004, no. 1, pp. 119–130. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_16344754_14186837.pdf (accessed July 12, 2020). (In Russian).
3. Kokorina E.I. Professional psychological suitability of candidates for service in the penal system. *Novainfo.Ru*, 2017, no. 65, pp. 444–447. Available at: <https://novainfo.ru/pdf/065-1.pdf> (accessed July 12, 2020). (In Russian).
4. Korzunin A.V. *Psikhofiziologicheskie kriterii otsenki nervno-psikhicheskoi ustoichivosti v protsesse voenno-professional'noi adaptatsii voennosluzhashchikh: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata meditsinskikh nauk* [Psychophysiological criteria for the assessment of neuropsychological stability in the process of military professional adaptation: Candidate of Sciences (Medicine) dissertation abstract]. Saint Petersburg, 2015. 24 p.
5. Krasnenkova S.A. On the issue of the current state of psychological correction work in penitentiary practice. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya=Applied Legal Psychology*, 2008, no. 4, pp. 93–98. (In Russ.).

6. Myagkov A.Yu. Falsehood scales: the attempt of sociological reinterpretation. *Vestnik IGEU=Vestnik of Ivanovo State Power University*, 2006, no. 1, pp. 66–73. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/shkaly-lzhi-opyt-sotsiologicheskoy-reinterpretatsii> (accessed July 13, 2020). (In Russ.).
7. Ovcharova E.V. Modern psychological correction and psychotherapeutic directions in the work of penitentiary psychologists. In: *Psikhologiya XXI veka: vyzovy, poiski, vektory razvitiya: tezisy dokladov vserossiiskogo simpoziuma psikhologov (Ryazan', 5 aprelya 2019 g.)* [Psychology of the 21st century: challenges, search, vectors of development: Abstracts of the All-Russian Symposium of Psychologists (Ryazan, April 5, 2019)]. Ryazan: Akademiya FSIN Rossii, 2019. Pp. 125–129. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37275422&> (accessed July 17, 2020). (In Russ.).
8. Features of the organization and prospects for the development of psychological work with the personnel of the penal system within the framework of the implementation of the provisions of the Concept for development of the penal system of the Russian Federation until 2020: decision of the Board of the Federal Penitentiary Service of Russia. In: *Ob ob'yavlenii reshenii kollegii Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii: prikaz FSIN Rossii ot 07.12.2012* [On the announcement of decisions of the boards of the Federal Penitentiary Service: Order of FSIN Russia dated December 7, 2012]. (In Russ.).
9. Fedorova E.M. The main forms and methods of psychological prevention and correction of professional destruction of correctional personnel. *Vedomosti ugovovno-ispolnitel'noi sistemy=News of the Penal System*, 2016, no. 4 (167), pp. 34–39. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_26470782_20126321.pdf (accessed July 10, 2020). (In Russ.).
10. Cherkasova M.A. *Psikhologicheskii monitoring professional'nogo vygoraniya sotrudnikov UIS Rossii: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata psikhologicheskikh nauk: 19.00.06* [Psychological monitoring of professional burnout of employees the penal system of Russia: Candidate of Sciences (Psychology) dissertation]. Vologda, 2014. 187 p.
11. Jiang S., Lambert E.G., Liu J., Zhang J. An exploratory study of the effects of work environment variables on job satisfaction among Chinese prison staff. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 2018, vol. 62 (6), pp. 1694–1719.
12. Blau Ju.R., Light S.C., Chamlin M. Individual and contextual effects on stress and job satisfaction: a study of prison staff. *Work and Occupations*, 1986, vol. 13(1), pp. 131–156. DOI: 10.1177/0730888486013001009.
13. Ellison J. M., Caudill J.W. Working on local time: testing the job-demand-control-support model of stress with jail officers. *Journal of Criminal Justice*, 2020, vol. 70 (C). DOI: 10.1016/j.jcrimjus.2020.101717.
14. Finn P. *Addressing correctional officer stress: programs and strategies*. Washington, DC: U.S. Department of Justice, 2000. Available at: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED449457.pdf> (accessed January 9, 2021).
15. Sygit-Kowalkowska E., Poklek R., Pastwa-Wojciechowska B. Predicting the role of personality traits, organizational factors, and strategies for coping with stress in job satisfaction in correctional services. *Polish Psychological Bulletin*, 2020, vol. 50, pp. 275–283. DOI: 10.24425/ppb.2019.130701.
16. Steiner B., Wooldredge J. Individual and environmental sources of work stress among prison officers. *Criminal Justice and Behavior*, 2015, vol. 42 (8), pp. 800–818. DOI: 10.1177/0093854814564463.
17. Elliot D., Kuehl K., El Ghaziri M., Cherniack M. Stress and corrections: addressing the safety and well-being of correctional officers. *Corrections Today*, 2015, vol. 77 (4), pp. 40–44.
18. Wolfe S.E., Lawson S.G. The organizational justice effect among criminal justice employees: a meta analysis. *Criminology*, 2020, vol. 58 (2). DOI: 10.1111/1745-9125.12251.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ИРИНА НИКОЛАЕВНА МИНИНА – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и сопровождения развития ребенка Псковского государственного университета, г. Псков, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6240-4834>, e-mail: irimin@rambler.ru

ИАНА ЯРОСЛАВОВНА ГИБАНОВА – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и сопровождения развития ребенка Псковского государственного университета, г. Псков, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5633-5876>, e-mail: dianab81@mail.ru

IRINA N. MININA – Candidate of Sciences (Psychology), associate professor of the Department of Psychology and Child Development Support at Pskov State University, Pskov, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6240-4834>, e-mail: irimin@rambler.ru

DIANA YA. GRIBANOVA – Candidate of Sciences (Psychology), associate professor of the Department of Psychology and Child Development Support at Pskov State University, Pskov, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5633-5876>, e-mail: dianab81@mail.ru

Статья поступила 10.08.2020

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-3-575-584

УДК 378.1

Практико-ориентированное обучение в образовательных организациях высшего образования ФСИН России

Э. В. ЗАУТОРОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация

Международная академия наук педагогического образования, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>, e-mail: elvira-song@mail.ru

Е. В. БОДРОВА

Университет ФСИН России, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0629-7522>, e-mail: oag.bodrova@mail.ru

Реферат

Введение: статья посвящена вопросам подготовки обучающихся образовательных организаций высшего образования ФСИН России при использовании имитационных обучающих средств с целью формирования и развития конкретных профессиональных умений и качеств, усиления практической направленности обучения, приобретения и отработки практических навыков. *Цель:* на основе обобщения опыта применения имитационных средств в процессе подготовки обучающихся образовательных организаций высшего образования ФСИН России показать перспективы построения практико-ориентированной модели образовательного процесса. *Методы:* теоретический анализ литературы, нормативных правовых актов по проблеме исследования; методы синтеза и обобщения; сравнительно-правовой, эмпирические методы, методы описания, интерпретации. *Результаты:* анализ использования имитационных средств в процессе подготовки обучающихся образовательных организаций высшего образования ФСИН России способствует формированию универсальных, профессиональных и специальных компетенций, необходимых для самостоятельного несения службы в подразделениях учреждений и органов уголовно-исполнительной системы. *Выводы:* использование учебных полигонов, учебных рабочих мест, учебных рабочих маршрутов, в том числе с применением AR- и VR-технологий, позволит сформировать у обучающихся четкий алгоритм действий при выполнении служебных обязанностей, а профессорско-преподавательскому составу образовательной организации высшего образования ФСИН России создавать ситуации, максимально приближенные к реальности и условиям исправительного учреждения. Практико-ориентированный подход в обучении способствует качественной подготовке и оптимизации профессиональной адаптации молодых сотрудников к службе в пенитенциарной системе.

К л ю ч е в ы е с л о в а : образовательный процесс; обучающиеся образовательных организаций высшего образования ФСИН России; процесс обучения; практико-ориентированный подход; средства обучения; учебный полигон; учебное рабочее место; учебный рабочий маршрут.

13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования.

Для цитирования: Зауторова Э. В., Бодрова Е. В. Практико-ориентированное обучение в образовательных организациях высшего образования ФСИН России. *Пенитенциарная наука*, 2021, т. 15, № 3 (55), с. 575–584. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-3-575-584.

Practice-Oriented Training in Higher Education Institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia

EL'VIRA V. ZAUTOROVA

Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation

International Academy of Sciences of Pedagogical Education, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>, e-mail: elvira-song@mail.ru

ELENA V. BODROVA

University of FSIN Russia, Saint Petersburg, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0629-7522>, e-mail: oag.bodrova@mail.ru

Abstract

Introduction: the article considers issues related to the training of students at higher education organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia. The type of training under consideration involves the use of simulation training tools to form and develop specific professional skills and qualities, enhance the practical orientation of training, and help students acquire and use practical skills. *Aim:* to show the prospects for building a practice-oriented model for educational process on the basis of generalization of the experience of using simulation tools in the process of training students at higher education institutions of FSIN Russia. *Methods:* theoretical analysis of literature and normative legal acts on the problem under consideration; synthesis and generalization; comparative legal method, empirical method, description, interpretation. Results: the analysis of the use of simulation tools in the training of students at higher education organizations of FSIN Russia contributes to the formation of universal, professional and special competencies required for the service in the departments of institutions and bodies of the penal system. *Conclusions:* the use of training grounds, training workplaces, training work routes, with the use of AR and VR technologies as well, will allow students to form a clear algorithm of actions when performing official duties, and teaching staff of higher education organizations of FSIN Russia – to create situations as close as possible to reality and to the conditions of correctional institutions. A practice-oriented approach to training contributes to high-quality training and optimizes professional adaptation of young officers to the service in the penal system.

Keywords: educational process; students of higher education institutions of FSIN Russia; learning process; practice-oriented approach; learning tools; training ground; training workplace; training work route.

13.00.01 – General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Zautorova E.V., Bodrova E.V. Practice-oriented training in higher education institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia. *Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 3 (55), pp. 575–584. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-3-575-584.

Введение

Служба в уголовно-исполнительной системе сопряжена с высокими требованиями к профессиональным и психологическим качествам сотрудников, повышенной от-

ветственностью за собственные действия, эмоциональным напряжением, морально-психологической и физической нагрузками, требующими высокой профессиональной подготовки. Специфика несения службы и

неготовность молодых сотрудников работать в таких условиях нередко приводят к их увольнению из пенитенциарной системы по собственному желанию. Часто это происходит на первом году службы. Одна из причин увольнения – нарушение адаптации будущих сотрудников к служебной деятельности (профессиональной адаптации) [7; 12]. Так, С. В. Якушкин и М. С. Тарасиков отмечают, что «не все молодые специалисты (выпускники вузов ФСИН России) успешно адаптируются к особым условиям пенитенциарных учреждений» [10].

Согласно статистическим данным НИИТ ФСИН России численность сотрудников уголовно-исполнительной системы, уволенных на первом году службы без учета стажеров, не прошедших испытательный срок, в 2018 г. составила 868 чел. (3,9 % от общего числа уволенных), а в 2019 г. этот показатель вырос до 952 чел. (5,53 % от общего числа уволенных) [8; 10]. К проблемам реализации кадровой политики можно отнести недостаточно высокий уровень профессиональной подготовки сотрудников и текучесть кадров [13], которые, по нашему мнению, взаимосвязаны.

Практико-ориентированный подход в обучении

Федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования (ФГОС ВПО), по которым сейчас осуществляется подготовка специалистов для уголовно-исполнительной системы, ориентированы на достижение «деятельностного результата» образовательного процесса и определяют перечень общих и профессиональных компетенций, приобретение которых позволит успешно осуществлять профессиональную деятельность. В связи с этим возникает необходимость переноса акцентов преподавания из общепрофессиональной теоретической сферы в плоскость практического выполнения конкретных профессиональных задач. Речь идет о практико-ориентированной модели построения образовательного процесса [14; 17; 18; 20].

Вопросами усиления практической направленности профессионального образования занимались В. И. Байденко, В. А. Болотов, В. П. Борисенков, А. А. Вербицкий, А. М. Новиков, В. В. Сериков, В. А. Шершнева и др. Ученые отмечают, что в настоящее время образование в большей мере теоретизированно, что способствует неверному

усвоению знаний, полученных обучающимися. При этом действительность требует совершенствовать практические результаты будущей профессиональной деятельности. В этой связи выделяется один из основополагающих принципов образовательного процесса – принцип взаимосвязи теории с практикой, в основе которого лежат закономерности: практика – критерий истины [19; 21], источник познания и область приложения теоретических результатов; практикой проверяется, подтверждается и направляется качество обучения; чем больше приобретаемые обучающимися знания взаимодействуют с жизнью, применяются на практике, используются для преобразования окружающих процессов и явлений, тем выше сознательность обучения и интерес к нему [2; 3; 5].

Несмотря на значимость практико-ориентированного обучения для современного профессионального образования, его содержание и формы еще не получили достаточной теоретической и методической разработки. В ведомственных вузах при подготовке будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы планированию, организации и проведению практических занятий не уделяется должного внимания, не в полной мере используется потенциал имитационных обучающих средств. В связи с этим обучающиеся слабо ориентируются в профессиональной среде, у них не в достаточной степени сформированы умения и навыки, позволяющие обеспечить в дальнейшем эффективное противодействие противоправному поведению со стороны осужденных и т. д. [16].

Имитационные обучающие средства

Изучением становления практико-ориентированного обучения в ведомственных образовательных организациях занимались Я. С. Ивасенко, Т. И. Краснова, С. П. Мишустин, Е. А. Тимофеева и др. Мы поддерживаем мнение, что совершенствование подготовки будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы предполагает создание практико-ориентированных и отвечающих современным требованиям к осуществлению профессиональной деятельности имитационных обучающих средств. Так, использование учебных полигонов, учебных рабочих мест и учебных рабочих маршрутов имеет своей целью не только создание условий для качественного обучения основам профессиональной деятель-

ности, формирование и развитие конкретных профессиональных умений и качеств сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, но и усиление практической направленности обучения, приобретение и отработку обучающимися практических навыков, а также закрепление на практике знаний, полученных на занятиях.

Методика проведения занятий с использованием имитационных обучающих средств позволит сформировать у будущих сотрудников интерес к избранной профессии и чувство ответственности, развить организаторские способности, инициативу, волю и настойчивость [1; 16], «погрузить» обучающихся в реалии служебной деятельности. Включение практико-ориентированного подхода в процесс обучения будущих специалистов является необходимым и соответствующим требованиям новых образовательных стандартов и запросам работодателя [11] в образовательных организациях ФСИН России.

Так, учебный полигон представляет собой специально оборудованную учебную территорию, моделирующую условия, максимально приближенные к реальным, и имитирующую реальный объект учреждения уголовно-исполнительной системы, предназначенную для организации и осуществления образовательного процесса, оснащенную собственным оборудованием, инвентарем, техническими средствами обучения. Учебное рабочее место (УРМ) – это специально оборудованное место, оснащенное набором технических средств, приборов, оборудования, нормативных правовых документов, необходимых для выполнения должностных обязанностей сотрудниками учреждений и органов уголовно-исполнительной системы по одной или смежной тематике, предназначенное для проведения как теоретических, так и практических занятий с обучающимися. Такие места могут быть включены в состав учебного полигона, но могут располагаться и в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы. Учебный рабочий маршрут – это маршрутная система обучения, позволяющая достоверно, полно и в комплексе на междисциплинарном уровне обеспечить практическую направленность образовательного процесса, создать условия для максимального приближения к реальным условиям оперативно-служебной деятельности сотрудника ФСИН России.

Материально-техническое и информационно-техническое обеспечение учебного полигона или учебного рабочего места включают в себя: используемые средства обучения (оборудование, техника, расходные материалы, мебель и пр.); программные средства, электронные ресурсы; материалы наглядной агитации в виде стендов, плакатов; руководящие документы и нормативные правовые акты, регламентирующие сферу профессиональной деятельности сотрудника; установленные образцы бланков документов, используемых в деятельности сотрудника; паспорт учебного полигона или учебного рабочего места. При этом если учебное рабочее место позволяет сформировать только узконаправленную часть профессиональной компетенции, то в ходе проведения практических занятий на учебном полигоне можно сформировать компетенцию в целом.

Рассмотрим примеры использования учебного рабочего места, которые можно применять в процессе подготовки будущего сотрудника уголовно-исполнительной системы:

1. Кабинет оперативного работника. Основная цель использования – формирование у обучающихся комплекса теоретических знаний, практических умений и навыков, необходимых для профессионального осуществления оперативно-розыскной деятельности в учреждениях и органах ФСИН России, формирование интереса к избранной профессии и чувства ответственности, развитие организаторских способностей, инициативы, воли и настойчивости, овладение передовыми методами работы, поиск наиболее эффективных способов выполнения профессиональных обязанностей, подготовка будущего специалиста к самостоятельной служебной деятельности.

2. Рабочее место группы управления исправительного учреждения при чрезвычайных обстоятельствах. Основной целью использования является формирование у обучающихся комплекса теоретических знаний, практических умений и навыков, необходимых для профессионального осуществления профилактики, предупреждения и пресечения противоправных действий подозреваемых, обвиняемых и осужденных в виде побега, убийства, массовых беспорядков, групповых неповиновений и др., овладение передовыми методами работы, поиска наиболее эффективных способов

выполнения профессиональных обязанностей в экстремальных ситуациях.

3. Автоматизированные информационно-поисковые системы, базы данных. Основной целью использования является формирование у обучающихся комплекса теоретических знаний, практических умений и навыков, необходимых для оперативного поиска информации с использованием специализированных программных средств, баз данных, таких как автоматизированная информационная система «Статистика – УИС», программно-технический комплекс автоматизированного картотечного учета спецконтингента в исправительных колониях (ПТК АКУС ИК), система электронного мониторинга подконтрольных лиц (СЭМПЛ), «Розыск-контингент», «Преступления, совершенные подозреваемыми, обвиняемыми, осужденными, содержащимися в учреждениях УИС Российской Федерации» и др., и эффективного документационного сопровождения деятельности сотрудника пенитенциарной системы.

4. Рабочее место сотрудника исправительного учреждения, осуществляющего неотложные следственные действия. Основная цель использования – формирование у обучающихся комплекса теоретических знаний, практических умений и навыков, необходимых для эффективного проведения уголовно-процессуальных мероприятий, входящих в компетенцию органов дознания, по расследованию противоправных действий подозреваемых, обвиняемых и осужденных, совершаемых в исправительных учреждениях и следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы.

Таким образом, учебные рабочие места, учебные рабочие маршруты и полигоны представляют собой место проведения учебного занятия, способствующего воссозданию обстановки, приближенной к реальным условиям будущей оперативно-служебной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы [1].

Использование вышеперечисленных мест проведения учебного занятия с применением средств визуализации информации, в том числе инструментов виртуальной и дополненной реальности, может дать педагогическую эффективность, которая не может быть достигнута при проведении классических учебных занятий. Виртуальная и дополненная реальности (VR и AR) –

это современные и быстро развивающиеся технологии. Их цель – расширение физического пространства жизни человека объектами, созданными с помощью цифровых устройств и программ и имеющими характер изображения.

При использовании в образовательном процессе AR- и VR-технологий возможно погружение обучающихся в реалии служебной деятельности: надев очки виртуальной реальности, обучающийся может прикоснуться к модели пистолета Макарова, повернуть его вокруг своей оси, разобрать и собрать, при этом прочесть его тактико-технические характеристики; надев шлем или очки дополненной реальности, обучающийся имеет возможность погрузиться в определенные заданные преподавателем события в исправительных учреждениях (групповые неповиновения, обысковые мероприятия).

Преимущество виртуальной и дополненной реальностей в том, что они «позволяют создать среду, которая воспринимается человеком через органы ощущения. Фактически VR и AR позволяют смоделировать комфортные условия для получения новых знаний, умений и навыков» [15].

Рассмотрим также варианты использования учебных рабочих маршрутов, в том числе с использованием AR- и VR-технологий, при проведении занятий в образовательных организациях ФСИН России:

1. Прием и распределение подозреваемых, обвиняемых и осужденных по отрядам (камерам). Используется для отработки комплекса умений и навыков по изучению личности осужденного, проведению бесед, сбору, анализу и использованию информации, взаимодействию с другими службами исправительного учреждения. Маршрут: подразделение специального учета → помещения штрафного изолятора (ШИЗО), помещения камерного типа (ПКТ) (распределительного блока следственного изолятора (СИЗО), помещение, функционирующее в режиме следственного изолятора (ПФРСИ)) → отряд (камера).

2. Оскорбление, нападение на администрацию, угрозы безопасности. Применяется для отработки комплекса умений и навыков по изучению личности осужденного, обстоятельств противоправных действий, проведению опроса фигурантов событий, сбору, анализу и использованию информации, взаимодействию с другими службами

исправительного учреждения, документированию противоправных действий. Маршрут: оперативный отдел → отряд (камера) → подразделение специального учета → помещения ШИЗО, ПКТ (распределительного блока СИЗО, ПФРСИ).

3. Массовые беспорядки. Отработка комплекса умений и навыков по изучению личности осужденного, обстоятельств противоправных действий, проведению опроса фигурантов событий, сбору, анализу и использованию информации, взаимодействию с другими службами исправительного учреждения, документированию противоправных действий. Маршрут (для отработки в группе): оперативный отдел → отряд (камера) → подразделение специального учета → помещения ШИЗО, ПКТ (распределительного блока СИЗО, ПФРСИ).

4. Неповиновения законным требованиям администрации исправительного учреждения. Используется для отработки комплекса умений и навыков по изучению личности осужденного, обстоятельств противоправных действий, проведению опроса фигурантов событий, сбору, анализу и использованию информации, взаимодействию с другими службами исправительного учреждения, документированию противоправных действий. Маршрут (для отработки в группе): оперативный отдел → отряд (камера) → подразделение специального учета → помещения ШИЗО, ПКТ (распределительного блока СИЗО, ПФРСИ).

5. Розыск. Может применяться для отработки комплекса умений и навыков по сбору, анализу и использованию информации, изучению личности осужденного, обстоятельств противоправных действий, взаимодействию с другими службами исправительного учреждения, документированию противоправных действий. Маршрут (для отработки в группе): оперативный отдел → промышленная зона → подразделение специального учета → отряд (камера).

6. Противодействие поступлению и отправке запрещенных предметов, отправлений, средств. Применяется для отработки комплекса умений и навыков по сбору, анализу и использованию информации, взаимодействию с другими службами исправительного учреждения, профилактике и пресечению противоправных действий, документированию. Маршрут: комната выдачи посылок, передач, бандеролей → дежурная часть → помещения ШИЗО, ПКТ (распреде-

лительного блока СИЗО, ПФРСИ) → оперативный отдел.

7. Режим. Используется для отработки комплексных знаний о порядке исполнения и отбывания лишения свободы и меры пресечения в виде заключения под стражу, привития практических навыков и умений по применению норм уголовно-исполнительного права в сфере организации режима в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в своей будущей профессиональной деятельности. Маршрут: дежурная часть → карантинное отделение → помещение распределительного блока СИЗО → комната длительных свиданий (комната краткосрочных свиданий) → пункт приема посылок, передач, бандеролей.

8. Надзор. Применяется для формирования целостного представления и системы комплексных знаний о порядке исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы, содержания под стражей, выработки умений и навыков в организации надзора в следственных изоляторах. Маршрут: дежурная часть → пост оператора видеонаблюдения → сборно-следственное отделение (карантинное отделение) → камеры → комната длительных свиданий (комната краткосрочных свиданий) → пункт приема посылок, передач, бандеролей.

9. Охрана. Может быть использована для формирования комплекса умений и навыков по охране исправительных учреждений, производственных объектов уголовно-исполнительной системы; выработке навыков пресечения (ликвидации) групповых неповиновений, массовых беспорядков в СИЗО, навыков розыска и задержания вооруженных и иных особо опасных преступников, совершивших побег из учреждения или при конвоировании, освобождения лиц, захваченных и удерживаемых в качестве заложников в учреждении, а также на других объектах ФСИН России, пресечения (отражения) вооруженных нападений на них, участия в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного (экологического) характера на объектах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Маршрут: контрольно-пропускной пункт по пропуску людей на режимную территорию → КПП по досмотру автотранспорта → караул → пульт управления техническими средствами надзора (ПУТСО) → место зарядания (разрядания) оружия [4; 6].

10. Конвоирование. Применяется для отработки умений и навыков по конвоированию осужденных, подозреваемых и обвиняемых из учреждений на обменные пункты и обратно, а также между учреждениями уголовно-исполнительной системы территориального органа, если в пунктах дислокации учреждений отсутствуют специальные подразделения по конвоированию. Призван формировать у обучающихся знания требований действующего законодательства и нормативно-правовых актов, регламентирующих деятельность специальных подразделений уголовно-исполнительной системы по конвоированию. Маршрут: КПП по дозору автотранспорта → караул → ПУТСО.

К примеру, такие учебные рабочие маршруты, как «Прием и распределение подозреваемых, обвиняемых и осужденных по отрядам (камерам)», «Оскорбление, нападение на администрацию, угрозы безопасности», «Массовые беспорядки», «Неповиновения законным требованиям администрации исправительного учреждения», позволяют сформировать у обучающихся как универсальные, так и общепрофессиональные компетенции согласно федеральному государственному образовательному стандарту высшего образования по специальности 40.05.02 Правоохранительная деятельность, утвержденному приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 28.08.2020 № 1131 [13].

Результаты

Применение на занятиях таких имитационных средств, как учебные полигоны, учебные рабочие места, учебные рабочие маршруты, в том числе с использованием AR- и VR-технологий, направлено на формирование опыта обучающихся при погружении их в профессиональную среду в ходе обучения с целью достижения профессионально и социально значимых компетентностей. Также это обеспечивает вовлечение их в работу, активную деятельность, так как мотивация к изучению теоретического материала идет от потребности в решении практической задачи. В этом случае традиционная дидактическая триада «знания – умения – навыки» дополняется новой дидактической единицей – «опыт деятельности». Такой подход

в обучении позволит будущим сотрудникам уверенно и самостоятельно принимать практические решения в области своей профессиональной деятельности.

Заключение

Таким образом, в настоящее время практическая деятельность играет важную роль в системе профессионального образования. В связи с этим необходимы поиск способов модернизации образовательного процесса, разнообразных методов, приемов и форм организации учебного процесса, а также применение принципиально новых средств обучения для повышения качества профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Применение учебных полигонов, учебных рабочих мест, учебных рабочих маршрутов позволит сформировать у обучающихся четкий алгоритм действий при выполнении служебных обязанностей, а профессорско-преподавательскому составу образовательной организации высшего образования ФСИН России даст возможность моделировать ситуации, максимально приближенные к реальной действительности и условиям исправительного учреждения [5; 9]. Практико-ориентированное использование AR- и VR-технологий в сочетании с учебными полигонами, учебными рабочими местами, учебными рабочими маршрутами улучшит успеваемость обучающихся, понимание теоретического материала, повысит уровень мотивации. Все то, что не может быть создано в реальном образовательном процессе по техническим, экономическим или физическим причинам, может быть создано в мире виртуальном.

Практико-ориентированный подход в обучении не только способствует качественной подготовке, формированию необходимых в служебной деятельности универсальных, профессиональных и специальных компетенций для самостоятельного несения службы в подразделениях учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, но и в последующем оптимизирует профессиональную адаптацию молодых сотрудников к службе в пенитенциарной системе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батищева, Е. В. Учебные рабочие места и их роль в подготовке специалистов для УИС / Е. В. Батищева // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2014. – № 6 (145). – С. 46–48.
2. Брызгалова, И. В. Активизация учебно-познавательной деятельности курсантов образовательных организаций высшего образования ФСИН России как педагогическая проблема / И. В. Брызгалова // Международный пенитенциарный журнал. – 2016. – № 2 (6). – С. 62–66.
3. Брызгалова, И. В. Учебные игры как интерактивная форма проведения занятий в вузах ФСИН России / И. В. Брызгалова, Э. В. Зауторова // Профессиональное образование и наука. – 2018. – № 4 (5). – С. 12–18.
4. Викторова, Т. В. Модель процесса формирования морально-психологической устойчивости к применению оружия сотрудниками отдела охраны ФСИН России / Т. В. Викторова // Современное педагогическое образование. – 2020. – № 10. – С. 227–230.
5. Дазмарова, Т. Н. Реализация практико-ориентированного подхода в обучении курсантов академии ФСИН России с использованием учебного рабочего места / Т. Н. Дазмарова // Субъекты образовательной деятельности в образовательном пространстве вузов: взаимодействие, саморазвитие, сотрудничество : сборник материалов по итогам IV Межвузовских учебно-методических сборов профессорско-преподавательского и начальствующего состава образовательных организаций ФСИН России. – Рязань : Академия ФСИН России, 2016. – С. 24–29. – ISBN 978-5-7743-0780-7.
6. Зауторова, Э. В. Морально-психологическая устойчивость – ведущая составляющая эффективности профессиональной деятельности сотрудников отдела охраны исправительных учреждений ФСИН России / Э. В. Зауторова, Т. В. Викторова // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2018. – № 9 (196). – С. 11–18.
7. Зауторова, Э. В. Профессионально-педагогическая компетентность сотрудников уголовно-исполнительной системы и исправление осужденных / Э. В. Зауторова // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2020. – № 3. – С. 34–37.
8. Кадровое обеспечение уголовно-исполнительной системы : информационно-аналитический сборник / под общей редакцией первого заместителя директора ФСИН России А. А. Рудого. – Тверь : НИИТ ФСИН России, 2019. – 85 с.
9. Кевля Ф. И. Специфика профессиональной деятельности и личностные особенности сотрудников ФСИН России / Ф. И. Кевля, Э. В. Зауторова // Актуальные проблемы организации деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы и пути их решения : материалы межвузовской научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора А. И. Зубкова и Дню российской науки. – Рязань : АПУ ФСИН России, 2020. – С. 117–121.
10. Кусакин, А. Н. Профессиональная адаптация выпускников Академии ФСИН России к функциональной деятельности сотрудника уголовно-исполнительной системы : аналитический обзор / А. Н. Кусакин, С. В. Якушкин, М. С. Тарасиков. – Рязань : Академия ФСИН России, 2007. – 30 с.
11. Мишустин, С. П. Организация практико-ориентированного подхода в обучении курсантов ФСИН России / С. П. Мишустин. – URL: <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=2421> (дата обращения: 24.09.2020).
12. Об образовании в Российской Федерации : федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/70291362/paragraph/1/highlight/ФЗ-273:1> (дата обращения: 19.09.2020).
13. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – специалитет по специальности 40.05.02 Правоохранительная деятельность : приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 28.08.2020 № 1131. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202009150044> (дата обращения: 24.09.2020).
14. Степанова, О. Н. Особенности профессиональной адаптации молодых сотрудников к службе в УИС / О. Н. Степанова // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. – 2010. – № 11–1. – С. 226–231.
15. Технологии AR и VR в образовании. – URL: <https://habr.com/ru/company/mailru/blog/435996/> (дата обращения: 01.08.2021).
16. Хотькина, О. К. Использование учебного рабочего места «Инспектор отдела специального учета» в реализации практической направленности обучающихся / О. К. Хотькина // Организация образовательного процесса в вузах: современное состояние, проблемы и перспективы : сборник материалов научно-методической конференции. – Рязань : Академия ФСИН России, 2017. – С. 275–280. – ISBN 978-5-7743-0817-0.
17. Vazhenova, N. G. Psychological characteristics of students' self-organization: Personal and group levels / N. G. Vazhenova, R. I. Bazhenov // Modern Journal of Language Teaching Methods (MJLTM). – 2018. – Volume 8, issue 6. – Pp. 11–18.
18. Balikaeva, M. B. The interconnection between future engineers' professional mobility in higher school social and cultural environment / M. B. Balikaeva // Modern Journal of Language Teaching Methods (MJLTM). – 2018. – Volume 8, Issue 6. – Pp. 70–78.
19. Cárdenas-Robledo, L. A. Ubiquitous learning to enhance lab practice / L. A. Cárdenas-Robledo, A. Peña-Ayala // Modern Journal of Language Teaching Methods (MJLTM). – 2018. – Volume 8, issue 6. – Pp. 62–69.
20. The Model Of Supporting Technical Students In Their Professional Self-Definition / E. V. Zautorova, L. V. Konovalova, A. V. Vilkova, V. M. Litvishkov, F. I. Kevlya // Modern Journal of Language Teaching Methods (MJLTM). – 2018. – Volume 8, issue 6. – Pp. 426–431.
21. University Pedagogical System And Its Focus On Destructive Student Behavior Overcoming / A. V. Kiryakova, A. V. Samigulina, E. R. Khairullina, A. Ya. Melnikova, R. R. Denisova, A. M. Ishmuradova // Modern Journal of Language Teaching Methods (MJLTM). – 2018. – Volume 8, issue 6. – Pp. 223–232.

REFERENCES

1. Batishcheva E.V. Training workplaces and their role in the training of specialists for the penal system. *Vedomosti ugotovno-ispolnitel'noi sistemy=Bulletin of the Penal System*, 2014, no. 6 (145), pp. 46–48. (In Russ.).

2. Bryzgalova I.V. Boosting the educational and cognitive activity in cadets of higher education organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia as a pedagogical problem. *Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi zhurnal=International Penitentiary Journal*, 2016, no. 2 (6), pp. 62–66. (In Russ.).
3. Bryzgalova I.V., Zautorova E.V. Educational games as an interactive form of conducting classes in universities of the Federal Penitentiary Service of Russia. *Professional'noe obrazovanie i nauka=Professional Education and Science*, 2018, no. 4 (5), pp. 12–18. (In Russ.).
4. Viktorova T.V. Model of the process of forming moral and psychological resistance to the use of firearms by employees of the security Department of the Federal Penitentiary Service of Russia. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie=Modern Pedagogical Education*, 2020, no. 10, pp. 227–230. (In Russ.).
5. Dazmarova T.N. Implementation of a practice-oriented approach in training cadets of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia using educational workplaces. In: *Sub"ekty obrazovatel'noi deyatel'nosti v obrazovatel'nom prostranstve vuzov: vzaimodeistvie, samorazvitiye, sotrudnichestvo: sbornik materialov po itogam IV mezhvuzovskikh uchebno-metodicheskikh sborov professorsko-prepodavatel'skogo i nachal'stvuyushchego sostava obrazovatel'nykh organizatsii FSIN Rossii* [Subjects of educational activity in the educational space of universities: interaction, self-development, cooperation: proceedings of the 4th inter-university educational and methodological session of the teaching staff and the commanding staff of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia]. Ryazan: Akademiya FSIN Rossii, 2016. Pp. 24–29. (In Russ.).
6. Zautorova E.V., Viktorova T.V. Moral and psychological stability – the leading component of the effectiveness of professional activity of employees of the security department of correctional institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy=Bulletin of the Penal System*, 2018, no. 9 (196), pp. 11–18. (In Russ.).
7. Zautorova E.V. Professional and pedagogical competence of employees of the penal system and reformation of convicts. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie=Criminal-Executory System: Law, Economy, Management*, 2020, no. 3, pp. 34–37. (In Russ.).
8. Zautorova E.V., Kevlya F.I. Specifics of professional activity and personal characteristics of employees of the Federal Penitentiary Service of Russia. In: *Aktual'nye problemy organizatsii organov UIS i puti ikh resheniya : materialy mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati zasluzhennogo deyatelya nauki RSFSR, doktora yuridicheskikh nauk, professora A. I. Zubkova i Dnyu rossiiskoi nauki* [Topical issues of organization of the bodies of the penal system and the ways to solve them: proceedings of the inter-university research-to-practice conference dedicated to the memory of the Honored Scientist of the RSFSR, Doctor of Sciences (Law), Professor A.I. Zubkov and the Day of Russian Science]. Ryazan: APU FSIN Rossii, 2020. Pp. 117–121. (In Russ.).
9. Rudoi A.A. (Ed.). *Kadrovoe obespechenie ugolovno-ispolnitel'noi sistemy. Informatsionno-analiticheskii sbornik* [Staffing of the penal system. Information and analytical collection]. Tver': NIIT FSIN Rossii, 2019. 85 p.
10. Kusakin A.N., Yakushkin S.V., Tarasikov M.S. *Professional'naya adaptatsiya vypusnikov Akademii FSIN Rossii k funktsional'noi deyatel'nosti sotrudnika ugolovno-ispolnitel'noi sistemy: analiticheskii obzor* [Professional adaptation of graduates of the Academy of FSIN Russia to the work of an employee of the penal system: an analytical review]. Ryazan: Akademiya FSIN Rossii, 2007. 30 p.
11. Mishustin S.P. *Organizatsiya praktiko-orientirovannogo podkhoda v obuchenii kursantov FSIN Rossii* [Organization of a practice-oriented approach in the training of cadets of the Federal Penitentiary Service of Russia]. Available at: <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=2421> (accessed September 24, 2020).
12. *Ob obrazovanii v Rossiiskoi Federatsii: federal'nyi zakon ot 29.12.2012 № 273-FZ* [On education in the Russian Federation: Federal Law 273-FZ of December 29, 2012]. Available at: <http://ivo.garant.ru/#/document/70291362/paragraph/1/highlight/FZ-273:1> (accessed September 19, 2020).
13. *Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego obrazovaniya – spetsialitet po spetsial'nosti 40.05.02 Pravookhranitel'naya deyatel'nost': prikaz Ministerstva nauki i vysshego obrazovaniya Rossiiskoi Federatsii ot 28.08.2020 № 1131* [On approval of the federal state educational standard of higher education – specialist's program, specialty 40.05.02 – law enforcement: Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated August 28, 2020 No. 1131]. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202009150044> (accessed September 24, 2020).
14. Stepanova O.N. Features of professional adaptation of young employees to serve in the penal system. *Psikhologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya= Psychology and Pedagogy: Methods and Problems of Practical Application*, 2010, no. 11–1, pp. 226–231. (In Russ.).
15. *Tekhnologii AR i VR v obrazovanii* [AR and VR technologies in education]. Available at: <https://habr.com/ru/company/mailru/blog/435996/> (accessed August 1, 2021).
16. Khot'kina O.K. The use of the training workplace “Inspector of the special accounting department” in the implementation of the practical orientation of students. In: *Organizatsiya obrazovatel'nogo protsessa v vuzakh: sovremennoe sostoyanie, problemy i perspektivy: sbornik materialov nauchno-metodicheskoi konferentsii* [Organization of the educational process in universities: current state, problems and prospects: proceedings of a scientific and methodological conference]. Ryazan: Akademiya FSIN Rossii, 2017. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29728294> (accessed September 20, 2020). (In Russ.).
17. Bazhenova N.G., Bazhenov R.I. Psychological characteristics of students' self-organization: Personal and group levels. *Modern Journal of Language Teaching Methods (MJLTM)*, 2018, June, vol. 8, no. 6, pp. 11–18.
18. Balikaeva M.B. The interconnection between future engineers' professional mobility in higher school social and cultural environment. *Modern Journal of Language Teaching Methods (MJLTM)*, 2018, June, vol. 8, no. 6, pp. 70–78.
19. Cárdenas–Robledo L.A., Peña–Ayala A. Ubiquitous learning to enhance lab practice. *Modern Journal of Language Teaching Methods (MJLTM)*, 2018, June, vol. 8, no. 6, pp. 62–69.
20. Zautorova E.V., Konovalova L.V., Vilokova A.V., Litvishkov V.M., Kevlya F.I. The model of supporting technical students in their professional self-definition. *Modern Journal of Language Teaching Methods (MJLTM)*, 2018, June, vol. 8, no. 6, pp. 426–431.
21. Kiryakova A.V., Samigulina A.V., Khairullina E.R., Melnikova A.Ya., Denisova R.R., Ishmuradova A.M. University pedagogical system and its focus on destructive student behavior overcoming. *Modern Journal of Language Teaching Methods (MJLTM)*, 2018, June, vol. 8, no. 6, pp. 223–232.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЭЛЬВИРА ВИКТОРОВНА ЗАУТОРОВА – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, г. Вологда, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>, e-mail: elvira-song@mail.ru

ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА БОДРОВА – старший преподаватель-методист группы методического обеспечения учебного процесса учебного отдела Университета ФСИН России, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0629-7522>, e-mail: oag.bodrova@mail.ru

EL'VIRA V. ZAUTOROVA – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy, Psychological Faculty, Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation, corresponding member of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>, e-mail: elvira-song@mail.ru

ELENA V. BODROVA – senior lecturer and teacher trainer, group for methodological support of educational process, Department of Education, University of FSIN Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0629-7522>, e-mail: oag.bodrova@mail.ru

Статья поступила 29.09.2020

Педагогические аспекты предупреждения профессионального маргинализма как опасного психологического феномена в образовательном процессе ведомственных вузов

Л. В. КОВТУНЕНКО

Научно-исследовательский институт ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0030-4536>, e-mail: kovtunenkov@mail.ru

Е. И. МЕЩЕРЯКОВА

Военный учебный научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия им. проф. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина», г. Воронеж, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3726-5283>, e-mail: elenamsol@yandex.ru

Ю. Г. ХЛОПОВСКИХ

Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Воронеж, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3775-9665>, e-mail: flugel24@yandex.ru

Р е ф е р а т

Введение: статья посвящена анализу профессионального маргинализма, приобретающего в последние годы все большее распространение. Его предупреждение становится актуальной проблемой, которая требует исследования представителями различных научных областей: социологами, психологами, педагогами. При этом проблемы, связанные с предупреждением профессионального маргинализма как опасного психологического феномена, остаются малоисследованными, несмотря на свою высокую общественную, государственную и личностную значимость. Особенно опасным представляется развитие профессионального маргинализма у сотрудников силовых структур: военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов, в том числе системы исполнения наказаний, и др. Актуальность данной темы обусловлена увеличением количества сотрудников, проявляющих признаки профессионального маргинализма. *Цель:* на основе обобщения теоретических данных и опыта изучения проблемы профессионального маргинализма как опасного психологического феномена показать возможные способы его предупреждения и коррекции в образовательном процессе ведомственных вузов. *Методы:* теоретические (анализ, синтез, сравнение, систематизация, обобщение психолого-педагогической литературы по проблеме исследования, моделирование), эмпирические (опрос, тестирование, эксперимент), методы качественной и количественной обработки данных. *Результаты:* в ходе проведенного авторами исследования было выявлено, что среди опрошенных курсантов ведомственных образовательных организаций, в том числе ФСИН России, основная часть (69,0 %) склонна к проявлению амбивалентных чувств в отношении осваиваемой профессии; профессиональный маргинализм как антипод профессиональной приверженности проявляется у большинства курсантов (71,4 %) на среднем уровне. Лишь у пятой части обследуемых выявлен низкий уровень профессионального маргинализма. *Выводы:* анализ результатов диагностики состояния и динамики сформированности профессиональной идентичности курсантов показывает, что достигнутые показатели в целях предупреждения профессионального маргинализма должны быть увеличены. Это требует разработки и реализации программы повышения уровня сформированности профессиональной идентичности курсантов, включающей мероприятия, формы и методы их организации и проведения, направленные на предупреждение профессионального маргинализма сотрудников силовых ведомств. Существенную

роль в предупреждении зарождения и развития этого психологического феномена призвана сыграть образовательная (особенно воспитательная) деятельность педагогов в период подготовки специалистов в ведомственных вузах.

Ключевые слова: профессиональный маргинализм; профессиональная идентичность; предупреждение профессионального маргинализма; педагогические средства; образовательный процесс; ведомственная образовательная организация.

13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования.

Для цитирования: Ковтуненко Л. В., Мещерякова Е. И., Хлоповских Ю. Г. Педагогические аспекты предупреждения профессионального маргинализма как опасного психологического феномена в образовательном процессе ведомственных вузов. *Пенитенциарная наука*, 2021, т. 15, № 3 (55), с. 585–594. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-3-585-594.

Pedagogical Aspects Related to the Prevention of Professional Marginalism as a Dangerous Psychological Phenomenon in Educational Process at Departmental Universities

LYUBOV' V. KOVTUNENKO

Research Institute of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0030-4536>, e-mail: kovtunenkov@mail.ru

ELENA I. MESHCHERYAKOVA

Russian Air Force Military Educational and Scientific Center “Zhukovsky and Gagarin Air Force Academy”, Voronezh, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3726-5283>, e-mail: elenamsol@yandex.ru

YULIYA G. KHLOPOVSKIKH

Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Voronezh, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3775-9665>, e-mail: flugel24@yandex.ru

Abstract

Introduction: the article analyzes professional marginalism, which became increasingly widespread in recent years. Preventing marginalism becomes an urgent issue for representatives of various scientific fields: sociologists, psychologists, and teachers. At the same time, there is still an insufficient amount of studies on the problems associated with the prevention of professional marginalism as a dangerous psychological phenomenon, despite their high social, national and personal significance. The development of professional marginalism is especially dangerous among employees of law enforcement agencies: military personnel, law enforcement officers, correctional officers, etc. The relevance of this topic is due to the increase in the number of officers who show signs of professional marginalism. *Aim:* we review theoretical data and experience in studying the problem of professional marginalism as a dangerous psychological phenomenon so as to show possible ways of its prevention and correction in the course of educational process at departmental universities. *Methods:* theoretical (analysis, synthesis, comparison, systematization, generalization of psychological and pedagogical literature on the research problem, modeling), empirical (survey, testing, experiment), qualitative and quantitative data processing. *Results:* in the course of the research we have revealed that among the interviewed cadets of departmental educational organizations, including the Federal Penitentiary Service of Russia, the majority (69.0%) tend to show ambivalent feelings about the profession they are mastering; professional marginalism as the antipode of professional commitment is manifested in the majority of cadets (71.4%) at the median level. Only a fifth of the surveyed cadets showed a low level of professional marginalism.

Conclusions: having analyzed the results of the assessment of the state and dynamics of the level of professional identity in cadets, we see that the achieved indicators should be increased in order to prevent professional marginalism. It can be achieved by developing and implementing a program to increase the level of formation of the professional identity in cadets. The program should include activities, forms and methods of their organization and implementation, aimed at preventing professional marginalism among law enforcement officers. An essential role in preventing the emergence and development of this psychological phenomenon belongs to educational (especially pedagogical) activities of lecturers in the course of training specialists in departmental universities.

Keywords: professional marginalism; professional identity; prevention of professional marginalism; pedagogical means; educational process; departmental educational organization.

13.00.01 – General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Kovtunen L.V., Meshcheryakova E.I., Khlopovskikh Yu.G. Pedagogical aspects related to the prevention of professional marginalism as a dangerous psychological phenomenon in educational process at departmental universities. *Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 3 (55), pp. 585–594. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-3-585-594.

Введение

Комплексных исследований педагогических аспектов предупреждения профессионального маргинализма отечественными учеными-педагогами до настоящего времени не проводилось. В то же время для зарубежных исследователей, как отмечает С. В. Оболкина на основе проведенного анализа работ З. Баумана, Х. Вильджоена, Р. Э. Парка, К. Мяло, В. Тэрнера, Т. Шибутани, А. Фаржа и др., «тема маргинальности – одна из самых востребованных и разработанных в различных сферах науки» [8, с. 7].

В нашей стране философский анализ проблемы маргинальности содержится в работах М. К. Мамардашвили, В. С. Мартынова, С. В. Оболкиной, Ю. Н. Солонина и др.

Социологи активно исследуют маргинализм как социальное явление (И. П. Попова, С. П. Гурин, О. А. Корнилова, Л. И. Кемалова и др.), психологи (С. Н. Вайтулевич, Е. П. Ермолаева, С. А. Минюрова, С. Э. Полякова, Н. А. Сайнакова и др.) изучают его как психологический феномен, а правоведы (С. И. Кириллов, О. В. Лобовиков, Е. В. Садков, Р. Ф. Степаненко и др.) рассматривают правовые условия возникновения и последствия маргинального поведения личности, а также способы их преодоления посредством совершенствования действующего законодательства.

Для выявления возможностей предупреждения профессионального маргинализма как опасного психологического феномена в образовательном процессе ведомственных вузов особенно важное значение приобретают результаты психолого-педагогических исследований [12; 13].

Определяя актуальность и значимость изучения педагогических аспектов проблемы предупреждения профессионального маргинализма сотрудников силовых структур, мы обращаем внимание на следующие противоречия:

– между высокой значимостью для общества, государства и его граждан надлежащего исполнения профессиональных обязанностей военнослужащими, сотрудниками правоохранительных органов, уголовно-исполнительной системы и др., глубоким осознанием ими важности профессиональной деятельности и своей ответственности за ее результаты, с одной стороны, и неприятием некоторыми из них профессиональных ценностей, утратой (отсутствием) чувства принадлежности к профессии и самоотрицанием профессии, потерей интереса к исполнению профессиональных обязанностей и личностной значимости профессии, с другой стороны;

– между растущим значением сформированной у сотрудников профессиональной идентичности как концептуально полярного по отношению к профессиональному маргинализму психологического феномена, с одной стороны, и недостаточной готовностью педагогических коллективов ведомственных вузов к предупреждению развития маргинализма посредством осуществления целенаправленной образовательной деятельности, результатом которой становится высокий уровень профессиональной идентичности выпускников, – с другой.

Основная часть

Исследователями профессионального маргинализма как психологического фе-

номена отмечается, что он, несмотря на гораздо меньшую изученность, нежели популярный феномен «профессиональная идентичность», представляет собой довольно распространенное явление, особенно в социально-экономических профессиях.

В отличие от профессиональной идентичности, в обобщенном виде представляющей «отождествление себя с конкретной профессией и профессиональным сообществом» [3, с. 3], профессиональный маргинализм является «поведенческим и концептуальным антагонистом профессиональной идентичности», отражает личностную позицию неприятия профессиональной ментальности, непричастности к собственной профессии [5, с. 69–70].

В отличие от Е. П. Ермолаевой, А. И. Калашников и С. А. Минюрова рассматривают профессиональный маргинализм как антоним не профессиональной идентичности, а профессиональной приверженности, то есть «состояния преданности, верности, возникшего на основе идентификации себя с профессией, отражающего стойкое, неизменное и правдивое отношение, включающего в себя готовность принимать обязательства и полностью (эмоционально и интеллектуально) отдавать себя профессии или профессиональному делу» [6, с. 7].

С. Н. Вайтулевич характеризует профессиональный маргинализм как такое состояние индивида, при котором у него «нет четких правил поведения и размыты ценности» и в основе которого лежит «неустойчивость, разрегулированность норм и ценностей индивида» [2, с. 63].

Одним из наиболее ярких проявлений профессионального маргинализма выступает кардинальное изменение в восприятии специалистом человека (клиента, пациента, ученика, подчиненного из числа личного состава в силовых структурах): отношение как к субъекту профессиональной деятельности уступает место отношению исключительно как к объекту воздействия, манипуляций. Поведение специалиста отличается от профессионально декларируемого, направлено на реализацию внепрофессиональных личных целей, отличных от социально и профессионально приемлемых. Это выражается в профессиональных ошибках, пренебрежении к выполнению должностных обязанностей и ненадлежащем их выполнении, использовании профессионального положения в уз-

количностных интересах, потребительском отношении к профессии.

На основе анализа исследований ученых-психологов можно выделить ряд причин объективного и субъективного характера, обуславливающих профессиональный маргинализм: нестабильность социально-экономических условий; низкий уровень социально-правовой организации макроструктуры профессии; инверсия нравственных и моральных ценностей в обществе, отрицание профессиональных ценностей; процессы реформирования на уровне отрасли, ведомства, организации, к которым специалист не может адаптироваться; нивелирование социальной значимости профессиональной деятельности и ее результатов; внутриличностный конфликт, возникающий при необходимости сделать выбор между выполнением профессиональной деятельности, не приносящей награды, и отказом от выполнения должностных обязанностей даже в случае угрозы санкций; изначально не сформированная профессиональная идентичность (в силу отсутствия склонности к профессии, неэффективной профессиональной адаптации и др.); деструктивное переживание профессионального кризиса и др.

Таким образом, можно однозначно утверждать, что профессиональный маргинализм – это возникающий в силу объективных причин сложный психологический феномен, то есть явление, данное в опыте и доступных априорных формах чувственного созерцания [7], требующий разностороннего анализа.

В основу исследования педагогических аспектов предупреждения профессионального маргинализма будущих специалистов в образовательном процессе ведомственных вузов положено утверждение Е. П. Ермолаевой о том, что профессиональный маргинализм развивается под влиянием «нарушения связей каждой пары в триаде "человек – профессия – общество": нарушение связей "человек – профессия" провоцирует снижение социально приемлемого уровня профессионализма; нарушение связей "человек – общество" приводит к нарастанию противоречия между значением и смыслом профессии; при нарушении связей "профессия – общество" снижается порог моральных запретов» [4, с. 16].

Предупреждение возникновения и развития указанных нарушений в триаде «человек – профессия – общество» целесообразно

но осуществлять уже в образовательном процессе ведомственных вузов, где начинается путь курсантов в избранную профессию.

Педагогическую проблему, связанную с предупреждением профессионального маргинализма будущих специалистов силовых структур в связи с нарушением попарных связей в указанной триаде, можно в общем виде сформулировать следующим образом: как в образовательном процессе ведомственных вузов обеспечить формирование личностных и профессионально значимых качеств будущих специалистов, создающих основу для мотивации развития профессионализма, глубокого понимания смысла и значения профессии, исключающих снижение «порога моральных запретов», то есть предупреждающих становление и развитие профессионального маргинализма как опасного психологического феномена?

Для ответа на этот вопрос необходимы комплексные психолого-педагогические исследования. В рамках их проведения важно учитывать, что «научное исследование – это, прежде всего, аналитическое разложение исходного феномена на множество подлежащих рассмотрению элементов» [1, с. 20].

В своей работе мы изучаем возможности предупреждения профессионального маргинализма будущих специалистов в образовательном процессе ведомственных вузов именно в аспекте такого «аналитического разложения» в соответствии с установленной триадой «человек – профессия – общество».

Что касается предупреждения нарушения связей «человек – общество», то здесь особую роль призвано сыграть аксиологическое осмысление курсантами значимости для общества глубокого понимания ими морально-нравственных ценностей, присущих представителям избранной профессии. На необходимость «укреплять в новых поколениях проверенные самой жизнью базовые ценности, которые отражают наши традиции, национальную идентичность, весь исторический путь России с ее испытаниями и триумфами» неоднократно обращал внимание В. В. Путин [9].

Трудности формирования базовых ценностей в системе морально-нравственных ценностей курсантов на современном этапе общественного развития во многом связаны с тем, что система ценностей молодежи, в том числе и курсантов ведомственных ву-

зов, претерпевает в настоящее время существенные изменения [14]. Не вдаваясь в анализ их причин, особенностей и проявлений, приведем ряд наиболее характерных для философских и социологических исследований позиций, нашедших отражение в публикациях молодых ученых.

Например, К. С. Таланова уверена в том, что «наша страна находится в глубочайшем духовном кризисе, потеряны привычные ориентиры и смыслы» [10, с. 179], И. Н. Ткаченко и З. В. Берсунькаева убеждены, что «в настоящее время у молодежи наблюдается ценностный упадок: происходят трудные, в то же время непоследовательные процессы, свидетельствующие о пересмотре серии ценностей предыдущих поколений» [11, с. 518].

Существенные изменения, затрагивающие систему морально-нравственных ценностей, требуют пересмотра содержания и форм воспитания будущих специалистов в образовательном процессе ведомственных вузов, где эти ценности формируются главным образом в процессе воспитания. При этом в системе личностных морально-нравственных ценностей важно сохранить такие базовые вещи, как верность долгу, честь, достоинство, мужество, любовь к Родине, высокая воинская дисциплина и др.

Предупреждение нарушения связей «профессия – общество» целесообразно осуществлять посредством формирования у будущих специалистов системы морально-нравственных ценностей, адекватных требованиям предстоящей им профессиональной деятельности: гуманизма, ответственности, патриотизма, гражданственности, коммуникабельности, решительности, честности, справедливости и др.

Предупреждение нарушения связей «человек – профессия» требует создания основ для становления и развития профессионализма. Как профессионал, сотрудник силовых ведомств должен быть способен решать поставленные задачи независимо от условий обстановки. Комплекс специальных знаний, навыков, умений, компетенций, характеризующих офицера, включает компетентность, дисциплинированность, командирскую волю, организаторские способности, творческую активность, психологические и физические качества, необходимые в том или ином виде деятельности.

В целях констатации состояния профессиональной идентичности курсантов

на разных стадиях получения ими профессионального образования и определения уровня профессиональной приверженности и профессионального маргинализма было проведено пилотажное исследование с участием 42 курсантов Воронежского ин-

ститута ФСИН России. Модифицировав для целей исследования «Опросник профессиональной приверженности», разработанный А. И. Калашниковой и С. А. Минюровой, мы получили результаты, представленные в табл. 1.

Таблица 1

Дифференцированные группы курсантов по уровню профессиональной приверженности и профессионального маргинализма (в %)

Показатели	Уровни	Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень
Компоненты профессиональной приверженности				
1. Профессиональная аффективность		31,0	69,0	0,0
2. Профессиональная активность		61,9	39,1	0,0
3. Стабильность		21,4	78,6	0,0
Профессиональный маргинализм		8,5	71,4	20,1

На основе полученных результатов можно заключить, что у подавляющего большинства курсантов профессиональная приверженность доминирует над профессиональным маргинализмом. При этом наиболее выраженным фактором профессиональной приверженности выступает профессиональная активность (у 61,9 % курсантов выявлен высокий уровень сформированности данного компонента), состоящая в готовности интеллектуально и эмоционально отдавать себя осваиваемой профессии, стремлении к профессиональному самосовершенствованию, максимальной включенности в деятельность.

Профессиональная аффективность, которая проявляется в эмоционально положительном отношении к профессии, у трети курсантов сформирована на высоком уровне. Эти обучающиеся испытывают чувство гордости от принадлежности к профессии, эмоционально привязаны к ней и воспринимают профессиональную составляющую как гармоничную часть собственной личности. Основная часть опрошенных (69,0 %) склонна к проявлению амбивалентных чувств в отношении осваиваемой профессии. Курсанты из этой группы в целом воспринимают свой профессиональный выбор как верный, проявляют тенденцию к интериоризации профессиональных целей и ценностей, что способствует формированию профессиональной ментальности. Они не отвергают профессию, не расценивают ее как неприемлемую для себя, однако и не испытывают выраженной привязанности и удовлетворенности.

Профессиональная стабильность, отражающая чувство профессионального дол-

га, осознание сложности ухода из профессии по причине существенных временных и энергетических вложений в ее освоение, у большинства курсантов (71,4 %) проявляется на среднем уровне. Смена профессии для этих опрошенных в значительной степени неприемлема именно из-за нежелания искать другое место учебы и последующей работы, а не из-за приверженности профессии. Для пятой части опрошенных наиболее существенными последствиями ухода из профессии выступают необходимость поиска другой образовательной организации, невозможность реализовать в новой профессии определенные потребности, нежелание терять затраченные на освоение нынешней профессии время, энергию, иные ресурсы.

Профессиональный маргинализм как антипод профессиональной приверженности у большинства курсантов (71,4 %) проявляется на среднем уровне. Включившись в учебно-профессиональную деятельность, имея к третьему году обучения определенный уровень сформированности профессиональной ментальности, будущие сотрудники ФСИН России уже испытывают некоторое неприятие в отношении профессиональных норм и ценностей, ощущение непричастности к выполнению осваиваемой профессиональной роли. Не успев еще в полной мере погрузиться в профессиональную деятельность, осознать ее преимущества и недостатки, они проявляют довольно выраженную ментальную непричастность к профессии.

Лишь у пятой части обследуемых выявлен низкий уровень профессионального марги-

нализма, что указывает на отсутствие у этих курсантов самоотрицания в профессии, ее личностной незначимости, ощущения не-причастности к профессиональной роли.

Оценка профессиональной идентичности осуществлялась с использованием определенного в соответствии с целями констатирующего эксперимента диагностического инструментария, позволяющего определить уровни сформированности изучаемого феномена в целом и по его укрупненным структурным компонентам – ценностному, деятельностному и рефлексивному. В процессе проведения диагностики использованы: для ценностного компонента – методика смысловых жизненных ориентаций Д. А. Леонтьева и

методика «Ценностные ориентации» М. Рокича; для деятельностного компонента – методика изучения статусов профессиональной идентичности А. А. Азбель и методика «Исследование идентификации» Б. Лонга, Р. Зиллера, Р. Хендерсона; для рефлексивного компонента – методика «Исследование рефлексивности» А. В. Карпова и методика «Диагностика уровня эмпатических способностей» В. В. Бойко.

С использованием 9-балльной шкалы оценок, значения которых распределены по уровням (1–3 – низкий, 4–6 – средний, 7–9 – высокий), были получены результаты, представленные в табл. 2.

Таблица 2

Средние значения показателей сформированности профессиональной идентичности курсантов Воронежского института ФСИН России

Критерии оценки сформированности профессиональной идентичности	Изменение средних значений показателей по укрупненным компонентам профессиональной идентичности	
	Промежуточный контроль (3 курс) / входной контроль (1 курс)	Итоговый контроль (5 курс) / входной контроль (1 курс)
Ценностный	4,37 / 2,53	5,06 / 2,53
Деятельностный	4,02 / 2,44	5,21 / 2,44
Рефлексивный	4,81 / 2,26	5,04 / 2,26
Общее среднее значение по всем критериям	4,40 / 2,41	5,10 / 2,41

Наглядное представление о динамике сформированности профессиональной идентичности курсантов дает следующая диаграмма:

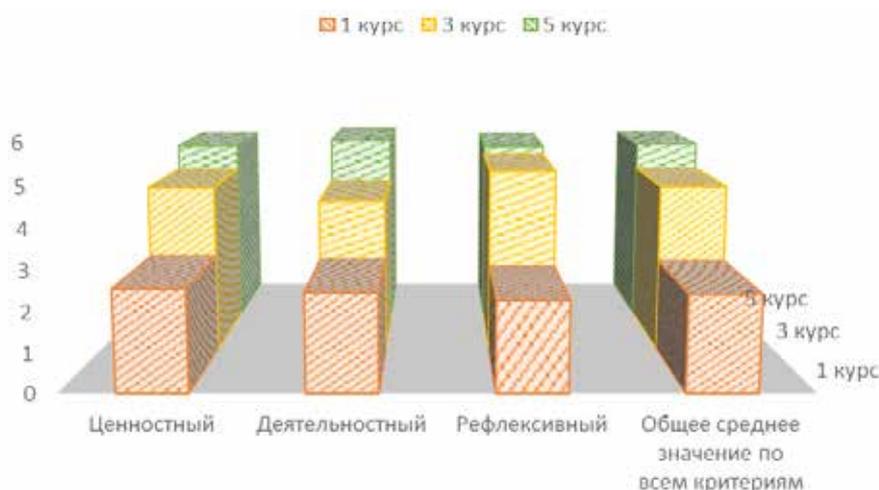

Рис. Динамика показателей профессиональной идентичности курсантов, определенных по итогам диагностики на 1, 3 и 5 курсах обучения

Полученные результаты свидетельствуют о том, что курсанты первого года обучения находятся преимущественно на низком

уровне сформированности профессиональной идентичности (средний суммарный показатель – 2,41). При этом несколько выше

среднего значения показатели ценностного критерия, что объясняется ценностно-смысловыми ориентациями поступающих при выборе будущей профессии. Существенно ниже среднего значение показателей рефлексивного критерия, что связано с недостаточным развитием способностей курсантов первого года обучения к самооценке и самоанализу процесса и результатов деятельности в соответствии с избранной профессией. Значения показателей, полученные по итогам промежуточного контроля, проведенного на 3 курсе обучения, свидетельствуют о том, что большинство курсантов поднимаются на средний уровень сформированности профессиональной идентичности, однако находятся на нижней его границе. При этом более высоких значений достигают показатели рефлексивного критерия, что во многом связано с развитием рефлексивности и эмпатических способностей. При этом самыми низкими становятся показатели динамики ценностного критерия, что свидетельствует об изменении ценностных ориентаций курсантов в процессе обучения. Результаты итогового контроля, проведенного на 5 курсе обучения, подтверждают достижение большинством курсантов среднего уровня сформированности профессиональной идентичности, но значения показателей оказываются близкими к верхнему пределу, установленному для среднего уровня. Самыми высокими оказались значения показателей деятельности критерия, что отражает в целом позитивное отношение к той профессиональной деятельности, которую предстоит осуществлять выпускникам ведомственного вуза.

Заключение

Анализ результатов диагностики состояния и динамики сформированности профессиональной идентичности курсантов в целом показывает, что в целях предупреждения

профессионального маргинализма достигнутый ее уровень должен быть повышен. Это требует разработки и реализации соответствующей программы, включающей мероприятия, формы и методы их организации и проведения, направленные на предупреждение профессионального маргинализма сотрудников силовых ведомств.

К сожалению, в среде молодежи в России формируется общество профессиональных маргиналов. Социальной нормой для них становится профессиональный маргинализм, возникающий на фоне негативизма к обществу, отрицания многих его ценностей, в том числе и профессиональных, искажения представлений о достойном образе жизни. Потенциальные маргиналы, как правило, становятся или безработными, или действующими профессиональными маргиналами, для которых не стоит вопрос о профессиональном удовлетворении, ведь профессия для них – лишь способ заработка.

Профилактика и коррекция профессионального маргинализма, на наш взгляд, должны состоять в восстановлении профессиональной идентичности сотрудника, моделировании проблемных педагогических ситуаций, развивающих креативность и ответственность, реализующих потребность в признании, удовлетворении профессиональных амбиций. Достижению обозначенных целей помогают технологии построения индивидуальных траекторий и сценариев профессионального развития, психологическое консультирование и сопровождение, в ходе чего обсуждаются конкретные поступки, действия, возникающие трудности и т. п. Использование интерактивных технологий будет способствовать снижению профессиональных деструкций и повышению эффективности профессиональной деятельности будущего сотрудника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алехин, А. Н. Психологический феномен как методологическая проблема / А. Н. Алехин // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2013. – № 155. – С. 16–22.
2. Вайтулевич, С. Н. Маргинальное сознание и поведение как аспект социально-психологической организации маргинальной личности / С. Н. Вайтулевич // Успехи современного естествознания. – 2007. – № 2. – С. 60–81.
3. Диденко, А. А. Профессиональная идентичность военнослужащих внутренних войск МВД России / А. А. Диденко, И. В. Диденко // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2013. – № 4 (55). – С. 3–7. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-identichnost-voennoslužhaschih-vnutrennih-voysk-mvd-rossii> (дата обращения: 29.11.2020).
4. Ермолаева, Е. П. Мультидисциплинарный подход в модели «человек – профессия – общество» / Е. П. Ермолаева // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. – 2017. – Том 2, № 1. – С. 3–22.
5. Ермолаева, И. П. Профессиональная идентичность и маргинализм: концепция и реальность / И. П. Ермолаева // Психологический журнал. – 2001. – Том 22, № 4. – С. 51–60.

6. Калашников, А. И. Профессиональная приверженность и профессиональный маргинализм педагогов / А. И. Калашников, С. А. Минюрова // Психологическая наука и образование. – 2017. – Том 22, № 5. – С. 5–13.
7. Михайлов, И. А. Феномен / И. А. Михайлов // Новая философская энциклопедия. – URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHc26f429f6526f3c83ca4c2?p.s=TextQuery> (дата обращения: 29.11.2020).
8. Оболкина, С. В. Философский анализ проблемы маргинальности / С. В. Оболкина // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2018. – Том 18, вып. 2. – С. 7–20. – DOI 10.17506/ryip.2016.18.2.720.
9. Путин: программа патриотического воспитания должна основываться на базовых ценностях // ТАСС : сайт. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/7325009> (дата обращения: 17.12.2020).
10. Таланова, К. С. Ценностное ядро духовно-нравственного кризиса: дефиниции, типологии, система ценностей / К. С. Таланова // Вестник Московского университета. Серия 18 : Социология и политология. – 2014. – № 3. – С. 179–199.
11. Ткаченко, И. Н. Проблемы формирования системы морально-нравственных ценностей у современной российской молодежи / И. Н. Ткаченко, З. В. Берсуньяева // Молодой ученый. – 2017. – № 15 (149). – С. 518–520.
12. Psychological and Pedagogical aspects of increasing the educational process efficiency in a university for specialists in the field of physical education and sport / I. P. Gladilina, A. V. Yumashev, T. I. Avdeeva, A. A. Fatkullina, E. A. Gafiyatullina // *Espacios*. – 2018. – Volume 39, no. 21. – P. 11.
13. Psychological and pedagogical support for deviant behavior prevention in professional education organizations / Marina G. Sergeeva, Vladimir M. Litvishkov, Alexander M. Nikitin, Sergey N. Salun, Julia M. Kalinina, Ekaterina V. Nagornova, Olga B. Lobanova // *Revista inclusiones*. – 2020. – Volume 7, no. S 2-1. – Pp. 157–166.
14. Technology and innovation in the development of cognitive activity / M. G. Sergeeva, A. V. Vilkova, V. M. Litvishkov, L. V. Kovtunen, D. V. Lukashenko, E. M. Klimova // *International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering*. – 2019. – Volume 8, no. 12. – Pp. 1050–1055. – DOI 10.35940/ijitee.K2266.1081219.

REFERENCES

1. Alekhin A.N. Psychological phenomenon as a methodological problem. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena=Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2013, no. 155, pp. 16–22. (In Russ.).
2. Vaitulevich S.N. Marginal consciousness and behavior as an aspect of the socio-psychological organization of a marginal personality. *Uspekhi sovremenogo estestvoznaniya=Advances in Current Natural Sciences*, 2007, no. 2, pp. 60–81. (In Russ.).
3. Didenko A.A., Didenko I.V. Professional identity of servicemen of the internal troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh=Psychopedagogy in Law Enforcement Agencies*, 2013, no. 4 (55), pp. 3–7. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-identichnost-voennosluzhaschih-vnutrennih-voysk-mvd-rossii> (accessed November 29, 2020). (In Russ.).
4. Ermolaeva E.P. Multidisciplinary approach to the “person – profession – society” model. *Institut psikhologii rossiiskoi akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda=Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Labor Psychology*, 2017, vol. 2, no. 1, pp. 3–22. (In Russ.).
5. Ermolaeva I.P. Professional identity and marginalism: the concept and reality. *Psikhologicheskii zhurnal=Psychological Journal*, 2001, vol. 22, no. 4, pp. 51–60. (In Russ.).
6. Kalashnikov A.I., Minyurova S.A. Professional commitment and professional marginalism in teachers. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie=Psychological Science and Education*, 2017, vol. 22, no. 5, pp. 5–13. (In Russ.).
7. Mikhailov I.A. Phenomenon. In: *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Philosophical Encyclopedia]. Available at: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHc26f429f6526f3c83ca4c2?p.s=TextQuery> (accessed November 29, 2020). (In Russ.).
8. Obolkina S.V. Philosophical analysis of marginality problem. *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk=Research Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, 2018, vol. 18, no. 2, pp. 7–20. – DOI 10.17506/ryip.2016.18.2.720. (In Russ.).
9. Vladimir Putin: a program for patriotic education should be based on core values. *TASS website*. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/7325009> (accessed December 17, 2020). (In Russ.).
10. Talanova K.S. Core of values spiritual and moral crisis: definitions, typologies, values. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya=Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 2014, no. 3, pp. 179–199. (In Russ.).
11. Tkachenko I.N., Bersun'kaeva Z.V. Problems of forming a system of moral values in modern Russian youth. *Molodoi uchenyi=Young Scientist*, 2017, no. 15 (149), pp. 518–520. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА КОВТУНЕНКО – доктор педагогических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела разработки методологий социальной, психологической, воспитательной и педагогической работы с осужденными НИЦ-2 Научно-исследовательского института ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0030-4536>, e-mail: kovtunenkov@mail.ru

ЕЛЕНА ИВАНОВНА МЕЩЕРЯКОВА – доктор педагогических наук, профессор, старший научный сотрудник Военного учебного научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия им. проф. Н. Е. Жу-

LYUBOV' V. KOVTUNENKO – Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, Senior Researcher at the Department for Development of the Methodology of Social, Psychological, Educational and Pedagogical Work with Convicts, Scientific Research Center-2, Research Institute of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0030-4536>, e-mail: kovtunenkov@mail.ru

ELENA I. MESHCHERYAKOVA – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Senior Researcher at Russian Air Force Military Educational and Scientific Center “Zhukovsky and Gagarin Air Force Academy”, Voronezh, Russian

ковского и Ю. А. Гагарина», г. Воронеж, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3726-5283>, e-mail: elenamsol@yandex.ru

ЮЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА ХЛОПОВСКИХ – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Воронежского института Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Воронеж, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3775-9665>, e-mail: flugel24@yandex.ru

Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3726-5283>, e-mail: elenamsol@yandex.ru

YULIYA G. KHLOPOVSKIKH – Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor, associate professor at the Department of Socio-Humanitarian Disciplines, Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Voronezh, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3775-9665>, e-mail: flugel24@yandex.ru

Статья поступила 03.03.2021

JURISPRUDENCE

DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-3-595-604

UDC 342

Transformation of the Image Status of the Penal System in the Context of the Cyclical Political Genesis of Russia

ILYAS A. ERMOLAEV

Center for Public Relations of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation, Research
Institute of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation

e-mail: ErmolaevIA@admhmao.ru

ALEKSANDR N. KOROBV

adviser to the Director of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation

e-mail: udmail@fsin.gov.ru

VLADISLAV YU. PANCHENKO

Legal Department of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation,
Research Institute of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation,
Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-4822-7151, e-mail: panchenkovlad@mail.ru

LARISA A. PETRUCHAK

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

e-mail: lar-petruchak@yandex.ru

ROMAN A. ROMASHOV

Vologda Institute of Law and Economics FSIN Russia, Vologda, Russian Federation,
Korolev Samara National Research University, Samara, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9777-8625>, e-mail: romashov_tgp@mail.ru

Abstract

Introduction: being a structural and functional element of the state mechanism (a kind of “state within the state”), the prison system is transforming along with it. Accordingly, the image status of the prison itself and representatives of prison authorities and prison population is also changing. *Aim:* to conduct a comprehensive analysis of the image status of individual social systems on the example of the penal system so as to identify the features of its formation and ways of optimization. We bring to the fore the problem of understanding the term “system” in the context of the image status of the social system in general and the penal system in particular. We highlight the formation of semantic images and image statuses on the example of three social institutions (school, army, prison), which are similar in terms of parametric characteristics and functioning and qualitatively different in image status. The article comprehensively examines the bipolar image of the penal system: on the one hand, prison is inextricably linked with human misfortune, an evil that cannot be treated positively; on the other hand, as an instrument of state law enforcement policy, the prison guarantees the inevitability of punishment for a crime, ensuring the

execution of punishment, protecting law-abiding citizens, which is a good thing for society and the state. *Methods*: comprehensive and systematic analysis, which made it possible to compare the penal system with other public institutions at various stages of the political genesis of Russia. *Results*: the features of formation and functioning of the image status of the Russian penal system are considered in the context of the concept of cyclic political genesis. In accordance with this concept, in relation to the history of the unified Russian state, three cycles should be distinguished (imperial, Soviet, post-Soviet). Within the framework of each of them, Russia had qualitatively different forms of state government, economic order, social structure, etc. At the same time, in such different Russian states, there were different models of prison systems, the formation and functioning of which, as well as the transformation of the image status, was carried out under the influence of state prison policy and under the influence of public consciousness (national mentality). *Conclusions*: the current state of the Russian penal system can be described as transitional. Along with the legacy of the Soviet past, we observe serious changes proceeding from democratization and humanization of the political and legal system of the Russian Federation. Transformation of the image of the penal system is aimed at increasing the level of its openness and forming a positive opinion about its activities. It is important that in the public consciousness the image of the penal system as a predominantly punitive prison system gradually be replaced by the idea of it as a penitentiary system, which is concerned primarily with “revival of the essence of humanity” in a person through awareness and repentance. As for the image status of employees of the penal system, the state can optimize it first of all by equalizing their official status with that of military personnel and special services employees, who, like representatives of the prison system, serve the Russian state, but are in a privileged position in relation to them. Increasing the prestige of the service in the penal system in the eyes of actual or potential employees implies the rejection of such differentiation.

Key words: image; image status; image transformation; penal system; prison; prison administration; convicts; penal servitude; regularity; criminal prosecution; execution of punishment; Concept for development of the penal system, theory of law.

12.00.01 – Theory and history of law and the state; history of the teachings of law and the state.

For citation: Ermolaev I.A., Korobov A.N., Panchenko V.Yu., Petrushak L.A., Romashov R.A. Transformation of the image status of the penal system in the context of the cyclical political genesis of Russia. *Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 3 (55), pp. 595–604. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-3-595-604.

System image: development of a working definition of the concept

The word image in the Russian language means “an artificially formed impression of a subject or object that helps people around it get a certain psychological perception of it” [7]. From the above definition, it is possible to distinguish the following signs that characterize the image:

- sociality – the image represents a phenomenon of human culture that arises and exists in inextricable connection with the world of human (social) relations;

- formality – by representing an outwardly expressed logical speculative construction, the image is consolidated in certain relatively stable forms of public (individual and collective) consciousness and thus receives both official and unofficial recognition and evaluation;

- inertia – stability in relation to internal and external impact factors; being formed in the public consciousness, the image, as a rule, does not undergo significant changes in the historical dynamics;

- ability to change – the image can change under the influence of subjective factors, and the changes can be both reversible and irreversible.

Being an evaluative category, the image occupies a rather important place in the system of two-dimensional social differentiation, which divides the whole set of social phenomena and events into two conditional groups: positive (the image as a reflection of good, justice, legality) and negative (the image as a reflection of evil, injustice, illegality).

An image-based characteristic in all cases is system-wide and involves the creation of a kind of public reputation both inside the system in which the image carrier is located and outside it. At the same time, the existence of image dichotomy is normal; in such a case the same subject is endowed with opposite images in different image-forming environments. It is also normal that within the same social environment, there may be a change in the image from positive to negative and vice versa.

We can see a telling example of image dichotomy in the assessments of the October events of 1917 in Russia by those who won the revolution and created a new historical type of state and those who simultaneously turned from the ruling class into “remnants of the old world” to be disposed of in the “dump of history”.

An example of a change in the image assessment is the transformation of the image of Joseph Stalin, who acted as a political extremist for the tsarist government, was considered during his reign as the “great leader” of the Soviet people, then was denounced as the initiator of mass repressions against the same Soviet people, and now appears as an “effective manager” [13], whose leadership role is associated with the achievements of the Soviet state in economic and technological development, the victory in the Great Patriotic War (1941–1945), the formation of a world socialist system that successfully resists capitalist imperialism, etc.

Not only people and teams, but also social phenomena and events, living and inanimate nature objects can act as objects of image assessment. Thus, in his Address to the Federal Assembly of the Russian Federation in 2021, Russian President Vladimir Putin used the metaphorical image of “Shere Khan and Tabaki” – the villain characters from R. Kipling’s *Jungle Book* – to denote the policy of the “collective West” led by the United States, the policy that was unfriendly toward the Russian Federation [2].

Consideration of the image status of the social system in general and the penal system in particular¹, brings to the fore the problem of understanding the term “system”, which is used in a fairly large range of semantic contexts. Let us briefly focus on those of them that seem to be the most significant.

A system is a set of interrelated material (real) and immaterial (virtual) objects, the communication between which is of an ordered nature and entails the results that are the goal of the organization and functioning of the system structure (political system, legal system).

A system includes interrelated phenomena and events that characterize a certain stage (type) of socio-cultural development (slave-owning system, feudal system, bourgeois (capitalist) system, socialist system).

A system is an ordered set of knowledge about objective (nature) and subjective (cul-

ture) reality – an education system, a science system.

A system is the way in which technical products and mechanisms are arranged; the technology of mechanical and social processes; the structure of state institutions and public organizations (chronometry – the system of technical measurement of time, the system of state and municipal service).

The lack of a universal understanding of the system does not mean that it is impossible to determine its fundamental key feature, which, in our opinion, is regularity. Any system is based on a pattern, at the same time being its product and a reproduction tool.

Since the ancient period, scientific knowledge develops an understanding that the identification of any pattern and any system it determines, involves the following sequence:

- defining the set of parametric properties and characteristics that are necessary and sufficient for the formation of the relationship between phenomena and events that form a pattern;
- finding the factors determining mutual dependence between the identified phenomena and events;
- establishing the frequency of repetition necessary for determining alternating phenomena and events as regular [1].

Based on the above, we consider the following definition acceptable: a system is a set of elements ordered on the basis of regularity, and the interaction between the elements is aimed at achieving the effective consequences (targets) determined by the regularities.

It follows from the formulated definition that it is not the goal that determines the regularity, but on the contrary, the already established regularity allows us to determine the goal and set formal system parameters of a material or virtual object.

Consistency is a universal feature of both objective and subjective reality. However, if we talk about the image assessment of system entities, as well as about the system image status, then, of course, we should talk about subjective systems created by subjects of public relations and undergoing subjective perception and comprehension.

For example, if we consider social history as a system, then as an objective category (as a regularity of the “flow” of time and the process of socio-cultural changes determined by it), it does not depend on subjective perception and can neither be falsified, nor even changed,

¹Within the framework of this article, the terms “penal system” and “prison system” will be considered as synonymous and interchangeable categories.

since it is impossible to change what has already passed, i.e. ended, at the moment. At the same time, being the result of a subjective attitude on the part of those who are primarily interested in individual events and personalities in history (primarily national), which are significant not so much in terms of reliability as in their interpretative, proper image value, the description of historical versions reconstructed by individual authors who are pre-engaged in achieving certain results acquires a subjective character, by definition, not claiming objectivity and impartiality. Vladimir Lenin pointed out that “one cannot live in society and be free from society”. One cannot form a detached attitude toward the system while being its internal component or a contemporary.

It turns out that the image of any social system is subjective in all cases and is largely determined not by its functionality, but by a kind of “public relations” – PR, the main and only function of which is to introduce information about the subject of a PR campaign into the value range of any social group, in order to further consolidate its mythological paradigm as ideal (optimal) in the range of values of this social group, necessary for self-identification [4].

It turns out that the image of any social system is created by representatives of the social group by which the image status is consciously or unconsciously perceived as preferable.

School, army, prison: problems of formation of semantic images and image statuses

As mentioned earlier, consistency is an objective property of any comprehensively organized reality, regardless of whether it is expressed in material (real) or virtual forms. In turn, evaluating systems and endowing them with image statuses conditioned by value judgments is subjective.

Let us consider three systems that are very similar in terms of parametric characteristics of their organization and functioning, which in the public consciousness are endowed with qualitatively different image statuses: school (for the “purity” of comparative analysis, we will specify the subject of comparison and choose a boarding school from all the abundance of educational institutions), army, prison.

If we think beyond the emotional representation of these system categories, they become, if not identical, then at least quite similar both in organization and in functional technologies.

First of all, let us name similar characteristics of these social structures:

- the presence of an isolated environment in which an individual is staying – boarding school, prison, army barrack (military unit);
- corporate stratification of the “population” of the isolated environment – permanent composition (school administration, teachers, prison administration, command staff, officers and generals) and temporary composition (students, prisoners, soldiers and sergeants of military service);
- forced involvement of temporary personnel in an environment of temporary stay isolated from the “outside world”;
- the period of stay in an isolated environment established “from above” for temporary personnel (the period of school education, service in the army, serving sentences in institutions of the penal system);
- measures of legal responsibility (disciplinary, administrative, criminal) for violation of internal regulations and unauthorized leaving (escape, unauthorized absence, desertion) of the isolated environment of temporary stay;
- compulsory supervision and control by the permanent staff over temporary staff;
- the implementation of the functions of professional training, education, and the formation of corporate culture – it is for a reason that all these social environments are often informally called “schools of life”.

Speaking about the distinctive features, it is necessary first of all to highlight the features of intersubjective communication in the corresponding systems.

At school, this is a connection between generations of “fathers and children”, united by the goal of raising “builders of a positive future”.

The army team consists of soldiers and commanders who are “comrades, a military brotherhood”. The military tradition of saluting (greeting) is designed to symbolize the corporate solidarity of military personnel, regardless of their official status and place in the army hierarchy.

The main task of the military is to protect the Fatherland from the enemy. The latter is perceived not as a set of people possessing natural and positive rights, but as a “living force of the enemy”, the destruction of which with the help of various means and technologies is not only legalized, but is also considered as a manifestation of military valor and heroism, “if the enemy does not surrender, they are destroyed”.

As an example, we can cite the statement of Russian Defense Minister Sergei Shoigu that “Russian troops in Syria have destroyed more

than 133 thousand militants, including 4.5 thousand from the CIS countries" [16] and this despite the fact that there is no military or state of emergency regime in Syria, which means that there are no actual military operations.

Returning to the problem of the image of the above-mentioned systems, we should note that the school and the army are endowed with an invariable positive status in the public consciousness and are always associated with the social good.

The state's penal system, associated in the mass consciousness with the image of a prison, is also invariably perceived in a negative context. At the same time, the negative image of the prison is transferred to all its "inhabitants" represented by two social groups – prison administration and convicts (accused), the relations between which are permanently conflicted, due to the collision and confrontation of two regulatory and protective systems – legal and criminal. In addition, the relations between these groups cannot be considered by analogy with the "right of war", where, as already mentioned, during military operations, the parties abandon the communicative scheme "man – man", replacing it with the semantic construction "enemy – enemy". In prison, the conflicting parties are represented by people who, despite significant restrictions, have legal rights, the implementation and protection of which must be ensured by the state.

It turns out that on the one hand, the state forcibly puts a person in prison, and on the other hand, it is obliged to provide them with a certain level of security and comfort, which can be conditionally called "the minimum of human dignity".

Two key conclusions follow from the above. First, prison will always act as a system with a negative status, since it is associated in the public consciousness with the manifestation of social evil caused by the phenomena of crime and criminality. Second, being an isolated social environment that unites two permanently conflicting groups, a prison nevertheless represents a "world of human relations" in which relations between "warders" and "prisoners" do not allow physical destruction and should be built taking into account the coexistence of two regulatory systems – legal and criminal.

The image of the penal (prison) system: problems of the attitude of society and the state toward prison

The image of the penal system is a set of subjective ideas that form the psychological picture of the penal system ("prison") in the

public consciousness and determine its place in the system of the state and society.

The axiological approach to the understanding of the state and society involves the consideration of these categories as dichotomous complexes that combine opposable values, more precisely, values and anti-values. In such a system of axes, the good is opposed to the evil, the truthful is opposed to the false, the legal is opposed to the criminal, etc.

As previously noted, the prison system in the public consciousness is inextricably linked with the phenomena of crime and criminality and is perceived as a "place where criminals are held".

We should note at once that such a representation is nothing but an expression of the so-called "philistine" culture and "mass" culture that uses a priori categories based on the "universal argument" that "it is common knowledge".

In legal science and practice, the term "offender" is used as a metaphorical and generalized view of the person who at different stages of implementation of criminal-legal responsibility can act as the subject of the crime, the object of investigative activities, the suspect, accused, defendant, convicted, tried, etc.

Prison does not initiate or conduct criminal prosecution, determine criminal guilt (innocence), or address the issues associated with the length of prison term and the type of prison regime. In essence, the prison system is a specialized repository (the place of residence is a closed administrative-territorial entity) for people to whom the court has decided to apply punishment in the form of isolation from the "free society" for a certain time period, or for life. It is not prison that deprives a person of freedom, but its very name "the place of deprivation of liberty" determines the attitude toward it as an evil fate. Hence the Russian proverb: "От сумы и от тюрьмы не зарекайся" (No one can be safe from poverty or prison). For both these and other troubles can overtake everyone.

In addition, the existence of such a type of punishment as the death penalty determines the fact that prison is associated with this measure of state coercion.

Compare the image status of a sniper and an executioner. A representative of a respected military profession speaks with pride about the destroyed enemies. The state's attitude toward the work of a sniper is expressed in awards and honorary titles.

The work of an executioner, regardless of the characteristics of the person sentenced to cap-

ital punishment, is despised as an “unworthy” occupation for a “worthy” person.

It turns out that in the public consciousness, prison is inextricably linked with human misfortune. And trouble is always evil, which cannot be treated as good.

There is another interesting detail that follows from the inextricable link between prison and crime. In the national Russian mentality, a hard, if not cruel attitude toward persons suspected and accused of committing crimes and mercy toward “inmates of prison dungeons” get along in a bizarre way. On the one hand, the data of sociological surveys clearly show that the majority of the surveyed citizens support tougher criminal penalties, including the death penalty [15]. On the other hand, again, the majority of Russians perceive the state prison system in a negative way, associating it with legalized lawlessness and mass violations of human and civil rights.

For the state, the prison system is one of the state structures, an element of the law enforcement mechanism, an instrument of legal coercion related to the implementation of criminal sanctions.

The attitude toward prison as a mechanism for the execution of punishments determined by the state (punitive measures) and at the same time a system for reforming persons found guilty of committing crimes arises in world practice in the Enlightenment Era (17th – 18th century) with its high ideals of humanism and natural law. Prior to that, prisons were mainly used for pre-trial detention of criminals, and most often very noble ones. The main types of punishment were torture, mutilation, shameful processions and executions, the main meaning of which was not so much to punish those who violated the law, as to demonstrate the power of the state machine and make people realize their own helplessness in relation to it [14].

The Enlightenment, putting the idea of rationality at the forefront, led to the formation of a methodological discipline that involves the analysis and formalization of each action performed by a person, subordination of these actions both individually and in their totality, to a strict order. Such a decomposition of actions into details and their arrangement in strict sequences covering long periods of time are excellent ways to subordinate a person to power, whether it is the power of an overseer, ruler or habit. Therefore, a disciplinary institution with a strict daily routine and constant supervision and control, has become the main candidate for the role of a mechanism not only for pun-

ishing, but also for re-educating criminals, with their subsequent re-socialization in a global organized society, where other previously described institutions – school, army, etc. – function in the same way [14].

Being a tool of state law enforcement policy, the prison should, in theory, occupy an equal position in relation to other state institutions.

At the same time, if we compare the status of a prison employee with the status of a serviceman or an employee of the special services, it becomes obvious that the state’s attitude toward the prison system itself and to those who carry out “public service” in it is expressed according to the so-called “residual principle”, when material and technological support for the needs of the penitentiary system is insufficient, and remuneration and benefits for its employees are lower (compared to other public servants).

Features of the image status of the penal system at various stages of Russian political genesis

Being a structural and functional element of the state mechanism (a kind of “state within the state”) the prison system is transforming along with it. Accordingly, the image status of both the prison itself and representatives of “prison population” is also changing.

It is advisable to consider the features of the formation and functioning of the Russian prison system in the context of the concept of cyclic political genesis [10].

With regard to the history of the unified Russian state, it is necessary to distinguish three stages (cycles), within each of which Russia was represented by qualitatively different forms of state government (dynastic empire, Soviet republic, presidential republic); economic structures; social structures, etc. The two previous cycles (imperial and Soviet) are completed, the post-Soviet cycle is continuing. Each cycle is characterized by its own prison system. At the same time, the invariability of the general negative image of the prison in the public consciousness does not mean that the attitude toward it at various stages of state development is unchanged.

In the Russian state in different periods there were different models of prison systems, the formation and functioning of which (as well as the transformation of image status) was carried out under the influence of state prison (penal enforcement) policy, the essence and content of which were changing depending on the direction of national policy as a whole.

The Russian Empire is a state that is economically focused on agricultural production, as well

as on the mining and export of natural resources. The majority of the subjects of the “imperial crown” were peasants. The most developed territories in socio-economic terms were the western and central parts of the Empire (European Russia). Siberia was a “non-European” part of the Empire beyond the Ural Ridge.

The agricultural orientation of the socio-economic system of the Russian Empire, on the one hand, caused a relatively low crime rate (compared to industrialized countries), and on the other hand, determined the specifics of the organization of the prison system:

- in towns located in the European part of the Empire, prison castles and pre-trial detention centers were located;

- the main masses of convicts were deported under guard to the eastern part of the country.

The capitalization of the Russian economy in the second half of the 19th century led to a sharp increase in crime and, as a result, an increase in the “prison population” and the expansion of the prison system.

It is noted that the number of people convicted of various crimes in the Russian Empire tripled from 1874 to 1912. If in 1874 the verdict of “guilty” was passed in 58 thousand cases, then in 1912, the number of convicted persons reached 180 thousand. In the early 1870s, there were only 50–90 convicts per 100,000 people, whereas in the early 1910s – already 150–200 [9].

Transit prisons served as intermediate accommodation points. The places of destination for the execution of punishments were settlements where those exiled to hard labor or banished for free settlement lived. Such an arrangement assumed that the prison system addressed the following functional tasks:

- isolation and maximum remoteness of socially dangerous persons from the imperial cultural centers;

- development of “wild lands”;

- acculturation of the local (“native”) population.

A feature of the Russian prison system of the period under review was the class regime of execution of punishments provided for representatives of the “ruling class” and “common people”. M.N. Gernet in his *History of the Tsar’s Prison* notes: “Everywhere, in all prisons, regardless of the type of people for whom they were intended, it was disgusting and difficult... But class differences penetrated even here and made themselves felt; sometimes they aggravated the situation of prisoners, sometimes they made it easier. In this respect, we find the most striking

examples and know the cases when in the same prison some suffered from hunger, while others were the subject of the greatest concern of the prison administration, which fed a privileged prisoner with game, sauces, etc. These actual differences in the situation of individual prisoners due to their class affiliation and their social status took place everywhere...” [3, p. 52].

The described class differentiation of the prison situation of convicts undoubtedly influenced the formation of the image of the prison in the minds of oppressors and the oppressed. For the former, prison was an unpleasant exception from the usual life of the “upper world”; however, it did not mean they lost their privileged status, which was preserved even in places of detention. As for the latter, imprisonment (exile, hard labor), in essence, meant hopelessness and “hell on earth”.

Such an attitude is quite figuratively described in *Anton*, the novel by D.V. Grigorovich, where the main character, serf Anton, goes round and round “earthly purgatory” and in the end goes to Siberian penal servitude for the crime he had not committed, which marks the complete disenfranchisement and defenselessness of an ordinary person amid the arbitrariness of an individual official (in the novel, this is the manager of the manor estate Nikita Fedorovich) and the state as a whole. In essence – it is a painful death, albeit delayed in time.

Soviet Russia proclaimed a course toward nationalization, industrialization and collectivization of the economy as the main instrumental goal of state-building; it was considered by the ideologists of the Soviet state-legal system as the basis of socialist construction. The modernization of the country’s economic system, associated with the transition from an agricultural economy to an industrial one, led to the restructuring of the model of the penal system.

If in the Russian Empire the main institutions of the prison system (with the exception of prison castles) were moved outside of major towns and were located at a distance from the economic and industrial centers of the country, then in the USSR, “correctional labor” camps and colonies turned into social and industrial facilities located in close proximity to large factories, construction sites, places of logging and mining, etc. [5]. Participation of convicts in the functioning of these facilities was carried out within the framework of the directive planning system, which operated, among other things, with the established number of workers necessary for

the implementation of state plans for socialist construction. This circumstance is associated with a widespread practice of applying punishment in the form of imprisonment for crimes of minor gravity ("spikelet cases", cases related to being late or absent from the workplace, etc.) in relation to representatives of the working class and the peasantry, in order to ensure the replenishment of penal institutions so as to implement plans developed by the government.

The need to forcibly involve a large number of virtually free labor in industrial relations has led to an increase in the number of prisoners. If at the initial stage of industrialization and collectivization in the USSR, about 200,000 people were kept in penal institutions (in 1930 – 179,000; in 1931 – 212,000), then in the pre-war period their number already exceeded the 2,000,000 mark (in 1939 – 2,004,900), reaching a historical maximum in 1950 (2,760,095) [10]. As of March 1, 1940, the GULAG consisted of 53 camps (including camps engaged in railway construction), 425 correctional labor colonies (including 170 industrial, 83 agricultural and 172 "counterparty" colonies, i.e. those working on construction sites and in the farms of other departments), united by republican, regional, krai departments of correctional labor colonies (OITK), and 50 colonies for minors [6].

The activity of the GULAG in this historical period covered 17 branches of the national economy. The planned volume of commercial products was 2,659.5 million rubles. Hundreds of restored and newly built factories and mines, millions of cubic meters of coal, timber, ore – all this was implemented at the expense of prisoners' labor that was close to slave labor [11, pp.133–134].

From the above, it follows that in the USSR, the mechanism of execution of criminal punishment was simultaneously considered as an instrument for the implementation of political repression and economic activity. At the same time, the latter functional direction eventually acquired priority importance in the Soviet prison industry [10]. Aleksandr Solzhenitsyn wrote: "The state ... needed labor force that was: a) extremely cheap, and preferably free; b) unpretentious, ready to be transported from place to place any day, free from family, requiring neither arranged housing, nor schools, nor hospitals..." [12, p. 94].

The image status of the Soviet prison system, which took shape at the stage of "developed" socialism, did not differ much from the image of any other closed administrative-territorial entity

excluded from the system of publicly available (mass) information, with the peculiarity that "prison population", once "behind bars", was for the rest of their lives deprived of a significant part of the rights and freedoms associated primarily with the prohibition to engage in certain types of activities and hold certain positions. Moreover, these restrictions also applied to close relatives of former convicts; this was a direct violation of the principles of legality, personification of legal responsibility, and the inadmissibility of applying repeated punishment for the same crime.

In the public consciousness, the prison system was perceived by ordinary Soviet citizens like any other structure associated with legalized state coercion, in relation to which an individual appears as a potentially guilty subject. This attitude was reflected in Felix Dzerzhinsky's well-known cynical aphorism widespread in the Soviet law enforcement agencies: "Your lack of a criminal record is not your merit, but our flaw".

Modern Russia, having established the principle of succession of the USSR at the constitutional level (Article 67.1 of the Constitution of the Russian Federation), in structural terms actually inherited the Soviet penal system – the prison-colony system in which convicts were grouped into detachments.

The concept for development of the penal system of the Russian Federation until 2020 (hereinafter – the Concept) in its meaningful parts included:

- changing the types of correctional institutions for the detention of convicts in places of deprivation of liberty with the actual termination of their collective accommodation, permanent stress condition of convicts proceeding from the necessity to maneuver between the requirements of the administration and the bulk of the prisoners;

- establishing legal and organizational conditions for replacing the existing system of correctional institutions with two main types of institutions – prisons (with general, enhanced and special regimes) and settlement colonies (with normal and enhanced supervision) while maintaining institutions that perform special tasks – medical-correctional and therapeutic-preventive;

- developing models for prisons and settlement colonies based on the standards of the European Prison Rules (2006), taking into account the requirements of the security of society and the staff of the penal system, as well as the need to implement the goals of reformation of convicts.

It was planned that, in accordance with the Concept, the majority of correctional institutions would be converted into general, enhanced and special regime prisons and new settlement colonies would be established in 2012–2016. These plans were not implemented. At the same time, instead of recognizing the fact of non-fulfillment of the Concept, followed by an objective analysis of the reasons and the definition of means and techniques for correcting mistakes and eliminating shortcomings, the then leadership of the Federal Penitentiary Service of Russia (a number of representatives of which, by the way, moved from the category of prison administrators to the category of convicts) went along a fairly traditional path: “If the problem cannot be solved, then it should not be designated”.

The modern Concept for development of the penal system of the Russian Federation for the period up to 2030 approved by the Resolution of the Government of the Russian Federation no. 1138 dated April 29, 2021 has a generalized character and operates with the terminological phrases like “humanization of the conditions for serving sentences and preventive measures”; “improvement of legal regulation in the implementation of preventive measures and the execution of criminal penalties, taking into account the international obligations of the Russian Federation and generally recognized norms of international law”; “ensuring the execution of punishment in conditions that do not humiliate human dignity, comply with the legislation of the Russian Federation and international standards; improving the organization of the activities of the penal system, etc.”; such phrases are not “tied” to specific results and deadlines that are subject to evaluation.

In this semantic context, the final calendar dates indicated in the names of the concepts (2020, 2025, 2030) do not have special significance, since there are no limits to improving anything (and the prison system is no exception).

The current state of the Russian penal system can be described as transitional. As it was already noted, there is a “legacy of the Soviet past” in the structural plan. At the same time, it would be a mistake to say that the current Russian prison system is a “clone” of the Soviet prison.

The main functions of the penal system are: fixed or indefinite (lifelong) isolated detention of persons who pose an increased public danger; prevention of penitentiary and post-penitentiary recidivism; correction and resocialization, the main task of which is to return to a free society an individual who has realized their guilt and

repented of it, who strives to live among “normal” people, according to “normal” laws.

The goals include the transformation of the image of the penal system, aimed at “increasing the level of openness and forming a positive opinion about the activities of the penal system”. At the same time, it is very important that in the public consciousness the image of the penal system as a predominantly punitive prison system would be gradually replaced by the idea of it as a penitentiary system that focuses primarily on the “revival” of the “human essence” in a person through awareness and repentance, and this can be done only if people serving sentences in prison are treated humanely.

The image transformation of the status of the Russian penal system implies a change in the attitude toward it both on the part of society and on the part of the state. At the same time, one should not be mistaken and take the path of legal infantilism and idealism, believing that it is possible to “remake” the negative image of the prison system into a positive one in a relatively short time. It has already been noted above that for all peoples, at all times, the prison system has been, is and will be associated with human evil, which means that its image will always be negative.

At the same time, without setting the impossible task of transforming evil into good, we can and should strive to rationalize the evil associated with prison, so that, realizing its objective nature, we try to minimize the harmful value, if possible compensating it with social benefits, the amount of which, paradoxical as it may sound, is quite significant in the modern prison system. First of all, we are talking about the social functions performed by the penal system in relation to representatives of the lower strata, who make up a significant part of prison population.

Avoiding the demonization of the prison image should mean refusing to consider a criminal record, as well as the fact of termination of criminal prosecution for non-rehabilitating circumstances, as a kind of “informational stigma” that accompanies a previously convicted (released from criminal liability for non-rehabilitating circumstances) citizen, and in some cases their closest relatives throughout their whole subsequent life and seriously restricts their legal status.

Optimization of the image of employees of the penal system on the part of the state involves aligning their status (official salaries, allowances, benefits) with similar statuses of military personnel and special services employees who, like representatives of the prison system, serve the Russian state. However, for some

reason, the state considers their service a priority, which often leads to an actual graduation into a “privileged” state service and a “second-grade” service. If the state, represented by the government apparatus, really wants to raise the prestige of the service in the penal system, such differentiation must be overcome.

And one last thing. Peter the Great once said: “Prison is a cursed trade, and therefore it should

be performed by people who are firm, kind and cheerful”. We believe that this “formula” contains a timeless image code of the state’s penal system, which will never be popular in any of the social groups that make up the population of any country, but without which none of the states, including the Russian Federation, can imagine itself in the foreseeable and boundless historical perspective.

REFERENCES

1. Agoshkova E.B., Akhlibininskii B.V. Evolution of the term “system”. *Voprosy filosofii=Issues of Philosophy*, 1998, no. 7, pp. 170–179. (In Russ.).
2. “Vokrug Sherkhana krutyatsya Tabaki”: Putin vysmeyal zadirayushchie Rossiyu strany [Tabakis are circling around Shere Khan: Putin ridiculed the countries that bully Russia]. Available at: <https://ria.ru/20210421/kipling-1729267652.html> (accessed August 12, 2021). (In Russ.).
3. Gernet M.N. *Istoriya tsarskoi tyur'my. V pyati tomakh. T. 1. 1762–1825* [History of the Tsar’s prison. In five volumes. Vol. 1. 1762–1825.]. Moscow: Gos. izd-vo yurid. lit. 1960. P. 52.
4. *Glava 4. Kontsept PR* [Chapter 4. The concept of PR]. Available at: https://studbooks.net/733820/zhurnalistika/glava_kontsept (accessed August 12, 2021).
5. Dolzhikov R.S. The role of the GULAG in the Soviet economy. In: *Innovatsionnaya ekonomika: Materialy II Mezhdunar. nauch. konf. (g. Kazan', okt. 2015 g.)* [Innovation economy: proceedings of the second international research conference (Kazan, October 2015).]. Kazan: Buk, 2015. Pp. 12–14. (In Russ.).
6. Zemskov V.N. Documents of the tragic time: archives reveal secrets. “The Gulag Archipelago”: through the eyes of a writer and statistics. *Argumenty i fakty=Arguments and Facts*, 1989, November 11, no. 45. Available at: <https://aif.ru/gazeta/number/21150> (accessed August 12, 2021). (In Russ.).
7. *Imidzh: chto eto takoe, kak ego sozdat' i kak izmenit'* [Image: what it is, how to create it and how to change it]. Available at: <https://vplate.ru/imidzh/sozdat-ili-izmenit/> (accessed August 12, 2021).
8. *Kolichestvo i kachestvo zaklyuchennykh pri Staline, v RF i SShA segodnya* [The quantity and quality of prisoners under Stalin in Russia and the USA today]. Available at: <https://mikle1.livejournal.com/794911.html> (accessed August 12, 2021).
9. *Kolichestvo osuzhdennykh v Rossiiskoi imperii utroilos' s 1874 po 1912 gody* [The number of convicts in the Russian Empire tripled from 1874 to 1912]. Available at: <https://www.liveinternet.ru/users/bolivarsm/post345518927/> (accessed August 12, 2021).
10. Romashov R.A. *Politogenez: Khram – Πόλις – Gosudar'stvo – State: monografiya* [Political genesis: Temple – Πόλις – Государство – State: monograph.]. Saint Petersburg: Aletei ya, 2020. 300 p.
11. Smykalin A.S. *Kolonii i tyur'my v Sovetskoi Rossii* [Colonies and prisons in Soviet Russia]. Yekaterinburg: Izd-vo UrGyUa, 1997. Pp. 133–134.
12. Solzhenitsyn A.I. *Arhipelag GULAG* [The Gulag Archipelago]. Moscow, 1990. Vol. 2. P. 94.
13. Filippov A. *V sto pervyi raz “ob effektivnom menedzhere I.V. Staline”* [For the umpteenth time about an effective manager Joseph Stalin]. Available at: <https://svpressa.ru/blogs/article/110256/> (accessed August 12, 2021).
14. Finiarel' A. *Pochemu tyuremnoe zaklyuchenie ne rabotaet* [Why doing one’s time doesn’t work]. Available at: <https://sciencepop.ru/pochemu-tyuremnoe-zaklyuchenie-ne-rabotaet/> (accessed August 12, 2021).
15. *FOM: smertnyuyu kazn' schitayut dopustimoi 69% rossiyan* [FOM: the death penalty is considered acceptable by 69% of Russians]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4147619> (accessed August 12, 2021).
16. *Shoigu zayavil o razgrome IG v Sirii* [Shoigu said the ISIS in Syria is defeated]. Available at: <https://ria.ru/20200930/siriya-1577973755.html> (accessed August 12, 2021).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ILYAS A. ERMOLAEV – Candidate of Sciences (Philosophy), Head of the Center for Public Relations of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation, leading researcher at the Research Institute of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: ErmolaevIA@admhmao.ru

ALEKSANDR N. KOROBOV – adviser to the Director of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: udmail@fsin.gov.ru

VLADISLAV YU. PANCHENKO – Doctor of Sciences (Law), Head of the Legal Department of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation, Chief Researcher at the Research Institute of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation, professor of the Department of Theory and History of State and Law at Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4822-7151>, e-mail: panchenkovlad@mail.ru

LARISA A. PETRUCHAK – Doctor of Sciences (Law), Head of the Department of General Theoretical Legal Disciplines, Vice-Rector for Education of Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation, e-mail: lar-petruchak@yandex.ru

ROMAN A. ROMASHOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, professor of the Department of State and Legal Disciplines at Vologda Institute of Law and Economics FSIN Russia, Vologda, Russian Federation, professor of the Department of Criminal Law and Criminology at Korolev Samara National Research University, Samara, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9777-8625>, e-mail: romashov_tgp@mail.ru

Received August 16, 2021

Discrepancy between the Theory and Practice of Crime Prevention

IGOR' M. MATSKEVICH

Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russian Federation

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4270-1599>, e-mail: mackevich2004@mail.ru

Abstract

Introduction: the article considers the concept of prevention in several aspects (social prevention, criminological prevention, situational prevention, evolutionary prevention). *Aim:* describe the subjects implementing the prevention of offenses and consider the issue of public participation in this process in historical and modern periods. We focus our attention on the prevention of new crimes in the institutions of the Federal Penitentiary Service, emphasize its importance during the period of serving a sentence (educational techniques and methods) and after release (interaction of probation inspectorates with law enforcement agencies for the re-socialization of released convicts). We outline possible risks and difficulties of organizing crime prevention together with public organizations: determining preferences for activists; politicization of preventive work (obtaining additional electoral points); selection of activists (preventing the involvement of representatives of the criminal environment). In the context of considering ways to improve prevention, much attention is paid to the prevention of crime through technological innovations: control over people's movement using a mobile phone; analysis of web browsing history; computer programs for crime prevention; compilation and maintenance of federal database programs; chipping, etc. The study is based on the accumulated experience of implementing preventive work, which is described in the sections "Prevention yesterday" and "Prevention today". The article analyzes examples of crime prevention in Thailand, the U.S. etc., and reflects the results of implementation of the "Safe City" program in Moscow. The *methodological basis* of this study is represented by the axiological approach. Research problems were addressed with the use of general philosophical principles of dialectics and special methods of cognition: systematic, formal-legal, sociological, etc. *Results:* the public remains the most important element of the prevention system. It is necessary to develop and legally consolidate the relevant activities, for example, as it is done in Article 11 of the Federal Law "On the fundamentals of the system for prevention of neglect and juvenile delinquency". Legal education should be the main weapon in the hands of the subjects of prevention. Elimination of crime should become the main direction of prevention.

Keywords: prevention; crime prevention; public participation in prevention; centralization/decentralization of prevention; criminogenic domestic zones; technological innovations in crime prevention; re-socialization; legal education.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

For citation: Matskevich I.M. Discrepancy between the theory and practice of crime prevention. *Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 3 (55), pp. 605–612. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-3-605-612.

Definition of prevention

Science contains several concepts of prevention. We will focus on some of them, since they are of interest in relation to the problem declared in the title of this article.

Social prevention includes a wide range of measures aimed to address the causes and

conditions of not only crimes and offenses, but also all social pathologies, various forms and types of deviant conduct, or as it is now fashionable to say, maladaptive conduct, including alcoholism, drunkenness, vagrancy, sexual and social promiscuity and other antisocial conduct that violates not only and not so much legal, but

moral, religious and ethical rules of human behavior in society [1, p. 13].

Prevention of offenses is the impact on the causes and conditions of both criminally punishable socially dangerous acts and other legal torts that are forms of misconduct: administrative offenses, disciplinary offenses, civil law offenses, procedural offenses [1, p. 12].

Criminological prevention is the prevention of crimes, plus the prevention of certain non-criminal offenses, primarily administrative offenses, which are closest in their objective side to the composition of a particular crime [1, p. 13].

Based on these definitions, we can identify several key elements that make up the subject of prevention. These are: a) identification of the causes and conditions of social pathologies; b) development of forms and methods for eliminating these causes and conditions; c) continuous measurements of the degree of public health (maybe even public ill health, i.e. diseases of society or any part of it, for example, a specific region in the country or a relatively large social group); d) analysis of the emergence of new pathologies; e) monitoring the quality of the law enforcement system; e) inclusion of the public in preventive work.

Situational prevention

We understand situational crime prevention as various options for differentiating preventive activities. Situational prevention is called reformatory, and it is contrasted with evolutionary prevention, which is obviously understood as the state system for crime prevention [8].

Despite its apparent novelty, the term "situational prevention" was introduced into scientific circulation back in 1980. Its author was the UK scientist Ronald V. Clarke. He made his conclusions based on the Home Office data obtained while studying the influence of an indefinite set of factors that lead to the commission of a crime. Ronald V. Clarke concluded that instead of endlessly considering the main typical problems that make people commit crimes, it is necessary to focus on identifying the factors that allow people to commit crimes. These factors that make it possible to commit a crime are easier to identify, mitigate and their negative impact is easier to mitigate. This approach was called situational crime prevention. The idea of Ronald V. Clarke was based on the rational choice theory in economics, which was described, among others, by the American scientist Gary Becker in the late 1960s. In turn, the rational choice theory is based on the hy-

pothesis that social behavior patterns proceed from the fact that each person makes decisions based on: a) their own preferences; b) the limitations they face; c) available information; d) reason, not instinct, to guide their actions.

Situational prevention goes beyond the justice system. Criminal law is considered here as part of anti-crisis management efforts and, accordingly, is necessary primarily for analyzing specific types of crimes and understanding why these crimes are committed. After identifying situational factors that contribute to the commission of a crime (types of crimes), intervention methods are developed in order to eliminate them. Thus, situational prevention in theory is aimed at reducing the opportunities for committing crimes rather than punishment and subsequent social rehabilitation of criminals.

There are five main methods of situational prevention: 1) increasing the difficulties (what can be called an increase in the intensity of the use of preventive measures); 2) increasing the risks (an increase in the probability of negative consequences, what Rudolph Giuliani, the Mayor of New York City from 1994 to 2001, called "zero tolerance for crime"); 3) reducing the rewards (exceeding the negative consequences for the offender compared to the benefits of committing illegal actions); 4) reducing opportunities (elimination of conditions for committing crimes, for example, the lack of security on the territory of the warehouse); 5) removing excuses (the inevitability of punishment for the committed illegal action, and it does not necessarily have to be a criminal legal measure, but punishment, for example, serious public censure, must necessarily follow).

Quite widely, situational prevention methods are used to prevent drunk driving. For example, Thai criminologists have proposed: a) to make it more difficult for drunk drivers to drive a car (increasing the difficulties of drunk driving); b) to abolish the liberal practice of police officers against drunk drivers (increasing the risks of drunk driving); c) to raise fines for drunk driving (reducing the rewards of drunk driving); d) to oblige citizens to report to the police if it becomes known that an intoxicated person is trying to drive a car (reducing opportunities for drunk driving); e) to eliminate the possibility of release for drunk driving (removing excuses) [10].

A direct consequence of the dominance of situational crime prevention in modern criminology is the adoption of the "Safe City" con-

cept, in which one of the main directions is the prevention and detection of offenses through video surveillance systems [8].

Meanwhile, the Soviet and Russian theory of crime prevention has never focused exclusively on factor-based or state approaches. On the contrary, it was distinguished by the complexity and diversity of views, which in turn was provided by dialectical methods of cognition and constantly improving ways for addressing new problems. How far this has been solved in practice is another question.

Therefore, for us, situational crime prevention is not a fresh approach to old problems. However, it would be unreasonable to ignore the experience of other scientists, especially since it certainly has rational grains.

Prevention yesterday

According to the first and so far the only academic course of domestic criminology, labor collectives, amateur non-governmental organizations and educational organizations, crime prevention councils, squads, community courts and public order protection stations [2, p. 19] play an essential role in the crime prevention system; all these institutions are now united under the title "public prevention".

Without broad public participation in the prevention of offenses, prevention itself loses its original meaning. In the same academic course, it was reasonably argued that relying only on the activities of punitive bodies in crime prevention is based on the false idea that if the state has strict laws, and the courts widely apply punishment, then crime will be done with [2, p. 23].

At the same time, it is important (we will discuss it in more detail a little later) to understand that previously prevention was based on an extremely strict organizational hierarchy of the only official political party that existed – the Communist Party of the Soviet Union. Formally being a public organization, the CPSU was embedded in the political system at the level of the Constitution, so the instructions of the party leaders at different levels were perceived (and were such in essence) as unconditional for execution. Consequently, prevention had strict centralization and strict disciplinary responsibility (public punishments had serious consequences for people in terms of their further career and employment).

Thus, the prevention of offenses had not only a strict structural organization, but was based on the broad participation of the public in this process.

Prevention today

Today, prevention is decentralized. Of course, in no case can we say that preventive work is not being carried out, but: a) this work is not systematized; b) it is not put at the forefront; c) it is not mandatory.

Currently, Federal Law "On the fundamentals of the prevention system in the Russian Federation" [6] (hereinafter – Federal Law on Prevention) is in force, Article 5 of this law defines the following subjects of the prevention system: 1) federal executive authorities; 2) prosecutor's office; 3) investigative committee; 4) authorities of constituent entities; 5) local government bodies.

We note that the list of subjects is exhaustive. At the same time, it is very unusual that there are no police among the subjects. There are no members of the public either. At the same time, the public is assigned a supporting role as a secondary participant in this work. Article 13 of the Federal Law on Prevention states that public associations exercise their rights in this area through participation in the forms provided for in this law, including participation in relevant state and municipal programs, for example, in the protection of public order and other socially significant events in accordance with the legislation of the Russian Federation.

A significant part of the formulations contained in the legislation on prevention are of a recommendatory nature. For example, Paragraph 30 of the Procedure for keeping records of persons sentenced to correctional labor states that representatives of the public *can be* (hereinafter – emphasis added. *I.M.*) involved in educational work and work on the prevention of offenses [4]. Article 158 of the RF Criminal Procedure Code states that an inquirer, the head of an investigative body, an investigator, having established the circumstances that contributed to the commission of a crime, *has the right to* submit to the relevant organization or the relevant official a presentation about taking measures to eliminate these circumstances or other violations of the law.

Among other things, Article 22 of the Federal Law on Prevention states that a subject authorized in accordance with the legislation of the Russian Federation *makes* a mandatory submission to the relevant body or organization, regardless of the form of ownership, or a public association, on eliminating the causes and conditions that contribute to the commission of an offense. The subject "does" it rather than "has the right" to do so.

As it was noted above, public participation in the prevention of offenses is allowed residually, and the major role belongs to state structures. For example, in the case of social adaptation, which is a set of measures aimed at providing people in difficult life situations with the necessary assistance (Article 24 of the Federal Law on Prevention), the public is referred to in the sense that its representatives *are involved* to provide the necessary assistance.

The fundamental Federal Law “On charitable activities and volunteerism” [3], which is aimed at active participation of the public in the life of society and the state, alas, does not say anything at all about the prevention of offenses.

Meanwhile, people who need help in connection with offenses will turn to the help of state structures last of all. This will happen because: a) offense is an act directed against the state and state structures; b) these persons often consider these structures to be the perpetrators of their own deviations from the law; c) assistance is often provided formally (or rather it is not provided at all); d) even if assistance is provided, it is accompanied by serious restrictions; e) finally, Russian citizens, and this is confirmed by numerous surveys for at least 20 years, to put it mildly, do not fully trust the law enforcement system, i.e., the very subjects of prevention.

At the same time, re-socialization of offenders (Article 25 of the Federal Law on Prevention), i.e. a set of socio-economic and pedagogical measures, cannot be carried out without the participation of the public. Just like social rehabilitation (Article 26 of the Federal Law on Prevention), i.e. a set of measures to restore social ties and functions lost by persons in a difficult life situation, is impossible without the public. This is evident from the content of the measures for re-socialization and rehabilitation, as it is given in the law, and as it really should happen. But not a word has been said about how the public is involved in these processes.

The scope of preventive activities is evidenced by Article 24 of the Federal Law on Prevention, which lists the categories of people in respect of whom such work should be carried out primarily: a) neglected and homeless minors; b) persons serving a non-custodial criminal sentence; c) persons engaged in vagrancy and begging; d) minors subjected to compulsory measures of educational influence; e) persons of no fixed abode; f) other categories of persons, including persons who have undergone treatment for drug addiction, alcoholism

and substance abuse, as well as those who are unable to ensure their safety in their own (*with their consent*).

It is curious that the provision of preventive work in relation to the above-mentioned people should be carried out through: a) stimulating the activities of organizations providing jobs; b) providing social services to persons in need; c) providing state social assistance; d) *involving the public*.

The public and prevention

Obviously, the above provisions give rise to more questions than answers in terms of the possibility of their real implementation. In this case, we pay special attention to the fact that the public is of no major importance.

By the way, it is no less surprising that according to the RF Penal Enforcement Code, the public can take part in the reformation of convicts only in one case – when they are serving a sentence in the form of restriction of freedom (Article 47¹ of the RF Penal Enforcement Code). It would seem that in a legal social state, the role and importance of the public should be decisive in helping people who have committed deviations from the norms of the law return to normal life, but the legislator is in no hurry to rely on the help of people united by this goal in this matter.

We cannot say that preventive work is not being carried out, on the contrary, this work is being carried out quite actively in a number of regions. For example, the “Safe City” program has been in action in Moscow for more than 10 years. Moreover, in 2014, an order of the Government of the Russian Federation, approved the Concept for building and developing the hardware and software complex “Safe City” [4], which includes a subsection on law enforcement and crime prevention. But there is still a feeling that this preventive work is far from the existing realities. So, in the abovementioned section of the “Safe City” concept, the emphasis is placed on video surveillance and video recording. Do the developers of the concept seriously believe that they will be able to prevent offenses and crimes only by installing video cameras? Is it not obvious that video cameras are a means and not an end? Prevention is done by hands, not by video cameras. Granted, the possibility of video recording provides significant advantages in the investigation of crimes; but anyway, the crime has already been committed.

Prevention and investigation

However, prevention does not mean exposure. Moreover, such targeted prevention is

hard daily work, barely noticeable and, frankly speaking, not very effective. It is difficult to reward a law enforcement officer for prevention, it is much easier to reward them for solving a crime (which also matters). Moreover, prevention is very expensive. To prove this, it is enough to look at the expenses planned to make in Moscow under the program mentioned above. At the same time, we believe that the amount of the allocated funds is unlikely to really meet the needs of prevention (in our opinion, they look quite modest in the program).

The thesis that it is much more efficient to prevent a crime than to investigate it is far from being so unambiguous, despite all its attractiveness. Unfortunately, any (we emphasize – any) law enforcement system does not like to engage in prevention: the tasks are unclear, the effectiveness is not obvious, the benefit is questionable, the goal is difficult to achieve.

Is it not the reason why the prevention of offenses and crimes is no longer in high esteem? And does this not relate to the postulate (which has recently been considered almost the ultimate truth) that crime cannot be put an end to, and we can only talk about socially acceptable control over it. In our opinion, this is a very dangerous approach that determines a consumer's attitude toward the very formulation of the problem (is it worth making too much effort if there is nothing to be done anyway, and crime will remain forever?).

Prevention and the Federal Penitentiary Service of Russia

Prevention of new crimes among persons serving a court-imposed sentence is determined by the very content of the work of institutions executing punishments. As a matter of fact, the activity of these institutions consists in the prevention of new crimes that can be committed by convicted persons. But here we mean preventing persons from committing new crimes primarily outside correctional institutions, since their isolation from society is ensured. As for the prevention of crimes by convicts in correctional institutions, then in this case, as we know, everything is not so clear.

In fact, preventive activity in FSIN institutions is determined by the very fact of its existence and is not directed toward convicts (not quite so, of course, but we shall speak more about it below). And this is confirmed in Article 1 of the RF Penal Enforcement Code, which states that the goals of penal enforcement legislation include preventing the commission of new crimes by other persons, i.e. not only and not even so

much by convicts, but by those who are outside the scope of FSIN. And there is no contradiction in this, because prevention on the part of the Federal Penitentiary Service consists in intimidating unstable citizens who are prone to illegal conduct. FSIN tacitly warns such people: "If you behave badly, you will end up with us".

As for the prevention of the commission of new crimes by convicts who are in correctional institutions, this is achieved by establishing severe, mainly punitive restrictions; it is contained in the RF Penal Enforcement Code and therefore it is legal; besides, it is determined by the specifics of the persons serving sentences, a significant part of whom are socially neglected citizens and are not ready to accept educational measures akin to those used at the kindergarten.

Nevertheless, the work on the reformation of convicted persons is being carried out, including, among other things, with the use of specific educational techniques and which, it seems, are not to be discussed in detail in the open press.

Prevention on the part of the penal system is of the greatest importance for those who leave its scope and, first of all, for those convicts who have served a sentence of imprisonment, and among them, first of all, for those who have served sentences for grave crimes. It is worth noting that the problem of social adaptation (not to mention social rehabilitation) of these persons to life outside correctional institutions is of great concern to law-abiding citizens, especially after the mass murders committed by such persons shortly after their release (for example, the murder of the entire family, including children, in Khakassia on August 5, 2021).

In this regard, the work of probation inspectorates is of great importance, since their employees, by virtue of their duties, know everything about the released person. Unfortunately, until recently, there has been no effective mechanism for interaction between probation inspectorates and those bodies, organizations and police officers in charge of which the former convict is. Under such circumstances, there exist considerable difficulties regarding preventive work with people whose views on normal life are far from normal.

As for the public, its role in the work of the Federal Penitentiary Service is minimal. This directly follows from the norms of the current legislation, which refers to clergymen and leaves representatives of the public behind (except for the execution of punishment in the form of restriction of freedom).

Of course, there emerge many questions here.

First, today the implementation of prevention tasks is fraught with many difficulties, some of which seem, at least, intractable. It has always been difficult to attract even the most eager social activists with slogans without providing them with any tangible preferences, and it has become almost impossible in the conditions of capitalist economic management, where consumer interests are a priori in the first place.

Second, there is certainly an interest in this preventive work, especially on the eve of various election campaigns. In this regard, certain unexpected organizational difficulties arise when representatives of various political parties and organizations can begin to use preventive work as a means to obtain additional electoral points. There is a contradiction that will be aggravated – by its nature, prevention is an everyday and not very grateful work, which will turn into an efficient demonstration farce.

Third, along with the increase in the scope of prevention in the organizational structure of the law enforcement system, there will be an ever growing danger that representatives of the criminal environment, and more specifically, organized crime, will begin to penetrate into it under the guise of those most eager social activists.

Improving prevention

D.Yu. Yakovlev suggests the following measures to prevent crime.

1. Legislative consolidation of the crime prevention system: a) at preschool, school and other educational levels (by introducing the institute of curatorship, classroom guidance or mentoring); b) at the medical level (identification of any deviations in persons prone to deviant behavior); c) at the law enforcement level (prevention of misconduct among both youth and adults by participating in school meetings, meetings of residents of apartment buildings, meetings at district police stations, yard rounds).

2. Combating the sources of crime, drunkenness and drug addiction by eliminating the centers of production and distribution of illegal alcohol, drugs and psychotropic substances, identifying places where anti-social characters gather.

3. Conducting planned and unscheduled inspections of criminogenic residential zones (dormitories, communal apartments, barracks), where citizens lead an antisocial lifestyle.

4. Formation, development (restoration) of the system of freelance assistants to district police commissioners.

5. Joint formation of law enforcement-oriented public associations by internal affairs bodies and local governments [9].

Prevention and new technologies

E.Yu. Chuklina believes that modern crime prevention should be based on technological innovation. Modern technologies help to track all the movements of a person using a mobile phone or to establish the range of their interests by analyzing their web browsing history. At the same time, there are two main types of technological innovations: a) information technologies (so-called soft technologies); b) material technologies (hard technologies). According to E.Yu. Chuklina, situational crime prevention, on which her approach is based, includes technologies (hardware or materials) and software technologies (computer software, information systems). Accordingly, hard technologies designed to prevent the commission of a crime include: a) video surveillance cameras; b) metal detectors in schools, universities and crowded places; c) baggage inspection and personal inspection at airports and train stations; d) bulletproof cash windows in banks; e) security systems in homes and at enterprises.

The police use the following hard technologies: a) new weapons; b) new patrol vehicles with improved technologies; c) new means of protecting police officers.

Soft technologies comprise computer programs for the prevention of crimes, including: a) tools for assessing criminal threats; b) streaming information in police vehicles; c) notifying the police when there is an excessive crowd in one place; d) face recognition to identify wanted persons.

The United States uses federal programs with databases that systematize the places of crimes committed and at the same time assess personal characteristics of criminals.

There is a well-known idea about creating a system of remote control over crime using population chipping programs. Many countries have been following this path for quite a long time. For example, one cannot enter any EU member state without first submitting one's fingerprints.

It is difficult to say how far such programs will go. There are obvious moral and religious costs. There are great doubts about the possibilities of legal support for this path. (It would be necessary to either cancel or ignore the fun-

damental international legal acts concerning the inviolability of the individual). At the same time, the increased dependence of situational crime prevention on soft and hard technologies will inevitably lead to increased dependence on forced surveillance and to the so-called forced control strategy [8].

We cannot say for sure what we will get in return. In any case, the opinions of science fiction writers on this issue do not look optimistic. The more control there is, the more opportunities for abuse for those who have access to control.

Prevention and the public

Prevention of offenses and crimes is impossible without public participation.

In Soviet times, the role of the public in this work was as great as it was underestimated. The decision to bring a young man to criminal responsibility was often preceded by a mandatory hearing on his conduct at a Komsomol meeting, a meeting of the labor collective, or a meeting of residents. If it was a question of a possible crime of a member of the CPSU, then the decision of this public association actually predetermined the future decision of the prosecutor and the judge. The same thing, only in an even more strictly regulated manner, concerned officers – the prosecutor could not even initiate a criminal case against the officer without the appropriate permission of the commander of the military unit. In turn, the decision of the commander of the unit was based on the decision of the officers' meeting. It is clear that such public meetings were feared no less than the prosecutor's office. But at the same time, the possibility of not bringing a person to criminal responsibility and, instead, transferring them to a public organization for re-education was widely used (the mechanisms of community courts and courts of honor were used).

Obviously, in modern Russian society, the majority of these non-governmental institutions cannot function. But this does not mean that the role of the public in the prevention of offenses and crimes has become less significant because of this. On the contrary, only thanks to the public, real prevention is possible. The public should be *embedded* into prevention.

The first and very good step in this direction was the adoption in 2014 of the Federal Law "On the participation of citizens in the protection of public order" [7]. It is important that this good step does not remain the only one.

Conclusions

1. It is blasphemy to engage in prevention while relying on punitive means of influence.

2. The public remains the most important element in the prevention system.

3. Public participation should be *embedded* into prevention (for example, as it is done in Article 11 of the Federal Law "On the fundamentals of the system for prevention of neglect and juvenile delinquency" [5], although in our opinion, there is a lot of formalism and little result in the work of commissions on juvenile affairs).

4. The main weapon in the hands of the subjects of prevention is legal education (it is hardly ever used nowadays).

5. Neither control, nor an acceptable level of crime, but the elimination of crime is the prime direction of prevention (at least in its modern sense).

Thus, the theory and practice of crime prevention are currently at variance with each other. On the one hand, the theoretical constructions of crime prevention are becoming more and more disconnected from reality. On the other hand, the legislation on prevention is not supported by scientific research and is developing according to its own rules, mostly political and populist (obviously, none of the legal norms in this area is supported by material resources, and therefore looks dead already at the stage of its adoption).

Practitioners of law enforcement agencies, including employees of the Federal Penitentiary Service, are not focused on crime prevention.

It turns out that there is a completely understandable, but no less paradoxical situation – crime prevention seems to exist, but in fact it does not.

By the way, the Federal Law on Prevention was adopted in 2016. Five years have passed, and not a single amendment has been made to it. Is it because the law is so good? Or because no one is interested in it (no one needs it).

REFERENCES

1. Alekseev A.I., Gerasimov S.I., Sukharev A.Ya. Kriminologicheskaya profilaktika: teoriya, opyt, problem [Criminological prevention: theory, experience, problems]. Moscow: Norma, 2001. P. 13.
2. Kudryavtsev V.N., Karpets I.I., Korobeinikov B.V. (Eds.). Kurs sovetskoi kriminologii [Course on Soviet criminology]. Moscow: Yurid. lit., 1986. 352 p. P. 19.
3. On charitable activities and volunteerism: Federal Law no. 135-FZ of August 11, 1995. In: Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii [Collection of legislation of the Russian Federation]. 1995. No. 33. Article 3340. (In Russ.).

4. About the concept of construction and development of the hardware and software complex "Safe City": Resolution of the Government of the Russian Federation no. 2446-r of December 3, 2014. In: Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2014. No. 50. Article 7220. (In Russ.).
5. On the fundamentals of the system for prevention of neglect and juvenile delinquency: Federal Law no. 120-FZ of June 24, 1999. In: Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii [Collection of legislation of the Russian Federation]. 1999. No. 26. Article 3177. (In Russ.).
6. On the fundamentals of the prevention system in the Russian Federation: Federal Law no. 182-FZ of June 23, 2016. In: Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2016. No. 26 (Part I). Article 3851. (In Russ.).
7. On the participation of citizens in the protection of public order: Federal Law no. 44-FZ of April 2, 2014. In: Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2014. No. 14. Article 1536. (In Russ.).
8. Chuklina E.Yu. Situational prevention measures in the Russian theory of crime prevention. *Natsional'naya bezopasnost'*=National Security, 2016, no. 3 (44), pp. 338–346. (In Russ.).
9. Yakovlev D.Yu. Crime prevention: to be or not to be. *Rossiiskii sud'ya*=Russian Judge, 2018, no. 9, pp. 37–41. (In Russ.).
10. Lin Shu-Ching. The strategies of situational crime prevention in drunk driving. *Journal of Criminology*, 2017, vol. 20, iss. 1, pp. 29–61.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

IGOR' M. MATSKEVICH – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, head of the Department of Criminology and Penal Law at Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russian Federation, professor at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, president of the Union of Criminalists and Criminologists. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4270-1599>, e-mail: mackevich2004@mail.ru

Received August 9, 2021

DOI: 10.46741/2686-9764-2021-15-3-613-620

UDC 342

Punishment of Persons Convicted of Economic (Business) Crimes and Malfeasance in Office, in the Assessment of the Public and Professionals

VYACHESLAV I. SELIVERSTOV

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9554-5438>, e-mail: vis_home@list.ru

Abstract

Introduction: the article considers ultra-liberal, ultra-radical and realistic views on the punishment of persons convicted of economic (business) crimes and malfeasance in office. The article analyzes public and professional opinion on this problem using the results of specific sociological studies conducted in 2018–2019 by Tkachevsky Research and Education Center “Problems of Penal Law” under Lomonosov Moscow State University. *Research materials and methods:* the research is based on the application of the specific sociological research method. The materials for our research include the results of the study of public and professional opinion on the punishment of those convicted of economic crimes and malfeasance in office, and on the places and conditions of their imprisonment. Empirical research includes surveys of three types of respondents: citizens of the Russian Federation; persons convicted of economic crimes and malfeasance in office who are serving sentences in correctional institutions; correctional officers. We also investigate proposals on sending the convicts under consideration to correctional institutions located in remote regions of Russia, and the prospects for the construction and opening of so-called private prisons for them. We analyze the practice of keeping persons convicted of economic crimes and malfeasance in office together with other categories of convicts. *Results:* we conclude that the public and professionals do not tend to hold extreme positions (ultra-liberal or ultra-radical) in the punishment of persons convicted of economic crimes and malfeasance in office. The public and professionals assess quite realistically the criminal policy of the state and judicial practice at the present stage of the state’s development and allow, within certain limits, the application of punishment in the form of imprisonment to economic and official criminals. We emphasize that both categories of respondents (citizens and convicts) are more inclined to use imprisonment in relation to persons who have committed malfeasance in office than to those who committed economic crimes. We argue that public opinion is dissatisfied with the fact that persons convicted of malfeasance in office and economic crimes are kept together with other categories of convicts. There is no such dissatisfaction in the professional opinion: the majority of interviewed correctional officers do not support the idea of sending those convicted of economic crimes and malfeasance in office to separate correctional institutions. We put forward a proposal concerning the implementation of the idea that persons convicted of economic crimes and malfeasance in office should be held in separate correctional institutions in the course of modernization provided for by the Concept for development of the penal system of the Russian Federation until 2030, which consists in opening joint correctional institutions.

Keywords: convicted person; economic crimes; malfeasance in office; public opinion; professional opinion; punishment; imprisonment; correctional institutions; private prisons.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

For citation: Seliverstov V.I. Punishment of persons convicted of economic (business) crimes and malfeasance in office, in the assessment of the public and professionals. *Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 3 (55), pp. 613–620. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-3-613-620.

Introduction

Issues related to countering economic and official crime in Russia are of great interest not only to scientists and practitioners working professionally in this field, but also to ordinary citizens. Traditionally, this interest is fueled by the mass media, which feed us with news about seized funds measured in tons, or “golden toilets” in the homes of corrupt officials and robbers of various stripes. As a result, according to the survey conducted by Tkachevsky Research and Education Center “Problems of Penal Law” under Lomonosov Moscow State University (REC “Problems of Penal Law”), the extent of crime in economic (entrepreneurial) activity worries 90% of the surveyed citizens, in the field of official crimes – 95.6%. The respondents consider the following crimes as most dangerous in our country: malfeasance in office (51.9% – 1st place), terrorism (47.8% – 2nd place), murder and other crimes against the person (41.1% – 3rd place), economic (in the field of entrepreneurship) crimes (38.5% – 4th place), drug crime (37.7% – 5th place), pedophilia (29.9% – 6th place). One in three respondents, along with the noted types of criminal activity, indicated that all types of crime are equally dangerous. Thus, at present, official and economic crime in the field of entrepreneurship (hereinafter referred to as simply economic crime, economic crimes and those convicted of economic crimes) are among the four most dangerous types of crime.

State authorities are also seriously concerned about official crime, as it directly affects their standing among the population. And this reason is not the only one. For example, the Federal Penitentiary Service is concerned about the ever increasing number of inmates in correctional institutions for former employees of law enforcement agencies [7]. This concern is due to the fact that it is necessary to open separate correctional colonies for such individuals.

So, what can be offered for the punishment of these categories of convicts? Can incarceration be applied to them and what should it be, taking into account the specifics of the socio-demographic and criminological characteristics of persons committing economic crimes and malfeasance in office?

Research materials and methods. The research is based on the application of the specific sociological method. The research materials are the results of the study of public and professional opinion on the punishment of per-

sons convicted of economic and official crimes, as well as on the places and conditions of their imprisonment. Empirical research consists of surveys of three types of respondents: citizens of the Russian Federation; convicts serving sentences in correctional institutions for committing economic and official crimes; employees of correctional institutions. The volume of surveys and the characteristics of respondents are as follows.

Citizens of the Russian Federation. Five hundred and one respondents took part in the Internet survey: 41% were men and 59% – women. Age distribution of respondents was as follows: from 18 to 25 years old – 53%; from 26 to 45 years old – 33%; from 46 to 60 years old – 9%; over 60 years old – 5%. Sixty percent had higher professional education, 27% – incomplete higher education, 12% – full secondary general and vocational education (college), and 1% of respondents had other types of education.

Convicted persons serving a prison sentence. The survey involved 213 persons serving prison sentences for committing economic and official crimes. The survey was conducted in correctional institutions in the Far Eastern, Siberian, Ural, Volga and Central federal districts. The sample included male (93%) and female (7%) convicts. Age distribution of convicts was as follows: from 18 to 25 years old – 11%; from 26 to 45 years old – 52%; from 46 to 60 years old – 37%. By education: 3% have incomplete secondary education, 18% have full secondary education, 61% have secondary vocational and incomplete higher education, and 18% of respondents have higher education.

Correctional officers. The survey covered 234 employees at correctional colonies in the Far Eastern, Siberian, Ural, Volga and Central federal districts. According to the length of service in the penal system, their distribution was as follows: up to 5 years – 19%, from 5 to 10 years – 41%, from 10 to 20 years – 35%, from 20 and more – 5%. The survey participants represented the following departments: security departments (27%), guard departments (15%), operational departments (6%), educational service units (25%), medical services (3%), logistics departments (4%), personnel departments (4%), heads of departments and services of correctional institutions (3%), employees of other areas of activity (13%); 77 % of respondents had higher and incomplete higher education, 14% had secondary vocational education, and 9% had secondary education.

In addition, expert assessments of domestic and foreign scientists, as well as media materials were used.

Discussion

The professional community and public opinion have different views on the punishment of persons who have committed economic and official crimes: from extremely mild to extremely severe. We can talk about three different positions.

The first position is ultra-liberal. It manifests itself in relation to economic crimes in views that exclude the imposition of a criminal penalty in the form of imprisonment. This position is held by a number of representatives of political and human rights organizations, business elites, who believe that fines and other economic sanctions should be applied in cases of economic crimes. This position is reflected in a number of Addresses of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation and in the Concept for modernization of criminal legislation in the economic sphere prepared at the end of 2009 by the autonomous non-profit organization "Center for Legal and Economic Research" in cooperation and with the support of a number of scientific and educational organizations on the basis of the instruction of the President of the Russian Federation. It was also supported by foreign experts from Slovenia and Kazakhstan, who were invited to the 11th Russian Congress on Criminal Law (Moscow, Lomonosov Moscow State University, May 31 – June 1, 2018) to evaluate the theoretical model for serving imprisonment by persons convicted of economic and (or) official crimes developed at REC "Problems of Penal Law". As Professor G. Me ko (Republic of Slovenia) pointed out, compensation for damage and confiscation of illegally acquired property could potentially be the best judicial decision, as opposed to punishment in the form of imprisonment [10, p. 112]. Professor A.B. Skakov (Republic of Kazakhstan) proposed his own solution to this problem: to sentence this category of persons to the most common type of punishment in the world – a fine in favor of the state, a threefold compensation to the injured party, and confiscation of property obtained by criminal means [16, p. 121].

The second position is ultra-radical. It is practiced, as a rule, by politicians, but there are also representatives of legal science among its advocates.

Thus, in January 2019, the first deputy chairman of the State Duma Committee on Defense

of the Russian Federation proposed to introduce not only death penalty for corrupt officials of all stripes, but also the practice of burying their bodies at separate cemeteries for the edification of other citizens [4]. In August 2021, the head of Roscosmos said that corruption in the national military-industrial complex should be punished by execution by firing squad, and not by imprisonment [15].

In legal science, proposals have been made to introduce the practice of extrajudicial executions via medical manipulation (Tyumen) or by creating and operating a kind of "death squads" (Krasnodar, Saint Petersburg), etc. Currently, such views are virtually not found anywhere.

We should note that we cannot support the proposals of representatives of the ultra-radical position. Extrajudicial executions and burials are a way to a dead end, which our country has already faced during the years of Stalin's repressions in the past century. Negative implications of this practice still linger. The revival of capital punishment for corruption crimes in a legal manner does not correspond to Russia's international obligations. In addition, this measure of punishment does not fully meet the severity of the economic and official crimes committed. The proposal to bury the executed corrupt officials in separate cemeteries does not lend itself to scientific assessment.

The third – realistic – position is the application of criminal punishment in the form of imprisonment to those convicted of economic crimes and malfeasance of office in accordance with current legislation. Its supporters, while assessing the views of the representatives of the first position, believe that the ultra-liberal version of modernization of criminal law proposed by the science in relation to economic crime is mainly aimed at the complete exclusion of repression for the crimes of the group under consideration, which will have the most negative impact on the state of crime in modern society. The implementation of the proposals contained in the Concept for modernization of criminal legislation in the economic sphere will lead to an increase in social inequality of various population strata, which can cause a social explosion [2, pp. 29–32; 3, p. 16; 8, p. 448; 11, p. 357].

Indeed, the events of recent years with specific examples of economic crimes (for example, falsification of alcohol or other products, which led to mass poisoning) and malfeasance of office (for example, taking bribes and large-scale abuse and embezzlement of budget

funds) do not allow us to lean toward such a liberal conclusion as the exclusion of the application of criminal punishment in the form of imprisonment to economic and official criminals. This is also evidenced by the results of the public opinion survey.

Thus, according to the survey of citizens, 71% do not exclude the possibility of sentencing to imprisonment for economic crimes: 20% answered categorically that economic criminals should be sentenced to imprisonment, and 51% think that imprisonment is possible when deciding on its imposition strictly individually, taking into account specific circumstances. More indicative results were obtained when the similar question was asked in relation to persons who committed malfeasance of office; namely, 76% of respondents do not exclude a custodial sentence: 35% answered categorically that imprisonment should necessarily be assigned to official criminals (this percentage is almost twice as high as when respondents answered a similar question in relation to economic criminals), and 41% allow deprivation of liberty when deciding on its appointment strictly individually, taking into account specific circumstances.

It is also noteworthy that in a parallel survey of convicts serving imprisonment for economic and official crimes, almost two-thirds of respondents (64%) do not exclude the possibility of a custodial sentence for economic crimes: 15% answered categorically that economic criminals should be sentenced to imprisonment, and 49% allow deprivation of liberty when deciding on its appointment strictly individually, taking into account specific circumstances. Only 16% answered that there is no need for imprisonment, and it is possible to impose other types of punishment (a fine, deprivation of the right to hold certain positions and engage in certain activities, etc.). Similar results were obtained when this question was asked in relation to persons who committed malfeasance of office. Thus, more than half (57%) of respondents do not exclude the imposition of custodial penalty: 27% answered categorically that official criminals should be sentenced to imprisonment (this percentage is almost twice as high as when a similar question is asked in relation to economic criminals), and 30% allow deprivation of liberty when deciding on its appointment strictly individually, taking into account specific circumstances. Only 16% of respondents believe that there is answered that there is no need for imprisonment in relation to persons who committed malfeasance of office, and it is possible

to impose other types of punishment on them (a fine, deprivation of the right to hold certain positions and engage in certain activities, etc.).

The position on the possibility and necessity of imposing a custodial penalty on persons who have committed economic and official crimes was supported by foreign experts from the republics of Belarus and Kazakhstan (Professor V.B. Shabanov [18, pp. 124–143] and Professor T.K. Akimzhanov [1, pp.144–153]), who were invited to evaluate the theoretical model for serving imprisonment by persons convicted of economic and (or) official crimes developed at REC “Problems of Penal Law”.

The logical continuation of the position under consideration is the placement of those convicted of economic and official crimes in currently functioning correctional institutions. However, there are certain nuances in this position.

The question immediately arises regarding where and to which correctional institutions these persons should be placed to serve their sentences. These may be correctional colonies at the place of permanent residence, or there may be colonies in remote areas. Such a proposal was made in the science of penal law in relation to determining the place of serving imprisonment for major economic criminals and bribe takers operating as part of organized criminal groups and communities [17].

In our opinion, this proposal is not fully developed and justified. On the one hand, it is necessary to assess whether the categories of convicts under consideration are actually this dangerous. It is possible that terrorism and other types of crimes are more dangerous in their implications, and those convicted of these crimes should serve their sentences in correctional colonies stationed in the Far North, Siberia and other remote areas.

On the other hand, when working on the implementation of this proposal in relation to economic and official criminals, it will be necessary to predict the reaction of international human rights organizations, especially the European Court of Human Rights. There are several decisions of the highest judicial body of Europe in relation to Russia, in which the court found a violation of Article 8 of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (the right to respect for family and private life) in connection with the transfer of convicted persons to serve their sentences in correctional colonies located in areas remote from the family’s place of residence (decision in

case no. 35090/09 of March 7, 2017 “Polyakova and others v. the Russian Federation”; decision in case no. 39747/10 of July 3, 2018 “Voynov v. Russia”). Is it possible that the Court can adopt similar decisions in this case as well?

In addition, it is necessary to take into account current trends in the penal enforcement policy of Russia, which indicate that the Russian Federation does not question the above-mentioned decisions of the European Court of Human Rights (although there currently exist certain constitutional grounds for non-compliance with such decisions) and has begun to implement them consistently, introducing legal and organizational guarantees for the realization of the legitimate interest of a convicted person to serve a prison sentence near the place of residence of his/her family. The fact that this trend will take place in the future is evidenced by the Concept for development of the penal system of the Russian Federation until 2030 (hereinafter – Concept-2030), which states one of the important tasks of “creating conditions for ensuring the implementation of the legally binding principle of serving sentences in correctional institutions within the territory of the constituent entity of the Russian Federation in which they lived or were convicted or in which their family lives” [13].

Representatives of business structures and individual human rights defenders have their own position on the places where economic criminals serve their custodial sentences. Based on the experience of a number of foreign countries (France, the U.S., the UK, etc.), they propose to open private prisons for businesspeople [5; 12]. The need to study the issue of public-private partnership with the subsequent establishment of private prisons, following the example of the UK, was pointed out in the expert opinion by a foreign expert, Professor G. Me ko (Republic of Slovenia). However, he warned that the effectiveness of private prisons created with the consent of the state is ambiguous [10, p. 110].

Publications on the activities of foreign penitentiary systems [14, pp. 215–266] show that private prisons require significantly higher material costs on the part of the state, which is not quite possible for the Russian Federation in the modern conditions of economic sanctions. For business, the idea of establishing private prisons in Russia at present may be interesting not so much in terms of obtaining material benefits, but in the aspect that socially responsible businesses provide assistance in implementing an

important state task to combat crime. So far, there is no such interest on the part of either the state or business structures in the construction and operation of private prisons. Therefore, the problem of private prisons needs a more thorough economic and social examination, among other things in the aspect of finding the optimal balance of the interests of the state and business.

But if there is no possibility of opening separate private prisons for economic criminals, then it is quite possible to implement the idea expressed by Presidential Commissioner for Entrepreneurs’ Rights Boris Titov at the Far Eastern Economic Forum (September 2018). He announced that an agreement had been reached with the leadership of the Federal Penitentiary Service of Russia on the placement of these persons into separate blocks of pre-trial detention centers as an experiment [9]. However, these steps may turn out to be half-hearted, since in the end, suspects and accused of committing economic crimes, as a rule, become convicted and are sent to ordinary places of deprivation of liberty. And the Russian Ombudsman for the Protection of Entrepreneurs’ Rights understands this danger, which is evident from his following statement: “We have applied to the Federal Penitentiary Service with this proposal, because it is a huge problem when those convicted of economic crimes are held together with jailbirds. And it is always harder for businesspeople to be in prison, especially in a colony, not even in a pre-trial detention center” [6].

The Russian Ombudsman for the Protection of Entrepreneurs’ Rights raised a very complex, but topical issue about the fact that persons convicted of economic crimes are kept together with those convicted of other types of crimes (against the person, drug trafficking, etc.). This problem is also relevant for persons serving sentences for malfeasance in office, since they, as a rule, have the same socio-demographic and criminological characteristics as those convicted of economic crimes. Without questioning the legality and validity of the sentence against these persons, we will ask ourselves the question: should they serve their sentences together with murderers, terrorists, drug dealers?

According to the results of the survey, 44% of respondents consider it necessary for those convicted of economic crimes to serve their imprisonment in separate correctional colonies, and 32% of respondents hold this opinion with regard to those convicted of official crimes.

Among the staff of correctional institutions, 16% of respondents unequivocally supported the proposal on separate correctional institutions for those convicted of economic crimes (for official crimes – 15%); another 7% supported this idea, provided that persons convicted of economic crimes pay for their detention in separate correctional colonies (for malfeasance in office – 6%). The majority of correctional officers reject this idea: 39% do not support it for economic criminals (for malfeasance in office – 42%), 21% consider it impossible to implement this idea due to high material costs (for malfeasance in office – 16%). One in six (17%) respondents found it difficult to answer this question (in relation to those convicted of official crimes – 21%).

Despite the negative opinion of the staff of correctional institutions, we believe there are grounds for separating persons convicted of economic and official crimes from other categories of inmates. It is not only their socio-demographic and criminological characteristics, but also the situation that often develops in correctional institutions around these categories. It seems that the Russian Ombudsman for the Protection of Entrepreneurs' Rights had both the information and the grounds to declare that "it is always harder for businesspeople to be in prison, especially in a colony, not even in a pre-trial detention center". The mass media have reported many times about the facts of harassment of this category of convicts, extortion of property and money from them. These negative phenomena were reflected, though not to the fullest extent, in the survey of those convicted of economic and official crimes.

Thus, answering the question about whether there were any facts of harassment (insults, use of physical force, bullying) of those convicted of economic crimes, the respondents expressed the following opinion. The majority of respondents (64%) replied that they had not encountered such facts. One in four respondents (26%) found it difficult to answer this question. At the same time, almost every tenth (9%) respondent replied that such facts had taken place. One convict replied that he was afraid to answer this question, from which it can be concluded that these facts exist, but many hide them.

The results of the answer to the question of whether there were facts of extortion of money, property, business from those convicted of economic crimes by other convicts were as follows. The majority of respondents (60%) deny such facts; 24% of respondents found it

difficult to answer this question. At the same time, almost one in ten (9%) replied that there had been facts of extortion. Some respondents (7%) noted that there had been such facts, but they had been requests from convicts rather than extortion.

Similar results were obtained when answering questions about those who committed malfeasance of office.

Thus, when asked whether the respondents had met with the facts when other convicts harassed (insulted, used physical force, bullied) those convicted of official crimes, more than half (59%) replied that they had not met with such facts while serving their sentence. Almost every third person (30%) found it difficult to answer this question. At the same time, 11% of convicts met with such facts.

When asked whether there were facts when other convicts extorted money, property, business from those convicted of official crimes, the majority of respondents (62%) replied that there were no such facts. Every fourth (26%) found it difficult to answer this question, but almost every twelfth (8%) noted that such facts had been requests from convicts rather than extortion. However, 4% of respondents confirm the facts of extortion.

At the same time, we cannot ignore the arguments of opponents of sending those convicted of economic and official crimes to separate correctional institutions.

First of all, it is an economic factor: sending convicts to separate correctional colonies will increase budget expenditures, in particular for the transportation of convicts, since there will be few such correctional colonies. Employees of correctional colonies pointed to material expenses as an obstacle to the implementation of the idea of separating economic (21%) and official (16%) criminals.

The foreign policy factor in the form of a possible violation of Article 8 of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms is also important, since there is a risk of increasing the proportion of convicts serving imprisonment far from the place of permanent residence of their families.

Purely pragmatic considerations should also be taken into account. It is no secret that the administration often uses the experience and (or) connections of those convicted of economic and official crimes for the purposes of establishing production in the colonies. Would it be justified to deprive them of this kind of additional mechanism for intensifying produc-

tion activities and providing convicts with work, if those convicted of economic and official crimes would be held in separate correctional colonies? In our opinion, before such a decision is made, additional scientifically substantiated measures should be implemented to improve the situation with the involvement of convicts in paid work.

Results

As it is clear from the above, public and professional opinion is not inclined to share extreme positions (ultra-liberal or ultra-radical) in matters of punishing economic and official criminals. It quite realistically assesses the criminal policy and judicial practice at the present stage of the state's development and allows, within certain limits, the punishment in the form of imprisonment to be applied to economic and official criminals. We should particularly note that both categories of persons interviewed in the framework of this study tend to approve the imprisonment of persons who have committed malfeasance in office rather than economic criminals.

At the same time, we see that in the public opinion, there is dissatisfaction with the fact that economic and official criminals serve their custodial sentences together with other categories of convicts. There is no such dissatisfaction in the professional opinion: the majority of the interviewed correctional officers do not support the idea of sending such convicts to separate correctional institutions.

At the same time, in modern conditions characterized by contradictory development

of the market economy and inherent corruption of the state apparatus, the task of further differentiation of those sentenced to imprisonment remains urgent. This task is based on the provisions of the Concept-2030, which defined measures to ensure security in correctional institutions and create conditions for separate detention of various categories of convicts. It seems that the implementation of these conceptual provisions can be carried out in different ways, including the allocation of persons convicted of economic and official crimes to a separate group within the framework of modernization of the penal system planned in the Concept-2030. One of the specific directions of such modernization in the concept document provides for the development and implementation of a project to create a unified type of institution by 2024. It means the concentration of various types of correctional institutions and pre-trial detention facilities in a single center on a regional or even interregional basis.

The opening of joint correctional (multifunctional) institutions is a rather large and ambitious project. This work can continue for more than one decade. On the part of science, this project will require constant scientific support, careful study of problematic issues, including issues of separate detention of categories of convicts that differ in their socio-demographic and criminological characteristics. This work can be carried out with the involvement of a wide range of domestic scientists and practitioners in the field of penal enforcement and related fields of activity.

REFERENCES

1. Akimzhanov T.K. Specialization as one of the necessary conditions for improving the effectiveness of the execution of criminal punishment in the form of imprisonment. In: Seliverstov V.I. (Ed.). *Otbyvanie lisheniya svobody osuzhdennymi za ekonomicheskie i (ili) dolzhnostnye prestupleniya: itogi teoreticheskogo issledovaniya* [Serving of imprisonment by persons convicted of economic and (or) official crimes: the results of a theoretical study]. Moscow: Yurisprudentsiya, 2019. 464 p.
2. Aleksandrova I.A. From preferences to equality: waiting for changes in the new criminal economic policy. *Vestnik Nizhegorodskoi pravovoi akademii=Herald of the Nizhny Novgorod Academy of Law*, 2014, no. 3 (3), pp. 29–32. (In Russ.).
3. Bavsun M.V., Borkov V.N., Nikolaev K.D. The concept of modernization of criminal legislation in the economic sphere: a critical analysis. *Nauchnyi vestnik Omskoi Akademii MVD Rossii=Scientific Bulletin of Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2011, no. 4 (43), pp. 12–16. (In Russ.).
4. *V Gosdume predlozhili kaznit' korruptsionerov i sdelat' dlya nikh otdel'noe kladbishche* [The State Duma proposed to execute corrupt officials and bury them in a separate cemetery]. Available at: https://pikabu.ru/story/v_gosdume_predlozhili_kaznit_korruptsionerov_i_sdelat_dlya_nikh_otdelnoe_kladbishche_6469852 (accessed August 1, 2021).
5. *V Rossii mogut poyavit'sya chastnye tyur'my dlya biznesmenov* [Private prisons for businessmen may appear in Russia]. Available at: <http://www.dg-yug.ru/rubriki/world/89867-v-rossii-mogut-poyavitsya-chastnyie-tyurmyi-dlya-biznesmenov.html> (accessed April 4, 2017).
6. Ivanov S. Separate sections for entrepreneurs accused of economic crimes will appear in pre-trial detention centers. *Rusbase*, September 12, 2018. Available at: <https://rb.ru/news/sizo-business/> (accessed November 16, 2018). (In Russ.).
7. *Interv'yu zamestitelya direktory FSIN Rossii na radiostantsii "Ekho Moskvy" 14 noyabrya 2018 goda. FSIN zayavila o nekhvatke mest v koloniyakh dlya byvshikh silovikov* [Interview of the Deputy Director of the Federal Penitentiary Service of Russia on the radio "Echo of Moscow" on November 14, 2018. FSIN announced a shortage of places in the colonies for former security forces officers]. Available at: <https://iz.ru/812148/2018-11-14/fsin-zaiavila-o-nekhvatke-mest-v-koloniiakh-dlia-byvshikh-silovikov> (accessed July 31, 2021).

8. Kleimenov M.P. Problems of codification of the criminal law: history, modernity, future (dedicated to the 200th anniversary of the draft Criminal Code of 1813). In: Komissarov V.S. (Ed.). *Materialy VIII Rossiiskogo kongressa ugolovnogo prava, sostoyavshegosya 30–31 maya 2013 g.* [Proceedings of the 8th Russian Congress on Criminal Law, held on May 30–31, 2013]. Moscow: YurLitinform, 2013. 684 p. (In Russ.).
9. Koroleva E. Do your time without trouble: scammers will be saved from rapists. *Gazeta RU*, September 12, 2018. Available at: <https://www.gazeta.ru/social/2018/09/11/11960965.shtml> (accessed November 16, 2018). (In Russ.).
10. Meško G. Expert opinion. In: Seliverstov V.I. (Ed.). *Otbyvanie lisheniya svobody osuzhdennymi za ekonomicheskie i (ili) dolzhnostnye prestupleniya: itogi teoreticheskogo issledovaniya* [Serving of imprisonment by persons convicted of economic and (or) official crimes: the results of a theoretical study]. Moscow: Yurisprudentsiya, 2019. 464 p. (In Russ.).
11. Nikitina I.A. Improvement of the criminal legislation of the Russian Federation on responsibility for crimes in the sphere of economic activity. In: Komissarov V.S. (Ed.). *Materialy VIII Rossiiskogo kongressa ugolovnogo prava, sostoyavshegosya 30–31 maya 2013 g.* [Proceedings of the 8th Russian Congress on Criminal Law, held on May 30–31, 2013]. Moscow: YurLitinform, 2013. 684 p. (In Russ.).
12. Is there a need for private prisons in Russia? Special conditions of imprisonment are offered for businessmen. *Kommersant FM*, March 9, 2017. Available at: <http://www.deloros.ru/nuzhny-li-chastnye-tyurny-v-rossii.html> (accessed April 5, 2017). (In Russ.).
13. On the Concept for development of the penal system of the Russian Federation for the period up to 2030: Resolution of the Government of the Russian Federation no. 1138-r of April 29, 2021. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 2021. No. 20. Article 3397. (In Russ.).
14. Pertli L.F. Analytical review with proposals based on the results of the study of foreign experience of serving imprisonment by persons convicted of economic and official crimes, taking into account their criminological and socio-demographic characteristics. In: Seliverstov V.I. (Ed.). *Otbyvanie lisheniya svobody osuzhdennymi za ekonomicheskie i (ili) dolzhnostnye prestupleniya: itogi teoreticheskogo issledovaniya* [Serving of imprisonment by persons convicted of economic and (or) official crimes: the results of a theoretical study]. Moscow: Yurisprudentsiya, 2019. 464 p.
15. Rogozin spoke in favor of execution rather than imprisonment for corruption in the defense industry. *Tekhnologii i media=Technologies and the Media*, August 8, 2021. Available at: https://www.rbc.ru/technology_and_media/08/08/2021/610f07c09a7947abc280d855?utm_source=yxnews&utm_medium=desktoptps (accessed April 5, 2017). (In Russ.).
16. Skakov A.B. Expert opinion. In: Seliverstov V.I. (Ed.). *Otbyvanie lisheniya svobody osuzhdennymi za ekonomicheskie i (ili) dolzhnostnye prestupleniya: itogi teoreticheskogo issledovaniya* [Serving of imprisonment by persons convicted of economic and (or) official crimes: the results of a theoretical study]. Moscow: Yurisprudentsiya, 2019. 464 p.
17. Smirnov L.B. *Kriminologicheskie problemy ugolovnogo nakazaniya v vide lisheniya svobody: korrektsiya tselepolaganiya, printsipov i realizatsii* [Criminological problems of criminal punishment in the form of imprisonment: correction of goal-setting, principles and implementation]. Available at: <http://www.criminologyclub.ru/home/3-last-sessi-ns/297-2017-03-19-12-26-26.html> (accessed March 20, 2017).
18. Shabanov V.B. Expert opinion. In: Seliverstov V.I. (Ed.). *Otbyvanie lisheniya svobody osuzhdennymi za ekonomicheskie i (ili) dolzhnostnye prestupleniya: itogi teoreticheskogo issledovaniya* [Serving of imprisonment by persons convicted of economic and (or) official crimes: the results of a theoretical study]. Moscow: Yurisprudentsiya, 2019. 464 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

VYACHESLAV I. SELIVERSTOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, professor of the Department of Criminal Law and Criminology at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, professor of the Department of Criminal-Legal Disciplines at Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9554-5438>, e-mail: vis_home@list.ru

Received August 5, 2021

DOI: 10.46741/2686-9764-2021-15-3-621-627

UDC 343.8

Theoretical, Legal and Organizational Foundations of Volunteer Activities in the Field of Social Adaptation of Individuals Sentenced to Non-Custodial Punishment in Russia

SERGEI L. BABAYAN

Research Institute of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation
Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8712-0192>, e-mail: bsl09@mail.ru

NIKOLAI V. OL'KHOVIK

Research Institute of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation
National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7150-7234>, e-mail: lawtsu@rambler.ru

SVETLANA A. FADEEVA

Research Institute of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation
Nizhny Novgorod Institute for Education Development, Nizhny Novgorod, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7150-7234>, e-mail: fadeeva1607@gmail.com

IRINA A. LAKINA

Research Institute of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5342-2886>, e-mail: shumik.88@mail.ru

LIDIYA P. PITKEVICH

Research Institute of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2040-0960>, e-mail: Lida-19832008@yandex.ru

Abstract

Introduction: the article investigates theoretical, legal and organizational foundations for participation of volunteers in the social adaptation of individuals convicted to non-custodial punishments. *Aim:* we review theoretical, legal and organizational foundations of the work of volunteers in the field of execution of sentences in Russia and foreign countries and show the prospects for their participation in the social adaptation of individuals convicted without isolation from society in our country. *Methods:* comparative legal, empirical methods of description, interpretation, theoretical methods of formal and dialectical logic, private scientific methods: legal-dogmatic and method of interpretation of legal norms. *Results:* in the life of those convicted to non-custodial punishments, volunteerism performs mobilization, regulatory, stimulating, communicative functions, as well as the functions of socialization and self-affirmation. *Conclusions:* we propose to supplement the list of activities in respect of which the federal executive authorities, executive authorities of constituent entities of the Russian Federation, and local government bodies approve the procedure for interaction between state and municipal institutions and volunteers, with one more type of activity such as assistance in the work of institutions and bodies executing sentences, participation in the reformation of convicts and their social adaptation. We substantiate the proposals on assigning the state authorities of the Russian Federation, constituent entities of the Russian Federation, and local government bodies the obligation to provide organizational, informational,

methodological and other support to the subjects of voluntary (volunteer) activities that promote the work of institutions and bodies executing sentences, to take into account the voluntary (volunteer) activity of the convicted person when determining the degree of their reformation, recognition of the active participation of the person convicted to non-custodial punishment in voluntary (volunteer) activities as the basis for applying incentive measures to such convicts.

Keywords: penal law; non-custodial punishments; the public; probation inspectorates; volunteers.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

For citation: Babayan S.L., Ol'khovik N.V., Fadeeva S.A., Lakina I.A., Pitkevich L.P. Theoretical, legal and organizational foundations of volunteer activities in the field of social adaptation of individuals sentenced to non-custodial punishment in Russia. *Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 3, pp. 621–627. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-3-621-627.

Introduction

Volunteerism is one of the tools for the social, economic and spiritual development of civil society. A developed institution of volunteerism is a characteristic feature of a stable social system. New opportunities for self-realization of citizens, as well as the dissemination of relevant practices in social development are among the target priorities of volunteerism. A volunteer is a person who voluntarily participates in any activity, and volunteerism is the participation of a person in any organization or movement on their own volition and on their own accord.

Volunteering attracts the attention of researchers from different fields of science. I.L. Korneeva [4], O.I. Kholina [14], L.I. Yakobson [3; 17] study volunteerism as one of the practices of civil society; L.I. Nikovskaya, V.N. Yakimets [5], A.V. Sokolov [11] study volunteerism as a practice of forming public interests; A.A. Klepikova [2], M.V. Pevnaya [7], Z.Kh. Saraliev [8; 9] study volunteerism in the context of involvement in social work, etc. However, unfortunately, relatively few theoretical studies are devoted to the influence of volunteerism on the process of reformation and socialization of convicts. If necessary, we can rely only on the works of L.I. Sikorskaya [10], N.V. Tarasova [12], which reveal pedagogical and educational aspects of volunteerism.

Materials and methods

Volunteerism, which takes place among those sentenced to non-custodial punishments, is not only the implementation of socially oriented activities to address social problems. A number of approaches are potentially feasible when volunteerism is determined as a methodological basis for the socialization of the individuals under consideration:

- personality-oriented approach that considers a convicted person participating in voluntary activities as an active subject of their

own re-socialization and reformation based on personal potentials and opportunities;

- information and educational approach based on the principle “from equal to equal”, when convicts can provide all possible support and assistance to each other;

- axiological approach justifying the value component of voluntary activity for the life and well-being of the convicted person;

- system approach that considers volunteerism as an organizational integrity that combines goals, resources, processes, etc.

The Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia conducted a survey of employees from 30 territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia so as to summarize positive practices related to the work of voluntary (volunteer) organizations (teams, groups, links) among those sentenced to punishments and measures of a criminal nature without isolation from society. We emphasize that the work on involving volunteer organizations in the process of socialization of convicts under consideration is carried out in all the bodies involved in the study.

Results and discussion

Volunteerism as a tool of positive influence on those sentenced to non-custodial punishments seems to be a rather complex socio-cultural phenomenon. Its main functions in the life of convicts are: mobilization, regulatory, stimulating, communicative, as well as the functions of socialization and self-affirmation.

We should note that volunteerism has a huge socio-pedagogical potential, therefore, the use of this resource for the reformation and re-socialization of convicts can both cause immediate positive social effects and have delayed educational results.

The Concept for development of volunteerism in the Russian Federation until 2025,

approved by the Resolution of the Government of the Russian Federation no. 2950-r dated December 27, 2018 (hereinafter referred to as the Concept of Volunteerism), point out that promoting the development and dissemination of voluntary (volunteer) activities is among priority areas of social and youth policy. The Constitution of the Russian Federation lays down the legal basis for the implementation of voluntary (volunteer) activities [13], and the practice of volunteerism is built, as a rule, on the basis of Federal Law 135-FZ dated August 11, 1995 "On charitable activities and volunteerism" (hereinafter – Federal Law 135) and the Concept of Volunteerism.

When defining the legal basis for the activity of volunteers in the process of social adaptation of individuals sentenced to non-custodial punishment we find it necessary to recall the definition of the term "voluntary activity". So, voluntary (volunteer) activity is understood as free-will activity in the form of gratuitous performance of works and (or) provision of services for the purposes that are exhaustively provided for in Paragraph 1 of Article 2 of Federal Law 135.

Non-governmental associations can assist in the work of institutions and bodies executing punishments; they also take part in the reformation of convicted persons (Article 23 of the Criminal Code of the Russian Federation). There arises a natural question concerning the goals of volunteer activity relevant for the work of volunteers with convicts and the targets of assistance in the work of institutions and bodies executing sentences.

It is known that those sentenced to punishments and measures of a criminal-legal nature that are not related to isolation from society are registered with probation inspectorates of the territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia. Since the goals of such punishments are to reform convicts and prevent the commission of new crimes, there is no doubt that priority in volunteerism is given to its preventive function as a way to prevent socially dangerous conduct.

It is worth emphasizing that convicts registered with probation inspectorates are heterogeneous in their socio-demographic, socio-role, moral-psychological, criminal-legal and criminal-executive characteristics, and the process of determining crime and other socially dangerous forms of human conduct includes many interrelated factors [6]; therefore, the goals of voluntary (volunteer) activity listed in Paragraph 1 of Article 2 of Federal Law 135

remain relevant when applied to the work with individuals sentenced to non-custodial punishments. Most of these goals seem to be directly correlated with the terms "social adaptation" and "resocialization". These terms are contained in Federal Law 182-FZ of June 23, 2016 "On the basics of the crime prevention system in the Russian Federation". It is in this document that the term "social adaptation" is used; and it is defined as a set of measures aimed at providing assistance to persons in a difficult life situation (who include persons serving non-custodial sentences) in the implementation of their constitutional rights and freedoms, as well as assistance in labor and household arrangements (Article 24).

In accordance with Article 5 of Federal Law 135, participants in voluntary (volunteer) activities are volunteers, organizers of voluntary (volunteer) activities and voluntary (volunteer) organizations. It also defines that volunteers are individuals who carry out voluntary (volunteer) activities for the purposes specified in Paragraph 1 of Article 2 of this federal law, or for other socially useful purposes. Organizers of voluntary (volunteer) activities are non-profit organizations and individuals who attract volunteers on a permanent or temporary basis to carry out voluntary (volunteer) activities, and who manage the activities of volunteers.

In order to develop volunteerism, territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia constantly interact with various volunteer organizations that help to engage convicts serving non-custodial sentences in volunteer activities. When organizing preventive work with such individuals, including minors, it is of great importance to assist them in solving social problems (medical treatment, continuing education, employment, providing legal, material and other assistance).

Currently, more than 70 agreements on cooperation with regional centers of the Association of Volunteer Centers, 76 agreements with the regional centers of the National Parent Association and 572 agreements with voluntary (volunteer) movements and youth non-governmental associations have been concluded.

During 2020, staff of the penal system, together with volunteer organizations, conducted more than a thousand events to provide social support to minors sentenced to non-custodial punishments, which covered more than 2,600 such individuals.

The results of a survey conducted by the Research Institute of the Federal Penitentiary Ser-

vice of Russia in May 2021 indicate that 100% of the territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia that participated in it are working to attract volunteer organizations to the process of socialization of those sentenced to non-custodial punishments.

For example, the Directorate of the Federal Penitentiary Service of Russia for the Vologda Oblast, using the information from the unified information system "Volunteers of Russia", determined the events in which convicts serving non-custodial sentences and penal officers can participate in all municipal entities of the Oblast. Relevant agreements have been concluded with volunteer units and voluntary movements at the municipal level. In June 2020 in the municipal state institution "Cherepovets Youth Center", a meeting of juvenile convicts with a representative of the Volunteer School was organized; at the meeting, one spoke about the activities of volunteer organizations and the ways of participating in the volunteer movement. Minors who are registered with probation inspectorates were given a booklet with information from Cherepovets Youth Center, which contains information about existing associations of the volunteer organization, ongoing actions and events, and contact details.

Probation inspectorates of the Directorate of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Samara Oblast signed agreements with the volunteer corps "Istochnik dobra" (source of good) and the volunteer movement "Volontery pobedy" (volunteers of victory). Probationers together with representatives of voluntary (volunteer) organizations provided household assistance to disabled people and physically challenged people in the second quarter of 2020 in Chelno-Vershinsky and Shentalinsky districts.

We think that when convicts serving non-custodial sentences are placed in the conditions of ordinary life organized by trained specialists, it contributes to reducing recidivism among this category of persons. Probation inspectorates have the opportunity to adjust the applied models of socio-pedagogical and educational work with convicts. However, the effectiveness of these processes is ensured only by the availability of the necessary regulatory and legal framework and socio-economic resources. In addition, cooperation between various social institutions in working with individuals sentenced to non-custodial punishments can make an invaluable contribution to their social adaptation. This is emphasized by the global

and European standards in the field of execution of non-custodial sentences. For example, the Recommendation of the Committee of Ministers of the Council of Europe on the Council of Europe Probation Rules 2010, taking into account the diversity of the functions performed by this agency, establishes the principle of interaction with other state bodies and organizations for the purpose of providing assistance to offenders (Paragraph 12). The same provision is contained in Paragraph 15 of the European Rules for Juvenile Offenders.

Moreover, a comparative legal study of the functions performed by probation services in Europe convincingly proves that they are implemented, as a rule, with mandatory interaction with other institutions [16, p. 236; 18].

For example, the probation service in Germany organizes the preparation of convicts for release, provides them with employment assistance and housing together with volunteers. As a rule, volunteering is carried out in two types: trusteeship (individual) and cooperation (group). Individual volunteering implies individual work on the part of a member of the public with a specific convict within the framework of a volunteer program, and group volunteering includes the work of a volunteer with a group of convicts (for example, a group organization of sports and leisure) [3, pp. 84–85]. In Germany, a program is being implemented to recruit and train volunteer assistants, among other things, through special courses, seminars and conferences.

In Latvia, the State Probation Service has started to attract volunteers to its work since 2017. Young people aged from 14 to 25 can participate in the volunteer program; older people who, for example, will work with a convict, who has spent more than five years in prison, can also participate as an exception. There are no age restrictions for volunteers. During supervision, the probation service tries to find a volunteer who could be interesting to the convict due to common hobbies, needs and skills. The agreement with the convicted person is concluded for the period of supervision and is valid, as a rule, from six months to four years. Anyone over the age of 18 can apply by filling out a questionnaire on the website of the State Probation Service. The questionnaire is sent to the applicant's place of residence, and after that an interview is held with them. A probation service client (a convicted person) fills out a questionnaire in which they point out what they are currently doing and what they want to learn.

The probation officer tries to identify risks and problems that need to be worked out. After filling out the questionnaire, the probation officer consults with the coordinator and evaluates the possibility of finding a suitable volunteer. After a while, a meeting is held, in which a coordinator, a volunteer and a client of the probation service participate. At the meeting, the rules of conduct are discussed and contacts are exchanged. The probation service client and the volunteer agree on their first meeting. The volunteer must communicate with the convicted person for at least eight hours a month, including telephone conversations, which is reflected in the meeting diary kept by the volunteer [1].

Federal laws contain provisions that are potentially applicable to the category of convicts under consideration. Thus, Article 24 of the federal law "On the basics of the crime prevention system in the Russian Federation" provides that social adaptation (including those sentenced to non-custodial punishment) occurs through:

1) "promoting the activities of organizations that provide jobs to persons in need of social adaptation, as well as to persons who have undergone treatment for drug addiction, alcoholism and substance abuse and rehabilitation;

2) providing social services to persons in need of social adaptation, including persons in difficult life situations, in social service organizations in accordance with Federal Law 442-FZ of December 28, 2013 "On the basics of social services for citizens in the Russian Federation", as well as regulations of state authorities of constituent entities of the Russian Federation;

3) providing state social assistance on the basis of a social contract in accordance with Federal Law 178-FZ of July 17, 1999 "On state social assistance";

4) involving non-governmental associations in assisting persons in need of social adaptation".

Article 17.3 of Federal Law 135 defines the powers of state authorities of the Russian Federation, state authorities of RF constituent entities and local government bodies in the field of volunteerism. The general requirements for the procedure for interaction of federal, regional and local executive authorities, state and municipal institutions subordinate to them, and other organizations with subjects of voluntary (volunteer) activity are established by the Government of the Russian Federation in Resolution 1425 dated November 28, 2018. This document sets out the procedure for interaction; however,

the list of activities for which it is approved is currently limited to only a few areas. Despite the fact that the identified areas of interaction apply to convicts registered with probation inspectorates, we consider it necessary to supplement the existing list with another item: assistance in the work of institutions and bodies executing sentences, participation in the reformation of convicts. In our opinion, it is necessary to emphasize the importance of ensuring public safety from criminal threats, providing for the possibility of stimulating the participation of volunteers in working with those sentenced to non-custodial punishment.

The creation and development of a voluntary movement of convicts will allow them to feel a connection with society and mitigate negative aspects of serving a sentence.

Taking into account the fact that the Criminal Code of the Russian Federation does not stipulate the right of convicts to participate in volunteerism (volunteering), it seems appropriate to indicate in Paragraph 6.2 of Article 12 of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation that convicts can participate in volunteer activities, provided that appropriate agreements are concluded by institutions and bodies executing punishments. It should also be noted that the active participation of convicts in volunteering is taken into account when the degree of their reformation is determined and the means of encouraging influence are applied to them. In addition, Article 23 of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation should provide that public associations, centralized religious organizations, as well as participants in voluntary (volunteer) activities can contribute to the work of institutions and bodies executing sentences and take part in the reformation of convicts.

It is advisable to stimulate the activity of convicts as part of voluntary (volunteer) organizations by applying incentive measures, incentive norms and institutions to them. Article 57 of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation should indicate that active participation in voluntary (volunteer) activities is one of the factors contributing to the application of incentive measures to those sentenced to restriction of freedom. It is necessary to take this activity into account when determining the degree of reformation, for example, when deciding on the cancellation of a suspended sentence and the removal of a criminal record in relation to conditionally convicted persons who are registered with a probation inspectorate.

Conclusions

Having analyzed the theoretical, legal and organizational foundations of the work of volunteers in the field of social adaptation of persons serving non-custodial punishments, we can say that a number of important aspects regarding the work of probation inspectorates should be revised. Among the priority areas, we should name the following:

- providing support to the organizers of voluntary (volunteer) activities, voluntary (volunteer) organizations, among other things, in their interaction with state and municipal institutions and other organizations;
- popularization of voluntary (volunteer) activities;
- promoting participation in municipal programs and events aimed at supporting volunteerism;
- support in the field of training and education of employees and volunteers in case it is

impossible to carry out voluntary (volunteer) activities without special training;

- participation in the methodological support of local government bodies on the elaboration and implementation of measures for development of volunteerism in municipalities;

- promoting the activity of convicts as volunteers (to take this activity into account when assessing the degree of reformation of a convict, namely, when canceling a suspended sentence and removing a criminal record) for the implementation of successful reformation impact and the formation of a positive social portfolio of convicts.

It seems that all the above-mentioned proposals to improve the assistance of volunteers in the work on the socialization of convicts can become a catalyst for the further development of volunteerism in the field of execution of non-custodial sentences, thereby contributing to the prevention of offenses and achieving the goals of criminal punishment.

REFERENCES

1. Interview with a specialist of the Latgale regional Probation Department of Latvia Sanita Suveizda. *Our city: News of Daugavpils: website*. Available at: <https://gorod.lv/novosti/307894-sluzhba-probatsii-privlekaet-volonterov-dlya-sotsializatsii-prestupnikov#ixzz6mu8dsaB9> (accessed June 1, 2021). (In Russ.).
2. Klepikova A.A. Volunteers of a charitable organization in a state institution for people with severe disabilities: constructs of volunteerism and professionalism. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki=Journal of Social Policy Studies*, 2011, vol. 9, no. 3, pp. 391–416. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/dobrovoltsy-blagotvoritelnoy-organizatsii-v-gosudarstvennom-uchrezhdenii-dlya-lyudey-s-tyazhelyo-invalidnostyu-konstrukty/viewer> (accessed June 1, 2021). (In Russ.).
3. Konzak D., Chernysheva O.M. The voluntary work in penitentiary establishments in Germany. *Vestnik instituta prestupleniy, nakazaniy, ispravleniy=Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*, 2014, no. 3 (27), pp. 83–89. (In Russ.).
4. Korneeva E.L. The main directions of research volunteer activities. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru.=Psychological Science and Education psyedu.ru.*, 2015, vol. 7, no. 1, pp. 131–141. (In Russ.).
5. Nikovskaya L.I., Yakimets V.N. Public policy and civil society (case study of Saint Petersburg). *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS=Political Expertise: POLITEX*, 2018, vol. 14, no. 1, pp. 57–67. DOI 10.21638/11701/spbu23.2018.105. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/publichnaya-politika-i-grazhdanskoe-obschestvo-sankt-peterburgskiy-keys> (accessed June 1, 2021). (In Russ.).
6. Ol'khovik N.V. The effectiveness of criminal punishment without a deprivation of liberty. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal=Russian Journal of Criminology*, 2018, vol. 12, no. 1, pp. 51–59. (In Russ.).
7. Pevnaya M.V. *Volonterstvo kak sotsial'nyi fenomen: upravlencheskii podkhod: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora sotsiologicheskikh nauk* [Volunteering as a social phenomenon: a managerial approach: Doctor of Sciences (Sociology) dissertation abstract]. Nizhny Novgorod, 2016. 42 p.
8. Saralieva Z.Kh. Innovative social macro-, meso-, and microtechnologies. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo=Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2013, no. 3-3, pp. 229–234. (In Russ.).
9. Saralieva Z.Kh. Specifics of professional activity of social workers. In: Saralieva Z.Kh. (Ed.). *Sotsial'nye innovatsii v razvitiy trudovykh otnosheniy i zanyatosti v XXI veke: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Social innovations in the development of labor relations and employment in the 21st century: proceedings of the international scientific and practical conference]. Nizhny Novgorod: NISOTs, 2014. Pp. 795–798. (In Russ.).
10. Sikorskaya L.E. *Organizatsiya dobrovol'cheskoi deyatel'nosti v gorodskoi srede: uchebno-metodicheskoe posobie* [Organizing volunteer activity in the urban environment: an educational and methodological manual]. Moscow: Nats. in-t biznesa, 2008. 212 p.
11. Sokolov A.V., Vlasova A.A. Volunteer resource for the development of society. *Vlast'=Power*, 2014, vol. 22, no. 11, pp. 110–115. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/dobrovolcheskiy-resurs-razvitiya-obschestva> (accessed June 1, 2021). (In Russ.).
12. Tarasova N.V. Volunteer activity as a historical and pedagogical phenomenon. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii=Pedagogical Education in Russia*, 2012, no. 4, pp. 46–52. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/volonterskaya-deyatelnost-kak-istoriko-pedagogicheskii-fenomen> (accessed June 1, 2021). (In Russ.).
13. Timets M.V., Gibadulinova L.R. Constitutional foundations of volunteer activity in the Russian Federation. *Uspekhi v khimii i khimicheskoi tekhnologii=Advances in Chemistry and Chemical Technology*, 2015, no. 5, pp. 82–84. (In Russ.).
14. Kholina O.I. *Instituzionalizatsiya volonterstva v strukturu rossiiskogo grazhdanskogo obshchestva: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata sotsiologicheskikh nauk* [Institutionalization of volunteerism in the structure of Russian civil society: Candidate of Sciences (Sociology) dissertation]. Krasnodar, 2012. 132 p.

15. Jakobson L.I., Mersiyanova I.V., Kononykhina O.N. et al. *Civil society in modernising Russia: analytical report of The Centre for Studies of Civil Society and the Non-for-Profit Sector of the National Research University "Higher School of Economics" according to the results of a "Civil Society Index – CIVICUS" project*. Moscow: NRU HSE, 2011. 48 p.
16. Goodman A. *Rehabilitating and Resettling Offenders in the Community*. Hoboken, New Jersey: John Wiley & Sons Ltd, 2012. 249 p.
17. Jakobson L., Leonard C., Nazarov Z. Do voluntary associations matter for the spread of civic activism in Russia? Matching technique applied to survey data. *Social Science Quarterly*, 2020, vol. 101, no. 1, pp. 183–200. DOI 10.1111/ssqu.12726.
18. Kampen T., Tonkens E. Empowerment and disempowerment of workfare volunteers: a diachronic approach to activation policy in the Netherlands. *Social Policy and Society*, 2019, vol. 18, no. 3, pp. 351–364.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

SERGEI L. BABAYAN – Doctor of Sciences (Law), Chief Researcher at Scientific Research Center-2, Research Institute of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation, professor at the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts, Faculty of Law, Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8712-0192>, e-mail: bsl09@mail.ru

NIKOLAI V. OL'KHOVIK – Candidate of Sciences (Law), Leading Researcher at Scientific Research Center-2, Research Institute of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation, associate professor at the Department of Criminal Law, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7150-7234>, e-mail: lawtsu@rambler.ru

SVETLANA A. FADEEVA – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Chief Researcher at Scientific Research Center-2, Research Institute of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation, professor at the Department of the Theory and Practice of Education and Additional Training, Nizhny Novgorod Institute for Education Development, Nizhny Novgorod, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7150-7234>, e-mail: fadeeva1607@gmail.com

IRINA A. LAKINA – Researcher at Scientific Research Center-3, Research Institute of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5342-2886>, e-mail: shumik.88@mail.ru

LIDIYA P. PITKEVICH – Researcher at Scientific Research Center-1, Research Institute of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2040-0960>, e-mail: Lida-19832008@yandex.ru

Received June 6, 2021

Verification of Reports on Prison-Related Crimes in the Context of Ensuring the Rights and Legitimate Interests of Convicts

ALEKSANDR S. SHATALOV

Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9696-416X>, e-mail: asshatalov@rambler.ru

Abstract

Introduction: the article considers problematic issues related to the participation of penal system officials in procedural activities to verify reports of crimes committed by convicted persons, accused persons, and suspects in correctional institutions, and puts forward proposals aimed at improving the effectiveness of these activities. Our arguments are directly related to the following: determining the moment from which the calculation of the terms of such an inspection should begin, assessing the expediency of such an inspection, actual content of the procedural actions it contains and participation of the defender in them. *Aim:* to analyze the stages of participation of officials of bodies and institutions of the penal system in procedural activities to verify reports of crimes committed by convicted persons, accused persons, and suspects in places of imprisonment, in order to classify the problems of implementing this process and identify ways to solve them. *Methods:* we use complex analysis to make a classification of the problems of responding to various violations of criminal law prohibitions on the part of persons sentenced to imprisonment, as well as suspects and accused persons in custody. *Results:* in the course of the analysis, we identified the following groups of problems: 1) problems related to the reasons for initiating a criminal case; 2) problems related to the verification of reports of prison offences; 3) problems related to the adoption of final procedural decisions and the provision of qualified legal assistance to convicted persons in the implementation of verification actions. Taking into account the specifics of the problems, we propose the ways to solve them. *Conclusions:* we convincingly show that the timely and professional response of officials of correctional institutions (including pre-trial detention centers) to various violations of criminal law prohibitions on the part of those sentenced to imprisonment, as well as suspects and accused persons held in custody, is mandatory and has a number of specific features due, first of all, to the environment in which such a response is carried out.

Keywords: initiation of a criminal case; pre-trial proceedings; correctional institution; urgent investigative actions; convicted person; report of a crime; penal system.

12.00.09 – Criminal procedure.

For citation: Shatalov A.S. Verification of reports on prison-related crimes in the context of ensuring the rights and legitimate interests of convicts. *Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 3 (55), pp. 628–634. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-3-628-634.

Introduction

The bodies and institutions of the Russian penal system function on the basis of the principles of legality, humanism, and respect for human rights. According to the current legislation, the work of Russia's penal system is clearly and unambiguously aimed at the execution of criminal penalties imposed on convicted persons and the detention of persons accused or

suspected of committing crimes [3]. However, in reality, such activities are multidimensional and go beyond the application of the norms of the penal enforcement law alone. For example, in cases when convicted persons commit new crimes while doing their time, the work of the bodies and institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia related to the initiation of criminal cases and the execution of urgent in-

investigative actions is organized taking into account relevant provisions of the current criminal procedure legislation.

Officially published statistical data indicate that the need for such activities arises quite often; moreover, it is continuously increasing against the background of the counteraction to the preliminary investigation [2] and a noticeable increase in the total number of prison offenses (from 838 in 2015 to 1,015 in 2019, that is, by 21%) [9]. If we group the crimes by type, we can see that, most often, convicts, while in strict isolation, decide to commit illegal actions connected with:

- extortion, deception and abuse of trust (28%);
- illegal trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances (26%);
- disruption of the work of correctional institutions (21%);
- escapes from correctional institutions (13%);
- violent actions (12%).

No doubt, in such conditions, there is a growing need for a timely and professional response on the part of correctional officers (in pre-trial detention centers, too) to various violations of criminal law prohibitions by those sentenced to imprisonment, as well as suspects and accused persons held in custody. Such a response is mandatory and has a number of specific features due to the environment in which it is carried out. Despite the fact that for many years penitentiary scientists have been purposefully, consistently and thoroughly studying these features [1; 4; 5; 6; 7; 10], the amount of issues directly related to the participation of penal officers in criminal procedural activities is not diminishing. It seems that the most significant of them are associated with the verification of reports of crimes and the production of verification actions during the implementation of such a verification.

Problems related to the reasons for initiating a criminal case

It is important to note that participation in criminal procedural activities for correctional officers has been and will be a secondary task. According to the law, they can do it, in particular, when checking reports of crimes committed or being prepared by convicted persons and when conducting urgent investigative actions after the initiation of a case, the preliminary investigation of which is recognized by the law as mandatory. Usually, penal staff are involved in the implementation of criminal procedural activities immediately after receiving the informa-

tion about the crime (or crimes). As a rule, it is issued in the form of a report which the correctional officer submits to the head of the correctional institution. The convicts themselves, as well as their representatives, also have the right to address the latter with such messages, but, striving to ensure their safety, they resort to this extremely rarely.

The procedure for receiving and registering messages of this kind in the bodies and institutions of the penal system is provided for by a special instruction approved by the Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation no. 250 of July 11, 2006, and generally corresponds to the procedure reflected in the joint order of the heads of law enforcement agencies of the Russian Federation “On unified accounting of crimes” [8]. The existence of problems, which will be discussed further, is largely due to the fact that the Criminal Procedure Code of the Russian Federation does not define the jurisdiction of the Federal Penitentiary Service as an executive authority empowered in accordance with federal law to carry out intelligence-gathering measures, and also does not take into account the specifics of carrying out criminal procedural activities in a compact and heavily guarded territory of a correctional institution, in strict compliance with regime requirements, among the convicts that can be carriers of criminal subculture, adherents of antisocial views, concepts, etc. Moreover, according to Federal Law 154-FZ of May 26, 2021, correctional officers have the right to announce official warnings to convicts about the inadmissibility of actions that create conditions for committing crimes (Article 17 of the RF Criminal Code). It is logical to assume that now the verification of reports of crimes of convicted persons will be preceded (or accompanied) by the work aimed at determining whether they continue to behave antisocially and recording their specific actions that create conditions for committing offenses, including those with signs of certain crimes for which there is criminal liability. The need to verify the report of a crime that appeared as a result of such proceedings will have to be determined by the head of a correctional institution on the basis of the actual content of the results of the professional activities of its employees, as well as the requirements of federal legislation and departmental regulatory legal acts. The head of a correctional institution can act as a body of inquiry in considering such reports about prison-related offences as legitimate reasons for initiating a criminal case,

if the reports meet certain criteria (that is, they were submitted by the appropriate subject and executed in accordance with the established procedure). If the received message does not meet these requirements, then before making a decision to refuse to check it, the head of a correctional institution must find out whether it is possible to receive a message that satisfies all the requirements of the law.

With the legal insolvency of the reason, a practical problem usually arises. It consists in the fact that the total period of the stage of initiation of a criminal case begins from the moment of registration of the message about a crime (including the one that is not formally a reason) rather than from the moment in which the verification begins. As a result, there may be cases of refusal to verify the received message of a crime allegedly on a legal basis. The confusion is caused by subordinate regulatory legal acts that in fact identify applicants (calling them persons against whom a crime has been committed) with eyewitnesses (who appear in them as persons who know something about the crime). Literally, they can be interpreted in the sense that an applicant is any person who reports a crime committed both against themselves and against other persons (except in cases of turning oneself in). However, according to the meaning of Article 143 of the RF Criminal Procedure Code, if an eyewitness notifies officials about the commission of a crime, then not a message, but a report of a law enforcement officer is made (that is, there is another reason to initiate a criminal case).

In fact, the same person in the RF Criminal Procedure Code is called the applicant and the victim, the suspect and the person detained on suspicion of committing a crime. Consequently, convicted persons who submit a message when they notify officials about a crime committed against them should be considered as applicants. After the decision to initiate a criminal case is made, these persons become victims, civil plaintiffs or their representatives, that is, participants in criminal proceedings who have an independent legal interest in the criminal case recognized at the legislative level. In turn, a convicted person who has declared a crime they themselves committed, as a rule, later becomes a suspect. Other persons who witnessed the commission of a crime on the territory of a correctional institution, or penal staff of this institution who were informed about the crime, may later become witnesses in a criminal case (for example, an operation-

al officer who received information about a committed or impending crime from a trusted person) or not become such (for example, a prosecutor who identified signs of a crime during the inspection they were conducting, who eventually issued a resolution on sending the materials they collected to the head of the investigative body to resolve the issue of criminal prosecution of a convicted person). However, all these subjects of criminal procedural relations usually appear at the stage of preliminary investigation (that is, after the decision to initiate a criminal case is made), and the victim and the civil plaintiff – only after the decision is made to grant them the appropriate procedural status, which, according to law, depends on the will of the participant in the criminal process responsible for the course and outcome of the criminal proceedings.

In the law enforcement practice, the requirement is strictly observed that the applicant is a fully capable person who has reached the age of eighteen (that is, they have all the rights and obligations provided for by civil legislation). But here a reasonable question arises: if a crime was committed against a convicted minor, then who should submit the application – the minor or their legal representative? We believe that the statement about a committed crime should be accepted both from the legal representative and from the convicted minor, since the minor is the primary source of information about the crime. Granted, this opinion does not look indisputable, since, being underage, a young person does not yet have all the rights. In such a situation, it is not so much the minor, but their legal representative who should decide whether to apply for a crime committed against the minor. Therefore, the official who receives and registers the application, in addition to all other circumstances, should establish the right of the person, who submitted the application, to represent the interests of the convicted minor. Taking into account the fact that the Civil Code of the Russian Federation in Articles 21 and 27 allows for the full legal capacity before a person reaches the age of eighteen (for example, in the case of marriage and emancipation), the official should find out the presence or absence of relevant circumstances when accepting the statement about a crime.

In this regard, it is necessary to mention such a mandatory attribute of a statement about a crime as the applicant's signature verifying the fact that they were explained the possibility of the occurrence of liability provided for by law

under Article 306 of the RF Criminal Code for a deliberately false denunciation. Since criminal liability for this crime occurs only from the age of sixteen, it is not possible to fulfill this requirement of the legislator when accepting an application from a convicted person who has not reached this age.

A convicted eyewitness who made an oral or written statement about a crime can serve as an independent source of information about the crime. At the stage of initiating a criminal case, they can inform the representatives of the administration of a correctional institution about the crime that they personally observed or indicate the person who committed this crime, which may become the basis for detention. Nevertheless, the RF Criminal Procedure Code does not regulate the procedure for receiving reports on crimes from eyewitnesses: Article 143 mentions only the obligation of officials to draw up a report on the detection of signs of a crime based on the results of the survey, and only after they verify the message of the eyewitness.

The next subject who has the opportunity to form a reason for initiating a criminal case is the convicted person who has turned themselves in, that is, who made a voluntary oral or written report about the crime they had committed. The analysis of the norms of the current criminal procedure legislation allows us to identify a number of requirements, in the presence of which a confession on the part of a convicted person can be considered as a reason for initiating a criminal case:

- the report must be personal and voluntary, that is, made of one's own volition;
- the voluntary surrender must take place before the convicted person's crime becomes known from other sources.

Another reason for initiating a criminal case, provided for in the RF Criminal Procedure Code, is a message about a crime received from other sources. It has already been said that it can be a report of a correctional institution employee who revealed a crime. Such a report is often compiled based on the results of intelligence-gathering activities, since Part 2 of Article 11 of Federal Law 144-FZ of August 12, 1995 (as amended on July 1, 2021) "On intelligence-gathering activities" establishes that the results of this kind can serve as a reason and a basis for initiating a criminal case, be submitted to the body of inquiry, to the investigator or to the court in which the criminal case is being conducted, and also be used in proving criminal

cases in accordance with the provisions of the criminal procedural legislation of the Russian Federation regulating the collection, verification and evaluation of evidence.

One more reason for initiating a criminal case, which the law recognizes, is the prosecutor's decision to send materials containing signs of a crime to the preliminary investigation body to decide upon the initiation of criminal prosecution. Let us pay attention to the fact that this wording literally repeats the wording of the prosecutor's right (Paragraph 2 of Part 2 of Article 37 of the RF Criminal Procedure Code) to make a reasoned decision on sending the relevant materials to the investigative body or the body of inquiry decide upon the initiation of criminal prosecution on the facts of violations of criminal legislation revealed by the prosecutor. We believe that highlighting this reason as a separate type did not have sufficient grounds, since it can well be considered as a message about a crime received from other sources.

Problems related to the verification of messages about prison-related crimes

The verification of messages about new prison-related offences and the adoption of procedural decisions based on its results are also accompanied by certain problems. As a rule, the latter are caused by the unresolved nature of many issues related to the use of the results of operational-regime measures carried out in accordance with the current penal enforcement legislation when checking reports on crimes, and the lack of proper interaction between related departments of penal institutions. This usually entails criminal procedural violations, the most typical of which include exceeding the deadlines for checking reports on crimes, red tape when transferring them under investigation, substitution of procedural actions provided for by the RF Criminal Procedure Code with operational-regime and other measures, etc.

In practice, determining the moment from which the duration of the inspection begins causes certain difficulties, since Part 1 of Article 144 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation says that the inquirer, the body of inquiry, the head of the body of inquiry, the investigator, the head of the investigative body is obliged to make their decision on the report of a crime within three days from the moment of its receipt. Thus, the course of the inspection period in the cases we are considering begins when the head of the correctional institution

receives a report on the detection of signs of a crime and makes a decision on it. At the same time, the head must instruct a subordinate official to verify the information contained in the report or other kind of message on the crime. On the basis of this instruction, this official is delegated the right to conduct the entire range of verification actions in accordance with the procedure established by the RF Criminal Procedure Code.

In their totality, these actions should form the content of each verification of reports on the crimes the convicts committed or prepared while serving the sentence imposed by the court. However, in reality, officials authorized by the heads of correctional institutions usually do not perform all verification actions, but only some of them, which are usually easy from the point of view of tactics and technology of practical implementation. The most common actions include receiving explanations, requesting documents and sending requests.

The correctional officers whom we interviewed in this regard almost never mentioned that, when checking reports on prison crimes, they resorted to appointing forensic examinations, obtaining samples for comparative research, conducting documentary checks, inspections, studies and obtaining a specialist's opinion. They conducted inspections of the crime scene, documents, objects, corpses, as well as examinations, only in isolated cases; at the same time, the total number of explanations received during a particular inspection usually varied from one to five. Most often, they interviewed convicts who suffered from the committed act, and convicts who allegedly committed it. It was much less often that they received explanations from other representatives of the administration of the correctional institution and from those convicts who witnessed the event that had taken place.

Problems related to the adoption of final procedural decisions and the provision of qualified legal assistance to convicted persons in the implementation of verification actions

On the basis of Part 1 of Article 145 of the RF Criminal Procedure Code, procedural activities related to the verification of a report on a crime committed on the territory of a correctional institution must end with the adoption of a procedural decision on the initiation of a criminal case, refusal to initiate it or transfer the received message in accordance with the jurisdiction. However, none of the representatives of the administration correctional institutions whom

we interviewed could recall cases when they themselves or their colleagues initiated criminal cases. At the same time, decisions to refuse to initiate criminal cases were not uncommon in their practical activities, as was the transfer of received reports of crimes in accordance with the jurisdiction. Consequently, despite the existence of appropriate powers, in cases where the results of considering the report on a crime confirm the presence of signs of a crime, and it would be logical to adopt a decision to initiate a criminal case, representatives of the administration of the correctional institution avoid its adoption in every possible way, even though they will participate in the preliminary investigation afterwards.

There is a logical explanation for this behavior, since on the basis of Article 157 of the RF Criminal Procedure Code, the body of inquiry, if there are signs of a crime for which the preliminary investigation is recognized as mandatory, has the authority not only to initiate a criminal case, but also to carry out urgent investigative actions after the adoption of this procedural decision. However, according to law, the possibility of practical implementation of these rights depends on the discretion of the prosecutor, whose position in this matter is most strongly influenced by the requirements of departmental regulations, which, with reference to Paragraph 19 of Article 5, Paragraph 3 of Article 149 and Article 157 of the RF Criminal Procedure Code, encourage the body of inquiry to initiate a criminal case, in which the preliminary investigation is mandatory, but only if there are signs of a crime and the need for urgent investigative actions in order to detect and register traces of a crime, as well as collecting evidence that requires immediate consolidation, seizure and research, in case when investigative bodies cannot perform these procedural actions promptly. Therefore, if the current situation does not require urgent measures, then sending the materials that show verification of the report of a crime to the territorial investigative body for making a decision on initiating a criminal case is the only correct decision, as a result of which it is unlikely that the prosecutor will subsequently cancel it due to incorrect qualification, incomplete verification or technical errors.

In the context of the problems under consideration, the issues related to the participation of the defender at the stage of initiating a criminal case deserve special attention. They usually arise in connection with the need to ensure the right of

persons subjected to criminal prosecution to obtain free legal assistance. The complexity of their solution is determined not so much by the lack of opportunities for immediate enforcement of this right (since visits of lawyers to correctional institutions are not uncommon), but by the lack of funds in the budget of the correctional institution to pay for the services of a defender. To solve this problem, the experience accumulated by the Federal Bailiffs Service can be used; the appendix to the order of the Federal Bailiffs Service no. 04-18 of November 30, 2011 contains clear and understandable methodological recommendations on the procedure for remuneration for the work of a defender participating in criminal proceedings in its divisions. We believe that similar recommendations should be developed in the Federal Penitentiary Service. They should provide that the relevant decision on behalf of the head of the correctional institution should be made at the request of a lawyer, indicating the time and place of compilation, data on the official who compiled it, the reasons for making a decision on the remuneration of the lawyer and the amount of the payment due to them. This resolution must be certified with the seal of the correctional institution and the signature of its head. Then, together with the order attached to it, issued by the lawyer association, it must be submitted to the financial and economic division of the correctional institution for transferring funds to the appropriate settlement account.

Conclusion

Ensuring law and order in pre-trial detention centers and institutions that execute criminal penalties in the form of imprisonment is one of the most difficult tasks assigned to the Federal Penitentiary Service of Russia [3]. The clear and consistent implementation of this task is should ensure the safety of convicts held in these institutions, persons in custody, officials

and citizens visiting them, as well as correctional officers. Despite the efforts made to ensure the rule of law, various offenses are often committed in correctional institutions. Of particular concern are prison-related crimes. They are distinguished not only by a fairly large prevalence, but also by a low detection rate, which is a consequence of shortcomings and omissions in the activities of law enforcement officers involved in their preliminary investigation. The fact that many heads of penitentiary institutions are afraid of a quantitative increase in criminally punishable actions in the territories under their control also has a negative impact on the quality of procedural activity. As a result, the official criminal statistics show mainly those crimes of convicted persons and persons in custody, which cannot be hushed up. Accordingly, the latency of prison crimes was and remains quite high, and the procedural activity itself carried out in connection with their commission is very far from ideal.

Closing remarks

Officials serving in the bodies and institutions of the penal system are not yet sufficiently motivated to use the procedural powers of the body of inquiry and their direct participation in pre-trial proceedings in criminal cases. Often, they are poorly prepared to participate in criminal procedural activities; this fact not only entails violations of the rights and legitimate interests of convicts, but also allows the latter to avoid criminal liability for new crimes committed on the territory of the correctional institution. In order to change the current situation, it is necessary, on the one hand, to systematically review their legal status in the penal enforcement and criminal procedure legislation, and on the other – to distinguish it clearly, depending on the nature of the tasks being solved.

REFERENCES

1. Akchurin A.V. *Lichnost' penitentsiarnogo prestupnika: kriminalisticheskii aspekt: monografiya* [The personality of a penitentiary criminal: a criminalistic aspect: a monograph]. Moscow: Yurлитinform, 2019. 224 p.
2. Akchurin A.V. On counteracting the investigation of prison-related crimes: features of the preliminary stage. *Penitentsiarnaya nauka=Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 2 (54), pp. 301–307. (In Russ.).
3. Questions of the Federal Penitentiary Service: Decree of the President of the Russian Federation no. 1314 of October 13, 2004. *Rossiiskaya gazeta=Russian Newspaper*, 2004, October 19. (In Russ.).
4. Belov O.A. et al. *Informatsionnoe obespechenie rassledovaniya prestuplenii, sovershaemykh v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh: uchebnoe posobie* [Information support of the investigation of prison crimes: textbook]. Moscow: Yurлитinform, 2012. 144 p.
5. Kachalov V.I. *Teoreticheskie osnovy dokazyvaniya pri ispolnenii itogovykh sudebnykh reshenii v ugovnom protsesse Rossii* [Theoretical foundations of proof in the execution of final court decisions in criminal proceedings of Russia]. Moscow: Yurлитinform, 2017. 160 p.
6. Krymov A.A. *Ugovno-protsessual'naya deyatel'nost' organov i uchrezhdenii ugovno-ispolnitel'noi sistemy Rossii: monografiya* [Criminal procedural activity of bodies and institutions of the penal system of Russia: monograph]. Moscow: Prospekt, 2017. 464 p.

7. Nikol'yuk V.V. *Zaklyuchenie pod strazhu osuzhdenного, skryvshegosya v tselyakh uklo-neniya ot otbyvaniya nakazaniya: doktrina, zakonodatel'naya konstruktsiya, tolkovanie i problemy prakticheskogo primeneniya: monografiya* [Detention of a convicted person who has decamped in order to evade serving a sentence: doctrine, legislative construction, interpretation and problems of practical application: monograph]. Oryol: OrYul MVD Rossii im. V. V. Luk'yanova, 2015. 236 p.

8. On the unified accounting of crimes: order of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters, the Ministry of Justice of the Russian Federation, the Federal Security Service of the Russian Federation, the Ministry of Economic Development and Trade of the Russian Federation, the Federal Drug Control Service of the Russian Federation dated December 29, 2005 no. 39/1070/1021/253/780/353/399. *Rossiiskaya gazeta=Russian Newspaper*, 2006, January 25. Available at: <http://www.rg.ru/2006/01/25/uchet-prestupleniy-dok.html> (accessed August 1, 2021). (In Russ.).

9. Characteristics of persons held in correctional colonies for adults. *Federal Penitentiary Service: official website*. Available at: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/jao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/> (accessed August 1, 2021). (In Russ.).

10. Shurukhnov N.G. *Rassledovanie prestuplenii, sovershennykh osuzhdennymi v ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniyakh* [Investigation of crimes committed by convicts in correctional labor institutions]. Moscow, 1992. 143 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ALEKSANDR S. SHATALOV – Doctor of Sciences (Law), professor at the Department of Criminal Procedure of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9696-416X>, e-mail: asshatalov@rambler.ru

Received July 31, 2021

Legal Regulation and Organization of the Work of Management Subjects Related to the Dismissal of Employees of the Penal System of the Russian Federation due to the Loss of Trust

SVETLANA V. ZAVITOVA

Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5936-1482>, e-mail: zavitova_s@mail.ru

NATALIYA A. MEL'NIKOVA

Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3697-4769>, e-mail: melnatale@mail.ru

Abstract

Introduction: the article considers problematic issues related to the work of management subjects (managers) and attestation commissions in situations when an employee of the penal system of the Russian Federation is dismissed due to the loss of trust. The *aim* of this study is to identify gaps in the current legislation on the service that arise when a measure of responsibility such as dismissal due to the loss of trust is applied; another aim consists in formulating proposals for improving legislation in this area. *Methods:* methodological basis of our study is represented by a set of methods of scientific cognition, among which the main place belongs to formal-logical, system-structural, and comparative-legal methods. *Results:* the study has shown that there are many problematic issues in the law enforcement practice regarding the dismissal of employees due to the loss of trust. The norms of the law do not clearly distinguish the components of corruption offenses for which an employee is subject to dismissal due to the loss of trust or may be brought to another type of liability. The issue regarding the status of the decision of the attestation commission remains unresolved; its decision is of an advisory nature, but at the same time, it is fundamental for making a decision by the employee's superior. There is an ongoing discussion on the composition of the attestation commission; and options for the selection of independent experts are proposed. *Discussion:* dismissal due to the loss of trust is a specific type of disciplinary penalty, and its implementation is carried out by authorized management entities within the framework of disciplinary proceedings. The procedure for making a decision on the dismissal of employees of the penal system due to the loss of trust needs further improvement in its legal and organizational aspects, taking into account modern law enforcement and judicial practice.

Key words: corruption offenses; dismissal due to the loss of trust; penal system; disciplinary responsibility; disciplinary penalty; attestation commission.

12.00.11 – Judicial activity, prosecutor's activity, human rights and law enforcement activity.

For citation: Zavitova S.V., Mel'nikova N.A. Legal regulation and organization of the work of management subjects related to the dismissal of employees of the penal system of the Russian Federation due to the loss of trust. *Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 3 (55), pp. 635–641. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-3-635-641.

Introduction

Compliance with the requirements of anti-corruption legislation by civil servants is one of the most important tasks of a state body within

the framework of the relevant direction of personnel work. Achieving this goal requires taking into account objective and subjective factors. The need to minimize corruption risks in the

state service by legal means is also pointed out in foreign literature; this fact confirms the relevance of the topic under consideration [19]. At the same time, we believe that bringing a civil servant to legal responsibility is the most effective deterrent measure of influence. For committing corruption offenses, employees can be brought to various types of legal responsibility [7, p. 72], including disciplinary responsibility through dismissal due to the loss of trust. This provision fully applies to employees of the penal system, too.

The institution of dismissal due to the loss of trust was introduced into the legislation relatively recently with the adoption of Federal Law 329-FZ of November 21, 2011 "On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation in connection with the improvement of public administration in the field of combating corruption" as a means of combating corruption offenses committed by civil servants in general and correctional officers in particular. The considered type of dismissal involves the inclusion of guilty persons in a special list – the register of persons dismissed due to the loss of trust. Thus, as of August 1, 2021, 2,918 people were included in this register [16].

Discussion

It is interesting that in legal literature there is an ongoing discussion regarding the nature of the institution of dismissal due to the loss of trust. The first group of scientists believes that dismissal due to the loss of trust is a disciplinary responsibility (for example, I.A. Bagdasaryan, E.V. Davydova, V.M. Koryakin, A.S. Telegin) [3, p. 2; 4; 17, p. 101]. These conclusions are based, among other things, on the decisions of the Supreme Court of the Russian Federation [14]. The second group of scientists considers dismissal due to the loss of trust as a specific type of responsibility that relates to disciplinary responsibility only indirectly (for example, V.I. Kuznetsova, Yu.V. Truntsevskii, L.A. Lomakina) [10, p. 159; 11, p. 168]. The scientists substantiate this viewpoint on the basis of the specifics of the legislation, since in the legislation, dismissal due to the loss of trust is considered as an independent type of responsibility rather than as one of the types of disciplinary penalties. The third group of scientists considers dismissal due to the loss of trust as an independent type of responsibility and characterizes it as disciplinary-and-official or as official responsibility, since a civil servant acts as a subject of responsibility, which is established by the law on the service (V.K. Aulov, M.B. Dobrobaba, N.A. Kan-

drina, Yu.N. Tuganov) [6, p. 199; 8, p. 50; 18, p. 10].

We believe that it would be most reasonable to consider dismissal due to the loss of trust as a specific measure of disciplinary responsibility.

The legislation on the service clearly establishes a list of grounds for which an employee is subject to dismissal due to the loss of trust. Thus, Article 85 of Federal Law 197-FZ of July 19, 2018 (as amended on April 30, 2021) "On the service in the penal system of the Russian Federation and on amendments to the Law of the Russian Federation "On institutions and bodies executing criminal penalties in the form of imprisonment" (hereinafter Law 197-FZ) provides the following grounds for dismissal:

1) the employee's failure to take measures to prevent and (or) resolve a conflict of interests in which they participate as one of the parties;

2) the employee's failure to provide information about their income, expenses, property and property-related obligations, about the income, expenses, property and property-related obligations of their spouse and minor children, or the provision of deliberately unreliable or incomplete information;

3) participation of an employee on a paid basis in the activities of the management body of a commercial organization, except for the cases established by federal law;

4) an employee's engagement in entrepreneurial activity;

5) the entry of an employee into the composition of management bodies;

6) violation by an employee, their spouse and minor children of the prohibition to open and have accounts (deposits), store cash and valuables in foreign banks located outside the territory of the Russian Federation.

Another reason for dismissal due to the loss of trust is the failure of the superior to take measures to resolve the conflict of interests, if they became aware of the emergence of a personal interest of their subordinate, which led or could lead to a conflict of interests.

As follows from the provisions of the legislation, all of these grounds are corruption offenses.

The activity of competent subjects to identify offenses committed in the state service and bring the perpetrators to disciplinary responsibility is an appropriate administrative procedure [13, p. 19]. Thus, according to Law 197-FZ, the procedure for dismissal due to the loss of trust is regulated in Article 53 and is similar to

the procedure for bringing a person to disciplinary responsibility for committing a corruption offense.

The decision to dismiss an employee due to the loss of trust is made by the head on the basis of a report on the results of an internal inspection conducted by the department for the prevention of corruption and other offenses, which is part of the personnel service of an institution or body of the penal system; and if the report on the results of the inspection was sent to the commission on compliance with the requirements for official conduct of federal civil servants and settlement of conflicts of interest (the attestation commission), then the recommendation of this commission is also taken into account. Thus, we can conclude that there is a duplication of the procedure for bringing a person to responsibility for corruption offenses.

When applying this type of responsibility, managers most often send materials to an attestation commission and make a decision based on its recommendations. We should agree with I.A. Abramov, who believes that appealing to an attestation commission is optimal, since it helps to clarify in more detail the causes, conditions and circumstances of a corruption offense and identify gaps in conducting preventive and information work with public servants. The scientist points out that as a rule, the cause of corruption offenses is legal illiteracy and inattention of employees [1, p. 146].

When applying measures of responsibility to a correctional officer, first of all, it is necessary to pay attention to the terms during which a penalty can be imposed. It should be understood that in this case, the general rule applies, and the violation of the procedural deadlines may be the basis for canceling the decision made [15, p. 15].

Thus, according to Part 5 of Article 53 of Law 197-FZ, the penalty in the form of dismissal due to the loss of trust must be applied no later than six months (while certain periods of time – vacation, business trip, temporary disability, and the period of criminal proceedings – are not included in this time period) from the day when the information about the commission of a corruption offense by an official was received. This day should be considered the day when the person authorized to impose a penalty on the employee receives a report on the results of the inspection. The deadline for bringing an employee to responsibility will be a three-year period from the date of committing this act.

According to the analysis of judicial practice, we see that courts often cancel the decisions of territorial bodies of the penal system on the termination of contracts on the grounds of the loss of trust due to non-compliance with the established deadlines.

Thus, according to the decision of December 6, 2019 no. 2-3318/19, the Leninsky District Court of Rostov-on-Don declared the personnel order no.-I/s dated ... of the Main Directorate of the Federal Penitentiary Service of Russia for the Rostov Oblast on the termination of the contract on the service in the penal system of the Russian Federation and the dismissal of citizen N. according to Paragraph 14 of Part 3 of Article 84 (due to the loss of trust) to be illegal. During the proceedings, it was established that the dismissal of the plaintiff from their post was carried out by an order dated September 5, 2019, during the period of the plaintiff's temporary disability, which became the basis for the cancellation of the dismissal order.

The so-called anti-corruption inspection is an important step in the procedure on dismissal due to the loss of trust. Anti-corruption inspections can be carried out by the units of personnel services for the prevention of corruption and other offenses independently or by sending a request to the federal executive bodies authorized to carry out intelligence-gathering and investigative activities in accordance with Federal Law 144-FZ "On intelligence-gathering activity" dated August 12, 1995. Consequently, the powers of subjects who bring employees of the penal system to liability for corruption offenses (anti-corruption inspection) are broader than those of subjects of a service inspection, since in accordance with Law 197-FZ the service inspection does not provide for the performance of actions beyond the internal activities of the state body.

Personnel departments on combating corruption are an important subject, since they are entrusted with a wide range of duties and functions. If an employee is suspected of having committed a corruption offense, the human resources anti-corruption unit requests the head to schedule an inspection, which should establish or disprove the existence of a corruption offense. Upon completion of the inspection, the employee may be held liable depending on the severity of the corruption offense committed, including dismissal due to the loss of trust.

The peculiarity of conducting an anti-corruption inspection consists in the lack of legislative requirement to obtain an explanation from the

employee, who committed a corruption offense. We consider it possible to recognize this as a legal and technical flaw on the part of the legislator, because the explanation given by the employee helps to clarify the circumstances of the case, provides the employee with an opportunity to defend themselves by indicating the circumstances that exclude their guilt in the committed act.

According to the analysis of the provisions of Law 197-FZ we see that the legislator did not provide for any factors preventing the dismissal of an employee of the penal system during an official inspection in connection with the termination of an official contract on their own initiative or by agreement of the parties.

Moreover, the legislation does not contain a requirement that the initiated internal inspection should end up with relevant findings and the preparation of an appropriate conclusion. Therefore, in the case of dismissal of an employee of the penal system during the inspection, it is common practice to terminate the proceedings without a legal assessment and qualification of the act as a corruption manifestation, due to the fact that the person against whom the inspection is carried out loses the status of an employee after their dismissal.

Thus, there is a flaw in the anti-corruption legislation that allows an internal inspection to be terminated without a legal assessment of the essence of actions (inaction) that can potentially be regarded as corruption offenses and lead to the loss of trust.

To a certain extent, such an outcome of the inspection is beneficial both for the head of the state body and for the offender, since the reasons for the loss of trust often had to be identified (and could be identified) either at the stage of concluding a contract, or before the emergence of reasons for the current internal inspection. An objective and unbiased qualification of the actions of an employee of the penal system as a person who has lost trust, in any circumstances, automatically raises the question of the competence of the anti-corruption structures of the state body.

It seems that this legal gap contributes to the spread of corruption factors and requires mandatory elimination, since it levels off the latest legislative novelty of Federal Law 273-FZ of August 25, 2008 (as amended on May 26, 2021) "On combating corruption" related to maintaining the register of persons dismissed due to the loss of trust.

Attestation commissions that carry out anti-corruption inspection are optional participants

in disciplinary proceedings. Attestation commissions are collegial advisory bodies consisting of various specialists and independent members.

The powers of attestation commissions in bringing employees of the penal system to responsibility are established by the Decree of the President of the Russian Federation no. 821 of July 1, 2010 (as amended on September 19, 2017) "On commissions for compliance with the requirements for official conduct of federal civil servants and the settlement of conflicts of interest". The head of the state body, on their own initiative, has the right to send a report on the results of the anti-corruption commission to attestation commissions.

It should be noted that these commissions do not have state powers. Some authors point out that, on the one hand, these are public bodies that implement anti-corruption measures taken by the heads of state bodies [9, p. 52]. On the other hand, they perform advisory and consulting functions. Within the framework of their activities, management decisions are developed in the field of combating corruption for the head of a state body.

Researchers express concerns about the performance efficiency of such commissions due to the fact that they are intradepartmental; it is suggested that the commissions on compliance with the requirements for the official conduct of civil servants and the settlement of conflicts of interest should be given a non-departmental status [12, p. 133].

Attestation commissions are formed by adopting the relevant legal act by a state body. This document approves the composition of the commission and the procedure for its work. The Central Office of the Federal Penitentiary Service of Russia has an attestation commission of the Federal Penitentiary Service for compliance with the requirements for the official conduct of employees of the penal system and the settlement of conflicts of interest (Order of the Federal Penitentiary Service of Russia no. 1040 dated December 9, 2016 (as amended on July 19, 2018)). Similar commissions are created in each territorial body of the department.

Scientific research shows that members of attestation commissions, which are representatives of scientific and educational institutions, are not always specialists in public service issues in general and anti-corruption measures in particular [12, p. 138]. Thus, when assessing their professional specialization and its compliance with the profile of the activity of the attes-

tation commission, the following aspects were taken into account: the topics of the training courses, the topics of scientific publications, and the information about the sphere of professional interests and additional professional education. Of course, we should not ignore the fact that determining the specialization of representatives of scientific and educational institutions is a difficult task. This is explained by the fact that in some cases, the relevant information about such representatives is either absent at all, or does not help to establish the scope of their professional activity [2, p.61]. According to the results of research conducted by individual scientists, in 34 commissions out of 68 (that is, in half of the cases) there is at least one representative of a scientific or educational organization whose professional activity is public service or anti-corruption issues [12, p.140].

It is noteworthy that there are many questions about the independence of external representatives who are members of the commission. For example, there is no mechanism for selecting these representatives, there are no guarantees of independence and responsibility of commission members, as well as decent pay for their work. Some authors note that the heads of state bodies invite loyal and familiar experts in order to ensure the adoption of desirable decisions. Naturally, this situation negatively affects the efficiency of the commission, as well as the performance of significant functions [5, p. 36].

It seems that in order to improve the performance of attestation commissions, it is necessary to conclude cooperation agreements with scientific and educational institutions. Within the framework of this agreement, the issue of determining a candidate for performing the duties of a member of the attestation commission will be assigned to the jurisdiction of a scientific or educational institution. A scientific or educational institution will be able to choose the most suitable candidate on the basis of the topics of the training courses the candidate teaches, the topics of their scientific publications, and the information about the field of their professional interests and additional professional education.

In general, describing the status of attestation commissions, we should point out that their powers in the procedure of dismissal due to the loss of trust are quite significant. Attestation commissions, in the course of discussions, can reliably establish the existence of an event and the composition of a corruption offense, and determine the optimal measure of responsibility

for an employee of the penal system who committed a corruption offense.

Management entities that decide on the dismissal of an employee due to the loss of trust for a corruption offense may be guided by the following procedural documents:

- 1) recommendations of the attestation commission;
- 2) the report on the results of the anti-corruption inspection.

For the management entity, these two documents serve as recommendations; this fact not only reduces their significance, but also introduces uncertainty into the procedure itself. The very possibility of choosing the source document so as the head could make the final decision is a corruption factor; therefore, it is necessary to recognize these documents as mandatory within the framework of the procedure under consideration.

At the same time, as we can see from the analysis of judicial practice, the leadership of the territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia not always makes a decision to dismiss an employee due to the loss of trust, when considering issues related to the resolution of conflicts of interest, the failure to provide the information or the provision of false information about income (expenses), property and property obligations for themselves or their family members.

The difficulty lies in the fact that the legislation does not contain a clear distinction between the cases when a dismissal due to the loss of trust should be applied, and when it is allowed to apply other penalties provided for in Article 50 of Law 197-FZ.

Thus, according to the analysis of the Decision of the Judicial Board for Civil Cases under the Supreme Court of the Russian Federation dated July 27, 2020 no. 21-KGPR20-2-K5, it follows that by the Order of the Federal Penitentiary Service of Russia for the Kabardino-Balkar Republic dated November 21, 2018 no. 299-k, citizen A. received a service incompetence note for non-compliance with the requirements of Part 2 of Article 11 of Federal Law 273-FZ of November 25, 2008 "On combating corruption" on the basis of a decision of the attestation commission, which established the fact of non-compliance with the requirements for official conduct and (or) requirements for resolving conflicts of interest, namely, the fact that citizen A. did not inform the leadership of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Kabardino-Balkar Republic that his relatives (cousins) were

serving in the Federal Penitentiary Service of Russia in the Kabardino-Balkar Republic.

As follows from the materials of the case, according to the results of the inspection of the Federal Penitentiary Service of Russia, it was ordered to declare the decision of the attestation commission of the Federal Penitentiary Service of Russia for the Kabardino-Balkar Republic, registered in the protocol of November 16, 2018, regarding the recommendations on the application of legal liability measures against citizen A. in the form of a warning about his service incompetence, cancel the Order of the Federal Penitentiary Service of Russia for the Kabardino-Balkar Republic of November 21, 2018 no. 299-k on imposing on citizen A. the penalty for a corruption offense in the form of a warning about his service incompetence, submit to the personnel department of the Federal Penitentiary Service of Russia materials for the dismissal of citizen A. from the service due to the loss of trust.

Results

Thus, the procedure of dismissal of employees of the penal system in connection with the loss of trust is a kind of disciplinary procedure and has its own specific features. In such cas-

es, heads, personnel departments (mandatory management subjects) and attestation commissions (optional management subjects) act as the subjects of managerial decision-making.

In order to improve the procedure under consideration, it is necessary to exclude corruption-causing factors when making managerial decisions. To do this, it is necessary to make changes and additions to the relevant provisions of Law 197-FZ, in particular, to include in this law the obligation of the person who committed the offense to give explanations on the essence of the act; to exclude the possibility of termination of the service contract on the initiative of the employee or by agreement of the parties during the internal inspection; to provide for the mandatory completion of the initiated internal inspection with conclusions and preparation of an opinion; the report on the results of the anti-corruption inspection and the decision of the attestation commission should be recognized as mandatory; the issue of determining a candidate for performing the duties of a member of the attestation commission should be attributed to the jurisdiction of a scientific or educational institution within the framework of a cooperation agreement.

REFERENCES

1. Abramov I.A. On the issue of legal regulation of disciplinary responsibility of state civil servants. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki=Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*, 2015, no. 2, pp. 145–147. (In Russ.).
2. Alimpiev S.A. On some topical issues related to the activity of commissions on compliance with the requirements for official conduct of civil servants and settlement of conflicts of interest. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii=Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 4, pp. 60–63. (In Russ.).
3. Bagdasaryan I.A., Koryakin V.M. On some legal implications of the dismissal of military personnel and civilian personnel in connection with the loss of trust. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh= Law in the Armed Forces*, 2017, no. 9, pp. 2–6. (In Russ.).
4. Davydova E.V. Specifics of dismissal of a civil servant. *Otdel kadrov gosudarstvennogo (munitsipal'nogo) uchrezhdeniya= Personnel Department of a State (Municipal) Institution*, 2020, no. 9. Retrieved from the reference and legal system "Konsul'tantPlyus".
5. Deitseva N.A., Martynov A.V. Administrative and legal regulation of the activities of the Commission on observance of requirements to official conduct of civil servants and to the settlement of conflicting interests. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo=Administrative and Municipal Law*, 2010, no. 7, pp. 35–38. (In Russ.).
6. Dobrobaba M.B. Conceptual framework of service-tort law. *Lex Russica*, 2014, no. 2, pp. 199–210. (In Russ.).
7. Zhitkov A.A. Development of criminal legislation in the field of combating corruption. In: Nekrasov V.N. (Ed.). *Aktual'nye voprosy naznacheniya i ispolneniya ugolovnykh nakazanii: sbornik nauchnykh trudov* []. Vologda: VIPE FSIN Rossii, 2017. Pp. 72–77. (In Russ.).
8. Kandrina N.A. On the issue of official responsibility of state civil servants. *Rossiiskaya yustitsiya=Russian Justice*, 2015, no. 3, pp. 50–53. (In Russ.).
9. Nozdrachev A.F. (Ed.). *Konflikt interesov na gosudarstvennoi i munitsipal'noi sluzhbe, v deyatel'nosti organizatsii: prichiny, predotvrashchenie, uregulirovanie: nauchno-prakticheskoe posobie* [Conflict of interests in the state and municipal service, in the activities of organizations: causes, prevention, settlement: a scientific and practical guide]. Moscow: INFRA-M, 2016. 224 p.
10. Kuznetsov V.I., Truntsevskii Yu.V., Lomakina L.A. Dismissal of civil servants due to loss of trust: problems of theory and practice. *Zhurnal rossiiskogo prava=Journal of Russian Law*, 2020, no. 1, pp. 159–169. (In Russ.).
11. Lomakina L.A. Some problems of dismissal of the public civil servants for loss of trust. *Zhurnal rossiiskogo prava=Journal of Russian Law*, 2019, no. 12, pp. 198–173. (In Russ.).
12. Maskaleva O.S. Commissions on compliance with requirements to official conduct and resolution of conflicts of interests: formal requirements and actual composition. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik=Public Administration. E-Journal*, 2016, no. 59, pp. 131–163. (In Russ.).
13. Nagornyykh R.V. Administrative and legal procedures in the mechanism of public service in the law enforcement sphere. *Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yanki Kupaly. Seriya 4. Pravovedenie=Vestnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 4. Jurisprudence*, 2019, vol. 9, no. 2, pp. 17–25. (In Russ.).

14. Review of the 2012–2013 practice on consideration of the cases on disputes related to bringing state and municipal employees to disciplinary responsibility for committing corruption offenses. *Byulleten' trudovogo i sotsial'nogo zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii= Bulletin of Labor and Social Legislation of the Russian Federation*, 2014, no. 9, pp. 219–231. (In Russ.).
15. Popova A. Dismissal on distrust. *Trudovoe pravo= Labor Law*, 2019, no. 11, pp. 15–19. (In Russ.).
16. The register of persons dismissed due to the loss of trust. *Official website. Civil service*. Available at: <https://gossluzhba.gov.ru/reestr> (accessed August 10, 2021). (In Russ.).
17. Telegin A.S. Disciplinary responsibility of state civil servants. In: *Pyatyi Permskii kongress uchenykh-yuristov (g. Perm', 24–25 oktyabrya 2014 g.): izbrannye materialy* [The Fifth Perm Congress of Legal Scientists (Perm, October 24–25, 2014): selected materials]. Moscow: Statut, 2015. Pp. 101–110. (In Russ.).
18. Tuganov Yu.N., Aulov V.K. Register of persons who have lost trust: problems of formation. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh=Law in the Armed Forces*, 2018, no. 3, pp. 10–13. (In Russ.).
19. Sharma S.K., Sengupta A., Panja S.C., Nandi T. Corruption risk assessment methods: a review and future direction for organizations. *ELK Asia Pacific Journal of Finance and Risk Management*, 2016, vol. 7, iss. 4, pp. 1–44.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

SVETLANA V. ZAVITOVA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, head of the Department of Administrative-Legal Disciplines, Faculty of Law, Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5936-1482>, e-mail: zavitova_s@mail.ru

NATALIYA A. MEL'NIKOVA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor of the Department of Administrative-Legal Disciplines, Faculty of Law, Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3697-4769>, e-mail: melnatale@mail.ru

Received August 11, 2021

Legislative Regulation of the Activities of Intelligence-Gathering Units of the Penal System in Ensuring the Execution of Punishment

IGOR A. IVANKOV

Kirov Institute for Advanced Training of the Staff of FSIN Russia, Kirov, Russian Federation,

ORCID: <https://orcid.org/0000-00022-6414-0702>, e-mail: iwanckow2011@yandex.ru

Abstract

Introduction: the article analyzes legislative norms regulating the activities of operational units of the Federal Penitentiary Service of Russia. *Aim:* by analyzing the norms of the current intelligence-gathering, penal enforcement and criminal-procedural legislation, to put forward proposals for introducing amendments to certain norms so as to improve the effectiveness of legal regulation of the activities of operational units of the penal system. *Methods:* comparative legal method, empirical methods of description and interpretation, theoretical methods of formal and dialectical logic. Private scientific methods: legal-dogmatic method and the method of interpretation of legal norms. *Results:* having analyzed certain norms of the current intelligence-gathering, penal enforcement and criminal-procedural legislation, we see that the norms under consideration are in a certain contradiction, and there are also gaps in the legislative regulation of the activities of operational units of the Federal Penitentiary Service of Russia. *Conclusions:* we argue that structural operational units of the territorial and central management bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia can conduct intelligence-gathering activities outside the territory of correctional institutions, including cases when such activities are conducted according to regulations set out as the tasks of intelligence-gathering activities in institutions executing sentences in the form of imprisonment. We also argue that operational units of the territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia can conduct intelligence-gathering activities aimed at establishing the location of convicts, those who have escaped from correctional institutions, their detention and delivery to the investigator (inquirer) for conducting investigative actions. We note legal gaps in the legislative regulation of these measures and propose amendments to legislative acts aimed at improving the effectiveness of law enforcement practice.

Key words: Federal Penitentiary Service, operational units, intelligence-gathering activities.

12.00.12 – Criminalistics; forensic expert activity; intelligence-gathering activity.

For citation: Ivankov I.A. Legislative regulation of the activities of intelligence-gathering units of the penal system in ensuring the execution of punishment. *Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 3 (55), pp. 642–649. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-3-642-649.

The current state policy aimed at humanizing criminal penalties is manifested, among other things, in reducing the number of persons sentenced to imprisonment. This statement is also confirmed by statistical data. Thus, if in 2009 more than 790 thousand people were kept in correctional institutions of various types of regime, then in 2020 their number reduced to about 400 thousand [2].

At the same time, in correctional institutions, there is a very large percentage of recidivism,

including that related to prison crime. To counteract crime, institutions and bodies of the penal system are empowered to apply a set of means to convicts so as to achieve the goals of criminal punishment.

The legal regulation of the means of reformation of convicts and the prevention of prison-related offences committed by inmates and by other persons are among major issues in the present-day development of the penitentiary system of Russia.

Regime is one of the means to achieve the goals of criminal punishment in the form of imprisonment. Regime also creates conditions for the application of other means of reformation to inmates [9].

Previously, in several works, we have considered regime and the means of ensuring it in correctional institutions [1; 3]. According to Part 1 of Article 82 of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation, regime in a correctional institution is understood as the procedure for the execution and serving of imprisonment established by law and regulatory legal acts corresponding to the law [9]. That is, in other words, regime is the legal order established by law during the execution and serving of a custodial sentence.

Intelligence-gathering activity is one of the means of maintaining law and order in the execution of punishment in the penal system. The most significant impact on this legal institution in the execution of a custodial sentence is provided by penal enforcement and intelligence-gathering legislation.

At the same time, the importance of legal regulation of intelligence-gathering activity and the need for its improvement at the present stage of development of society and the state is beyond doubt. These issues have been repeatedly considered at meetings of the Federal Assembly of the Russian Federation. After Federal Law 144-FZ of August 12, 1995 "On intelligence-gathering activity" (hereinafter – Federal Law 144-FZ) entered into force, many amendments and additions have been regularly made to it.

While recognizing the advantages of this Law, we believe that some of its norms are not formulated quite clearly and are in certain contradiction with penal enforcement legislation.

In accordance with the legislation of the Russian Federation, operational units of the Federal Penitentiary Service (hereinafter – FSIN Russia) are one of the subjects of intelligence-gathering activity, and they have the right to carry out this type of activity. At the same time, when the operational units under consideration engage in intelligence-gathering activity, there arise certain issues of legislative regulation.

Article 1 of Federal Law 144-FZ establishes the following legislative definition of intelligence-gathering activity: it is a type of activity carried out openly and secretly by operational units of state bodies authorized to do so by this Federal Law (hereinafter referred to as the bodies carrying out intelligence-gathering activity)

within the range of their powers through intelligence-gathering procedures in order to protect the life, rights and freedoms of man and citizen, and property, and ensure the security of society and the state from criminal encroachments (emphasis added – I. I.).

From our point of view, it is legitimate to single out two questions from the definition given by the legislator. The first question is who has the right to conduct intelligence-gathering activity in the execution of custodial penalties, and the second question is in what way this activity is conducted.

Let us consider the legislative regulation of the first question.

In accordance with Paragraph 8 of Part 1 of Article 13 of Federal Law 144-FZ, operational units of FSIN Russia have the right to conduct intelligence-gathering activity on the territory of the Russian Federation. In accordance with Part 3 of the article under consideration, the head of the specified body is entitled to determine the list of operational units authorized to carry out intelligence-gathering activity, their powers, structure and organization of their work.

In other words, according to Federal Law 144-FZ, all structural operational units of FSIN Russia have the right to conduct intelligence-gathering activities when executing custodial sentences.

In accordance with Part 1 of Article 5 of the Law of the Russian Federation "On institutions and bodies executing criminal penalties in the form of imprisonment", the penal system includes:

- 1) institutions that execute punishments;
- 2) territorial bodies of the penal system;
- 3) the federal executive body authorized to execute punishments (hereinafter referred to as the federal body of the penal system).

In accordance with Articles 7–8 of the law "On institutions and bodies executing criminal penalties in the form of imprisonment", territorial bodies of the penal system are established by the federal body of the penal system on the territories of constituent entities of the Russian Federation. Territorial bodies of the penal system manage penal institutions subordinate to them. The regulations on the federal body of the penal system, its structure and the maximum number are approved by the President of the Russian Federation.

Speaking about the powers of FSIN Russia as a federal executive body authorized in the field of execution of punishments, we note

that FSIN Russia is entrusted with organizing intelligence-gathering activities carried out by institutions (emphasis added – I. I.) of the penal system in accordance with the legislation of the Russian Federation [8].

Speaking about the penal enforcement legislation, we can note that Paragraph 2 of Article 14 of the law under consideration grants the right to carry out intelligence-gathering activity, in accordance with the legislation of the Russian Federation, to operational units of institutions executing punishments. In more detail, this type of activity in correctional institutions is regulated by Article 84 of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation. Part 1 of this article clarifies the tasks of intelligence-gathering activities in correctional institutions (we will return to it later); and according to Part 2, intelligence-gathering activities are conducted by operational divisions of correctional institutions (emphasis added – I. I.). At the same time, it is necessary to pay attention to Part 2 of Article 84 of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation, which legally establishes the right to carry out intelligence-gathering activities by other authorized bodies within their competence.

Based on the meaning of this norm, intelligence-gathering measures can be carried out in correctional institutions by all bodies that conduct intelligence-gathering activities in accordance with intelligence-gathering legislation, apparently, including the management bodies of the penal system.

It follows from the above that when the set of the legislative acts under consideration is applied in the law enforcement practice, this norm can be interpreted ambiguously. After all, neither the territorial nor the federal body of the penal system is endowed with the norms of other legislative acts of the penal enforcement legislation in the execution of a sentence in the form of imprisonment with the right to conduct intelligence-gathering activity.

Question two. How is intelligence-gathering activity carried out when sentences in the form of imprisonment are executed?

From the definition given by the legislator, it follows that intelligence-gathering activity is carried out only through intelligence-gathering measures. The purpose of their implementation is also determined by the legislator. In order to achieve the goal specified by the law, Article 2 of Federal Law 144-FZ establishes a list of tasks of intelligence-gathering activity. The analysis of normative prescriptions of Article 2 allows

us to assert that the tasks of intelligence-gathering activity include counteracting crime, with the exception of the task of determining the location of missing persons, since the legislator has not defined the criminal nature of this phenomenon.

With regard to the specifics of functioning of institutions that execute custodial sentences, Article 84 of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation specifies the tasks of intelligence-gathering activity carried out by the operational division of correctional institutions, including:

- ensuring personal safety of convicts, correctional personnel and other persons;
- identification, prevention and disclosure of crimes being prepared and committed in correctional institutions and violations of the established procedure for serving sentences; etc. (emphasis added – I. I.).

As we have already noted, intelligence-gathering activity is carried out through intelligence-gathering measures. The legislator lists the grounds for their implementation in Article 7 of Federal Law 144-FZ. One of the grounds is the information that has become known to the bodies carrying out intelligence-gathering activity (in our case, FSIN Russia) about the signs of an illegal act being prepared, committed or having been committed, as well as about the persons preparing, committing or having committed it, if there are not enough data to resolve the issue of initiating a criminal case. In accordance with the definition of the Constitutional Court of the Russian Federation, the Federal Law under consideration regards illegal act as a criminally punishable act, i.e. a crime [7].

Thus, it is prohibited to conduct intelligence-gathering activity in relation to the facts of preparation and commission of violations of the established procedure for serving a sentence by convicts. At the same time, violations of the established procedure for serving a sentence often become conditions for committing prison-related offences. For example, the production of artisanal alcoholic beverages, the use of cellular communication devices by convicts, the creation of groups that oppose the administration of the correctional institution and the participation of convicts in them, etc.

On the other hand, violations of the established procedure for serving a sentence can act as spontaneous (not requiring preparation) and one-time, or they can be continuous, requiring preparation and having a secretive nature.

Article 116 of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation distinguishes these violations of the order of serving a sentence by introducing the concept of malicious violation of the established order of serving a sentence by persons sentenced to imprisonment and by listing the acts that are classified as malicious violations.

We think that Part 1 of Article 84 of the RF Penal Enforcement Code requires adjustments in terms of a clearer regulation of the grounds for conducting intelligence-gathering measures in order to identify, prevent, suppress and disclose violations of the established procedure for serving sentences, as well as persons who plan, prepare, commit and have committed them.

In order to eliminate the contradictions between the legislative acts that regulate intelligence-gathering activities and the execution of criminal penalties, it is necessary to consider the issue of amendments to the current legislation. They can be as follows:

In Article 84 of the RF Penal Enforcement Code: identification, prevention, suppression and disclosure of malicious violations of the established procedure for serving a sentence, as well as persons who plan, prepare, commit and have committed them, if there are no sufficient grounds for bringing them to justice provided for by law.

In the Federal Law 144-FZ: to supplement Article 2 of the specified Federal Law with the task of “identifying, preventing and disclosing malicious violations of the established procedure for serving a sentence being prepared and committed in correctional institutions and pre-trial detention centers”;

to supplement Article 7 of this law with Paragraph 7 “the disclosed information about malicious violations of the established procedure for serving a sentence or detention is the basis for carrying out intelligence-gathering measures in institutions executing sentences in the form of imprisonment and in pre-trial detention centers”.

The next issue in the field of legislative regulation of the activities of operational units of FSIN Russia is the place where intelligence-gathering measures are conducted and the powers of the operational units of the territorial and central management bodies of the penal system.

We have already noted that in accordance with intelligence-gathering legislation the powers of operational units are determined by the

head of the body that conducts intelligence-gathering activity. But this statement is true, without taking into account the requirements of penal enforcement legislation.

One of the tasks of intelligence-gathering activity in institutions executing custodial sentences is to search for convicts who have escaped from correctional institutions, as well as convicts who evade serving custodial sentences (emphasis added – I. I.).

The question arises concerning the legislative act on the basis of which the operational units of FSIN Russia carry out activities to establish the location of persons who have escaped from correctional institutions.

Of course, the answer is obvious – on the basis of Article 2 of Federal Law 144-FZ. However, would the answer be really so, if we consider the activities of operational units of FSIN Russia not only from the standpoint of intelligence-gathering legislation, but also penal enforcement legislation?

We think that in this context there arises a legitimate question concerning the powers of the employees of operational units of territorial and central management bodies of the penal system to conduct intelligence-gathering activities outside correctional institutions.

First of all, based on the letter of the law, the solution to this task is assigned to the operational units of correctional institutions. In other words, the operational division of the institution executing custodial sentences, in order to perform this task, has the right to carry out a set of intelligence-gathering measures aimed at establishing the location of the person who has escaped or who is evading serving the sentence.

In addition, in accordance with Paragraph 8 of Article 14 of the Law “On institutions and bodies executing sentences in the form of imprisonment”, correctional institutions are given the right to inspect vehicles and check documents when conducting operations to detain convicts, who have escaped or are evading serving their sentences, in places where they are likely to appear.

However, referring to the norms of this law (Articles 7–8) regulating the rights and obligations of the territorial and federal management bodies of the penal system, we do not find a legislative consolidation of the right of these bodies to carry out intelligence-gathering activity.

Part 1 of Article 7 of the Law “On institutions and bodies executing sentences in the form of imprisonment” states that a federal body of the

penal system establishes territorial bodies of the penal system in constituent entities of Russia, and Part 4 of the same article establishes a provision on the management of territorial bodies by institutions of the penal system subordinate to them.

Article 8 of the law under consideration is actually a reference to the Decree of the President of the Russian Federation that approves the position, structure and maximum staffing of the federal body of the penal system [6].

First of all, it is worth noting that from the point of view of the legislator, the process of carrying out intelligence-gathering measures to establish the location of the convict by operational units of territorial bodies and by the federal administrative body of FSIN Russia is already questionable, since the wanted person is not located on the territory of the correctional institution and the security territory adjacent to the institution.

One may object that the fulfillment of the tasks stipulated by the legislator in Article 2 of Federal Law 144-FZ applies to all bodies authorized to carry out intelligence-gathering activity, including FSIN Russia. However, what about the norms of penal enforcement legislation?

In accordance with the above norms of penal enforcement law, employees of operational divisions of territorial bodies and the central management body of FSIN Russia have no powers to establish the location of a convicted person who has committed an escape, by conducting intelligence-gathering activities outside a correctional institution.

Thus, the conclusion arises that intelligence-gathering measures aimed at establishing the location of the wanted person, from the point of view of the legislator, can only be carried out jointly with operational police officers; and the suspect should be detained by operational police officers.

At the same time, we consider detention as a measure of procedural coercion. In other words, we are talking about criminal procedural relations.

Let us consider the criminal procedural norms regulating detention as a measure of procedural coercion.

In accordance with Paragraph 11 of Article 5 of the RF Criminal Procedure Code, the detention of a suspect is a measure of procedural coercion applied by an inquiry body, an inquirer, or an investigator for a period of no more than 48 hours from the moment of the actual deten-

tion of the person on suspicion of committing a crime.

Based on the wording presented above, this measure of procedural coercion can be applied by the body of inquiry. And in accordance with Paragraph 1 of Part 1 of Article 40 of the RF Criminal Procedure Code, other executive bodies authorized by federal law to carry out intelligence-gathering activity are classified as the bodies of inquiry, except for internal affairs bodies. That is, FSIN Russia is an investigative body, and, accordingly, its employees have the right to detain persons who have escaped. At the same time, in accordance with Article 92 of the RF Criminal Procedure Code, a protocol of detention must be drawn up within three hours after the detainee is delivered to the body of inquiry.

But the following question immediately arises: which institution or body of the penal system acts as an investigative body in this case? In other words, where should the officers who made the arrest take the detainee: to the territorial management body of FSIN Russia in the RF constituent entity in which the suspect was detained, or to the correctional institution from which the escape was made?

Let us assume that if the wanted person is detained by the officers of the penal system, he/she is delivered to the internal affairs body on the territory of which the arrest was made. But in this case, the norm of Article 14 of the Federal Law of the Russian Federation "On the police" is violated [4]. In this norm, the legislator formulated the requirement that wanted persons can be detained by police officers for the period necessary for the transfer of the detainees to the employees of the penal system of Russia.

At the same time, attention is drawn to the fact that this norm requires that the wanted person should be detained by police officers (emphasis added – I. I.) rather than penal officers.

While considering criminal procedure norms, we see that the investigative jurisdiction on the grounds of a crime provided for in Article 313 of the Criminal Code of the Russian Federation, is assigned to the internal affairs bodies [10].

A criminal case on the fact of the escape was initiated by the internal affairs body, on the territory of which the correctional institution from which the escape was committed is located. Accordingly, the detainee must be taken to the correctional institution from which he/she escaped. In this institution, on the basis of Article 10 of the Federal Law "On the custodial deten-

tion of suspects and those accused of committing crimes" [5], this convicted person may be held in the institution, but in isolation from other convicted persons serving their sentences.

The next issue is the transfer of the detainee to the place where the correctional institution is located, and their delivery to the investigator (inquirer) for the purpose of conducting procedural actions.

If we talk about the internal affairs bodies, then in this case everything is defined by law. After being detained by the officers of the operational police unit, the wanted person is taken to the internal affairs body and, subsequently, to the investigator (inquirer) in charge of the criminal case, for conducting investigative actions. If the investigator (inquirer) is geographically located outside this internal affairs body, then the transfer of the detainee is carried out by the convoy of the Ministry of Internal Affairs.

And what if the escaped convict was detained by the officers of the operational unit of FSIN Russia? From our point of view, the detainee could be placed in a pre-trial detention center located in the constituent entity of Russia in which he/she was detained. Then, special convoy units could transport them to the place where investigative actions will be conducted. However, there are no legal grounds for placing a detained convict in a pre-trial detention center, since there is no court decision on their detention.

In order to resolve the above issues, we consider it necessary to amend certain legislative acts in order to eliminate contradictions and existing gaps in the legal regulation of the activities of operational units of the penal system in the execution of sentences in the form of imprisonment:

– Article 7 "Territorial bodies of the penal system" of the Law of the Russian Federation of July 21, 1993 no. 5473-1 "On institutions and bodies executing criminal penalties in the form of imprisonment" should be supplemented with Paragraph (Part) 3 of the following content: "In the territorial bodies of the penal system, operational units are created that manage the institutions of the penal system subordinate to them in the field of intelligence-gathering activities and conduct intelligence-gathering activities to address tasks provided for by penal enforcement legislation.

The list of operational divisions of territorial bodies of the penal system and their competence are determined by the normative legal act

of the head of the federal executive authority that performs the functions of developing and implementing state policy and legal regulation in the field of execution of criminal penalties";

Article 74 "Types of correctional institutions" of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation should be supplemented with:

- Part 10 of the following content: "A convicted person who has escaped from a correctional institution is put on the wanted list by the administration of the correctional institution and is subject to detention for up to 48 hours. This period may be extended by the court up to 30 days";

- Part 11 of the following content: "The announcement of the search for persons sentenced to imprisonment is carried out by the operational units of the penal system";

- Part 12 of the following content: "Intelligence-gathering activities in the search for convicts who have escaped from a correctional institution are carried out by operational units of the penal system independently or in cooperation with operational units of other state bodies defined by Federal Law 144-FZ of August 12, 1995 "On intelligence-gathering activity" within their competence, and operational units of other state bodies, defined by Federal Law 144-FZ of August 12, 1995 "On intelligence-gathering activity", within their competence".

- Part 1 of Article 84 should be amended as follows: identification, prevention, suppression and disclosure of malicious violations of the established procedure for serving a sentence, as well as persons plotting, preparing, committing and having committed them, if there are no sufficient grounds for bringing to justice provided for by law.

In the Federal Law "On intelligence-gathering activity":

- Article 2 should be supplemented with the task of "identification, prevention and disclosure of malicious violations of the established procedure for serving a sentence being prepared and committed in correctional institutions and pre-trial detention centers";

- Article 7 should be supplemented with Paragraph 7: "The information that has become known about malicious violations of the established procedure for serving a sentence or detention is the basis for carrying out intelligence-gathering measures in institutions executing sentences in the form of imprisonment and in pre-trial detention centers".

In the Criminal Procedure Code of the Russian Federation:

- Part 5 of Article 108 of the Criminal Procedure Code should be worded as follows: “The adoption of a judicial decision on choosing a preventive measure in the form of detention in the absence of the accused is allowed only if the accused is declared on the international wanted list or if the accused has escaped from the place of detention or serving a custodial sentence”;

- Article 396 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation should be supplemented with Paragraph 4.2. of the following content: “The issues specified in Paragraph 18.2. of Article 397 of this Code are resolved by the court at the location of the institution executing the sentence in which the convicted person is serving the sentence in accordance with Articles 73 and 74 of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation”;

- Article 397 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation should be supplemented with Paragraph 18.2. of the following content: “On the placement in custody of the person sentenced to imprisonment with serving a sentence in a correctional institution, in ac-

cordance with Article 74 of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation, who has escaped from the correctional institution, when he/she was detained by penal officers or police officers”.

Thus, summing up the brief results of the legislative regulation of the activities of operational units of the penal system in ensuring the execution of custodial sentences, we can draw a number of conclusions.

First, several legislative acts have a legal impact on the effectiveness of the work of structural operational units.

Second, in order to increase the effectiveness of intelligence-gathering activities in the execution of a custodial sentence, it is necessary to use a comprehensive approach to legal regulation.

Third, we think that after the amendments to the legislative acts under consideration have been made, it will enhance the effectiveness of the operational units of FSIN Russia in solving the tasks stipulated by the penal enforcement legislation.

REFERENCES

1. Goryainov K.K., Ivan'kov I.A. Operational search providing of execution of punishment and its purpose. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie=Criminal-Executory System: Law, Economy, Management*, 2016, no. 2, pp. 3–7. (In Russ.).
2. *Doklad direktora FSIN Rossii na Kollegii FSIN Rossii “Ob itogakh deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii v 2020 godu i zadachakh na 2021 god”*. Moskva, FSIN Rossii 12 marta 2021 g. [Report of the Director of the Federal Penitentiary Service of Russia at the Board of the Federal Penitentiary Service of Russia “On the results of the activities of the penal system of the Russian Federation in 2020 and tasks for 2021”. Moscow, Federal Penitentiary Service of Russia, March 12, 2021].
3. Ivan'kov I.A. *Operativno-rozysknoe obespechenie podderzhaniya pravoporyadka v uchrezhdeniyakh, ispolnyayushchikh nakazaniya v vide lisheniya svobody (teoreticheskie i pravovye aspekty): monografiya* [Intelligence-gathering support for maintaining law and order in institutions executing custodial sentences (theoretical and legal aspects): monograph]. Kirov: FKU DPO Kirovskii IPKR FSIN Rossii, 2018.
4. On the Police: Federal Law of the Russian Federation no. 3-FZ of February 7, 2011. Paragraphs 2–3 of Part 2 of Article 14. *SPS Konsul'tant-plyus* [Reference and search system ConsultantPlus]. (In Russ.).
5. On the detention of suspects and those accused of committing crimes: Federal Law no. 103-FZ of July 15, 1995. *SPS Konsul'tant-plyus* [Reference and search system ConsultantPlus]. (In Russ.).
6. On institutions and bodies executing criminal penalties in the form of imprisonment: Law of the Russian Federation of July 21, 1993. no. 5473-1. *SPS Konsul'tant-plyus* [Reference and search system ConsultantPlus]. (In Russ.).
7. *Po delu o proverke konstitutsionnosti otdel'nykh polozhenii Federal'nogo zakona “Ob operativno-rozysknoi deyatel'nosti” o zhalobe grazhdanki I.G. Chernovoi: Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 14 iyulya 1998 g. № 86-O* [On the case of checking the constitutionality of certain provisions of the Federal Law “On intelligence-gathering activity” on the complaint of citizen I.G. Chernova: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 86-O of July 14, 1998].
8. Regulations on the Federal Penitentiary Service: approved by Decree of the President of the Russian Federation no. 1314 of October 13, 2004. Section 2. Item 4 “Issues of the Federal Penitentiary Service”. *SPS Konsul'tant-plyus* [Reference and search system ConsultantPlus]. (In Russ.).
9. Penal Enforcement Code of the Russian Federation: Federal Law no. 1-FZ of January 8, 1997. Part 2. Article 82 (amended March 9, 2021). *SPS Konsul'tant-plyus* [Reference and search system ConsultantPlus]. (In Russ.).
10. Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law no. 174-FZ of December 18, 2001. Articles 150–151. *SPS Konsul'tant-plyus* [Reference and search system ConsultantPlus]. (In Russ.).
11. Znikin V.K. Criminal procedure without criminalistics and operational search activity: a problematic situation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo=Tomsk State University Journal of Law*, 2015, no. 4(18), pp. 30–36. DOI 10.17223/22253513/18/4. (In Russ.).
12. Krymov A.A. Interaction of the bodies of internal affairs and penal system on the questions of prevention and detection of crimes. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo=Tomsk State University Journal of Law*, 2013, no. 2(8), pp. 68–71. (In Russ.).
13. Kosonogov D.A. The concept of ensuring internal security in correctional system. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki=Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2012, no. 2(16), pp. 215–222. (In Russ.).

14. Dolginov S.D. Organizational and legal issues of conducting a sting operation. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki=Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2015, no. 1(27), pp. 117–123. (In Russ.).
15. Medvedev I.A. Current status and problems of legal regulation of urgent search in criminal cases. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2016, vol. 9, no. 1, pp. 218–228. DOI: 10.17516/1997-1370-2016-9-1-218-228.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

IGOR I. IVANKOV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, interim head of Kirov Institute for Advanced Training of the Staff of FSIN Russia, Kirov, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-00022-6414-0702>, e-mail: ivanckow2011@yandex.ru

Received July 6, 2021

Administrative Restraint Measures Applied by Employees of the Penal System of the Russian Federation in Connection with the Commission of an Administrative Offense

SERGEI A. STAROSTIN

Kutafin Moscow State Law University (MSLA), Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0108-7916>, e-mail: SASTAROSTIN@msal.ru

NADEZHDA V. ANISKINA

Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7185-5730>, e-mail: AniskinaN555@yandex.ru

Abstract

Introduction: the article considers the theory and practice of applying administrative restraint measures implemented by employees of the penal system of the Russian Federation in case of the commission of an administrative offense. We substantiate an idea concerning the impact of the effectiveness of the use of administrative coercion measures by employees of the penal system not only on the overall level of penitentiary security, but also on state security in general. *Aim:* to reveal the specifics of application of administrative restraint measures in the penal system, taking into account the specifics of the law enforcement sphere. *Methods:* our research is based on the dialectical method of scientific cognition. The article uses general scientific (analysis, synthesis, induction, etc.), specific scientific and special methods of cognition (comparative legal, formal legal, statistical). *Results:* we reveal the essence of application of administrative restraint measures in the penal system; we study the practice of implementing the norms concerning the use of administrative restraint measures by employees of the penal system; we reveal the features of their application, taking into account the specifics of the sphere of law enforcement sphere, such as focusing on ensuring penitentiary security, preventing administrative offenses and crimes, application on the territory of penitentiary institutions in most cases, etc. We find out that the legal basis for the application of administrative restraint measures in the penal system of the Russian Federation needs to be improved. *Conclusions:* in order to increase the effectiveness of the practice of implementing administrative enforcement measures in the penal system, we formulate proposals to improve the norms of the current legislation: namely, Section V of the Law of the Russian Federation of July 21, 1993 no. 5473-1 should contain definitions of the terms “use of physical force”, “use of special means”; the terms such as application and use of firearms should be distinguished; the wording “provision of medical first aid” should be replaced with “immediate provision of premedical aid to victims”. We also present arguments in favor of the expediency of supplementing Federal Law 197-FZ of July 19, 2018 “About the service in the Penal System of the Russian Federation...” with a provision that assigns to the employees of the penal system the duty to comply with the norms of criminal legislation (on necessary defense, extreme necessity and other circumstances excluding the criminality of the act) in cases of the implementation of administrative restraint measures.

Key words: penal system; administrative coercion; Federal Penitentiary Service of Russia; employee of the penal system; administrative offense; administrative restraint measures; penitentiary security.

12.00.14 – Administrative law; administrative process.

For citation: Starostin S.A., Aniskina N.V. Administrative restraint measures applied by employees of the penal system of the Russian Federation in connection with the commission of an administrative offense. *Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 3 (55), pp. 650–658. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-3-650-658.

Introduction

In modern conditions, the issues related to ensuring national security are of particular importance to the Russian Federation, and a major role in ensuring national security belongs to law enforcement agencies. The Federal Penitentiary Service occupies an important place in the system of state bodies entrusted with the function of ensuring public order and public security, among other places, in high-security facilities and territories of the penal system of the Russian Federation, through the use of administrative coercion measures.

In the system of administrative coercion measures, administrative restraint measures (administrative protection measures [5, p. 7]) possess a significant law enforcement potential, since they are aimed at “stopping (suppressing) an illegal act or an illegal state” [14, p. 71]. At the same time, the prevention of offenses committed in the field of execution of criminal penalties is an important area of activity of the Federal Penitentiary Service of Russia, since such offences pose an immediate threat not only to the established order of functioning of institutions executing sentences and pre-trial detention centers, but also to state security from prison-related crime in general [30].

According to the results of our research, offenses related to the smuggling (attempted smuggling) of prohibited items to persons held in penal institutions are of an increased public danger [16]. This is due to the fact that the smuggled prohibited items can act as a tool for committing new offenses (crimes) not only on the territory of penal institutions, but also outside it. In particular, according to the official statistics of the Federal Penitentiary Service of Russia, in the period from 2015 to 2020, there has been a definite trend toward an increase (by about 20%) in prison offences, in remote form as well, while the number of inmates in the same period decreased by 21.83% (from 617.70 thousand to 482.83 thousand people [13]). At the same time, the number of citizens brought to administrative liability for smuggling or attempted smuggling of prohibited items to persons held in penal institutions decreased by more than 60% (from 5,009 in 2015 [20] to 1,818 in 2020 [21]).

The presented statistical data indicate an increase in the latency of administrative offenses committed for the smuggling of prohibited items into penitentiary institutions. Under the current circumstances, the ineffective application of administrative restraint measures

in the activities of authorized subjects of the penal system may lead to the untimely detection and suppression of administrative offenses that infringe on the established management procedure in the sphere of functioning of penal institutions, and, as a result, to the commission of new offenses (crimes) in the future. These circumstances determine the relevance of the research topic.

Research methods

Our research is based on the dialectical method of scientific cognition. While preparing the article, we used general scientific methods of cognition, private methods of social sciences and special methods of legal science.

Among the general scientific methods used in the work, we can distinguish induction and deduction, system analysis, synthesis and generalization, comparison and analogy. In addition, we used sociological and statistical general scientific methods of cognition, as well as specific scientific methods in the field of jurisprudence: normative-logical, formal-legal and comparative-legal. Individual problems were considered as intersectoral, which was due to the tasks of a comprehensive analysis of relations within the framework of the topic under consideration. In addition, we used the methods of formal logic and lexical and grammatical analysis, with the help of which we interpreted legal concepts and terms.

Scientific analysis of statistical data of the Federal Penitentiary Service of Russia, the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation, and our own research findings was an integral part of the present work.

Discussion

The application of administrative restraint measures is focused, first of all, on the immediate termination of illegal actions at the moment when “the violation of law and order still lasts or there is a real threat to public relations protected by law” [14, p.74]. Administrative restraint measures are resorted to if “all other means of stopping illegal actions have been exhausted and there are no others that are able to ensure the protection of law and order and the safety of citizens at the proper level” [23, p.74], which explains their special nature.

For the most part, the application of administrative restraint measures is preceded by the refusal of a person to fulfill the administrative and legal duties and prohibitions imposed on him/her by the norms of the current legislation (for example, a ban on the presence of unau-

thorized persons at the high-security facilities of the penal system). In this regard, administrative restraint measures serve as a kind of law enforcement response on the part of the state to the illegal, including criminally punishable, behavior of an individual who refuses to comply with certain legal regulations [2].

Practical implementation of administrative restraint measures allows the state, represented by authorized bodies and their officials, to respond promptly to the occurrence of various kinds of legal anomalies with legal content and thereby maintain public order and public security in various spheres of public administration.

Thus, administrative restraint measures represent a certain set of basic administrative and legal techniques, methods and means of influencing the coerced subject, through the use of which it is possible to ensure the termination of administrative and other illegal acts immediately at the time of their commission, as well as to eliminate real threats to personal or public safety.

Most researchers name the following goals pursued by applying administrative preventive measures: termination (suppression) of illegal actions; elimination of illegal conditions; prevention of harmful consequences resulting from the occurrence of emergency social, natural or man-made situations; creation of optimal conditions for bringing offenders to justice [11; 18].

At the same time, the main purpose of applying these measures of administrative coercion in the penal system directly follows from the specifics of the department's activities – to ensure penitentiary security. Within the framework of our research, we define penitentiary security as the activities of institutions and bodies of the penal system, penal staff and other persons aimed at ensuring the vital interests of an individual, society and the state in the field of execution of criminal penalties and protection from potential and real threats of external and internal orientation.

Indeed, the level of penitentiary security largely depends on the effectiveness of the measures of administrative restraint implemented by the authorized subjects of the penal system. Competent application of the latter helps to prevent the smuggle of prohibited items and things into the territory of penal institutions, stop the commission of illegal actions by persons who violate the established management procedure in the field of execution of criminal penalties, eliminate other objectively existing threats to the personal safety of penal

officers and other citizens, as well as security facilities of the penal system.

We should note that the theory of administrative law has developed many classifications of administrative restraint measures, but most authors adhere to the point of view about the division of administrative restraint measures into general (ordinary) and special [1, pp. 32–44; 7, p. 7; 15, p. 56]. We will take this approach as a basis for describing restraint measures in the penal system.

General measures in the penal system are mostly regulated by the Law of the Russian Federation no. 5473-1 of July 21, 1993 “On institutions and bodies executing criminal penalties in the form of imprisonment” (hereinafter – RF Law 5473-1) and the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. Thus, our analysis of the legislation and scientific literature on the issues under consideration allows us to identify the following general measures of administrative restraint in the activities of the penal system: the requirement to stop committing illegal actions (offenses and crimes), including actions that hinder the exercise of the legal powers of penal officers, stopping a vehicle, etc. Without dwelling in detail on this subgroup of administrative restraint measures, we should point out that, in fact, they represent the usual response of penal officers established by law; this response helps to stop illegal actions at the initial stage of their commission or until there are any adverse consequences for public relations developing in the field of execution of criminal penalties.

In our opinion, the most interesting is the subgroup of special measures of administrative restraint, which traditionally includes the use of physical force, special means and firearms. V.N. Oparin calls these measures direct coercion measures [19].

The legal basis for the implementation of special measures of administrative restraint in the penal system is provided by the norms of both international and Russian legislation, in particular: the Universal Declaration of Human Rights, the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, the European Prison Rules, the Basic Principles on the Use of Force and Firearms by Law Enforcement Officials, Federal Law 150-FZ of December 13, 1996 “On weapons”, Federal Law 103-FZ of July 15, 1995 “On the detention of suspects and those accused of committing crimes”, Law of the Russian Fed-

eration 5473-1 of July 21, 1993 “On Institutions and bodies executing criminal penalties in the form of imprisonment”, order of the Ministry of Justice of the Russian Federation 215 of October 30, 2017 “On approving the procedure for carrying and using firearms by employees of the penal system”, etc.

We agree with A.V. Minges who points out that an essential feature of special restraint measures is the possibility of their implementation in the form of physical influence on the offender, which makes it possible to exert the most obvious influence on their personal inviolability [17, p. 11]. As a result, while invading the sphere of rights and freedoms of a particular person, these measures are more endowed with the necessary potential to compel obligated persons to comply with the established prohibitions and restrictions, to perform their duties regardless of their will and desire [29]. In fact, all measures of administrative restraint have a common feature: they carry the risk of causing harm to the health of the person to whom they are applied.

The grounds, conditions and general procedure for the use of physical force, special means and firearms in the penal system are regulated by Chapter V of RF Law 5473-1. Having studied this law in detail, we come to the conclusion that it does not provide exhaustive definitions of the terms used, which are necessary when assessing the legality of the actions of penal officers. In particular, there is no definition of the term “physical force”, which provides for the possibility of finding evidence of coercive influence in the use of this method. So, for example, while implementing a special measure of coercion – physical force, penal officers have to engage into direct physical, that is, bodily, contact with the object of impact. In this connection, we believe that the use of physical force by penal officers should be understood as a forced physical (mechanical) influence, including combat fighting techniques, on the offender, based on the use of muscular strength and individual physical capabilities of each individual officer without the use of special means, weapons or other improvised means. We suggest this definition should be introduced in Article 29 “The use of physical force” of Law 5473-1.

In the context of measures of direct coercion, we agree with O.O. Lebedeva who notes that the nature of the restrictions and their impact on the offender should depend on the nature of the committed illegal acts (administrative offense or crime), as well as the strength of

the offender’s resistance (counteracting) [14, p. 93].

If the application of physical force to the offender did not lead to the proper result, penal officers supplement it with special means of coercion. The penal system provides for the use of the following special means of coercion: special rubber truncheon, handcuffs and other means of restricting mobility, service dogs, special technical means for countering unmanned aircraft, etc. Also, if necessary, penal officers are authorized to use “any improvised means” in order to prevent the committed offenses (crimes) (Article 28 of Law 5473-1).

On the basis of the above, we believe that the use of special means of administrative coercion should mean the influence of penal officers on the offender implemented with the help of various special technical means and devices that are in service with the institutions and bodies of the penal system. We propose to introduce this definition in Article 30 “Application of special means” of Law 5473-1.

The use of firearms is the most dangerous way to implement administrative restraint measures, which to a greater extent carries risks to the life and health of the offender. In this regard, this measure is rarely used in the law enforcement activities of penal officers, which is confirmed by the results of our survey of more than 600 penal staff: only 13 employees (2.16% of the total number of respondents) had to use firearms against citizens (not convicted) in practice.

A.M. Silnikov points out that the process of using firearms consists in the direct use of its “power”, that is, the firearm properties of the weapon itself and the damaging properties of the bullet (projectile) [25, pp. 37–38]. That is why firearms are used in most cases when there is an objective need to stop crimes being committed, rather than offenses.

Thus, the list of administrative restraint measures implemented in the practical work of penal officers is very diverse, which allows these measures to be combined with each other, based on the need to achieve the goal. In other words, practical implementation of these measures can vary from the requirement of the penal officer to stop illegal behavior to the use of firearms.

Administrative restraint measures in the penal system are one of the most effective ways to combat offenses (crimes) in the relevant sphere of public relations. They are universal, since their application makes it possible to pre-

vent the commission of not only administrative offenses, but also criminal offenses.

It is important to note that the scientific community also has other views on the nature of the special preventive measures being implemented. For example, S.Yu. Uchitel' takes a rather cardinal position regarding the nature of the use of physical force, special means and firearms. In particular, he suggests that priority in the legal regulation of special preventive measures implemented in the law enforcement activities of law enforcement agencies should be given exclusively to the norms of criminal law [27, p. 26].

A more compromise approach to the issues of legal regulation and the application of special preventive measures is presented in the works of V.A. Ponikarov and S.V. Ponikarov. The researchers believe that the use of firearms by penal officers is possible only against those persons who have committed a criminally punishable act, and attribute it mainly to measures of a criminal-legal nature implemented in the event of criminal-legal rather than administrative-legal relations. At the same time, they allow for the possibility of using physical force and special means to prevent both administrative offenses and criminal offenses [22, p. 119]. Earlier, such views were reflected in the works of V.E. Severyugin [24].

In our opinion, classifying firearms exclusively as measures of criminal coercion is not entirely justified and logical, despite the fact that this measure of restraint is most often applied to persons who commit criminally punishable acts. It seems that, based on the specifics of legal regulation, implementation and subject composition, the legal relations arising in connection with the use of firearms should be considered exclusively as administrative.

V.A. Mel'nikov takes as a basis the administrative law regulations concerning the restraint measure under discussion and also supports the fact that firearms are considered as an administrative coercive measure [15, p. 55]. At the same time, it is necessary to point out the universal nature of the implemented coercive measures, which implies that public relations regulated by the norms of other branches of law can be regulated by administrative coercion measures, even if there is a discrepancy between the subject of regulation and the object of protection if they do not have their own protective norms.

At the same time, our detailed analysis of the provisions of RF Law 5473-1 allows us to con-

clude that it distinguishes between two main types of actions with firearms: application and use. For example, Paragraph 12 of Article 14 establishes the right of institutions executing criminal penalties to apply and use firearms and other special preventive measures in cases and procedures established by law. These terms are used as synonyms in the text of the law and in Russian legislation as a whole; in our opinion, this is not entirely correct. B.P. Kondrashov, Yu.P. Solovei and V.B. Chernikov also drew attention to this terminological feature [12, p. 14].

We agree with A.I. Kaplunov [9, p. 14] and E.A. Altukhova [3, p. 43] who note that actions such as application and use of firearms should be distinguished depending on the object toward which the coercive influence is directed. Thus, the term "the application of firearms" implies "apply to kill, toward living objects", the term "the use of firearms" does not imply intentional harm to the life or health of a person directly, even if there is such a possibility.

In RF Law 5473-1, only Article 12 mentions the possibility of using and applying firearms in the practical activities of penal officers, further on it is said about the possibility of only its application. We believe that in order to bring the provisions of the law under consideration into line with the practice of implementing measures of direct coercion by authorized subjects of the criminal code, Article 31.2 needs to be amended.

First, the title of the article "The application of firearms" should be replaced by "The application and use of firearms".

Second, it is necessary to supplement the analyzed article with the statement concerning the possibility of using firearms by penal officers. To do this, in the wording "An employee of the penal system also has the right to apply firearms" the word "apply" should be replaced with "use".

The approach we have formulated regarding the introduction of the norms establishing the procedure for the application and use of firearms, could be found in the previously valid version of Article 31 of RF Law 5473-1. The consolidation of the term "use" in this norm seems necessary in cases when a penal officer, while suppressing illegal actions, directs a firearm not at living objects (people), but at objects of the material world (for example, vehicles) or tries to influence the psyche of the offender by firing a warning shot.

The above allows us to come to the conclusion that the administrative legislation regulates

the procedure for the application of firearms, while not only an administrative offense, but also a criminally punishable act can serve as the basis for its application. At the same time, as practice shows, in most cases, penal officers use firearms to prevent administrative offenses, and apply firearms to prevent the commission of criminal offenses, for example, to protect themselves and (or) other persons from encroachment, if this encroachment is associated with violence that is dangerous to life or health (as an option, in the case of committing a crime against life and health, provided for in Chapter 16 of the Criminal Code of the Russian Federation).

The connection of special measures of administrative restraint with criminal law norms is most clearly reflected in the works of A.I. Kaplunov [8, p.254] and A.V. Minges [17, p. 19]. The researchers believe that the termination of infliction of harm on law enforcement interests may be preceded by the need to apply special preventive measures regulated by the norms of administrative and administrative-procedural law. At the same time, these measures can be specified, in particular, by the norms of criminal law, if in any particular case criminal legal institutions are involved in their application: necessary defense; causing harm when detaining a person who has committed a crime; extreme necessity; physical or mental coercion; reasonable risk; execution of an order or a resolution. The interrelation of the norms of administrative and criminal law in the regulation of relations on the application of physical force, special means and firearms by penal officers is reflected in Article 28 of RF Law 5473-1.

The application of administrative restraint measures by penal officers is possible only taking into account the established limit and the correct choice of the means. The legal regulation of this limit by the state is an important condition (element) of the current system of administrative and legal guarantees for the use of coercive measures [4]. That is why we consider it necessary to assign to the employees of the penal system the obligation to comply with the norms of criminal legislation in the process of implementing administrative and jurisdictional powers to apply administrative coercion measures. In this regard, we propose that Article 3 of the Federal Law "On the service in the penal system of the Russian Federation" should be supplemented with Part 1.1 of the following content: "The activity of an employee of the penal system of the Russian Federation is subject

to the norms of the criminal legislation of the Russian Federation on necessary defense, extreme necessity and other circumstances that exclude the criminality of the act".

In order to comply with the law in the process of implementing special measures of administrative restraint, penal officers are obliged to observe a certain order (sequence) of actions provided for in Article 28.1 of RF Law 5473-1 and including three main stages.

The first stage provides for the obligation of the penal officer to warn the offender about the intention to apply a special measure of coercion and provide sufficient time to fulfill their requirements. The form of this warning is not legally established. We believe that a verbal (oral) warning (a warning about the inadmissibility of illegal conduct) or a warning shot can act as such.

The second stage implies that the penal officer uses specific preventive measures – physical force, special means or firearms. The content of these actions should be determined by the "chosen method of coercive influence", taking into account the current situation [14, pp. 139–140]. At that, they can be either performed independently and in isolation from each other, or combined.

The penal officer chooses a preventive measure taking into account the current situation, the nature and degree of danger of illegal actions of persons, as well as the strength of their resistance [28]. The key condition for the implementation of the coercive measures under consideration is the assignment of the duty for the officer to ensure the least harm to the offender and to provide him with medical assistance if necessary. The least harm is inflicted on the offender due to the existence of restrictions and prohibitions related to the application of special means (Article 31.1) and firearms (Article 31.2).

At the same time, we should note that in practice, the penal officer who has caused harm to the offender's health can only provide them with first pre-medical, and not medical assistance. This is due to the fact that penal staff, as a rule, do not have a special medical education, and at the initial training courses they are trained only in the provision of first aid to victims. This circumstance indicates the need to adjust Article 28.1 of RF Law 5473-1, namely to replace the wording "urgent provision of medical assistance to victims" by "urgent provision of first aid to victims". In this case, the first pre-medical assistance to the victims may include stopping the bleeding, applying a bandage, performing artificial respiration, etc.

In addition to the problems associated with the legal regulation of the institution of administrative coercion in the penal system of the Russian Federation, authorized subjects of the penal system often face organizational difficulties in the process of its implementation. For example, in practice, penal officers may experience difficulties associated with calling medical workers to record injuries caused to citizens. This is due to the fact that medical staff of penal institutions is at the workplace, as a rule, until lunch (14.00), and the institution itself may be located in a remote area.

The last mandatory (third) stage consists in the mandatory communication of information (written report) by the penal officer to their immediate supervisor about each fact of the use of special administrative coercion measures within 24 hours. As we can see, the decision on the use of special coercive measures does not provide for the initiation of an individual specific case, the law only establishes a mandatory requirement for the procedure for recording each fact of their application with subsequent notification of the superior.

Thus, in the process of implementing administrative restraint measures, employees of the penal service are obliged to perform a certain sequence (algorithm) of actions, which allows them not to go beyond the legal field, that is, to observe the legality, and thereby not violate the rights of the forced persons.

Results

Measures of administrative restraint in the work of the penal system are carried out taking into account the specifics of the sphere of legal realization. We consider it necessary to highlight the following key features of their application:

- administrative and preventive measures in the penal system are applied in order to ensure penitentiary security, while the external form of coercive influence on an individual can be expressed both in mental (official requirement to stop illegal actions) and in direct influence on the offender (application of physical force, special means and firearms);

- legal grounds for the application of administrative preventive measures in the penal system can be as follows: illegal conduct of a person, including an objectively illegal innocent act; the occurrence of special conditions or events that pose an immediate threat to public order and public safety, as well as the safety of penal system premises and the persons who are on them. It is not necessary to establish the

guilt of a person in order for the penal officer to make a decision on the actual application of administrative preventive measures. It is sufficient to have a material basis indicating the event of an administrative offense, crime or other real threat (flood, fire, etc.) for public relations that are developing in the field of execution of criminal penalties. V.I. Koshevatskii [12, p. 103], D.S. Dubrovskii [6, p. 24] and O.O. Lebedeva [14, p. 75] drew attention to this circumstance;

- application of administrative restraint measures does not establish the obligations of authorized subjects to determine the components of an offense (crime) in the process of their implementation. In addition, a number of researchers put forward a proposal on the need to establish a specific list of administrative offenses, the commission of which will act as a basis for the application of administrative restraint measures. For example, V.A. Tyurin adheres to this position [26, p. 27]. Meanwhile, we agree with the approach of A.P. Korenev and A.I. Korenev, who point out not only administrative, but also criminal liability in the definition of administrative restraint [8, p. 237]. The implementation of administrative coercion measures may precede the use of more stringent state enforcement measures;

- application of administrative restraint measures in the penal system is possible only in relation to “the present or actual illegal act” [25, p. 27], that is, they have a specific spatial and temporal characteristic and are applied directly during the commission of the offense;

- employees of the penal system, as a rule, apply administrative and preventive measures on the territory of penal institutions (correctional institutions and pre-trial detention centers), as well as on the territories adjacent to them, which are subject to regime requirements. In this case, we are talking about the need to comply with the principle of territoriality in the process of implementing administrative coercion measures by authorized subjects of the penal system. At the same time, current legislation allows for the implementation of administrative and preventive measures outside the territories of penal institutions, the list of these territories is contained in Article 28 of RF Law 5473-1;

- when applying preventive measures, employees of the penal system are obliged to be guided by the normative provisions of administrative legislation in terms of establishing general conditions, grounds and procedure for their application, as well as the norms of crimi-

nal legislation on circumstances that exclude the criminality of the act.

Thus, administrative restraint measures implemented in the administrative and jurisdictional activities of the authorized subjects of the penal system differ in a certain internal content, which provides for a specific purpose, grounds and procedure for their application, taking into

account specifics of the functioning of the penal system of the Russian Federation.

The proposals we have formulated on amendments to the norms of the current legislation will contribute to improving the effectiveness of the implementation of administrative restraint measures in the penal system of the Russian Federation.

REFERENCES

1. Ageenkova G.T. Problems of improving legislation on measures of administrative restraint. In: Vasilenkov P.T. (Ed.). *Aktual'nye problemy sovetskogo administrativnogo i finansovogo prava : sbornik nauchnykh trudov* [Topical issues of the Soviet administrative and financial law: a collection of scientific papers]. Moscow: VYuZI, 1984. Pp. 32–44. (In Russ.).
2. Alegin A.P., Kolodkin L.M., Koloskov A.M. et al. *Administrativnoe pravo Rossii. Obshchaya chast': uchebnik* [Administrative law of Russia. General part: textbook]. Moscow: OOO "Nauch.-izdat. tsentr INFRA-M", 2010. 506 p.
3. Altukhova E.A. Some issues of legal regulation of the implementation of state coercion measures by employees of the penal system. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo=Penal Law*, 2014, no. 1 (17), pp. 42–45. (In Russ.).
4. Aniskina N.V. Complying with the principle of territoriality in the application of administrative coercive measures by law enforcement officers. *Administrativnoe pravo i protsess=Administrative Law and Process*, 2020, no. 1, pp. 72–76. DOI 10.18572/2071-1166-2020-1-72-76. (In Russ.).
5. Ardashkin V.D. *Mery zashchity (presecheniya) v sovetskom administrativnom prave: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Measures of protection (restraint) in Soviet administrative law: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Tomsk, 1968. 17 p.
6. Dubrovskii D.S. *Mery administrativnogo presecheniya, ogranichivayushchie svobodu lichnosti* [Measures of administrative restraint, which restrict the freedom of an individual]. Moscow: Ros. akad. pravosudiya, 2009. 150 p.
7. Zelen'ko V.L. *Voprosy teorii i praktiki primeneniya militsiei mer administrativnogo presecheniya pravonarushenii: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Issues related to the theory and practice of the use of measures of administrative suppression of offenses by the police: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Kyiv, 1975. 17 p.
8. Kaplunov A.I. *Administrativnoe prinuzhdenie, primenyaemoe organami vnutrennikh del (sistemno-pravovoi analiz): dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [Administrative coercion applied by internal affairs bodies (system-legal analysis): Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2005. 498 p.
9. Kaplunov A.I. *Pravovye i takticheskie osnovy primeneniya militsiei ognestrel'nogo oruzhiya: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Legal and tactical bases of the use of firearms by the police: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 1994. 24 p.
10. Kovshevskii V.I. On the question of the essence and legal nature of administrative coercion. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii=Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2015, no. 6, pp. 101–103. (In Russ.).
11. Kokorev A.N. *Mery administrativnogo presecheniya, primenyaemye organami vnutrennikh del: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Measures of administrative restraint applied by internal affairs bodies: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2007. 253 p.
12. Kondrashov B.P., Solovei Yu.P., Chernikov V.V. *Vnimanie: oruzhie! (Pravovye osnovy primeneniya ognestrel'nogo oruzhiya sotrudnikami rossiiskoi militsii)* [Attention: firearms! (Legal bases of the use of firearms by Russian police officers)]. Second edition, revised and supplemented. Moscow: Interdetektiv, 1992. 159 p.
13. Brief description of the penal system. *Federal Penitentiary Service of Russia: official website*. Available at: <http://fsin.rf/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (accessed April 30, 2021). (In Russ.).
14. Lebedeva O.O. *Pravovoe regulirovanie primeneniya prinuditel'nykh mer administrativnogo preduprezhdeniya i presecheniya: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Legal regulation of the application of compulsory measures of administrative prevention and suppression: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Nizhny Novgorod, 2017. 233 p.
15. Mel'nikov V.A. Problems of determining compulsory measures of administrative restraint. *Pravo i praktika=Law and Practice*, 2013, no. 2, pp. 52–60. (In Russ.).
16. Mel'nikova N.A., Vorob'ev V.I. The legal composition of smuggling prohibited items to convicts held in institutions of the penal system. In: *Aktual'nye voprosy administrativnoi deyatel'nosti organov gosudarstvennoi vlasti: sbornik nauchnykh trudov* [Topical issues of administrative activity of state authorities: a collection of scientific papers]. Vologda: VIPE VSIN Rossii, 2020. Pp. 61–68. (In Russ.).
17. Minges A.V. *Realizatsiya konstitutsionnogo prava na neprikosnovennost' lichnosti v sfere spetsial'nogo administrativnogo presecheniya: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Implementation of the constitutional right to personal inviolability in the field of special administrative restraint: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Sverdlovsk, 1990. 18 p.
18. Nagornyykh R.V. Administrative and legal coercion. In: *Sushchnost', formy i metody realizatsii ispolnitel'noi vlasti: uchebnoe posobie dlya magistratury po napravleniyu podgotovki "Yurist v sfere gosudarstvennogo upravleniya"* [The essence, forms and methods of implementing executive power: a textbook for master's degree courses in the field of training "Lawyer in the field of public administration"]. Vologda: VIPE FSIN Rossii, 2019. Pp. 133–155. (In Russ.).
19. Oparin V.N. *Pravovoe regulirovanie primeneniya mer neposredstvennogo prinuzhdeniya dolzhnostnymi litsami pravookhranitel'nykh organov Rossiiskoi Federatsii: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Legal regulation of the use of measures of direct coercion by law enforcement officials of the Russian Federation: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Omsk, 1998. 225 p.

20. *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugovovno-ispolnitel'noi sistemy FSIN Rossii za 2015 god: informatsionno-analiticheskii sbornik* [Main indicators of the activity of the penal system of the Federal Penitentiary Service of Russia for 2015: an information and analytical collection]. Tver: FKU NIIT FSIN Rossii, 2016. 402 p.
21. *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugovovno-ispolnitel'noi sistemy FSIN Rossii za 2020 god: informatsionno-analiticheskii sbornik* [Main indicators of the activity of the penal system of the Federal Penitentiary Service of Russia for 2020: an information and analytical collection]. Tver: FKU NIIT FSIN Rossii, 2021. 386 p.
22. Ponikarov V.A., Ponikarov S.V. The ratio of administrative-legal and criminal-legal regulation of the use of firearms by employees of the penal system and other law enforcement officers. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie=Man: Crime and Punishment*, 2014, no. 1 (84), pp. 119–121. (In Russ.).
23. Popov L.L., Lazarev V.V., Rozin L.M. The legal basis of administrative and compulsory measures for the protection of public order. In: *Pravovye osnovy obespecheniya obshchestvennogo porjadka: uchebnoe posobie* [Legal bases for ensuring public order: a textbook]. Moscow: Akademiya MVD SSSR, 1987. Pp. 69–75. (In Russ.).
24. Sevryugin V.E. *Problemy administrativnogo prava: uchebnoe posobie* [Problems of administrative law: a textbook]. Tyumen: Tyumen. vyssh. shk. MVD RF Tyumen. gos. un-t., 1994. 208 p.
25. Sil'nikov A.M. *Organizatsionno-pravovye osnovy primeneniya sotrudnikami politsii spetsial'nykh sredstv prinuzhdeniya: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Organizational and legal bases of the use of special means of coercion by police officers: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Saint Petersburg, 2011. 205 p.
26. Tyurin V.A. *Problemy primeneniya mer presecheniya v administrativnom prave Rossii: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [Problems of the application of preventive measures in the administrative law of Russia: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2004. 341 p.
27. Uchitel' S.Yu. *Neobkhodimaya oborona i ee rol' v pravookhranitel'noi deyatel'nosti: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Necessary defense and its role in law enforcement: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2003. 179 p.
28. Rhodes L. Human rights, those who are governed and the legitimacy of law enforcement. *Comparative Civilizations Review*, 2020, vol. 82, no. 82, p. 5.
29. Vuckovich P.K., Artinian B.M. Justifying coercion. *Nursing Ethics*, 2005, no. 12 (4), pp. 370–380. DOI 10.1191/0969733005ne802oa. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1191/0969733005ne802oa> (accessed May 21, 2021).
30. Wooldredge J., Steiner B. A macro-level perspective on prison inmate deviance. *Punishment & Society*, 2015, no. 17 (2), pp. 230–257. DOI: 10.1177/1462474515577151. Available at: https://www.researchgate.net/publication/275154681_A_macro-level_perspective_on_prison_inmate_deviance (accessed May 21, 2021).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

SERGEI A. STAROSTIN – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of Administrative Law and Process, Kutafin Moscow State Law University (MSLA), Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0108-7916>, e-mail: SASTAROSTIN@msal.ru.

NADEZHDA V. ANISKINA – lecturer at the Department of Administrative and Legal Disciplines, Faculty of Law, Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7185-5730>, e-mail: AniskinaN555@yandex.ru

Received June 1, 2021

PSYCHOLOGY

DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-3-659-668
UDC 159.9.075:343.83

Features of Mental Stability of Security Department Staff with Different Duration of Service in the Penal System of the Russian Federation

PAVEL V. POTEKIN

Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5989-3884>, e-mail: pahantus1988@mail.ru

KONSTANTIN B. MALYSHEV

Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2985-3341>, e-mail: konbormal@mail.ru

NIKOLAI G. SOBOLEV

Branch of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia «Bolshevo», Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6101-7437>, e-mail: sobolev-nikolay@mail.ru

ALEKSEI M. CHIRKOV

Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2256-9858>, e-mail: chirart@yandex.ru

Abstract

Introduction: the article considers one of the urgent issues of legal psychology – the disclosure of the mechanisms of psychological stability in employees of security department of correctional institutions. Since the professional activity of security department employees has a sociogenic and stressful nature due to a number of parameters, the predominance of the impact of stress factors over the mechanisms of mental stability in many cases leads to negative implications such as the development of psychological burnout, social maladjustment and personality deformation. *Aim:* to determine internal mechanisms that reduce adaptive capabilities and factors that promote them, to study the features of psychological resistance to the action of social and stress factors in the security department employees, depending on the length of their service. *Methods:* we study the mechanisms of psychological stability of employees and the parameters of models of stress states with the use of the following methods: “Neuropsychic stability” (“Forecast”) technique developed by V.Yu. Rybnikov (1990), a method for assessing professional burnout developed by C. Maslach and S. Jackson (1986), innovative multi-factor methods for assessing basic professional typologies of stress and spirituality of an individual according to K.B. Malyshev (2021). *Conclusions:* the results of the study show that social stress among security personnel is one of the most traumatic forms of stress and it corresponds to the concept of professional stress. Moreover, the essence of the concept of psychological stability is associated with the study of subjective features

of the phenomenon of disequilibrium of life activity – stress. Stress reflects the entire range of basic conditions – health and development, maladjustment and pathology. The data obtained in the study indicate the disharmonic nature of psychological adaptability (pseudo-adaptation) to the action of social stressors in employees with ten years of service experience. At the same time, the majority of respondents, in contrast to employees with a period in service of up to five years, have basic professional types of stress and spirituality, which indicates a low level of their socio-moral value orientations. This makes it necessary to develop innovative approaches to the prevention of professional stress and burnout among employees at all stages of their professional activity on the basis of the subject-subject paradigm in the development of the intention to form spiritual and moral values in an individual.

Key words: adaptation; basic profile of types of professional spirituality; basic profile of types of professional stress; inner world; correctional institutions; personality; multi-factor analysis; negative emotional states; professional burnout; penitentiary institutions; professional activity; mental and psychological stability; mental resources; coping behavior; social and professional stress; stressors; stress resistance; security department employees; consistency; terms of service; theory of functional systems according to P.K. Anokhin; penal system.

19.00.06 – Legal psychology.

For citation: Potemkin P.V., Malyshev K.B., Sobolev N.G., Chirkov A.M. Features of mental stability of security department staff with different duration of service in the penal system of the Russian Federation. *Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 3 (55), pp. 659–668. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-3-659-668.

Introduction

It is known that professional activity carried out in socially stressful conditions is a factor that determines dynamic transformation of psychological constants in an individual, which leads to the formation of one of the elements from the triad of functional states – mental development, adaptation or maladjustment. Social stress is understood as the socio-psychological transformation of society, various social communities, institutions and an individual; such transformation occurs under the influence of changes in the culture, politics and economy of the state. The penal system, being a special social institution, imposes increased requirements on the activities of correctional officers whose work reflects the specifics of social stress of an extreme socio-psychological nature. The professional activity of correctional personnel, especially employees of security departments, is considered to be the most stressful, since it is carried out in special and continuing socio-stressful conditions that determine changes in interaction in the “subject-situation” system.

It is believed that the states of mental stress in the employees of the penal system result from the impact of specific and significant social stressors for the individual and at the same time are determined by a decrease in the level of general and selective specific stress resistance of the individual, which primarily includes psychological stability. Psychological, or rather

mental, stability of a person in any field of activity is an integral phenomenon that contains stress resistance and similar concepts: emotional stability, resilience, tolerance to stress, as well as a generalized and differentiated construct that determines the measure of resistance to the negative influence of a fairly wide range of potentially stressful stimuli.

There is an opinion that mental stability of persons engaged in extreme activities is inversely dependent on the nature, intensity and duration of the action of stressors. M.Sh. Magomed-Eminov, on the contrary, believes that the main stressful factor in extreme situations is the discrepancy between human nature and those professional tasks one has to perform. According to L.A. Kitaev-Smyk, this circumstance leads to psychological burnout, which he understands as the “burnout of the soul”.

All scientific sources note that the dynamics of psychological (professional) burnout corresponds to the stages and phases of the development of psychological stress (mobilization, resistance and exhaustion). Taking this into account, as well as the pronounced nature of the specifics of extreme factors in the activities of security department employees, we believe it is more acceptable to consider this form of social stress [3; 12] and burnout as professional stress. Most authors point out that stress in employees is a form of professional deformation that occurs under the influence of a protective mechanism for preserving emotional

resources. As a result of its inefficiency, mental resources are depleted, and maladjustment states are developing. They arise as a result of the "breakdown" of the barrier of mental adaptation under the influence of extreme factors, which include the threat to life, use of firearms, high level of responsibility, monotony, violation of biorhythms (working in shifts), etc. Their influence is potentiated by social stressors of mixed genesis – discriminatory, environmental and role-based, difficulties of self-realization and achieving success, etc.

The leading role in mental stability belongs to socio-psychological characteristics of an individual and their preparedness (basis) for a particular stress effect. Scientific literature presents a wide range of personal psychological factors involved both in the development of adaptation processes in correctional officers and determining the maladjustment characteristics of occupational stress. In the formation of mental stability, in professional development and self-improvement of employees in recent years, special attention is paid to the psychological determinants of spirituality and the characteristics of the value sphere. The negative characteristics of professional stress noted in most studies with the description of its deficient mental conditions in correctional staff are replaced by a subject-subject approach and are characterized by a transition from the reactive paradigm of stress to the transactionalist and spiritual paradigm. This allows us to study personal features of employees and the dynamics of their mental stability as professional transformations that reflect both signs of professional destructions and positive changes in the behavior strategy and personal resources for overcoming professional stress and deformations.

We should also note the inconsistency of data on the nature of changes and mechanisms of mental stability of security department employees at different stages of service and the lack of methods for assessing the basic constants of professional profiles of stress reactivity of the individual, corresponding to the specifics of the transformation of professional spiritual and value states. In this regard, a comprehensive approach to the study of the mechanisms of mental stability among security department officers in a correctional institution, depending on the duration of their service, seems relevant and timely.

Results

The analysis of scientific data shows two fundamentally important patterns according

to which the mental state of correctional institution employees is changing – the dependence of the occurrence and degree of severity of professional deformation of the individual on the length of their official activity and the close relationship of defects in the attitude toward the profession with specific changes in all substructures (spheres) of the personality. Despite the explicable differences in the data on the length of service corresponding to the emergence of mental stress (the first stage of professional stress), in most studies they were registered in employees at the initial stages of service – in the range from one to five years [9; 13–15; 17; 18]. An increase in mental stability that corresponds to the adaptation of employees to the service (the stage of resistance), and its violations are detected, as a rule, at the stages from 5 to 10 or more years, which correspond to the stage of exhaustion. At the initial stage, professional stress is expressed in negative emotional states, manifested in a decrease in mental activity, fear, aggressiveness, a decrease in cognitive functions and self-development ability, loss of self-control and panic reactions, fatigue and uncertainty, anxiety and apathy, feeling of doom and despair, stupor, depression or euphoria, etc. [13–15]. These conditions correspond in detail and in phases to the symptoms of the development of deficient mental states, which eventually lead to a decrease in the effectiveness of professional activity [17]. Numerous sources indicate that with the loss, decrease and lack of coping behavior resources, the intensity of deficient mental states increases, which become a trigger for chronic professional stress, the final scenarios of which are neuropsychic and psychosomatic disorders; persistent or incomplete adaptation and social pathology – professional deformation. The latter option indicates the pathological orientation of the psychological transformation of the individual, leading to the development of deviations and professional degradation [7–9; 13; 17].

In order to specify periods of changes in mental sustainability typical of the deficit mental states, and the severity of occupational stress, we conducted a study of integrative indicators of mental stress and psychological burnout in employees of security department of the Directorate of FSIN Russia for the Vologda Oblast depending on the period (duration) of their service (tab. 1).

Table 1

Average values of the indicators of neuropsychic stability in employees of security department with different work experience

Length of service	Average values	Standard deviation	U emp.	Level of statistical significance
Up to 5 years (n = 25)	5.1	0.9	129	p≤0.01
From 5 to 10 years (n = 25)	6.3	1.0		

The low level of average indicators of neuropsychic stress in a group of employees with five to ten years of service experience indicates the absence of significant violations of mental stability. The obtained data allow us to consider the mental state of security department employees with a long service experience as positive. This may indicate that the increase in the overall adaptive capacity and the use of protective (coping) behavior patterns while reducing the possibility of mental breakdowns alongside the increasing duration of the time in service. This suggests that the initial stage (tension) of professional stress, noted when an individual enters professional activity in the majority of

employees from the group with up to five years of work experience, is replaced by the development of psychological stability as they acquire experience in the service, that is, there is a stabilization of the mental state that corresponds to the dynamics of the second stage of resistance due to the inclusion of psychological resources of resistance to stress.

The parameters of mental stability in this group of respondents are characterized by low indicators of emotional exhaustion, in contrast to the average values for most employees from the group with up to 5 years of service experience (tab. 2).

Table 2

Average values of the integrative indicators of professional burnout among employees with different work experience (according to the method of C. Maslach, S. Jackson)

Scales	Employees of the security department, duration of service under 5 years (n = 25)		Employees of the security department, duration of service from 5 to 10 years (n = 25)		Level of statistical significance
	Average value	Standard deviation	Average value	Standard deviation	
Emotional exhaustion	15.3	3	7.1	2.5	p≤0.01
Depersonalization	5.8	2.7	5.4	5.3	p≤0.05
Reduction in personal accomplishment	36.2	2.2	39.1	6.9	p>0.05

At the same time, the average values of the indicators showing a reduction in personal accomplishment in the group with an experience of 5 to 10 years are within the normal range, while the indicators on the "depersonalization" scale were higher on average (for 14 out of 25 employees). These data indicate the inclusion of psychological defense mechanisms in the form of partial suppression of emotions in response to prolonged and excessive traumatic effects. According to the majority of authors, any form of adaptation typical of the second stage of stress can maintain the resilience of a person for a long time even in conditions of a long-term course of a stressful state through

mechanisms of minimizing the stressor. According to A. Lingle, these mechanisms prevent further violations of the existential attitude of an individual. The results of our study correlate with the data of other authors on the adaptation of security department staff to the action of extreme factors and on the possibility of simultaneous formation of negative (maladjustment) manifestations of professional stress [16].

Since this type of stress develops in healthy individuals and includes a complex set of psychological rearrangements leading to professional personality deformation and other changes, it is advisable to consider them as professional transformations of (stress-induced)

mental states [16]. E.L. Trofimova points out that transformations can be both positive and negative, and their ratio changes with increasing service experience. Moreover, the author considers the positive changes occurring in the process of professional activity of the staff as personal resources for overcoming deformations [16].

The obtained results of psychological diagnostics can be interpreted as an increase in the mental stability of the staff with their increasing time in the service, since studies, both our own and by other authors, indicate a pronounced psycho-emotional stress in employees at the initial stages of professional activity. At the same time, the results allow us to speak about the disharmonious nature of adaptation to professional stress, since along with mental stabilization, the staff with long service experience have negative manifestations of professional deformation that go along the path of depersonalization. This phenomenon of transformation of stress characteristics that replace each other is called the "price" of adaptation.

The analysis of psychological constants that determine the essence and features of the mechanisms of professional stress development in correctional staff, as well as psychological drivers of stress resistance required for explaining the causes of the changes, indicates the complexity and ambiguity of these phenomena, which is reflected in the variety of viewpoints of researchers regarding their nature, structure, mechanisms of occurrence, etc. For instance, E.V. Rasponin believes that resistance to professional stress and its internal sources is due to the personal resources of correctional officers – behavioral and problem-oriented coping strategies, among which an important place, according to the researcher, belongs to coping with self-control of behavior and problem solving, emphasizing the role of a value-semantic complex that forms a constructive model of psychological resources of resistance to stress. It includes such personal qualities as a high level of will development, an internal locus of control, emotional stability, social orientation, balance, resistance, fortitude, self-knowledge, etc. [13]. In other studies, the following internal factors of stability are pointed out: preservation of personal identity (self-identity) [7], which plays a major role in the processes of meaning formation, self-determination and group differentiation, the state of stimulating and meaning-forming functions

of motivation, the insufficiency of which is accompanied by an intrapersonal psychodynamic conflict in the personality of employees [14], an adequate ratio of personal accentuations with the emotional component of individual forms of behavior control [6]. Generalization of the experience of Western and Russian authors, on the other hand, gives reason to believe that the significant internal triggers of professional stress are found in negative psychological experiences (decreased interest, indignation, personal frustration, etc.), the psychological stability of the personality of a correctional institution employee (its functionality) is considered as a system reflecting the ratio of subject-personal interactions and intrapersonal rearrangements of the individual's set of resources.

The majority of the works of Russian and foreign researchers reveal a mismatch (contradiction) between professional activity and the state of the emotional and other spheres of the personality of employees. Despite the value of empirical data and the tendency to clarify integrative properties of psychological stability of an individual (internal drivers of stability and sources of stress) as coping resources, their disadvantage consists in the use of the biologizing methodology of the reactive stress paradigm. And if earlier the study of employees' psychological stability was limited mainly to the analysis of emotional, volitional, intellectual and other components of the psyche involved in the complex of professional burnout, in recent years the number of interdisciplinary studies using post-non-classical methodology has been growing [3–5; 11; 12; 18].

Going beyond the linear approach (the S → R paradigm) to the study of the psychological stability of correctional staff is reflected in the development of psychological monitoring of professional stress (professional burnout) based on a multi-paradigm approach to analyzing the dynamics of the existential, activity-based and resource-based components of the subjective reality (inner world) of a correctional institution employee [18]. This revealed the dynamic nature of changes in the structural organization of an individual and the spiritual and moral orientation of the individual in the process of service. The appeal to the higher mental instances of the individual allowed us to build a binary model of the personality typology for a correctional institution employee in the form of an "energetic" subject with a high level of professional motivation and an "exhausted"

one with a low level of motivation and signs of psychological burnout; we also identified motivational determinants depending on the length of service [13; 14; 16; 18]. Thus, the values of knowledge and the motives of involvement in the team, and recognition – the values typical of an employee at the initial stages of service, are replaced by the values of freedom and the motives of “leadership”, “connections”, “money”, “adherence to the traditions”, which positively correlate with the manifestations of professional deformation; this indicates a regression of spiritual and moral phenomena in employees with long service experience [14]. However, despite the available data on the role of spirituality as a psychological component (resource) of the viability and resilience of an individual, there are still no fundamental studies of spiritual sources and factors contributing to the formation of psychological stability in correctional officers.

Thus, the analysis of the scientific literature data indicates a clear lack of knowledge about the etiopathogenesis of occupational stress and the internal mechanisms that determine the transformation of the psychological stability of employees in the development of adaptation to professional stressors and the processes of professional deformation. There is still no clear data on the typological (selective) professional vulnerability of employees to external and internal stress factors. There is also an undeveloped theoretical basis in the field of analyzing the spiritual resources of the individual as factors promoting the development of a psychological model of the resistance of security department staff to professional stress. Moreover, there are practically no studies on the use of the positive (developing) potential of stress in correctional officers. At the same time, according to P.K. Anokhin’s theory of functional systems, the reduction or elimination of stress from any sphere of human activity deprive them of general and specific (professional) development, causing stagnation of the “functional system of a professional” [1]. Since professional qualities in security department staff are formed in stressful conditions, their elimination suppresses the positive effect of stress, deprives an individual of the opportunity to develop not only the properties and qualities of a professional, but also a stable adaptation. Therefore, in order to reveal the phenomenon of mental stability, a more in-depth search and interpretation of the essence of professional stress itself and the individual

psychological characteristics of employees are necessary on the basis of the synthesis of natural and humanitarian methods of studying subjective reality

In this regard, for the purpose of a more in-depth analysis of the features of mental stability in security department staff, at the second stage of the research, we studied stress characteristics of employees’ personality on the basis of models of a typological system-based approach to the study of professional stress and spirituality using two valid methods: “Types of professional stress-inducing personality” and “Types of professional value-based spirituality of personality” according to B. Malyshev (2021). The new diagnostic tools – methods for assessing the types of the profile of stress of the individual and the profile of the professional value-based spirituality of the individual correspond to the three-dimensional basic typology of the professional orientation of the individual according to V.A. Hansen [2], which complements the analysis of psychological characteristics of correctional officers. We should note that the basic methodology for assessing professional value-based spirituality of employees is used to measure the intentionality (aspiration) to values and value orientations, which are the most important psychological characteristics of an individual’s spirituality [11]. Despite the reductionist nature of the method (elimination of the higher constants of the phenomenon of spirituality), its use from the post-non-classical standpoint adds to the features of the mechanisms of psychological stability in the professional activities of correctional officers. Spirituality is understood as a stable and dynamic psychological ideal-semantic formation (core, integrator), which performs a system-forming function in the formation of the integrity of the mental world of the individual and plays the role of regulator of human behavior and activity, responsibility for one’s actions and relationships with other people [5; 10; 12; 15]. Spirituality reflects self-development and self-realization through the search for the meaning of life, acceptance of the highest values of human existence and moral norms of the community, as well as following the highest examples of human culture [5; 10].

As can be seen from Table 3, the group with up to five years of service experience is dominated by employees with the types of enterprising/managerial, (24%), social/“empathic” (24%) and realistic/“occupational” (20%) professional and stress-related personality profiles. In the

group with 5 to 10 years of service experience, there are more respondents with the models of occupational (working) and normative professional profiles of personal stress (31% and 27%, respectively), with a smaller number of people with “managerial”, research and “empathic” profiles. The share of persons with types of intellectual-research and artistic-aesthetic professional profiles of personality stress in this group was 12% and 8%, respectively.

Table 3

Comparative characteristics of professional types of personal stress in employees of the security department with different service life

Three-factor occupational personality typological model (according to J. Holland)	Types of personality according to stress	Employees with up to 5 years of service experience n=25	Employees with 10 years of service experience n=25	Level of statistical significance
Enterprising type	Managerial stress	24%	11%	p≤0.01
Investigative type	Research stress	8%	12%	p≤0.05
Social type	Empathic (ethical) stress	24%	11%	p≤0.05
Realistic type	Occupational (working) stress	20%	31%	p≤0.05
Conventional type	Regulatory stress	10%	27%	p≤0.01
Artistic type	Aesthetic stress	4%	9%	p≤0.05

For people with up to five years of experience, the main stressors are the mismatch of their own ideas and their role in professional activity with the established regulations of service in the penal system, experiences related to the moral and ethical side of the profession and difficulties in adapting to workloads. A larger number of employees in the group with service experience from 5 to 10 years with occupational and normative professional profiles of personal stress indicates their dissatisfaction with their financial situation, a decrease in motivation for service, an increase in intrapersonal and interpersonal conflicts and problems related to responsibility and the need to perform professional duties. We can assume that as the service progresses, the change in the professional-stress type of personality occurs through the dominance of models of realistic/occupational (working) and conventional/normative types of professional stress, which indicates the formation of depersonalization [11].

The assessment of the types of professional value-based spirituality was carried out according to six basic personality types (managerial, cognitive, ethical, material, moral and aesthetic). In the group of employees with up to 5 years of service experience, in general, the predominance of managerial, ethical and material types was found, which made up 24%, 32% and 20% of the total number of respondents, respectively. Among employees with service experience

from 5 to 10 years, the maximum number (32%) of persons with a material profile of values was revealed, and the values of indicators of the cognitive type of spirituality were twice higher than among respondents with service experience of up to five years (16% vs. 8%). Among employees with long service experience, there are more people with moral and aesthetic profiles of professional spirituality in comparison to the group of young employees (20% and 11% vs. 12% and 4%). At the same time, the number of people with a moral type of spirituality (12%) was significantly lower in comparison with the group of young employees (32%) and the organizational type (9% vs. 24%). We should note that the obtained data characterizing the features of the percentage distribution of certain types of professional value spirituality in both groups of employees have similarities with the characteristics of professional basic orientation parameters and personality stress. Consequently, in a group with service experience of up to 5 years, most of the employees have such spiritual values as morality, justice and empathy with a desire for organizational activity and motivation to achieve material resources (goods) in combination with expressiveness, authority and aggressiveness, which leads to stressful situations and a decrease in mental stability. At the same time, the distribution of types of spiritual values in the group of employees with service experience from 5 to 10 years indicates a pro-

nounced pragmatic spiritual orientation of the majority of respondents; 87% of respondents did not have indicators that show the orientation toward spiritual and moral values, and only 36% showed a desire to comply with normative (moral) rules and requirements and solve professional problems.

The obtained information about the close relationship between indicators of the orientation of employees toward spiritual values and the changes in the profiles of professional stress is confirmed by scientific data indicating that, along with the regulating higher mental functions, spirituality is a factor (resource) promoting psychological stability, vitality and hardiness in an individual [4; 10; 12; 15; 17]. The decrease in the integral moral and spiritual potential of employees – the level of spiritual consciousness according to V.P. Zinchenko [5], reflecting the transformation of the goal-setting (orientation) of the individual, testifies (from the position of the theory of functional systems of P.K. Anokhin [1]) that overcoming professional stress among security department staff with service experience from 5 to 10 years is carried out according to a maladjustment type (pseudo-adaptation). Because the increase in mental stability and certain indicators that reflect a reduction in the manifestations of professional stress in this group as a whole is accompanied by a negative transformation of stress profiles and a decrease in moral and spiritual values of an individual, which indicates the formation of depersonalization (psychological deformation and relative spiritual deficiency). It is for a reason that scientific literature uses the terms “destructive”, “deficiency” spirituality, despiritualization, etc. [12; 15; 17].

A number of authors indicate that consideration of the formation of spiritual and moral qualities in employees involves not only their study, but also the identification of the essence of the basic terms “spirituality”, “ethics” and “morality” so as to design a scientifically substantiated system of psychological methods that determine the effectiveness of addressing the issues of integrative resistance of correctional officers to professional stress. Interdisciplinary and problem-oriented approaches to the disclosure and prevention of occupational stress based on the hierarchical principle of regulating the functional organization of psychological stability and hardiness will help to solve the problems of professional activity safety with a more scientifically substantiated study of the structure and function

of the spiritual and moral principles of employees' personality. It can be proven by the data showing that the ability to think develops to the fullest extent at the spiritual level of personal development, reflecting life in the unity of its logical, mental and moral aspects, and the actions of an individual should be evaluated in the unity of one's behavioral, psychological and moral components [3–5; 10; 15].

Conclusions

The presented theoretical and empirical results of the study confirm the data of other studies on the differences in the severity of stress states depending on the duration of the service of employees in penitentiary institutions and the development of negative manifestations of professional stress. At the same time our research findings add to the existing views on the mechanisms that ensure psychological stability and the process of adaptation to stress. The revealed low level of stress manifestations in employees with ten years of service experience corresponds to external forms of adaptation (pseudo-adaptation) to the action of social stressors, which corresponds to the development of depersonalization.

The nature of transformational changes in the manifestations of professional stress and typological profiles of professional stress (vulnerability), along with the assessment of the spiritual and moral sphere, indicates the inclusion of the phenomenon of spirituality in the development of employees' adaptation to stressful influences, reflecting the features of protection mechanisms proceeding from the length of service of security department staff.

The results of the study provide the basis for constructing variable stage models of the states of psychological stability of correctional officers of security department at different stages of their official activities, which requires a comprehensive diagnostics of the ongoing transformations of the manifestations of professional stress and an assessment of psychological stability involving the dynamics of changes in the personal basic profiles of professional stress.

The article substantiates the importance of developing an effective integrative and targeted psychological prevention of negative consequences of professional stress (professional burnout) in employees at all stages of their professional activity on the basis of the subject-subject paradigm of development and the intention to form spiritual and moral values of the individual.

The data we have obtained also indicate the need for further studies of mental stability on the basis of an interdisciplinary approach to revealing the features of selective formation and restructuring of the spiritual and moral sphere

of an individual, which determines the dynamics of changes in the psychological stability of correctional officers to external and internal sources of professional stress.

REFERENCES

1. Anokhin P.K. *Uzlovye voprosy teorii funktsional'nykh sistem* [Key issues of the theory of functional systems]. Moscow: Nauka, 1980. 196 p.
2. Ganzen V.A. *Sistemnye opisanija v psikhologii* [System descriptions in psychology]. Leningrad: Leningrad, 1984. 176 p.
3. Dolgova V.I., Vasilenko E.A. Social stress as a factor maladjustment personality. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii=Modern High Technologies*, 2016, no. 8-2, pp. 303–306. (In Russ.).
4. Zhuravleva N.A. *Psikhologiya sotsial'nykh izmenenii: tsennostnyi podkhod* [Psychology of social changes: value-based approach]. Moscow: Institut psikhologii RAN, 2019. 528 p.
5. Zinchenko V.P. *Soznanie i tvorcheskii akt* [Consciousness and creative act]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2010. 592 p.
6. Kadochnikova I.V., Sergienko E.A. Subjective and personal changes in the employees of the penitentiary system. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya=World of Science. Pedagogy and Psychology*, 2020, vol. 8, no. 1, p. 49. (In Russ.).
7. Kozyreva T.S. *Strukturnye komponenty identichnosti lichnosti s priznakami posttravmaticheskikh stressovykh sostoyanii: na primere sotrudnikov uchrezhdenii ugovovno-ispolnitel'noi sistemy: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata psikhologicheskikh nauk* [Structural components of personality identity with signs of post-traumatic stress states: on the example of employees of institutions of the penal system: Candidate of Sciences (Psychology) dissertation]. Novosibirsk, 2009. 215 p.
8. Kopylova T.V. "Emotional burnout" as a form of professional deformation of the personality of an employee of the penal system. *Pedagogika v pravookhranitel'nykh organakh=Pedagogy in the Law Enforcement Agencies*, 2003, no. 1, pp. 13–15. (In Russ.).
9. Krapivina O.V. *Emotsional'noe vygoranie kak forma professional'noi deformatsii u penitentsiarnykh sluzhashchikh: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata psikhologicheskikh nauk* [Emotional burnout as a form of professional deformation in correctional staff: Candidate of Sciences (Psychology) dissertation]. Tambov, 2004. 200 p.
10. Leont'ev D.A. Spirituality, self-regulation and values. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Tekhnicheskie nauki="Izvestiya SfedU. Engineering Sciences*, 2005, no. 7, pp. 16–21. (In Russ.).
11. Malyshev K.B., Malysheva O.A. *Osnovy psikhoalgebry* [Fundamentals of psychoalgebra]. Kursk, 2021. 157 p.
12. Oboturova N.S., Chirkov A.M. *Filosofsko-antropologicheskie osnovaniya metodologii psikhoterapii osuzhdennykh: monografiya* [Philosophical and anthropological foundations of the methodology of psychotherapy of convicts: monograph]. Vologda: VIPE FSIN Rossii, 2019. 186 p.
13. Raspopin E.V. *Psikhologicheskaya ustoichivost' k vneshnim i vnutrennim istochnikam stressa: na primere sotrudnikov ugovovno-ispolnitel'noi sistemy: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata psikhologicheskikh nauk* [Psychological resistance to external and internal sources of stress: on the example of employees of the penal system: Candidate of Sciences (Psychology) dissertation]. Yekaterinburg, 2013. 190 p.
14. Rozhkov O.A. *Motivatsionnye determinanty professional'noi deformatsii sotrudnikov ugovovno-ispolnitel'noi sistemy: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata psikhologicheskikh nauk* [Motivational determinants of professional deformation of employees of the penal system: Candidate of Sciences (Psychology) dissertation]. Ryazan, 2013. 219 p.
15. Samoilik N.A., Klimova N.V. Spiritual and moral foundations of professional and value-based orientations of employees of the penal system. In: *Sovremennaya psikhologiya: materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Kazan', oktyabr' 2016 g.)* [Modern psychology: proceedings of the 4th International Scientific Conference (Kazan, October 2016)]. Kazan: Buk, 2016. Pp. 37–40. (In Russ.).
16. Trofimova E.L. Professional transformations of detention centers officers. *Psikhologiya v ekonomike i upravlenii=Psychology in Economics and Management*, 2016, vol. 8, no. 1-2, pp. 36–42. (In Russ.).
17. Tyulyupergeneva R.Zh. *Vliyanie defitsitarnykh psikhicheskikh sostoyanii na formirovanie professional'noi deformatsii lichnosti sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov: na primere Respubliki Kazakhstan: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata psikhologicheskikh nauk* [Impact of deficiency mental states on the development of professional deformation of the personality of law enforcement officers: case study of the Republic of Kazakhstan: Candidate of Sciences (Psychology) dissertation abstract]. Moscow, 2017. 196 p.
18. Cherkasova M.A., Pozdnyakov V.M. *Psikhologicheskii monitoring professional'nogo vygoraniya sotrudnikov ugovovno-ispolnitel'noi sistemy Rossii: monografiya* [Psychological monitoring of professional burnout of employees of the penal system of Russia: monograph]. Vologda: VIPE FSIN Rossii, 2016. 135 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

PAVEL V. POTEKIN – lecturer at the Department of Legal Psychology and Pedagogy, Psychological Faculty, Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5989-3884>, e-mail: pahantus1988@mail.ru

KONSTANTIN B. MALYSHEV – Doctor of Sciences (Psychology), Associate Professor, professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy, Psychological Faculty, Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2985-3341>, e-mail: konbormal@mail.ru

NIKOLAI G. SOBOLEV – Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Training the Leading Personnel of Internal Affairs Bodies, Branch of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia «Bolshevo», Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6101-7437>, e-mail: sobolev-nikolay@mail.ru

ALEKSEI M. CHIRKOV – Doctor of Sciences (Medicine), professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy, Psychological Faculty, Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2256-9858>, e-mail: chirart@yandex.ru

Received July 14, 2021

The Use of Psychological Correction Programs to Improve the Occupational Fitness of Correctional Personnel

IRINA. N. MININA

Pskov State University, Pskov, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6240-4834>, e-mail: irimin@rambler.ru

DIANA YA. GRIBANOVA

Pskov State University, Pskov, Russian Federation,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5633-5876>, e-mail: dianab81@mail.ru

Abstract

Introduction: the article examines the results of the application of a short-term psychological correction program, which includes conflict prevention and the development of adaptive behavior skills in difficult communication situations. *Aim:* based on the results of the study, to identify conditions for the effective use of psychological programs to overcome stress among prison staff. *Methods:* the tasks set in the work were solved with the help of general scientific research methods within the framework of comparative, statistical and logical analysis and empirical methods such as description and interpretation of the information. The study involved 80 employees of the security department of correctional institutions of the Pskov Oblast, divided into experimental and control groups. The trainings were conducted by full-time psychologists of the departments. To assess the effectiveness, we used the following methods: "Willpower self-assessment scale" by N.N. Obozov, the technique for determining the level of neuropsychic stability "Forecast", and the questionnaire of interpersonal relations in the adaptation of W. Shchutz. *Results:* the analysis of the data with the help of mathematical statistics methods has shown that the use of such programs is advisable among employees included in the group of increased attention. These may be persons conditionally recommended for this type of activity, as well as those who have been subjected to the deforming influence of an unfavorable professional environment. A statistically significant result for the experimental group of subjects consisted in a change in the indicators on the sincerity scale, which can mean an increase in self-esteem, trust in the psychologist and the desire to answer the questions honestly. The greatest effectiveness of the training was observed when we were implementing the tested program; this is explained by increased motivation and responsibility for its results. No practical effect of participation in the training was revealed among the personnel who initially had indicators that did not require correction. *Conclusions:* in order to increase the effectiveness of trainings, it is necessary that psychologists have personal conscious motivation when they work out unique programs that take into account actual needs of correctional staff.

Keywords: psychological correction program; psychological support of personnel; willpower; stress; mental stability; training; group of increased attention.

19.00.06 – Legal psychology.

For citation: Minina I.N., Gribanova D.Ya. The use of psychological correction programs to improve the occupational fitness of correctional personnel. *Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 3 (55), pp. 669–676. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-3-669-676.

Introduction

The effectiveness of penitentiary institutions depends on the level of occupational fitness of their personnel, who traditionally belong to the category of persons with a high level of emotional load and stress. Having reviewed domes-

tic and foreign literature we identify the most significant correlates of work stress among employees of pre-trial detention centers and prisons. Unjustified workload, hypervisibility, perception of staff shortage, problems of social roles, insufficient control, autonomy, lack

of support at work or at home, exposure to violence by convicts were most associated with increased stress among prison security personnel. In high-security correctional institutions, the main professional stress factors include a higher level of violence on the part of prisoners and the ratio of employees to convicts, in which there is a greater number of prisoners per warden [1; 3; 7; 10; 13; 14; 17]. Besides, a multi-level analysis of the impact of work stress conducted on a sample of 1,800 prison employees working in 45 U.S. prisons has shown that the assumed control over prisoners, support from colleagues and superiors contributed to the reduction of professional stress [16].

Staff suitability is based on professional qualities, which include individual-mental and personal qualities of an individual, necessary and sufficient for self-realization in the chosen profession. Successful professionalization is facilitated by the presence of work experience and the desire to perform official duties at a decent level. Numerous studies in different countries confirm a significant relationship between organizational justice and professional performance of employees of the law enforcement system [18]. Justice can be called one of the main principles of the humanistic system of values and all human life activity. The employee's subjective assessment of the fairness of the relations is a significant factor that affects professional motivation.

The average image of a candidate whom the penal enforcement system wants to see in its ranks is an emotionally mature, calm, self-possessed person from 18 to 40 years old, who does not succumb to random mood fluctuations, is able to withstand considerable physical and emotional loads, flexible in interpersonal interaction, inclined to compromise. E.I. Kokorina studied the factors contributing to professional and psychological suitability of candidates for service in the penal system and, according to the results of psychological diagnostics at the Military Physician Board of Occupational Health Facility-12 of FSIN Russia in 2016, revealed that about 33% of them do not have such qualities [3, p. 447].

When studying the issues of professional suitability of a specialist, it is necessary to take into account the individual data of a person, their motivation and appropriate professional training.

According to Article 17 of Federal Law 197-FZ of July 19, 2018 "On the service in the penal system of the Russian Federation and on amendments to the Law of the Russian Fed-

eration "On institutions and bodies executing criminal penalties in the form of imprisonment", citizens who are "able to perform official duties of an employee by their personal and business qualities, physical fitness and health status" can enter the service. Establishing the compliance of these qualities and personality traits of the candidate with the approved requirements is the main task of professional psychological selection. A.M. Rakov notes that the employer's refusal to hire a candidate protects the candidate from the psycho-emotional load that is too much for them, and protects society from the negative consequences of professional insolvency of the future employee. At the same time, this selection ensures legal validity of the appointment of the most suitable candidate to the position, determines the qualities and characteristics that should be taken into account and monitored in the process of professional development [1, p. 104].

In recent decades, two approaches to the criteria of professional psychological selection have remained unchanged:

1. Identification and screening of candidates with extremely unfavorable socio-psychological, individual-psychological or psycho-physiological characteristics (selection according to the minimum requirements).

2. Identification and selection of candidates for the service who meet the requirements for professionally important qualities as much as possible (selection according to the maximum of requirements) [1, p. 108].

To ensure the effectiveness of the service, the second approach is the optimal one. It gives the opportunity to choose the best of the candidates undergoing the selection procedure. But such an approach is possible to implement in institutions where there is no urgency of staffing, no staff turnover, and a significant number of candidates want to enter the service there.

Currently, objective circumstances dictate the implementation of the first approach in the selection of candidates for the service in the penal system; the first approach is aimed at preventing professional breakdown among personnel. These conditions lead to the recruitment of persons who, according to the results of professional and psychological selection, fall under the wording "conditionally recommended". The leadership of the Federal Penitentiary Service of Russia focuses on the need for timely prevention of destructive phenomena among the personnel of institutions and bodies executing punishments [8, pp. 3–4].

The discrepancy between individual psychological qualities and specific labor requirements in the penal system contributes to the emergence of mental overstrain in young employees and, as a result, various psychosomatic disorders and diseases. This leads to dissatisfaction with the official position and the chosen profession.

The phenomenon of job satisfaction is associated with many positive results, such as increased labor productivity, organizational commitment, reduced professional burnout, and reduced staff turnover. Studies in the United States, Europe and China convincingly show that indicators of working environment factors explain a greater share of variance in the indicator of job satisfaction than personal characteristics such as gender, term of office, religion, marital status, age and level of education. The participation of correctional personnel in decision-making and the diversity of professions had significant positive associations, while occupational hazard had a significant negative relationship with the indicators of satisfaction with the performed official activity [11–13].

Psychologists in correctional institutions should promote successful adaptation of employees. The set of psychological impact tools contains programs aimed at changing non-adaptive individual psychological qualities of a person. Psychological correction technologies help an employee to become aware of their usual ineffective ways of responding and, based on the conscious and experienced personal material, to form the ability to solve their problems more effectively, adapt and realize themselves in professional activities and personal life [9, p. 38].

According to a study by Polish colleagues [15], in which they analyzed the role of personality, organizational factors and strategies for overcoming stress in the formation of job satisfaction, social sensitivity is a predictor of a positive attitude of correctional officers, correctional and rehabilitation personnel and administration toward their work. This personal quality is closely related to the development of reflection in an adult. And the strongest predictor they studied was the motivation of leadership and power, since in correctional institutions its implementation by staff is easily achievable, as well as legally, psychologically and pedagogically justified.

American psychologists also point out the importance of social control in prison life. Thus, the satisfaction of prison staff with their work

in it depends on the control they exercise over prisoners, as well as the exercise of authority over them. The irony of these conclusions lies in the fact that those factors that positively correlate with the satisfaction with the work of prison staff have opposite consequences and, accordingly, a negative correlation with the vector of perception of the conditions of serving a sentence by convicts [12].

Methods

The analysis of the practice of psychological work in the penal system shows that the most relevant psychological correction measure for the prevention of professional burnout is training employees in methods of conscious psychological self-regulation, including autogenic and ideomotor training, neuromuscular relaxation, techniques of sensory reproduction of images, elements of suggestion, etc. [10, pp. 157–158]. Despite the proven importance of organizational factors in reducing occupational stress, penitentiary psychologists can hardly influence the variables of the working environment.

At the All-Russian Symposium of Psychologists held at the Academy of FSIN Russia in 2019, it was noted that penitentiary psychologists of the territorial bodies of FSIN Russia should not only report, but also analyze the effectiveness of the influence of psychological correction programs on the personality of employees of the penal system and convicts [7, p. 129].

In order to introduce psychological tools for the prevention of undesirable mental states and correction of employees' personal qualities, psychologists at the Directorate of FSIN Russia in the Pskov Oblast in the period from December 2019 to March 2020 implemented a short-term program of psychological correction, including conflict prevention and the development of skills and abilities of adaptive behavior in difficult communication situations. According to the results of the program, it was supposed to increase psychological stability of the psycho-emotional state in the personnel of territorial correctional institutions in the region.

In the course of the work, the following tasks were addressed:

- identification of personal qualities and conditions that require corrective action. For this purpose, psychological tests were selected and the diagnosis of the level of severity of the studied characteristics was carried out;
- development of a short-term program for psychological correction by selecting training

methods that can be implemented among employees of the penal system in correctional institutions;

- testing of the program by conducting training in an experimental group of employees;
- repeated testing of the studied personal characteristics of the respondents from the experimental and control groups and statistical processing of the results obtained.

In total, 80 male and female employees from four correctional institutions of FSIN Russia in the Pskov Oblast took part in the study of the effectiveness of the program. The experimental and control groups consisted of 40 people of mixed gender composition, since the functional responsibilities of the respondents did not take into account these differences.

Before participating in the training events, the personnel were tested using the following techniques: “Willpower self-assessment scale” by N.N. Obozov, assessment of neuropsychic stability “Forecast” developed at Saint Petersburg Military Medical Academy and the interpersonal relations questionnaire (Fundamental Interpersonal Relations Orientation, FIRO) adapted by W. Shchutz.

Results

According to the results of the correlation analysis of the input testing indicators for all respondents, reliable relationships were revealed between the auxiliary scale that assesses sincerity L and the scales of willpower ($r=0.27$; $p<0.01$) and neuropsychic stability ($r=0.29$; $p<0.01$). This suggests that employees who have mental qualities required for the service in the penal system are more inclined to control the information they receive and position their behavior as socially approved.

A direct correlation between neuropsychiatric stability and the main indicators of the FIRO methodology – “Inclusion” ($r=0.35$; $p<0.01$) and “Affection” ($r=0.35$; $p<0.01$) – was significantly manifested. Mentally stable employees are able to participate in a wide range of interactions with various groups and remain unaffected. The more valuable and significant an employee feels himself to be, the higher their resistance to various influences of subjects of interpersonal interaction. Behavior that corresponds to the need for emotional connections in groups indicates the establishment of friendly relations and differentiation between group members. Such people strive to create and maintain a sense of warm emotional relationship. However, these personal characteristics can provoke the establishment of off-duty rela-

tions of staff with convicts, as well as difficulties in transferring employees to other departments in the interests of the service.

The short-term program for correctional and developmental classes “Reduction of negative emotional states of employees of the security department in the performance of official duties” (hereinafter – the program) developed by O.V. Potapova, head of the psychological laboratory of Correctional Colony-4, at the first stage included exercises aimed at removing blocks and creating comfortable, positive relationships in the group. At the second stage, classes were held to develop the skills of confident, effective communication in the service, develop the skills to analyze one’s own condition, search for a positive way out of various situations. The third stage of the training was focused on the formation of self-confidence, emotional stability, determination and self-control in the participants when communicating with convicts. The exercises were aimed at reducing aggressiveness and developing strong-willed stability. The final stage of the program was devoted to teaching the skills of focusing on the reactions of one’s own body and working out various ways of self-regulation.

The training activities were implemented in January – February 2020 by full-time psychologists of correctional institutions, who also processed the results of initial and control testing. Statistical processing of the results was carried out by the Department of Psychology and Child Development Support at Pskov State University with the use of SPSS Statistics software.

In general, according to the results of the study using the Wilcoxon signed-rank test, the short-term program had no significant effect on willpower and neuropsychic stability of those participating in the training (40 people). This result can be explained by fairly high estimates of these indicators that do not require correction among the majority of respondents who entered the service after successfully passing psychological tests. The average values on the willpower self-assessment scale in the experimental group were 7.8 ± 1.6 sthenes, in the control group – 6.8 ± 1.9 sthenes. However, among the seven participants with relatively low test results from 4 to 6 sthenes, after completing the program, five showed an increase in the arithmetic mean from 5.14 to 6.29 sthenes.

Almost all the results obtained using the “Forecast” technique indicate that penal officers have good or sufficient neuropsychiatric stability. The average values before the

implementation of the program were about 6 sthenes, and the difference in subsequent control measurements did not exceed 1 sthene.

However, a significant difference was revealed in the measurements for the auxiliary indicator L (the scale of sincerity). An empirical value of -3.218 was obtained, with the significance level of the criterion $p < 0.001$. Low values on this scale indicate that the subject honestly answered questions and was self-confident.

Thus, after the implementation of the Program in the experimental group, there was a change in the indicators on the sincerity scale from 5.53 ± 1.9 to 4.5 ± 2.1 sthenes, which may mean an increase in self-esteem and the desire to answer the questions honestly. Such results are possible with an increase in the trust in the psychologist and a decrease in the desire of respondents to appear better than they really are. Often, high indicators on this scale among law enforcement officers indicate increased requirements for their behavior rather than the unreliability of the results.

Modern science knows only isolated cases of experimental verification of lie scales for the reliability and validity of measurements. In particular, A.Yu. Myagkov mentions a study by N.M. Bradburn and S. Sudman (1979), who tried to answer the question whether the scale of the need for social approval really measures exactly the latent variable for which it was created at the time. As a result of the validation experiment, they came to the conclusion that high scores on the test results are shown not only by respondents who are really inclined to social desirability, but also by people who have high moral standards and strictly follow conventional norms in everyday life. The authors summarize that, consequently, the deception scale to a greater extent shows actual personal characteristics of individuals, the specifics of their lifestyle, consciousness and behavior, rather than the subjects' inclination to distort the answers to the given questions [6, p. 66].

In any case, the change in the indicator under consideration is a positive result, since it indirectly shows a decrease in mental stress among correctional officers.

In the indicator of neuropsychiatric stability, its main psychophysiological correlates are of great importance, they include the strength and balance of nervous processes, the speed and accuracy of a complex visual-motor reaction, the tone of the sympathetic division of the autonomic nervous system, the value of the cardiointerval [4, p. 4]. It is almost impossible

to influence them in the short term. Therefore, in order to change the psychological correlates of neuropsychic stability, which include thinking, beliefs, worldview, etc. a longer period and qualitatively different development technologies are required.

During the experiment, the changes in interpersonal relationships were studied using the FIRO questionnaire. According to the results, two indices were formed: "Volume of interactions" and "Inconsistency of interpersonal behavior".

The normal functioning of an individual requires a balance in three areas of interpersonal needs between the individual and the people around them. Therefore, the respondents' preferred intensity of contacts was studied, as well as the gap between their own behavior and the behavior they require from others; the increase in this gap provokes internal conflicts and frustration in the field of interpersonal relations.

There was no significant influence of the short-term program on the characteristics within and between individual areas of interpersonal needs of all those participating in the training (40 people).

When considering the results of the program on 20 employees of the experimental group with the initial values of the "Inconsistency" index over 5 points (the probability of internal conflict), a decrease in the average values of the indicators from 7.25 to 5.25 points (by 28%) was revealed. However, in the control group, among employees with initial values of the "Inconsistency" index over 5 points (22 people), the average indicator also decreased from 6.5 to 5.1 points (21%). Perhaps the change in these characteristics is not related to the practical effect of employees' participation in the training.

In the course of the program, there was the strengthening of the interrelationships of willpower and neuropsychic stability indicators in the experimental group ($r = 0.4$; $p < 0.01$). This indicates that the exercises within the program potentially influenced the personal characteristics under consideration. The relationship between the sincerity scale and the "Required inclusion" scale of the FIRO technique was revealed. The higher the need to be noticed and heard, the more open the employee is in answering questions and the more trusting the employee is in their relations with the psychologist. Also, the alarming relationship between the indicators of neuropsychic stability and the need for differentiation and close emotional relationships has disappeared.

During primary statistical processing of the results of the experiment, a hypothesis was made about the influence of personal and professional qualities of the trainer psychologist on the effectiveness of the program [5, p. 95]. Therefore, the results obtained during the experiment in Correctional Colony-4 were investigated, because the short-term program of correctional and developmental training under consideration was developed by the staff psychologist of this very institution.

In this division, according to the indicators of the willpower scale, all participants from the experimental group (10 people) after the training showed an increase in the average values from 7.3 ± 1.5 sthenes to 8.6 ± 0.7 sthenes; in the control group (10 people) almost everything remained unchanged: 6.8 ± 1.2 vs. 6.9 ± 1.2 sthenes.

According to the indicators of neuropsychiatric stability in the experimental group, all respondents showed an increase in the average values from 6.4 ± 0.5 to 6.9 ± 0.3 sthenes; practically nothing changed in the control group: 6.3 ± 0.5 vs. 6.4 ± 0.7 sthenes. The sincerity index in the experimental group improved from 5.1 ± 0.9 to 3.3 ± 1.3 sthenes; it worsened from 4 ± 1.1 to 4.6 ± 1.1 sthenes in the control group.

In other territorial divisions, the program did not have such significant results on the psycho-emotional state of employees.

Thus, the goal of our study has been achieved, the assumption about the effectiveness of the program aimed at increasing the psychological stability of the psycho-emotional state of the personnel has been partially confirmed. There is a possibility that if the staff psychologist of Correctional Colony-4, who regularly improves her professional qualifications, would conduct trainings in all correctional institutions of the region, then the effectiveness of the tested short-term program for correcting the indicators of willpower self-assessment and neuropsychic stability among all personnel would be higher and statistically significant.

Conclusion

Currently, the main work of psychologists of correctional institutions with their personnel includes diagnostic procedures when employing candidates for the service and psychological support of professional activities. Although psychological correction is one of the main regulated activities of psychologists in the penal system, conducting such events is rather an exception to the rules than a daily job. This is facilitated by the insufficient number of staff psy-

chologists throughout the entire history of the creation and functioning of the psychological service. According to the authoritative opinion of M.G. Debolskii, although the minimum staff number of two psychologists in psychological laboratories "does not allow conducting psychological support of the work with convicts and staff in full, but it makes it possible to address the most urgent psychological issues that complicate the operational situation in the institution" [2, p. 126].

Taking into account the need for an appropriate distribution of the working time of staff psychologists, we can recommend carrying out psychological correction measures among the employees with reduced indicators of willpower and neuropsychic stability, that is, in a group of increased attention.

The results of the experimental implementation of the program have shown that its effectiveness depends more on the professionalism and motivation of the practicing psychologist and their interest in its results. Therefore, in order to increase the effectiveness of psychological support for the activities of employees of the Federal Penitentiary Service of Russia, we can recommend that psychologists undergo training in additional professional education programs. It may be useful to use financial incentives for participation in professional skill competitions.

In developed foreign countries, the number of staff psychologists involved in the psychological support of employees is significantly greater. Programs and strategies are being developed so as to deal with stress among correctional officers; during the testing and implementation of such programs, stress experts can provide assistance in adjusting or improving stress programs. Thus, when implementing this psychological tool in the territory of the state of Washington (USA), the U.S. Department of Justice recommended that several factors be taken into account in order to make its programs effective. For example:

- involvement of talented and dedicated psychologists who will withstand the stress of helping other employees who are experiencing it;
- ensuring the sincere participation of senior management, trade union and line managers, as well as family members of employees who need psychological help and correction of their mental states;
- maintaining confidentiality in their work;
- when providing services, the work should be done on a system-wide basis and not only

after some critical incidents when the situation requires analysis;

- training managers to identify employees who may be experiencing stress and need psychological advice;

- if necessary, change the position or correctional institution in such a way as to reduce the employee's stress;

- monitoring program activities and evaluating their effectiveness in reducing stress and improving the efficiency of the unit [14, p. 129].

In 2014, at the 2014 National Symposium on Corrections Worker Health in the United States, leading experts from health authorities and justice departments noted that, despite significant local efforts and recommended best practices, there is no developed universal program for

prison staff with proven effectiveness and safety. Therefore, additional research is needed in the field of well-being, physical and psychological health of employees working with convicts [17].

Thus, the dissemination of best practices of psychological correction activities carried out among the staff of correctional institutions is possible only when psychologists get acquainted with the recommended training measures and apply them consciously and voluntarily. The forced introduction of other people's developments cannot provide a guaranteed positive result. These events should motivate psychologists to develop unique programs that take into account the real needs of correctional personnel.

REFERENCES

1. Bovin B.G., Rakov A.M. Professional psychological selection in the penal system of Russia and its effectiveness. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya=Applied Legal Psychology*, 2009, no. 2, pp. 104–114. (In Russ.).
2. Debol'skii M.G. Psychological service of the penal system of Russia: the experience of organization. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal=Russian Psychological Journal*, 2004, no. 1, pp. 119–130. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_16344754_14186837.pdf (accessed July 12, 2020). (In Russian).
3. Kokorina E.I. Professional psychological suitability of candidates for service in the penal system. *NovInfo.Ru*, 2017, no. 65, pp. 444–447. Available at: <https://novainfo.ru/pdf/065-1.pdf> (accessed July 12, 2020). (In Russian).
4. Korzunin A.V. *Psikhofiziologicheskie kriterii otsenki nervno-psikhicheskoi ustoichivosti v protsesse voenno-professional'noi adaptatsii voennosluzhashchikh: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata meditsinskikh nauk* [Psychophysiological criteria for the assessment of neuropsychological stability in the process of military professional adaptation: Candidate of Sciences (Medicine) dissertation abstract]. Saint Petersburg, 2015. 24 p.
5. Krasnenkova S.A. On the issue of the current state of psychological correction work in penitentiary practice. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya=Applied Legal Psychology*, 2008, no. 4, pp. 93–98. (In Russ.).
6. Myagkov A.Yu. Falsehood scales: the attempt of sociological reinterpretation. *Vestnik IGEU=Vestnik of Ivanovo State Power University*, 2006, no. 1, pp. 66–73. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/shkaly-lzhi-opyt-sotsiologicheskoy-reinterpretatsii> (accessed July 13, 2020). (In Russ.).
7. Ovcharova E.V. Modern psychological correction and psychotherapeutic directions in the work of penitentiary psychologists. In: *Psikhologiya XXI veka: vyzovy, poiski, vektory razvitiya: tezisy dokladov vserossiiskogo simpoziuma psikhologov (Ryazan', 5 aprelya 2019 g.)* [Psychology of the 21st century: challenges, search, vectors of development: Abstracts of the All-Russian Symposium of Psychologists (Ryazan, April 5, 2019)]. Ryazan: Akademiya FSIN Rossii, 2019. Pp. 125–129. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37275422&> (accessed July 17, 2020). (In Russ.).
8. Features of the organization and prospects for the development of psychological work with the personnel of the penal system within the framework of the implementation of the provisions of the Concept for development of the penal system of the Russian Federation until 2020: decision of the Board of the Federal Penitentiary Service of Russia. In: *Ob ob'yavlenii reshenii kollegii Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii: prikaz FSIN Rossii ot 07.12.2012* [On the announcement of decisions of the boards of the Federal Penitentiary Service: Order of FSIN Russia dated December 7, 2012]. (In Russ.).
9. Fedorova E.M. The main forms and methods of psychological prevention and correction of professional destruction of correctional personnel. *Vedomosti ugovovno-ispolnitel'noi sistemy=News of the Penal System*, 2016, no. 4 (167), pp. 34–39. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_26470782_20126321.pdf (accessed July 10, 2020). (In Russ.).
10. Cherkasova M.A. *Psikhologicheskii monitoring professional'nogo vygoraniya sotrudnikov UIS Rossii: dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata psikhologicheskikh nauk: 19.00.06* [Psychological monitoring of professional burnout of employees the penal system of Russia: Candidate of Sciences (Psychology) dissertation]. Vologda, 2014. 187 p.
11. Jiang S., Lambert E.G., Liu J., Zhang J. An exploratory study of the effects of work environment variables on job satisfaction among Chinese prison staff. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 2018, vol. 62 (6), pp. 1694–1719.
12. Blau Ju.R., Light S.C., Chamlin M. Individual and contextual effects on stress and job satisfaction: a study of prison staff. *Work and Occupations*, 1986, vol. 13(1), pp. 131–156. DOI: 10.1177/0730888486013001009.
13. Ellison J. M., Caudill J.W. Working on local time: testing the job-demand-control-support model of stress with jail officers. *Journal of Criminal Justice*, 2020, vol. 70 (C). DOI: 10.1016/j.jcrimjus.2020.101717.
14. Finn P. *Addressing correctional officer stress: programs and strategies*. Washington, DC: U.S. Department of Justice. 2000. Available at: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED449457.pdf> (accessed January 9, 2021).
15. Sygit-Kowalkowska E., Poklek R., Pastwa-Wojciechowska B. Predicting the role of personality traits, organizational factors, and strategies for coping with stress in job satisfaction in correctional services. *Polish Psychological Bulletin*, 2020, vol. 50, pp. 275–283. DOI: 10.24425/ppb.2019.130701.
16. Steiner B., Wooldredge J. Individual and environmental sources of work stress among prison officers. *Criminal Justice and Behavior*, 2015, vol. 42 (8), pp. 800–818. DOI: 10.1177 / 0093854814564463.

17. Elliot D., Kuehl K., El Ghaziri M., Cherniack M. Stress and corrections: addressing the safety and well-being of correctional officers. *Corrections Today*, 2015, vol. 77 (4), pp. 40–44.

18. Wolfe S.E., Lawson S.G. The organizational justice effect among criminal justice employees: a meta analysis. *Criminology*, 2020, vol. 58 (2). DOI: 10.1111 / 1745-9125.12251.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

IRINA N. MININA – Candidate of Sciences (Psychology), associate professor of the Department of Psychology and Child Development Support at Pskov State University, Pskov, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6240-4834>, e-mail: irimin@rambler.ru.

DIANA YA. GRIBANOVA – Candidate of Sciences (Psychology), associate professor of the Department of Psychology and Child Development Support at Pskov State University, Pskov, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5633-5876>, e-mail: dianab81@mail.ru

Received August 10, 2020

PEDAGOGY

DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-3-677-683

UDC 378.1

Practice-Oriented Training in Higher Education Institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia

EL'VIRA V. ZAUTOROVA

Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation; International Academy of Sciences of Pedagogical Education, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>, e-mail: elvira-song@mail.ru

ELENA V. BODROVA

University of FSIN Russia, Saint Petersburg, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0629-7522>, e-mail: oag.bodrova@mail.ru

Abstract

Introduction: the article considers issues related to the training of students at higher education organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia. The type of training under consideration involves the use of simulation training tools to form and develop specific professional skills and qualities, enhance the practical orientation of training, and help students acquire and use practical skills. *Aim:* to show the prospects for building a practice-oriented model for educational process on the basis of generalization of the experience of using simulation tools in the process of training students at higher education institutions of FSIN Russia. *Methods:* theoretical analysis of literature and normative legal acts on the problem under consideration; synthesis and generalization; comparative legal method, empirical method, description, interpretation. *Results:* the analysis of the use of simulation tools in the training of students at higher education organizations of FSIN Russia contributes to the formation of universal, professional and special competencies required for the service in the departments of institutions and bodies of the penal system. *Conclusions:* the use of training grounds, training workplaces, training work routes, with the use of AR and VR technologies as well, will allow students to form a clear algorithm of actions when performing official duties, and teaching staff of higher education organizations of FSIN Russia – to create situations as close as possible to reality and to the conditions of correctional institutions. A practice-oriented approach to training contributes to high-quality training and optimizes professional adaptation of young officers to the service in the penal system.

Key words: educational process; students of higher education institutions of FSIN Russia; learning process; practice-oriented approach; learning tools; training ground; training workplace; training work route.

13.00.01 – General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Zautorova E.V., Bodrova E.V. Practice-oriented training in higher education institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia. *Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 3 (55), pp. 677–683. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-3-677-683.

Introduction

The service in the penal system has its own specifics; it is associated with high requirements for the professional and psychological qualities of employees, increased responsibility for their own actions, emotional stress, moral, psychological and physical strain that require high professional training. The specifics of the service and the unwillingness of young officers to work in such conditions often lead to their voluntary resignation, and this often happens in the first year of service. One of the reasons for resignation lies in the failure of future employees to adapt to official activities (professional adaptation) [7; 12]. Thus, S.V. Yakushkin and M.S. Tarasikov note that “not all young specialists (graduates of FSIN Russia universities) adapt successfully to the special conditions of penitentiary institutions” [10].

Thus, according to the statistics of the Research Institute for Information Technologies of FSIN Russia, the number of employees of the penal system dismissed in the first year of service, excluding trainees who did not pass the probationary period, in 2018 amounted to 868 people (3.9% of the total number of the dismissed), and in 2019 this figure increased to 952 people (5.53% of the total number of the dismissed) [9; 10]. Personnel policy issues include an insufficiently high level of professional training, and staff turnover [13], which, in our opinion, are interrelated.

Practice-oriented approach to teaching

The Federal State Educational Standards of Higher Professional Education, according to which penal system specialists are currently trained, focus on achieving the “activity result” of educational process and determine the list of general and professional competencies, mastering which will allow penal staff to carry out professional activities efficiently. In this regard, there is a need to shift the emphasis of teaching from the general professional theoretical sphere to the plane of practical implementation of specific professional tasks. We are talking about a practice-oriented model for educational process [14; 17; 18; 21].

Researchers such as V.I. Baidenko, V.A. Bolotov, V.P. Borisenkov, A.A. Verbitskii, A.M. Novikov, V.V. Serikov, V.A. Shershneva, etc. were engaged in the issues of updating professional education by strengthening its practical orientation. They note that at present, education is more theoretical, which contributes to the inadequate acquisition of knowledge by students. At the same time, in real life, it is

necessary to improve practical results of future professional activity. In this regard, one of the fundamental principles of educational process is highlighted – the principle of the relationship of theory with practice, which is based on regularities: practice is the criterion of the truth [19; 20], the source of knowledge and the area of application of theoretical results; the quality of learning is checked, confirmed and directed by practice; the more the knowledge acquired by students interacts with life, is applied in practice and is used to transform surrounding processes and phenomena, the greater is the consciousness of learning and the interest in it [2; 3; 5].

Despite the importance of practice-oriented training for modern professional education, its content and forms have not yet received sufficient theoretical and methodological development. In departmental universities that train employees for the penal system, due attention is not paid to planning, organizing and conducting practical classes, the potential of simulation training tools is not used to the fullest extent. In this regard, students are poorly oriented in the professional environment, they do not have sufficiently formed skills and abilities that would allow them to provide effective counteraction to convicts’ illegal behavior in the future, etc. [16].

Simulation training tools

Researchers such as Ya.S. Ivasenko, T.I. Krasnova, S.P. Mishustin, E.A. Timofeeva and others studied the development of practice-oriented training in departmental educational organizations. We support the opinion that the training of employees for the penal system can be improved by creating imitation training tools that are practice-oriented and that meet modern requirements for the implementation of professional activities. Thus, training grounds, training workplaces and training work routes are used not only to create conditions for high-quality training in the fundamentals of professional activity, and form and develop specific professional skills and qualities in penal staff, but also to strengthen the practical orientation of training, the acquisition and development of practical skills by students, as well as to consolidate in practice the knowledge gained in the classroom.

The method of conducting classes using simulation training tools will allow future penal officers to form an interest in their chosen profession and a sense of responsibility, develop organizational skills, initiative, will and perseverance [1; 16]; it will also help to “immerse”

students in the realities of their service duties. The inclusion of a practice-oriented approach in the process of training future specialists is necessary, and it meets the requirements of new educational standards and the needs of the employer [11] in educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Thus, the training ground is a specially equipped training area that simulates conditions as close to reality as possible and simulates a real site of the institution of the penal system, designed for the organization and implementation of educational process, with its own equipment and technical means of training. A training workplace is a special workplace equipped with a set of technical means, devices and legal documentation necessary for the performance of official duties by employees of the penal system on one or related topics, intended for conducting theoretical and practical classes with students. Such workplaces can be part of a training ground, but they can also be located in institutions and bodies of the penal system. The training work route is a route training system that ensures practical orientation of the educational process and creates conditions for maximum approximation of operational and official activity of an employee of FSIN Russia to the real conditions reliably, fully and comprehensively at an interdisciplinary level.

The logistics and information support of a training ground or training workplace includes the following: training tools (equipment, consumables, furniture, etc.); software tools, electronic resources; visual materials such as exhibition stands and posters; guidance documents and legal acts regulating the scope of professional activity of penal staff; established samples of forms of documents the officer uses in their work; passport of a training ground or workplace. At the same time, if the training workplace is intended to form only a narrowly focused part of some professional competence, then during practical classes at the training ground, it is possible to form the competence as a whole.

Let us consider examples of the use of a training workplace in the process of training personnel for the penal system:

1. The office of the operational officer. It is used to develop a set of theoretical knowledge and practical skills necessary for the professional implementation of intelligence-gathering activities in institutions and bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia; it also helps to develop interest in the chosen profession, a

sense of responsibility, organizational abilities, initiative, will and perseverance, to master advanced working methods, search for the most effective ways to perform professional duties, and prepare a future specialist for independent official activity.

2. The workplace of the administration team of the correctional institution in emergency circumstances. It can be used to form a set of theoretical knowledge and practical skills necessary for the professional implementation of prevention and suppression of illegal actions of suspects, accused and convicted persons in the form of escape, murder, mass riots, group disobedience, etc.; it also helps to master advanced working methods and search for the most effective ways to perform professional duties in extreme situations.

3. Automated information search systems, databases. The goal of their use is to develop a set of theoretical knowledge and practical skills necessary for the rapid search of information using specialized software, databases, such as the "Statistika – UIS" automated information system, a software and hardware complex for automated record-keeping of inmates in correctional colonies (PTKAKUS IK), an electronic monitoring system for inmates (SEMP), "Rozysk-contingent", "Crimes committed by suspects, accused, convicted persons held in institutions of the penal system of the Russian Federation", etc., and effective documentation support for the work of penal staff.

4. The workplace of an employee of a correctional institution performing urgent investigative actions. The main goal of the use is to form a set of theoretical knowledge and practical skills that help carry out criminal procedural measures efficiently within the competence of the bodies of inquiry to investigate illegal actions of suspects, accused and convicted persons in correctional institutions and pre-trial detention centers of the penal system.

Thus, training workplaces, training work routes and training grounds are a place for conducting a training session that helps to simulate an environment close to the real conditions of the service of correctional staff [1].

The use of the above-mentioned places for training sessions with the use of information visualization tools, including virtual and augmented reality tools, can provide pedagogical efficiency that cannot be achieved during classical training sessions. Virtual and augmented reality (VR and AR) are modern and rapidly developing technologies. Their goal is to expand the physi-

cal space of a person's life with objects created with the help of digital devices and programs and having the character of an image.

AR and VR technologies used in the educational process enable students to be immersed in the realities of official activity: while wearing virtual reality glasses, the student can touch the Makarov pistol model, turn it around, disassemble and assemble it, while reading its tactical and technical characteristics; while wearing a helmet or augmented reality glasses, students have the opportunity to immerse themselves in certain events in correctional institutions (group disobedience, search events) that the teacher sets before them.

The advantage of virtual and augmented reality is that they "create an environment that is perceived by an individual through their sensory organs. In fact, VR and AR allow us to simulate comfortable conditions for obtaining new knowledge, skills and abilities" [15].

We will also consider options for using training work routes, including using AR and VR technologies, when conducting classes in educational organizations of FSIN of Russia:

1. Reception and distribution of suspects, accused and convicted persons into detachments (cells). It is used to develop a set of skills and abilities for studying the personality of a convicted person, conducting interviews, gathering, analyzing and using information, interacting with other services of a correctional institution. Route: special accounting unit → penal isolation ward (SHIZO), ward-type room (PKT) (distribution unit of a pre-trial detention center (SIZO), a room operating in the mode of a pre-trial detention center (PFRSI) → squad (cell).

2. Insult, attack on the administration of a correctional institution, security threats. It is used to develop a set of skills and abilities for studying the personality of a convicted person, the circumstances of illegal actions, conducting a survey of persons involved, collecting, analyzing and using information, interacting with other services of a correctional institution, documenting illegal actions. Route: operations department → squad (cell) → special accounting unit → premises of the pre-trial detention center, PKT (distribution unit of the pre-trial detention center, PFRSI).

3. Mass riots. Development of a set of skills and abilities for studying the personality of a convicted person and the circumstances of illegal actions, conducting a survey of persons involved, collecting, analyzing and using information, interacting with other services of a

correctional institution, documenting illegal actions. Route: operations department → squad (cell) → special accounting unit → premises of the pre-trial detention center, PKT (distribution unit of the pre-trial detention center, PFRSI). The route is intended for working out in a group.

4. Disobedience to the legal requirements of the administration of the correctional institution. It is used to develop a set of skills and abilities for studying the personality of a convicted person, the circumstances of illegal actions, conducting a survey of persons involved, collecting, analyzing and using information, interacting with other services of a correctional institution, documenting illegal actions. Route: operations department → squad (cell) → special accounting unit → premises of the pre-trial detention center, PKT (distribution unit of the pre-trial detention center, PFRSI). The route is intended for working out in a group.

5. Search. It can be used to develop a set of skills and abilities for collecting, analyzing and using information, studying the identity of a convicted person, the circumstances of illegal actions, interacting with other services of a correctional institution, documenting illegal actions. Route: operations department → industrial zone → special accounting unit → squad (camera). The route is intended for working out in a group.

6. Countering the smuggle and dispatch of prohibited items, shipments, funds. It is used to develop a set of skills and abilities for collecting, analyzing and using information, interacting with other services of a correctional institution, preventing and suppressing illegal actions, and documenting. Route: room for the delivery of parcels → duty station → premises of the SIZO, PKT (distribution unit of the SIZO, PFRSI) → operations department.

7. Regime. It is used to develop comprehensive knowledge about the procedure for the execution and serving of imprisonment and preventive measures in the form of detention, instilling practical skills and abilities to apply the norms of penal enforcement law in the field of organizing the regime in correctional institutions. Route: duty station → quarantine department → room of the distribution unit of the pre-trial detention center → room for long-term visits (short-term visits room) → the point of reception of parcels, transfers, parcels.

8. Supervision. It is used to form a holistic view and a system of comprehensive knowledge about the procedure for the execution and serving of sentences in the form of impris-

onment, detention, development of skills and abilities in the organization of supervision in pre-trial detention centers. Route: duty station → video surveillance operator's post → pre-trial investigation department (quarantine department) → cells → room for long-term visits (room for short-term visits) → room for reception of parcels.

9. Security. It can be used to develop a set of skills and abilities for the protection of correctional institutions of FSIN Russia and production facilities of the penal system. Besides, it helps to develop skills for suppressing (eliminating) group disobedience, mass riots in a pre-trial detention center, skills for searching and detaining armed criminals and other particularly dangerous criminals who escaped from an institution or during escorting, skills for releasing persons who were captured and held hostage in an institution, as well as at other facilities of FSIN Russia, skills for suppressing (repelling) armed attacks on facilities of FSIN Russia, skills for participating in the elimination of consequences of natural and man-made (environmental) emergencies at facilities of FSIN Russia. Route: checkpoint for the admission of people to the security area → checkpoint for the inspection of vehicles → guard → control panel for technical means of supervision (PUTSO) → premises for loading (discharging) the weapon [4; 6].

10. Escorting. It is used to practice skills and abilities for escorting convicted persons, suspects and accused persons from institutions to exchange points and back, as well as between institutions of the penal system of a territorial body, if there are no special escort units in the institutions. It is intended to form the knowledge of the requirements of the current legislation and legal acts regulating the activities of special units of the penal system for escorting. Route: checkpoint for vehicle inspection → guard → PUTSO.

For example, such training work routes as "Reception and distribution of suspects, accused and convicted persons into detachments (cells)", "Insult, attack on the administration, security threats", "Mass riots", "Disobedience to the legal requirements of the administration of a correctional institution", allow students to form universal competencies and general professional competencies, according to the federal state educational standard of higher education in the specialty 40.05.02 "law enforcement", approved by the order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Fed-

eration no. 1131 of August 28, 2020 [13].

Results

The use of simulation tools such as training grounds, training workplaces, training work routes, along with the use of AR and VR technologies, in the course of training is aimed at forming the experience of students when they are immersed in a professional environment during training in order to achieve professionally and socially significant competencies. It also ensures their involvement in the work and activity, since the motivation to study theoretical material comes from the need to solve a practical problem. In this case, the traditional didactic triad "knowledge – competencies – skills" is supplemented by a new didactic unit – "experience of activity". This approach to training will allow future penal officers to make practical decisions in the field of their professional activities confidently and independently.

Conclusion

Thus, at present, practical activity plays an important role in the system of professional education. In this regard, it is necessary to search for ways to modernize the educational process, various methods, techniques and forms of organizing the educational process, as well as the use of fundamentally new training tools to improve the quality of professional training of staff for the penal system.

The use of training grounds, training workplaces, and training work routes will allow students to form a clear algorithm of actions when performing official duties, and the teaching staff of higher education organizations of FSIN Russia – to create situations as close as possible to reality and conditions of a correctional institution [5; 8]. Along with the practical component, the use of AR and VR technologies in combination with training grounds, training workplaces, and training work routes will improve students' academic performance and understanding of the material, and increase the level of their motivation. Everything that cannot be created in the real educational process due to technical, economic or physical reasons can be simulated in the virtual world.

The practice-oriented approach to training not only contributes to high-quality training, the formation of universal, professional and special competencies necessary for the service in the departments of institutions and bodies of the penal system, but also subsequently optimizes the professional adaptation of young employees to the service in the penal system.

REFERENCES

1. Batishcheva E.V. Training workplaces and their role in the training of specialists for the penal system. *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noi sistemy=Bulletin of the Penal System*, 2014, no. 6 (145), pp. 46–48. (In Russ.).
2. Bryzgalova I.V. Boosting the educational and cognitive activity in cadets of higher education organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia as a pedagogical problem. *Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi zhurnal=International Penitentiary Journal*, 2016, no. 2 (6), pp. 62–66. (In Russ.).
3. Bryzgalova I.V., Zautorova E.V. Educational games as an interactive form of conducting classes in universities of the Federal Penitentiary Service of Russia. *Professional'noe obrazovanie i nauka=Professional Education and Science*, 2018, no. 4 (5), pp. 12–18. (In Russ.).
4. Viktorova T.V. Model of the process of forming moral and psychological resistance to the use of firearms by employees of the security Department of the Federal Penitentiary Service of Russia. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie=Modern Pedagogical Education*, 2020, no. 10, pp. 227–230. (In Russ.).
5. Dazmarova T.N. Implementation of a practice-oriented approach in training cadets of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia using educational workplaces. In: *Sub"ekty obrazovatel'noi deyatel'nosti v obrazovatel'nom prostranstve vuzov: vzaimodeistvie, samorazvitie, sotrudnichestvo: sbornik materialov po itogam IV mezhvuzovskikh uchebno-metodicheskikh sborov professorsko-prepodavatel'skogo i nachal'stvuyushchego sostava obrazovatel'nykh organizatsii FSIN Rossii* [Subjects of educational activity in the educational space of universities: interaction, self-development, cooperation: proceedings of the 4th inter-university educational and methodological session of the teaching staff and the commanding staff of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia]. Ryazan: Akademiya FSIN Rossii, 2016. Pp. 24–29. (In Russ.).
6. Zautorova E.V., Viktorova T.V. Moral and psychological stability – the leading component of the effectiveness of professional activity of employees of the security department of correctional institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia. *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noi sistemy=Bulletin of the Penal System*, 2018, no. 9 (196), pp. 11–18. (In Russ.).
7. Zautorova E.V. Professional and pedagogical competence of employees of the penal system and reformation of convicts. *Ugovolno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie=Criminal-Executory System: Law, Economy, Management*, 2020, no. 3, pp. 34–37. (In Russ.).
8. Zautorova E.V., Kevlya F.I. Specifics of professional activity and personal characteristics of employees of the Federal Penitentiary Service of Russia. In: *Aktual'nye problemy organizatsii organov UIS i puti ikh resheniya: materialy mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati zasluzhennogo deyatelya nauki RSFSR, doktora yuridicheskikh nauk, professora A. I. Zubkova i Dnyu rossiiskoi nauki* [Topical issues of organization of the bodies of the penal system and the ways to solve them: proceedings of the inter-university research-to-practice conference dedicated to the memory of the Honored Scientist of the RSFSR, Doctor of Sciences (Law), Professor A.I. Zubkov and the Day of Russian Science]. Ryazan: APU FSIN Rossii, 2020. Pp. 117–121. (In Russ.).
9. Rudoi A.A. (Ed.). *Kadrovoe obespechenie ugovolno-ispolnitel'noi sistemy. Informatsionno-analiticheskii sbornik* [Staffing of the penal system. Information and analytical collection]. Tver': NIIT FSIN Rossii, 2019. 85 p.
10. Kusakin A.N., Yakushkin S.V., Tarasikov M.S. *Professional'naya adaptatsiya vypusknikov Akademii FSIN Rossii k funktsional'noi deyatel'nosti sotrudnika ugovolno-ispolnitel'noi sistemy: analiticheskii obzor* [Professional adaptation of graduates of the Academy of FSIN Russia to the work of an employee of the penal system: an analytical review]. Ryazan: Akademiya FSIN Rossii, 2007. 30 p.
11. Mishustin S.P. *Organizatsiya praktiko-orientirovannogo podkhoda v obuchenii kursantov FSIN Rossii* [Organization of a practice-oriented approach in the training of cadets of the Federal Penitentiary Service of Russia]. Available at: <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=2421> (accessed September 24, 2020).
12. *Ob obrazovanii v Rossiiskoi Federatsii: federal'nyi zakon ot 29.12.2012 № 273-FZ* [On education in the Russian Federation: Federal Law 273-FZ of December 29, 2012]. Available at: <http://ivo.garant.ru/#/document/70291362/paragraph/1/highlight/FZ-273:1> (accessed September 19, 2020).
13. *Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego obrazovaniya – spetsialitet po spetsial'nosti 40.05.02 Pravoohranitel'naya deyatel'nost': prikaz Ministerstva nauki i vysshego obrazovaniya Rossiiskoi Federatsii ot 28.08.2020 № 1131* [On approval of the federal state educational standard of higher education – specialist's program, specialty 40.05.02 – law enforcement: Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated August 28, 2020 No. 1131]. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202009150044> (accessed September 24, 2020).
14. Stepanova O.N. Features of professional adaptation of young employees to serve in the penal system. *Psikhologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya= Psychology and Pedagogy: Methods and Problems of Practical Application*, 2010, no. 11–1, pp. 226–231. (In Russ.).
15. *Tekhnologii AR i VR v obrazovanii* [AR and VR technologies in education]. Available at: <https://habr.com/ru/company/mailru/blog/435996/> (accessed August 1, 2021).
16. Khot'kina O.K. The use of the training workplace “Inspector of the special accounting department” in the implementation of the practical orientation of students. In: *Organizatsiya obrazovatel'nogo protsessa v vuzakh: sovremennoe sostoyanie, problemy i perspektivy: sbornik materialov nauchno-metodicheskoi konferentsii* [Organization of the educational process in universities: current state, problems and prospects: proceedings of a scientific and methodological conference]. Ryazan: Akademiya FSIN Rossii, 2017. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29728294> (accessed September 20, 2020). (In Russ.).
17. Bazhenova N.G., Bazhenov R.I. Psychological characteristics of students' self-organization: Personal and group levels. *Modern Journal of Language Teaching Methods (MJLTM)*, 2018, June, vol. 8, no. 6, pp. 11–18.
18. Balikaeva M.B. The interconnection between future engineers' professional mobility in higher school social and cultural environment. *Modern Journal of Language Teaching Methods (MJLTM)*, 2018, June, vol. 8, no. 6, pp. 70–78.
19. C rdenas–Robledo L.A., Pe a–Ayala A. Ubiquitous learning to enhance lab practice. *Modern Journal of Language Teaching Methods (MJLTM)*, 2018, June, vol. 8, no. 6, pp. 62–69.
20. Kiryakova A.V., Samigulina A.V., Khairullina E.R., Melnikova A.Ya., Denisova R.R., Ishmuradova A.M. University pedagogical system and its focus on destructive student behavior overcoming. *Modern Journal of Language Teaching Methods (MJLTM)*, 2018, June, vol. 8, no. 6, pp. 223–232.

21. Zautorova E.V., Konovalova L.V., VilkoVA A.V., Litvishkov V.M., Kevlya F.I. The model of supporting technical students in their professional self-definition. *Modern Journal of Language Teaching Methods (MJLTM)*, 2018, June, vol. 8, no. 6, pp. 426–431.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

EL'VIRA V. ZAUTOROVA – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy, Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation, corresponding member of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>, e-mail: elvira-song@mail.ru

ELENA V. BODROVA – senior lecturer and teacher trainer, group for methodological support of educational process, Department of Education, University of FSIN Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0629-7522>, e-mail: oag.bodrova@mail.ru

Received September 29, 2020

Pedagogical Aspects Related to the Prevention of Professional Marginalism as a Dangerous Psychological Phenomenon in Educational Process at Departmental Universities

LYUBOV' V. KOVTUNENKO

Research Institute of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0030-4536>, e-mail: kovtunenkov@mail.ru

ELENA I. MESHCHERYAKOVA

Russian Air Force Military Educational and Scientific Center "Zhukovsky and Gagarin Air Force Academy", Voronezh, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3726-5283>, e-mail: elenamsol@yandex.ru

YULIYA G. KHLOPOVSKIKH

Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Voronezh, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3775-9665>, e-mail: flugel24@yandex.ru

Abstract

Introduction: the article analyzes professional marginalism, which became increasingly widespread in recent years. Preventing marginalism becomes an urgent issue for representatives of various scientific fields: sociologists, psychologists, and teachers. At the same time, there is still an insufficient amount of studies on the problems associated with the prevention of professional marginalism as a dangerous psychological phenomenon, despite their high social, national and personal significance. The development of professional marginalism is especially dangerous among employees of law enforcement agencies: military personnel, law enforcement officers, correctional officers, etc. The relevance of this topic is due to the increase in the number of officers who show signs of professional marginalism. *Aim:* we review theoretical data and experience in studying the problem of professional marginalism as a dangerous psychological phenomenon so as to show possible ways of its prevention and correction in the course of educational process at departmental universities. *Methods:* theoretical (analysis, synthesis, comparison, systematization, generalization of psychological and pedagogical literature on the research problem, modeling), empirical (survey, testing, experiment), qualitative and quantitative data processing. *Results:* in the course of the research we have revealed that among the interviewed cadets of departmental educational organizations, including the Federal Penitentiary Service of Russia, the majority (69.0%) tend to show ambivalent feelings about the profession they are mastering; professional marginalism as the antipode of professional commitment is manifested in the majority of cadets (71.4%) at the median level. Only a fifth of the surveyed cadets showed a low level of professional marginalism. *Conclusions:* having analyzed the results of the assessment of the state and dynamics of the level of professional identity in cadets, we see that the achieved indicators should be increased in order to prevent professional marginalism. It can be achieved by developing and implementing a program to increase the level of formation of the professional identity in cadets. The program should include activities, forms and methods of their organization and implementation, aimed at preventing professional marginalism among law enforcement officers. An essential role in preventing the emergence and development of this psychological phenomenon belongs to educational (especially pedagogical) activities of lecturers in the course of training specialists in departmental universities.

Keywords: professional marginalism; professional identity; prevention of professional marginalism; pedagogical means; educational process; departmental educational organization.

13.00.01 – General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Kovtunen L.V., Meshcheryakova E.I., Khlopovskikh Yu.G. Pedagogical aspects related to the prevention of professional marginalism as a dangerous psychological phenomenon in educational process at departmental universities. *Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 3 (55), pp. 684–690. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-3-684–690.

Introduction

So far, Russian researchers and teachers have not conducted any comprehensive studies of pedagogical aspects related to the prevention of professional marginalism. At the same time, for foreign researchers, “the topic of marginality is one of the most popular and developed topics in various fields of science” [8, p.7], according to S.V. Obolkina who comes to this conclusion on the basis of the analysis of the works of Z. Bauman, H. Viljoen, R. E. Park, K. Myalo, V. Turner, T. Shibutani, A. Farge, etc.

In Russia, philosophical analysis of the problem of marginality is contained in the works of M.K. Mamardashvili, V.S. Mart'yanov, S.V. Obolkina, Yu.N. Solonin, etc.

There are many sociological works on marginalism as a social phenomenon (I.P. Popova, S.P. Gurin, O.A. Kornilova, L.I. Kemalova, etc.). Psychologists (S.N. Vaitulevich, E.P. Ermolaeva, S.A. Minyurova, S.E. Polyakova, N.A. Sainakova, etc.) study marginalism as a psychological phenomenon; and legal scholars (S.I. Kirillov, O.V. Lobovikov, E.V. Sadkov, R.F. Stepanenko, etc.) investigate legal conditions for the emergence and implications of marginal behavior of an individual, as well as ways to overcome them by improving the current legislation.

The findings of psychological and pedagogical research are particularly important [12; 13] for identifying the possibilities of preventing professional marginalism as a dangerous psychological phenomenon in educational process at departmental universities.

When determining the relevance and significance of studying the pedagogical aspects of the problem of preventing professional marginalism in law enforcement officers, we draw attention to the following contradictions:

– on the one hand, proper performance of professional duties by military personnel, law enforcement officers, correctional officers, etc. is highly important for society, the state and its citizens, as well as officers' awareness of the importance of their professional activity and their responsibility for its results; on the other hand, some of them do not accept professional values, lose a sense of commitment to the profession, lose interest in the performance of pro-

fessional duties and personal significance of the profession;

– on the one hand, officers develop their professional identity as a psychological phenomenon that is diametrically opposed to professional marginalism; on the other hand, teachers at departmental universities are not sufficiently ready to prevent the development of marginalism through the implementation of purposeful educational activities that would develop a high level of professional identity in graduates.

The main part

Researchers who study professional marginalism as a psychological phenomenon point out that professional marginalism, despite being much less studied than its opposite phenomenon of “professional identity”, is a fairly common phenomenon, especially in socioeconomic professions.

In contrast to professional identity, which in a generalized form represents “identification with a specific profession and professional community” [3, p. 3], professional marginalism is a “behavioral and conceptual antagonist of professional identity”, reflects one's personal position of rejection of professional mentality and non-involvement in one's own profession [5, pp. 69–70].

In contrast to E.P. Ermolaeva, researchers A.I. Kalashnikov and S.A. Minyurova consider professional marginalism as an antonym not of professional identity, but of professional commitment, that is, “a state of devotion and loyalty that arose on the basis of identification with the profession, reflecting a stable, unchanging and truthful attitude, including a willingness to make commitments and fully (emotionally and intellectually) give oneself to the profession or professional business” [6, p. 7].

S.N. Vaitulevich characterizes professional marginalism as a state of an individual in which they “have no clear rules of conduct and their values are blurred” and which is based on “instability, unregulated norms and values of the individual” [2, p. 63].

One of the most striking manifestations of professional marginalism is seen in a radical change in the way in which the specialist perceives an individual (a client, a patient, a stu-

dent, a subordinate from among the personnel in law enforcement agencies): the attitude toward someone as the subject of professional activity gives way to that exclusively as the object of influence and manipulation. The behavior of a specialist differs from the professionally declared one; it is aimed at the implementation of non-professional personal goals that are different from socially and professionally acceptable ones. This is expressed in professional mistakes, disregard for the performance of official duties and their improper performance, the use of professional position in narrow personal interests, consumer attitude toward the profession.

Based on the analysis of the research of psychological scientists we can define a number of objective and subjective reasons that cause professional marginalism: instability of socio-economic conditions; low level of socio-legal organization of the macrostructure of the profession; inversion of moral values in society, denial of professional values; reform processes at the level of the industry, department, organization, to which the specialist cannot adapt; leveling the social significance of professional activity and its results; intrapersonal conflict that arises when it is necessary to make a choice between performing professional activities that do not bring rewards and refusing to perform official duties even if there is a threat of sanctions; initially unformed professional identity (due to lack of aptitude for the profession, ineffective professional adaptation, etc.); destructive experience of professional crisis, etc.

Thus, we can assert that professional marginalism is a complex psychological phenomenon that arises due to objective reasons, that is, a phenomenon given in the experience and in available a priori forms of sensory contemplation [7], which requires a comprehensive analysis.

The study of pedagogical aspects of preventing professional marginalism in future specialists in the course of educational process at departmental universities is based on E.P. Ermolaeva's statement that professional marginalism develops under the influence of "violation of the ties of each pair in the triad "individual – profession – society": violation of the "individual – profession" ties provokes a decrease in the socially acceptable level of professionalism; violation of the "individual – society" ties leads to an increase in the contradiction between the meaning and sense of the profession; when the "profession – society" relationship is violated,

the threshold of moral prohibitions decreases" [4, p. 16].

It is advisable to start preventing the occurrence and development of these violations in the triad "individual – profession – society" in the course of educational process at departmental universities, where cadets embark on the path toward their chosen profession.

The pedagogical problem associated with the prevention of professional marginalism among future specialists of law enforcement agencies in connection with the violation of pairwise connections in this triad can be formulated in general as follows: how to ensure the formation of personal and professionally significant qualities in future specialists in the course of educational process at departmental universities, creating the basis for motivating the development of professionalism, a deep understanding of the meaning and significance of the profession, excluding the lowering of the "threshold of moral prohibitions", that is, preventing the formation and development of professional marginalism as a dangerous psychological phenomenon?

To answer this question, it is necessary to carry out comprehensive psychological and pedagogical research that should take into account that "scientific research", as A.N. Alyokhin points out, is, first of all, an analytical decomposition of the initial phenomenon into a set of elements to be considered" [1, p. 20].

In our work, we study the possibilities of preventing professional marginalism among future specialists in the educational process of departmental universities in the aspect of such "analytical decomposition" in accordance with the established triad "individual – profession – society".

Speaking about the prevention of the violation of the "individual – society" ties, we can say that in this case cadets should understand the moral values inherent in representatives of the profession they have chosen; consequently, they should bear in mind that this understanding is important to society. Vladimir Putin has repeatedly drawn attention to the need to "strengthen in new generations the basic values that have been tested by life itself, which reflect our traditions, national identity, the entire historical path of Russia with its trials and triumphs" [9].

The difficulties of forming basic values in the system of moral values of cadets at the present stage of social development are largely due to the fact that the system of values of young people, including cadets of departmental uni-

versities, is currently undergoing significant changes [14]. Without going into the analysis of their causes, features and manifestations, we will speak about a number of the most typical aspects of philosophical and sociological research, which are reflected in young scientists' publications.

For example, K.S. Talanova is sure that "our country is in the deepest spiritual crisis, the traditional guidelines and meanings have been lost" [10, p. 179], I.N. Tkachenko, Z.V. Bersun'kaeva are convinced that "at present, young people are experiencing a decline in their values: difficult and inconsistent processes are taking place, indicating a revision of the set of values of previous generations" [11, p. 518].

Significant changes affecting the system of moral values require a revision of the content and forms of education of future specialists at departmental universities, where these values are formed mainly in the process of education. At the same time, it is important to preserve such fundamental things as loyalty to duty, honor, dignity, courage, love for the Motherland, high military discipline, etc. in the system of personal moral values.

The violation of the "profession – society" ties can be prevented if future specialists devel-

op a system of moral values that are adequate to the requirements of their upcoming professional activity: humanism, responsibility, patriotism, citizenship, sociability, determination, honesty, justice, etc.

Preventing the violation of the "individual – profession" relationship requires creating the foundations for the formation and development of professionalism. As a professional, an employee of law enforcement agencies should be able to solve the tasks set regardless of the conditions of the situation. The set of special knowledge, skills and abilities that characterize an officer includes competence, discipline, commanding will, organizational abilities, creative activity, psychological and physical qualities necessary in a particular type of activity.

In order to establish the state of professional identity of cadets at different stages of their professional education and to determine the level of professional commitment and professional marginalism, a pilot study was conducted with the participation of 42 cadets of Voronezh Institute of FSIN Russia. Having modified the Professional Commitment Questionnaire developed by A.I. Kalashnikova and S.A. Minyurova for the purposes of the study, we obtained the results presented in Table 1.

Table 1

Differentiated groups of cadets by the level of professional commitment and professional marginalism (in %)

Indicators	Levels		
	High level	Median level	Low level
Components of professional commitment			
1. Professional affectivity	31.0	69.0	0.0
2. Professional activity	61.9	39.1	0.0
3. Stability	21.4	78.6	0.0
Professional marginalism	8.5	71.4	20.1

Based on the results obtained, we can conclude that professional commitment dominates professional marginalism in the vast majority of cadets. At the same time, the most pronounced driver of professional commitment is professional activity (61.9% of cadets have a high level of formation of this component), which consists in the readiness to devote themselves intellectually and emotionally to the profession being mastered, the desire for professional self-improvement and maximum involvement in the activity.

Professional affectivity, which manifests itself in an emotionally positive attitude toward the profession, is formed at a high level in a

third of cadets. These students feel a sense of pride from belonging to the profession, are emotionally attached to it and perceive the professional component as a harmonious part of their own personality. The majority of respondents (69.0%) tend to show ambivalent feelings about the profession being mastered. Cadets from this group generally perceive their professional choice as the right one; they tend to internalize professional goals and values, which contributes to the formation of a professional mentality. They do not reject the profession, do not regard it as unacceptable for themselves, however, they do not feel pronounced affection and satisfaction.

Professional stability, which reflects a sense of professional duty, awareness of the difficulty of leaving the profession due to significant time and energy investments in its development, is manifested in the majority of cadets (71.4%) at the median level. The change of profession for these respondents is largely unacceptable precisely because of their reluctance to look for another place of study and subsequent work, and not because of the commitment to the profession. For one fifth of respondents, the most significant consequences of leaving the profession are the need to find another educational organization, the inability to realize certain needs in a new profession, the unwillingness to lose the time, energy, and other resources spent on mastering the current profession.

Professional marginalism as the antipode of professional commitment in the majority of cadets (71.4%) is manifested at the median level. By the third year of training, future employees of the Federal Penitentiary Service of Russia have been participating in the educational and professional activities; moreover, they have obtained a certain level of professional mentality, and they are already experiencing some rejection of professional norms and values, a sense of non-involvement in the performance of the professional role that they are mastering. So far, they have not had the time to fully immerse themselves in professional activity, to realize its advantages and disadvantages; thus, they

show a rather pronounced mental non-involvement in the profession.

Only one fifth of respondents show a low level of professional marginalism, which indicates that these cadets do not have self-denial in the profession, they do not consider it insignificant to them personally, and they do not have a sense of non-involvement in their future professional role.

Professional identity was assessed with the use of diagnostic tools suitable for the goals of an ascertaining experiment. The tools help to determine the levels of formation of the phenomenon under consideration as a whole and by its enlarged structural components – value-based, activity-based and reflexive. In the process of diagnostics, the following techniques were used: the technique of life-meaning orientations by D.A. Leontiev and the technique of value orientations by M. Rokich – for the value-based component; the technique of studying the status of professional identity by A.A. Azbel and the technique of identification research by B. Long, R. Ziller, R. Henderson for the activity-based component; the technique of reflexivity research by A.V. Karpov and the technique of diagnostics of the level of empathic abilities by V.V. Boyko – for the reflexive component.

Table 2 presents the results obtained using a 9-point rating scale, the values of which are distributed by levels (1–3 – low, 4–6 – median, 7–9 – high).

Table 2

Average values of indicators of the degree of formation of professional identity in cadets of Voronezh Institute of FSIN Russia

Criteria for assessing the degree of formation of professional identity	Changes in the average values of indicators for the enlarged components of professional identity	
	intermediate testing (third year) / initial testing (first year)	final testing (fifth year) / initial testing (first year)
Value-based	4.37 / 2.53	5.06 / 2.53
Activity-based	4.02 / 2.44	5.21 / 2.44
Reflexive	4.81 / 2.26	5.04 / 2.26
Total average value for all criteria	4.40 / 2.41	5.10 / 2.41

The following diagram gives a clear idea of the dynamics of the formation of professional identity in cadets:

The results obtained indicate that the cadets of the first year of training mainly have a low level of formation of professional identity (the average total indicator is 2.41). At the same time, the indicators of the value-based criterion are slightly higher than the average value, which is explained by the value-semantic orientations

of applicants choosing a future profession. The value of the reflexive criterion indicators is significantly lower than the average, which is due to the fact that first-year cadets have not yet developed skills related to self-assessment and self-analysis of the process and results of activity in accordance with their chosen profession. The values of the indicators obtained based on the results of the intermediate testing conducted in the 3rd year of training indicate

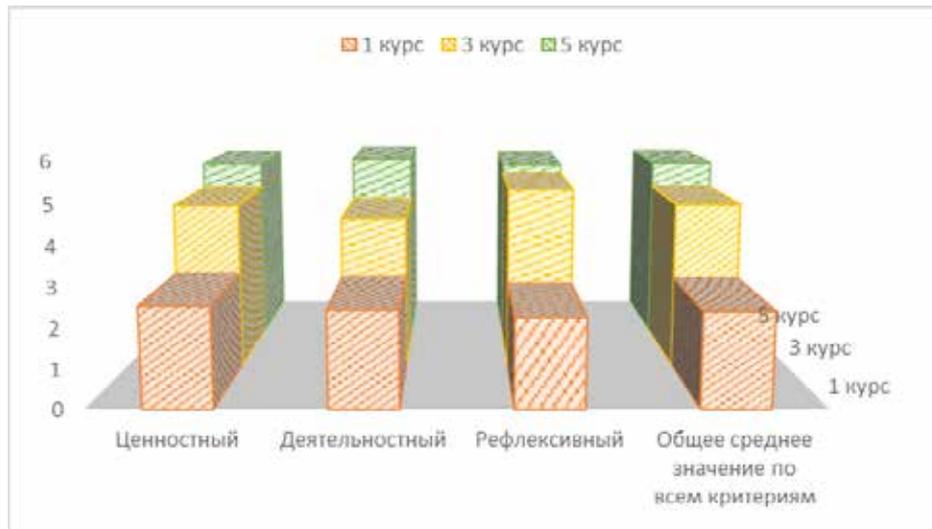

Fig. Dynamics of indicators of professional identity of cadets determined by the results of the diagnostics at the 1st, 3rd and 5th years of training

(1 курс – 1st year, 3 курс – 3rd year, 5 курс – 5th year, ценностный – Value-based, деятельностный – Activity-based, рефлексивный – Reflexive, общее среднее значение по всем критериям – Total average value for all criteria)

that the majority of cadets rise to the median level of professional identity formation, but are at its lower limit. At the same time, the indicators of the reflexive criterion reach higher values, which is largely due to the development of reflexivity and empathic abilities. At the same time, the indicators of the dynamics of the value-based criterion become the lowest, which indicates a change in the value orientations of cadets in educational process. The results of the final testing conducted in the 5th year of training confirm that the majority of cadets have achieved the median level of professional identity formation, but the values of the indicators are close to the upper limit determined for the median level. The highest were the values of the indicators of the activity-based criterion, which reflects a generally positive attitude toward the professional activity that graduates of a departmental university will have to perform.

Conclusion

In general, the analysis of the results of assessment of the state and dynamics of the formation of professional identity in cadets shows that its level should be increased in order to prevent professional marginalism. This requires the development and implementation of an appropriate program, including measures, forms and methods of their organization and implementation, aimed at preventing professional

marginalism in law enforcement officers.

Unfortunately, a society of professional marginals is being formed among young people in Russia. Professional marginalism, which arises against the background of negativism toward society, the denial of many of its values, including professional ones, and the distortion of ideas about a decent lifestyle, becomes a social norm for young people. Potential marginals, as a rule, become either unemployed or active professional marginals, who do not care about professional satisfaction, because they perceive profession only as a means to earn money.

Prevention and correction of professional marginalism, in our opinion, should consist in restoring the professional identity of an employee, in simulating problematic pedagogical situations that develop creativity and responsibility and implement the need for recognition and satisfaction of professional ambitions. These goals can be achieved with the help of technologies for building individual trajectories and scenarios for professional development, psychological counseling and support, during which specific actions, difficulties, etc. are discussed. The use of interactive technologies will help to reduce professional destructions and increase the efficiency of professional activity of future officers.

REFERENCES

1. Alekhin A.N. Psychological phenomenon as a methodological problem. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena=Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2013, no. 155, pp. 16–22. (In Russ.).
2. Vaitulevich S.N. Marginal consciousness and behavior as an aspect of the socio-psychological organization of a marginal personality. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya=Advances in Current Natural Sciences*, 2007, no. 2, pp. 60–81. (In Russ.).
3. Didenko A.A., Didenko I.V. Professional identity of servicemen of the internal troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh=Psychopedagogy in Law Enforcement Agencies*, 2013, no. 4 (55), pp. 3–7. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-identichnost-voennosluzhaschih-vnutrennih-voysk-mvd-rossii> (accessed November 29, 2020). (In Russ.).
4. Ermolaeva E.P. Multidisciplinary approach to the “person – profession – society” model. *Institut psikhologii rossiiskoi akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda=Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Labor Psychology*, 2017, vol. 2, no. 1, pp. 3–22. (In Russ.).
5. Ermolaeva I.P. Professional identity and marginalism: the concept and reality. *Psikhologicheskii zhurnal=Psychological Journal*, 2001, vol. 22, no. 4, pp. 51–60. (In Russ.).
6. Kalashnikov A.I., Minyurova S.A. Professional commitment and professional marginalism in teachers. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie=Psychological Science and Education*, 2017, vol. 22, no. 5, pp. 5–13. (In Russ.).
7. Mikhailov I.A. Phenomenon. In: *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Philosophical Encyclopedia]. Available at: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHc26f429f6526f3c83ca4c2?p.s=TextQuery> (accessed November 29, 2020). (In Russ.).
8. Obolkina S.V. Philosophical analysis of marginality problem. *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk=Research Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, 2018, vol. 18, no. 2, pp. 7–20. – DOI 10.17506/ryipl.2016.18.2.720. (In Russ.).
9. Vladimir Putin: a program for patriotic education should be based on core values. *TASS website*. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/7325009> (accessed December 17, 2020). (In Russ.).
10. Talanova K.S. Core of values spiritual and moral crisis: definitions, typologies, values. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya=Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 2014, no. 3, pp. 179–199. (In Russ.).
11. Tkachenko I.N., Bersun'kaeva Z.V. Problems of forming a system of moral values in modern Russian youth. *Molodoi uchenyi=Young Scientist*, 2017, no. 15 (149), pp. 518–520. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

LYUBOV' V. KOVTUNENKO – Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, Senior Researcher at the Department for Development of the Methodology of Social, Psychological, Educational and Pedagogical Work with Convicts, Scientific Research Center-2, Research Institute of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0030-4536>, e-mail: kovtunenkov@mail.ru

ELENA I. MESHCHERYAKOVA – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Senior Researcher at Russian Air Force Military Educational and Scientific Center “Zhukovsky and Gagarin Air Force Academy”, Voronezh, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3726-5283>, e-mail: elenamsol@yandex.ru

YULIYA G. KHLOPOVSKIKH – Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor, associate professor at the Department of Socio-Humanitarian Disciplines, Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Voronezh, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3775-9665>, e-mail: flugel24@yandex.ru

Received March 3, 2021